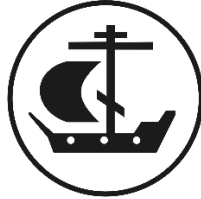

Санкт-Петербургская
православная духовная академия

**ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ**
№ 2–3, 2014

Научно-богословский журнал

История Церкви

ISSN 1814-5574

Издательство СПбДА

Редакционная коллегия

Главный редактор: *архиепископ Петергофский Амвросий (Ермаков)*, кандидат богословия, ректор Санкт-Петербургской православной духовной академии

Редактор тематического выпуска: *Дмитрий Андреевич Карпук*, кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии

Ответственный редактор: *протоиерей Димитрий Юревич*, кандидат богословия, проректор Санкт-Петербургской православной духовной академии по научно-богословской работе

Редакторы отделов

- богословия: *священник Игорь Иванов*, кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета и Санкт-Петербургской православной духовной академии
- библистики: *протоиерей Димитрий Юревич*, кандидат богословия, проректор Санкт-Петербургской православной духовной академии по научно-богословской работе
- церковной истории: *Дмитрий Андреевич Карпук*, кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии
- литургики: *протоиерей Владимир Хулан*, доктор теологии, кандидат богословия, проректор Санкт-Петербургской православной духовной академии по учебной работе
- философии: *Игорь Борисович Гаврилов*, кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета и Санкт-Петербургской православной духовной академии

CHRISTIAN READING

*Scientific and Theological Journal of
Saint Petersburg Orthodox Theological Academy*

2–3, 2014

History of the Church

Editorial Board

Chief Editor: *Archbishop of Peterhof Amvrosy (Ermakov)*, Candidate of Theology, Rector of Saint Petersburg Orthodox Theological Academy

Editor of the Thematic Issue: *Dmitry Andreevich Karpuk*, Candidate of Theology, Lecturer, Secretary of the Church History Department and Archives Manager at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy

Responsible Editor: *Archpriest Dimitry Yurevich*, Candidate of Theology, Vice-Rector for Theological Researches at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy

Editors of Sections

- Theology: *Priest Igor Ivanov*, Candidate of Philosophy, Associate Professor at Saint Petersburg State University of Engineering and Economics and at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy
- Biblical Studies: *Archpriest Dimitry Yurevich*, Candidate of Theology, Vice-Rector for Scientific and Theological Research at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy
- Church History: *Dmitry Andreevich Karpuk*, Candidate of Theology, Vice-Rector for Theological Researches at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy
- Liturgical Studies: *Archpriest Vladimir Khulap*, Doctor of Theology, Vice-rector for Educational Affairs at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy
- Philosophy: *Igor Borisovich Gavrilov*, Candidate of Philosophy, Associate Professor at Saint Petersburg State University of Engineering and Economics and at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy

СОДЕРЖАНИЕ

Философия истории

Священник Константин Костромин. Исторический субъективизм в богословском контексте 6

История Древней Церкви

Р. Братож. Епископ Викторин и христианская община Петавия (вторая половина III века) 14

М.М. Казаков. Особенности христианизации Северной Африки 46

История Поместных Православных Церквей

Н.А. Ерундов. Секуляризация монастырской собственности в Объединенном княжестве Валахии и Молдавии при князе Александре Кузе (1859–1866) . 62

История монашества в Синодальный период

Иеромонах Агафангел (Суслов). Ссылные штрафники на Валааме середины XIX в. 84

История русского богословия

Т.А. Бутякова, М.Н. Вербовский. Борис Александрович Тураев — служение науке и Церкви 101

История Санкт-Петербургской духовной академии

Р.К. Лесаев. Представители Санкт-Петербургской духовной академии в научных зарубежных командировках (1869–1917) 139

Д.А. Карпук. История кафедры гомилетики Императорской Санкт-Петербургской духовной академии 156

Русская Церковь в эмиграции

М.В. Шкаровский. Русская Православная Церковь Заграницей и ее общины в Югославии в годы Второй мировой войны 207

Рецензии

Священник Константин Костромин. Архиерейский быт под пером историка 255

Хроника

Д.А. Карпук. Конференция «История военного и морского духовенства в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.» в Санкт-Петербургской православной духовной академии 258

CONTENTS

Philosophy of History

Priest Konstantin Kostromin. Historical Subjectivism in the Context of Theology . 6

History of the Ancient Church

R. Bratož. Bishop Victorinus and the Christian Community in Petavia (Second Half of the 3rd Century) 14

M.M. Kazakov. Peculiarities of the Christianization of North Africa 46

History of the Local Orthodox Churches

N.A. Yerundov. Secularization of Monastic Landholdings in the United Principality of Wallachia and Moldavia under Prince Alexander Cuza (1859–1866). 62

History of Monasticism during the Synodal Period

Hieromonk Agafangel (Suslov). Penal Exiles on Valaam in the Middle of the 19th Century 84

History of Russian Theology

T.A. Butyakova, M.N. Verbovsky. Boris Aleksandrovich Turayev — His Service to Science and the Church 101

History of St. Petersburg Theological Academy

R.K. Lesayev. Representatives of St. Petersburg Theological Academy and Their Foreign Assignments (1869–1917) 139

D.A. Karpuk. History of the Chair of Homiletics of the Imperial St. Petersburg Theological Academy 156

The Russian Orthodox Church in Emigration

M.V. Shkarovsky. The Russian Orthodox Church Abroad and Its Communities in Yugoslavia during the Second World War 207

Reviews

Priest Konstantin Kostromin. The Daily Life of a Bishop under the Pen of a Historian 255

News and Events

D.A. Karpuk. Conference “The History of Army and Naval Clergy in the Russian Empire at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century” Held at St. Petersburg Orthodox Theological Academy 258

Annotations 263

Священник Константин Костромин

ИСТОРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТИВИЗМ В БОГОСЛОВСКОМ КОНТЕКСТЕ

Среди параметров, по которым историческая наука не отвечает требованиям (естественно-)научного знания, важнейшим является критерий объективности. Нередко объективность вводится в историческую науку искусственно, в то время как вынесение оценки, практически неизбежное при изучении истории, хотя и разрушает «объективность» знания о прошлом, основывается на принципиальной этичности мироздания. Христианское вероучение, базирующееся в том числе и на представлении о неизбежности вынесения оценки (например, эсхатологической — на Страшном суде), оправдывает право христианского историка как на вынесение оценки, так и на связанную с этим «субъективность».

Ключевые слова: объективность, субъективность, наука, этика, история, оценка, образность, богословие познания, богопознание.

В современном мире бытует стойкое представление о том, что ученый должен стремиться к объективности, поскольку одна из основных целей научного познания — создание системы объективного знания о предмете исследования. Объективность служит знаменем сторонников «научного подхода» к знанию. «Классическое представление о рациональности тесно связано с идеалом научной объективности знания»¹. Историческая наука, казалось бы, настолько должна отвечать требованию объективности, что даже едва ли соответствует требованиям научного поиска. В самом деле, наука, имеющая дело с открытием или созданием неочевидного, пользуется определенным набором методов. Наука не мыслится без эксперимента, воссоздающего условия, в которых проявление того или иного свойства изучаемого предмета принимается как научный факт, дополняющий представление об окружающем в научной картине мира. На основе эксперимента путем умозаключения — дедукции или индукции — делается заключение об общих природных закономерностях, что позволяет построить теорию, условность соответствия действительности которой постулируется наукой. Моделирование на основе теории — конечная ступень научного

Священник Константин Костромин — кандидат исторических наук, кандидат богословия, преподаватель, секретарь Ученого совета и заведующий аспирантурой Санкт-Петербургской православной духовной академии (k.a.kostromin@mail.ru).

¹ *Лешкевич Т.Г.* Философия науки. М., 2008. С. 164.

познания. Таким образом, «наука выполняет функцию непосредственной производительной силы, направленной на умножение производительных ресурсов общества. Она выступает как важнейший фактор хозяйственно-культурного развития социума»². Иными словами, опираясь на теорию прогресса, наука ставит своей целью развитие общества в будущем³. Такое представление об отношении к действительности Л.Н. Гумилев назвал «пассеизмом»⁴.

Историческая наука не пользуется подобной методикой хотя бы по той причине, что направлена она не в будущее, а в прошлое⁵. Предмет ее изучения — сбывшийся факт, что делает невозможным эксперимент. Закономерности исторического процесса, хотя и могут быть выделены путем сопоставления сходных явлений в истории, натываются на проблему феноменологии и роли личности или даже случайности, что лишает закономерность необходимой для нее опоры. Тем более моделирование, представляющее собой упрощение и условность, историческому мышлению чуждо, поскольку моделирование в истории есть очевидный отход от реальности событий прошлого. Классический и осужденный академической наукой пример моделирования в истории — «Новая хронология» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского.⁶

Опасность увлечься моделированием исторического прошлого заключается в глубоком несоответствии изучаемого прошлого современному моменту, диктующему исследователю условия моделирования ситуации. В самом деле, если физиология и психотип человека в обозримом прошлом не изменились, то изменились темпоритмы и стереотипы поведения человека, которые относятся к базовым составляющим антропологической реальности. Человек не вполне способен оценивать их изменение во времени, поскольку его собственное сознание находится в глубокой зависимости от современных ему основ сознания, и

²Там же. С. 38.

³О кризисности для исторического познания теории прогресса см. *Тойнби А.* Вдохновение историков // *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. Сборник / Пер. с англ. М., 2003. С. 114–115.

⁴*Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 97.

⁵*Прохоров Г.М.* Россия между прошлым, вечностью, будущим и настоящим // Вестник русского христианского движения. Париж–Нью-Йорк–М., 1991. №162–163 (II–III). С. 49–75; *Он же.* «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010. С. 29–39.

⁶Протокол № 4 от 22 апреля 1998 г. заседания Бюро Отделения истории РАН // Физический факультет МГУ, кафедра физики колебаний. URL: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/fomenko/protocol.htm> (дата обращения: 1.10.2011); *Янин В.Л.* «Зияющие высоты» академика Фоменко // Вестник РАН. №5. 2000. С. 389. Публикаций о «методе» Фоменко очень много.

потому он может лишь отметить несоответствие своих личностных основ стереотипам прошлого.

Здесь, однако, следует уточнить, что этический стержень, религиозная основа которого несомненна, все же неизменен. Нравственное богословие называет его совестью, голосом Божиим в человеке, нравственным императивом, опирающимся на естественную мораль, внедренную в природу человека при творении⁷. Мы лишь отметим, что, несмотря на изменения мировоззренческих ориентиров и даже базовых основ человеческого сознания, общий этический облик человека в истории остается неизменным. Так, представляется, человек не стал за последние две тысячи лет ни более, ни менее грешным или благочестивым.

Однако, хотя в представлении о прошлом можно выделить некоторые неподвижные доминанты, такие как нравственный облик или психотип, это не добавляет объективности в историческое знание. Если говорить об этике, то надмирность ее природы также не дает возможности историку брать ее за основу объективности земных исторических процессов. Напротив, именно феномены, вырывающиеся из общей картины, находящиеся в поле зрения исследователя прошлого, получают от историка или современника ту или иную оценку.

Более того, взгляд историка на событие через призму источника, как правило, более или менее предвзятого, создает угрозу объективности человеческого знания о прошлом. Рациональное знание достигает максимума объективности только тогда, когда предлагает исчерпывающую в полноте и непротиворечивую систему. Источник, будучи посредником между сознанием историка и событием прошлого, уже лишает знание объективности, поскольку сообщает лишь часть информации о прошлом, что часто усугубляется тенденциозностью изложения⁸. Хотя это и выглядит противоречиво, единственной объективностью является в этом случае субъективное мнение автора источника.

Археология не спасает историка от субъективизма потому, что ее предмет — прежде всего бытовая, а не сюжетная история. Материальные памятники, казалось бы, являются наиболее «объективными» историческими свидетельствами. Их сильная сторона заключается в том, что они хроноаутентичны эпохе, в отличие от письменных произведений, как правило, создающихся через некоторый промежуток времени. В то же время материальные памятники, будучи статичны, не сообщают динамики исторического процесса и часто являются не более, чем иллюстративным дополнением к выводам, полученным путем

⁷О вере и нравственности по учению Православной Церкви. М., 1991. С. 324–329.

⁸Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 22–25.

анализа письменных источников. Археологические артефакты лишь косвенно способствуют выявлению причинно-следственных связей между событиями.

Наконец, историк не самостоятелен в своем взгляде на изучаемое прошлое, поскольку неравнодушен к давно прошедшим событиям. Историк склонен влюбляться в предмет своего изучения⁹, любой человек не свободен от мировоззренческих стереотипов своего времени и этноса, в культуре которого продолжают жить последствия пережитых исторических трагедий и успехов. Казалось бы, такой «предвзятый» подход окончательно уводит историка от «объективного» отношения к прошлому и описания исторических событий. Однако именно в подобном «личностном» отношении мы усматриваем оправдание «субъективности» исторического знания, возврат к объективности, а также находим глубокие богословские параллели.

«Личностное» отношение к прошлому формируется через вынесение ему этической оценки. Необходимо сразу же оговорить, что прагматическая оценка далека от оценки нравственной в силу своей меркантильности, поиска выгоды, чего лишена нравственная оценка, интуитивно, а, следовательно, естественно стремящаяся к честности. Почти любой факт прошлого может иметь подобную оценку, если его оценивать с позиции нравственных категорий: правда-ложь, свобода-рабство, любовь-ненависть и т.д. Собственно, безоценочные суждения — редкость. Человеческая оценка действительно не имела бы права на существование, если причинно-следственная связь между событиями упиралась бы в «пустоту» — отсутствие первоначала и осмысленного целеполагания, направленного к концу истории — смысловым доминантам, точкам отсчета, придающим истории смысл. Homo fidelis в своем мирозерцании опирается на эти основы — на учение о творении и на эсхатологию¹⁰. Эсхатологическое учение говорит о том, что высшее право оценочного суждения принадлежит Богу. Причем, поскольку Он выносит оценку как положительную, так и отрицательную, будучи при этом абсолютом и мерилем добра, то в Нем оправдывается «объективная субъективность» оценки (Ин 12:48; Рим 2:16; 2 Кор 5:10; Рим 14:10)¹¹.

⁹Здесь мы наблюдаем классическую форму «психического переноса», которая возникает у исповедника к духовнику или у пациента к психоаналитику. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл / Пер. с нем. М.В. Вульфа и Н.А. Алмаева. М., 2006. С. 415–422.

¹⁰*Бальтазар Г.У.ф., Бенедикт XVI, Шюрман Х.* Принципы христианской этики / Пер. с нем. В. Хулапа. М., 2007. С. 25–28.

¹¹*Вегас Х.М.* Ценности и воспитание. Критика нравственного релятивизма. СПб., 2007. С. 30–32, 137–139. *Он же.* Основы христианской этики. СПб., 2007. С. 4–8, 85–87. *Бальтазар Г.У.ф., Бенедикт XVI, Шюрман Х.* Принципы христианской этики. С. 64–71.

Насколько же человек имеет право выносить оценку? Ведь, казалось бы, оценка запрещена человеку: «не судите, да не судимы будете» (Мф 7:1)? Представляется все же, что этими словами Нагорной проповеди Христос не запретил человеческий суд. Некоторые люди разделят с Ним судейское место на Страшном Суде (Мф 19:28; 1 Кор 6:2–3). В словах же Нагорной проповеди Христос обращается к тем, кто может быть осужден сам, т.е. чей суд неправомочен: «ибо каким судом судите, таким будете судимы» (Мф 7:2, ср. Ин 8:3–11). Обычно человек руководствуется в оценке поступков другого понятием справедливости, т.е. применяет их к себе с позиции именно выгоды (справедливо то, что было бы оценено положительно, если бы это сделал я). Однако представление о справедливости оборачивается противоположностью, если личное мнение выносящего оценку отличается от мнения того, кто поступок совершает. Поэтому чувство справедливости часто вызывает коллизию отношения к тому или иному факту и не может служить критерием оценки. Именно подобную «справедливость» осудил Христос словами: «не судите, да не судимы будете» (Мф 7:1). Божественный суд руководствуется представлением об истине, которая не соотносит решение вопроса с выгодой для себя. Она лишь оценивает предмет суждения, насколько он соответствует незыблемой системе Божественной этики. Таким образом, и суд истории, и суд историка должен быть вынесением не «справедливой», а этической оценки, даже собственно не судом, а выражением отношения.

Второе обоснование близости субъективного знания и богословия заключается в том, что способ познания исторических процессов и богословских истин чрезвычайно схожи. Если богословие оперирует понятием Предания, как образа передачи богословской мысли, то это верно и в отношении к истории. История есть не только и не столько совокупность фактов, сколько образ эпохи, в котором факты имеют соответствующее место и оценку. Образ эпохи и его составляющие подчиняются христологической формуле «неслитного, неизменного, нераздельного и неразлучного» соединения. Например, образ святых благоверных князей Бориса и Глеба невычленим из исторического контекста эпохи, но и не растворяется в нем. Эта сущность образа, может быть, в первую очередь исторического, соответствует догматической формуле: «Не успею помыслить об Едином, как озаряюсь Тремя. Не успею разделить Трех, как возношусь к Единому»¹². Исторический образ рождает и актуализирует живое и объ-

¹² *Григорий Богослов, свт.* Слово 40 на святое Крещение // *Григорий Богослов, свт.* Творения. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 571.

емное изображение эпохи, которое, в свою очередь, тут же кристаллизует конкретный исторический образ. Познание и передача исторического образа невозможно просто путем передачи фактов. Он доступен познанию только в момент участия историка в рассматриваемых им событиях на правах очевидца, точно также как музыкальное произведение живет только в момент его исполнения, хотя оно и записано в виде знаков на нотном стане. Вдохновение, испытываемое в момент погружения в историю, сравним с вознесением апостола Павла «до третьего неба» или осознанием того, что найдено истинное призвание¹³. Подобное «тайнообразующее» проникновение, совершаемое через опыт, в первую очередь подобный ему опыт богопознания, по своему характеру глубоко созвучно и родственно Преданию.

И, наконец, последнее. Любое субъективное отношение к событию или образу прошлого, рождающееся в субъективной его оценке, реально настолько же, насколько реально само прошлое. Если физик имеет право говорить, что представление ученого о микромире зависит от его волеизъявления¹⁴, то это намного в большей степени относится к историку. В самом деле, *любая* из вынесенных оценок не нова, поскольку в сложной исторической ситуации, учитывая множественность и нетождественность сознаний людей — участников событий, каждый человек выносит *свою* оценку происходящему, она неповторима и тоже является историческим фактом. Более того, ни одно более или менее заметное (и потому заслуживающее внимания историка) событие прошлого не существовало без осмысленного и оцененного целеполагания, без замысла исполнителей, без оценки последствий участниками и современниками. Оценочная категория закладывается в историческую фактуру как неотъемлемая характеристика. Как правило, личностная оценка сохраняется для будущего в единичных случаях в виде авторского отношения к описываемому в тех произведениях, которые впоследствии приобретают статус исторических источников. Вся полифония, заложенная Богом в мир в момент его творения, предполагает возможность и даже необходимость любого переживания и, более того, повторения его впоследствии.

¹³Тойнби А. Вдохновение историков. С. 111–112. (Эта книга — 7 том Тойнби А. Постигание истории). Ср.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск, 2002. С. 57–104.

¹⁴Копейкин К., *прот.* Квантовый лик мира // Христианское чтение. 1995. № 10. С. 43–44; Он же. «Души» атомов и «атомы» души: Вольфганг Эрнст Паули, Карл Густав Юнг и «три великих проблемы физики» // Успехи физического мира. URL: ufn.ru/tribune/trib151208.pdf (дата обращения: 1.10.2011).

«Пророки, поэты и ученые — это избранные сосуды, призванные Творцом совершить человеческое действие эфиризованного вида, которое, быть может, более походит на собственное Божие деяние, чем какое-либо из действий, производимых человеческой природой» — писал Арнольд Тойнби¹⁵. Поэтому историк, выносящий оценку с этической позиции христианства, может быть спокоен. Его оценка базируется на прочном основании, поскольку ее правильность подтверждается божественным авторитетом, даровавшим нравственный закон, лежащий в основе выносимой оценки. Оценка, выносимая историком, покоится на таинственном проникновении в прошлое, что сродни получению передаваемого во времени Преданию. Сама же оценка также объективна, поскольку отражает тот факт исторической реальности, который был, но, не отразившись в формальных источниках, был осознан человеком, воспользовавшимся для этого собственным опытом богопознания.

Источники и литература

1. *Бальтазар Г.У.ф., Бенедикт XVI, Шюрман Х.* Принципы христианской этики / Пер. с нем. В. Хулапа. М., 2007. 83 с.
2. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск, 2002. 352 с.
3. *Вегас Х.М.* Основы христианской этики. СПб., 2007. 171 с.
4. *Вегас Х.М.* Ценности и воспитание. Критика нравственного релятивизма. СПб.: СПбГУ, Русская христианская гуманитарная академия, 2007. 224 с.
5. *Григорий Богослов, свят.* Творения. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 680 с.
6. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. 528 с.
7. *Копейкин К., прот.* «Души» атомов и «атомы» души: Вольфганг Эрнст Паули, Карл Густав Юнг и «три великих проблемы физики» // Успехи физического мира. URL: ufn.ru/tribune/trib151208.pdf (дата обращения: 1.10.2011).
8. *Копейкин К., прот.* Квантовый лик мира // Христианское чтение. 1995. № 10. С. 43–44.
9. *Лешкевич Т.Г.* Философия науки. М., 2008. 270 с.

¹⁵Тойнби А. Вдохновение историков. С. 120.

10. О вере и нравственности по учению Православной Церкви. М., 1991. 364 с.
11. Протокол № 4 от 22 апреля 1998 г. заседания Бюро Отделения истории РАН // Физический факультет МГУ, кафедра физики колебаний. URL: <http://hbar.phys.msu.su/gorm/fomenko/protocol.htm> (дата обращения: 1.10.2011).
12. *Прохоров Г.М.* «Некогда не народ, а ныне народ Божий...» Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010. 320 с.
13. *Прохоров Г.М.* Россия между прошлым, вечностью, будущим и настоящим // Вестник русского христианского движения. Париж-Нью-Йорк-М., 1991. №162–163 (II–III). С. 49–75.
14. *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. М., 2004. 288 с.
15. *Тойнби А.* Вдохновение историков / Постижение истории: Сборник. Пер. с англ. М., 2001. 640 с.
16. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. Сборник / Пер. с англ. М., 2003. 592 с.
17. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл / Пер. с нем. М.В. Вульфа и Н.А. Алмаева. М., 2006. 336с.
18. *Янин В.Л.* «Зияющие высоты» академика Фоменко // Вестник РАН. №5. 2000. С. 387–392.

Р. Братоџ

ЕПИСКОП ВИКТОРИН И ХРИСТИАНСКАЯ ОБЩИНА ПЕТАВИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА III ВЕКА)

Статья профессора Райко Братоџа — современного словенского исследователя истории древней Церкви — посвящена истории Паннонийской Церкви, которая была основана в I в. по Р.Х. трудами святого апостола из числа семидесяти Андроника, епископа Паннонийского. Автор на основе сохранившихся трудов святителя Викторина Петавийского и его современников всесторонне рассматривает жизнь петавийских христиан второй половины III в., т.е. того периода, когда город Петавий находился в составе самой крупной провинции Римской империи на Дунае — Паннонии.

Ключевые слова: святитель Викторин Петавийский, святитель Киприан Карфагенский, город Петавий, христианская община Петавия, языческие культы в Петавии, Паннонийская провинция, Римская империя.

Введение

Викторин — епископ и мученик Петавийский, первый христианский писатель не только Паннонийской провинции, но и всей области Дунайских провинций. Он один из немногих в этой сфере деятельности античного мира, кто написал во второй половине III столетия, за период, границы которого трудно точно определить, по крайней мере десятки рукописей, большей частью комментариев к Библии, из которых, однако, сохранилась лишь десятая часть¹. В IV, V и VI столетиях он был уже известным писателем на Западе, т.к. по меньшей

Райко Братоџ — доктор исторических наук, профессор кафедры древней истории факультета искусств Люблянского университета (Республика Словения).

Перевод с немецкого Светланы Константиновны Кобриной — преподавателя кафедры филологии Перервинской православной духовной семинарии, под редакцией *Николая Анатольевича Хандоги* — кандидата богословия, докторанта кафедры богословия Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Перевод выполнен по изданию: *Bratož R. Der Bischof Victorinus und die Kirchengemeinde von Poetovio (2. Hälfte des 3. Jahrhunderts)* // *Zalai Múzeum*. 2002. Vol. 11. P. 7–20.

¹См.: *Hieronymus. De viris illustribus* 74 (Ed. E. Richardson // TU. 1896. Bd. 14. S. 40; см. также: Ed. J.–P. Migne // PL. 1845. T. 23. Col. 683–684): «Victorinus, Petabionensis episcopus, non aequè Latine ut Graecè nouerat. Unde opera eius grandia sensibus uiliora uidentur compositione uerborum. Sunt autem haec: Commentarii in Genesim, In Exodum, In Leuiticum, In Esaiam, In Ezechiel, In Abacuc, In Ecclesiasten, In Canticum Canticorum, In Apocalypsin Ioannis, Aduersus omnes haereses, et multa alia. Ad extremum martyrio coronatus est». Из этих рукописей сохранились

мере десять западных авторов того времени «свидетельствуют» (testimonia) о нем, большее же число других писателей пользовались его рукописями². В паннонийских провинциях во времена поздней античности, которые сравнительно рано оказались под влиянием язычников³ и от которых очень мало сохранилось свидетельств в сфере литературной деятельности⁴, настолько нам известно, не находят никаких других свидетельств. При историческом рассмотрении и толковании рукописей Викторина возникает вопрос, что хочет сообщить автор в сохранившихся текстах — прямо или косвенно — о современных религиозных и социальных отношениях? Рукописи Викторина в первую очередь были посвящены местной христианской общине и можно предположить, что их первые читатели были христиане из Петавия. Автор в своих рукописях отражает образ жизни, представления, дух и нравы своего времени и своего окружения так, что эти рукописи определенным образом отражают нравы и обычаи его собственной христианской общины второй половины III века.

только «Commentarius in Apocalypsin Ioannis» и несколько коротких текстов, которые принадлежат, вероятно, к последней рубрике Иеронима «multa alia». Основное исследование: *Dulaey M. Victorin de Poetovio. Premier exégète latin (Collection des Études Augustiniennes. Série Antiquité. Vol. 139). Paris, 1993. Vol. 1–2; в настоящее время основное издание: Victorin de Poetovio. Sur l'Apocalypse suivi du Fragment chronologique et de La construction du monde. Introduction, texte critique, traduction, commentaire et index par Martine Dulaey // SC. 1997. Vol. 423. Двухязычное латино-словенское издание, снабженное комментарием М. Špelič: Viktorin Ptujski / Victorinus Poetovionensis. Razlaga Razodetja. In Apocalypsin in drugi spisi. Prevedel, uvod in opombe napisal Miran Špelič. Celje, 1999. См. также: Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese prima di Costantino fra Aquileia e Poetovio. Udine-Gorizia, 1999. P. 267–354.*

²Большинство свидетельств принадлежит Иерониму; некоторые находим у авторов итальянского, африканского, галльского и испанского происхождения. См.: *Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 11–18; 309–365. Vol. 2. P. 9–14; Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 267–300.*

³О раннем периоде варварства в Паннонии (уже в начале 380 г.; очень сильное в первые десятилетия V века) с исторической точки зрения см.: *Šašel J. Opera selecta. 1992. Vol. 30. P. 746–760 и Castritius H. Barbari — antique barbari. Zur Besiedlungsgeschichte Südnoricums und Südpannoniens in der Spätantike (Ende des 4. bis Mitte des 6. Jashrhunderts n. Chr.) // Frühmittelalterliche Studien. 1995. Bd. 19. S. 72–85. С точки зрения археологических исследований см.: Müller R. Der Untergang der Antike und ihr Nachleben im nördlichen Pannonien (Transdanubien) / Hg. R. Bratož // Slowenien und die Nachbarländer zwischen Antike und karolingischer Epoche. 2000. Bd. 39. S. 241–254 и Tomičić Ž. Der Untergang der Antike und deren Nachlebensformen in Südpannonien (Nordkroatien). Там же. S. 255–298.*

⁴О латинской литературе Паннонии и соседних провинций см.: *Gamber K. Die lateinischen liturgischen Quellen Illyriens vom 4. bis 6. Jahrhundert // Sirmium. 1982. Vol. 4. P. 77–85; см. также: Berardino A. Patrologia. Casale, 1978. Vol. 3. P. 85–93; Restauration und Erneuerung. Die lateinische Literatur von 284 bis 374 n. Chr. / Hg. R. Herzog (Handbuch der lateinischen Literatur der Antike. Bd. 5). München, 1989. S. 497–500.*

2. Христианская община

а) Общие черты

Одна из характерных черт в развитии церковной общины в Петавии во времена Викторина была ее большая отдаленность от тогдашних центров христианства на Востоке и Западе, т.к. ближайшие центры, собственно говоря, были Рим и Малая Азия, более удаленные находились только в сирийско-палестинском пространстве, в Египте, Африке и Галлии. Богословие Викторина отражает в различном объеме влияние всех названных выше центров христианства⁵. Особенности богословских воззрений Викторина свидетельствуют о том, что влияние сирийско-палестинских и малоазиатских областей было самым сильным⁶. О важных центрах христианства IV столетия, расположенных по соседству, таких как Аквилея и Сирия, для второй половины III столетия известно немного, чтобы с уверенностью говорить о возможных их связях с Петавием⁷.

О величине церковной общины в Петавии во время жизни Викторина можно только предполагать. В рукописях II и III века нет сведений о численности общины, но имеются субъективные разнообразие оценки числа христиан в определенной местности, в провинции или вообще в мире⁸. Можно предположить, что в Петавии — межрегиональном центре, которому присущи некоторые космополитические черты⁹, существовала довольно большая христианская община

⁵ *Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 271-307. Vol. 2. P. 137-153; Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 285-292.*

⁶ *Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 231-233.*

⁷ См.: *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 274, 291, 479 ff.*

⁸ Согласно сведениям от II и III века число христиан уже в это время должно быть достаточно большим, христианство должно было распространиться среди всех социальных слоев. *Plinius. Epistulae 10, 96, 9* сообщил (между 111 и 113 г.) о большом числе христиан в Византии и Понте; около 200 г. о распространении и увеличении численности христиан во всем мире рассказал *Tertullianus. Apologeticum 37, 4-5 (CCSL. 1954. Vol. 1. P. 148); Adversus Iudaeos 7, 4-9 (CCSL. 1954. Vol. 2. P. 1354-1356);* высоко оценил число христиан к началу IV столетия *Eusebius. Historia ecclesiastica 1, 4, 2 (SC. 1952. Vol. 31. P. 18).* См.: *Guyot P., Klein R. Das frühe Christentum bis zum Ende der Verfolgungen. Darmstadt, 1993. Bd. 1. S. 248 и 445 f.*

⁹ См.: *Šašel Kos M. Petovionska vladajoča aristokracija (резюме: правящая аристократия в Петавии) / Hg. B. Lamut // Ptujski arheološki zbornik. Ptuj, 1993. P. 219-232;* во второй половине III века можно говорить о значительной части населения восточного происхождения в Петавии. О связях Петавии с другими частями римского мира см.: *Mikl Curk I. Petoviona v sožitju z bližnjimi in daljnimi kraji (резюме: Петавий в сосуществовании на родине и за рубежом).* Там же. P. 205-218.

(возможно, несколько сотен верующих)¹⁰. Тот факт, что эту общину возглавлял епископ, не позволяет делать точных количественных оценок, т.к. в период раннего христианства епископ возглавлял общину с довольно небольшим количеством верующих¹¹. Проведенные в наше время археологические раскопки не дают возможности сделать выводы об этой общине, т.к. существование христианства в Петавии доказано с помощью археологических находок только со второй четверти IV столетия¹². Они передают приблизительные периоды развития города, который во времена Викторина, возможно, претерпел землетрясение и наводнение, и как следствие этого — большие изменения¹³.

Из различных фрагментов, представленных в комментариях Викторина, можно сделать вывод, что христианство появилось во всех социальных слоях, также среди «зажиточных людей» (*homines locupletes*) и среди (местных) «уважаемых людей» (*in dignitatibus collocati*)¹⁴. По всей вероятности, христиане из Петавия не были особенной группой, а составляли на местном уровне многочисленное сообщество, к которому присоединились (относительно) богатые и (по местному признаку) политически влиятельные люди. Эта община была организована под руководством епископа, что означает, что она имела «епископа»

¹⁰Приблизительно в большинстве римских городов *Vittinghoff F.* Handbuch der europäischen Wirtschafts und Sozialgeschichte. Stuttgart, 1990. Bd. 1. S. 197 оценил число жителей от 2000 до 10000. Число жителей в Петавии, межрелигиозном центре, можно оценить ближе к верхней границе указанного числа жителей (в соответствии с оценкой *Mikl Curk I.* Ptuj svetega Viktorina. Kako ga kaže urbanistično tkivo in tvarna kultura (резюме: Петавий времен св. Викторина основан на материальном благополучии и материальной культуре) // *Kronika*. 2000. Vol. 48. P. 1–10, особенно р. 5, был больше чем столица нориков Вируна, приблизительно такой же по величине как Савария и поменьше чем Сициция). При (чисто гипотетическом) 5 % составе христианского населения можно рассчитывать на приблизительно 500 христиан в Петавии. См. оценки, которые даны у *Harnack A.* Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten Jahrhunderten. Wiesbaden, 1981. S. 946 ff.

¹¹См. там же. S. 476 f.

¹²См.: *Mikl Curk I.* Ptuj svetega Viktorina... P. 1–10; о ранних последних находках см.: *Bratož R., Čiglenečki S.* L'odierna Slovenija // *Antichità Altoadriatiche*. 2000. Vol. 47. P. 489–533, особенно р. 506 ff.

¹³См.: *Mikl Curk I.* Ptuj svetega Viktorina... P. 1–10; 7 и 9.

¹⁴*Victorinus.* In Apocalypsin 3, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 62, 1–7): «... homines locupletes, credentes in dignitatibus collocatos, sed credentes ut homines locupletes...» О распространении христианства в раннее время среди граждан, принадлежащих к высшим социальным слоям общества, упоминают различные авторы (см.: *Schäpfke W.* Frühchristlicher Widerstand // ANRW. 1979. Teil 2. Bd. 23/1. S. 460–723, особенно s. 547–556 и *Vittinghoff F.* Handbuch der europäischen... S. 269 ff.). О полной противоположности этой группы «*humiles in saeculo et rusticani in scripturis*» (см.: *Victorinus.* In Apocalypsin 3, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 60, 2–3).

(episcopus), а также (хотя бы несколько) клириков и церковную собственность. Наряду с необходимой материальной собственностью (хотя бы здание для проведения служб и кладбище)¹⁵ община располагала библиотекой, без которой литературная деятельность Викторина была бы невозможной¹⁶.

Христианская община в Петавии в отношении языка и этнического начала была достаточно разнообразной. Кажется, что здесь в самом начале восточный, греческий языковой элемент был достаточно сильно представлен. Именно Викторин использует (только одну) литургическую формулу восточного происхождения на греческом языке, наряду с этим он употреблял для многих христианских понятий также выражения на греческом языке¹⁷, но в других случаях употреблял наряду с греческими также соответствующие латинские термины (например: «anastatis» — «resurrection», «abyssus» — «infernum»)¹⁸. В самом деле,

¹⁵О церковном здании в Петавии во времена Викторина нельзя ничего определенного сказать (см.: *Mikl Curk I. Ptuj svetega Viktorina...* P. 1–10; 7 и 10). Что касается вопроса о церковном здании в III веке см.: *Saxer V. Domus ecclesiae — Oikos tes ekklesias in den frühchristlichen literarischen Texten // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. 1988. Bd. 83. S. 167–179* и *Duval N. La naissance de l'édifice chrétien // Connaissance des peres de l'Église. 2000. Vol. 79. P. 2–19*. О христианских кладбищах в это время ничего нельзя сообщить. О всевозможных толкованиях греческой надписи (возможно, Эпитафии Викторина) см.: *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese...* P. 185. Рис. 6. Западные некрополи в Петавии во времена Викторина указывают на малое число памятников (надгробий). О Петавийских некрополях III века см.: *Mikl Curk I. Prostrska ureditev grobišč rimskega Ptuja (Die Raumgestaltung der Nekropolen des römischen Ptuj) // Arheološki vestnik. 1990. Vol. 41. P. 557–575, особенно p. 571 и 575; Istenič J. Poetovio, zahodna globišča I — Poetovio, The Western Cemeteries I. Katalogi in monografije. Ljubljana, 1999. Vol. 32. Особенно p. 203–206 (только 5 % из могил восходят к III–V векам, из них 24 могилы датируются 260–300 гг.).*

¹⁶Из анализа, проделанного М. Dulaey (Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 69–88; 271–307) понятно, что Викторин Петавийский располагал греческой и латинской Библией, наряду с этим — трудами 15 греческих и до 10 западных латинских авторов, что в то время означало большую часть имеющейся тогда христианской литературы. О светском образовании Викторина см.: *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese...* P. 309 f.

¹⁷J. Haussleiter, который обеспечил первое критическое издание текстов, насчитал в имеющихся рукописях Викторина 89 греческих и эллинизированных иудейских выражений (CSEL. 1916. T. 49. P. 167–171). Некоторые примеры, использования только греческих терминов: «parasceue» (пятница); «tetras» (среда); «typus» (правило веры и одновременно чтение для христиан); «haeresis» (латинский термин никогда не применялся); «allophylus»; «exorcizare»; «synagoga»; «cataclysmus»; «cata Iohannem»; «cithara»; «fiala»; «statera»; «scotomare»; «paradisus»; «botros»; «coccineus zabulus».

¹⁸Примеры применения греческих и соответственно латинских терминов: «anastasis» (также «resurrection»); «abyssus» (также синоним «tartarus gehennae», рядом латинское понятие «infernum»); «angelus» (также «nuntius»); «thronus» (в значении Божьего престола; также «solium» и «sedes»); «hagios» (также «sanctus», «sancti»). Из-за желания приблизить греческую

несмотря на лучшее знание греческого языка, чем латинского, он писал в «латинской» провинции Паннонии по-латински, так же как, например, столетием раньше Иринея Лионский писал по-гречески в такой же «латинской» Галлии. В этом можно уразуметь желание епископа Петавийского распространять христианскую веру среди населения, говорящего на латинском языке и составляющего большинство. Среди рукописей Викторина не упоминается ни одна, которая была бы посвящена миссионерской деятельности; кроме того, во времена Викторина рукописи для миссионерской деятельности встречались редко и таковые были более позднего периода¹⁹. Евангелие от Матфея могло быть выражением его стараний создать текст для катехизиса. В первое время и до тех пор пока его не вытеснило Евангелие от Иоанна, Евангелие от Матфея служило основой для проведения таинства крещения²⁰. Основной труд Викторина — комментарии к Библии — представлял в то время самый востребованный тип христианской литературы, предназначенной для образованных христиан. Поэтому нам кажется оправданным вывод, что аудитория сочинений Викторина — довольно образованная христианская община, которая возникла после продолжительного периода развития. На основании этого наблюдения и некоторых довольно «архаичных» элементов в богословских воззрениях Викторина можно сделать вывод, что христианство в Петавии существовало уже во время правления Севера, т.е. в первой половине III века²¹.

б) Сообщения Викторина о современном язычестве

В имеющихся сейчас рукописях Викторин пишет довольно скупо о современном язычестве. Языческие болезни никогда не называются точно, только в некоторых местах имеются осязаемые намеки на религиозную жизнь большей части населения. В «Толковании на Апокалипсис» 13, 4 (апокалиптический

терминологию по возможности к окружению, говорящему на латинском языке, епископ Петавийский первым (возможно, и только) употребил некоторые выражения, которые позже не использовались, например: «nuntius» в место «angelus», или «angelus refuga» вместо «apostate» для обозначения падшего ангела.

¹⁹Среди текстов, ориентированных на миссионерскую деятельность, появившихся столетием позже, чем рукописи Викторина, в относительном соседстве с Петавием, известны только два: «Rufins Expositio symboli aus Aquileia» и «Instructio ad competentes des Niketa von Remesiana in Dacia mediterranea». В обоих случаях речь идет о трактатах, которые написаны для довольно образованной публики.

²⁰См.: George A., Grelot P. Introduction critique au Nouveau Testament. Paris, 1977. Vol. 4. P. 97.

²¹См.: Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 274 f.; Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 221 ff.

зверь) автор приводит цитату из Евангелия от Матфея 24, 15 и добавляет мысль, что презрение (пренебрежение) к Божьему гневу «из-за языческих служб» (*quod idola colantur*) становится причиной вечного осуждения слабых по характеру людей²². Это место указывает на довольно актуальное в то время явление синкретического восприятия веры²³ у некоторых христиан, в котором епископ увидел свою «личную слабость» (*instabiles homines*). Два косвенных намека имеются только в двух местах рукописи, которые относятся непосредственно к моменту конца времен. Первое упоминание касается деятельности пророка Иеремии, который появится среди людей перед началом эсхатологической борьбы и Страшным Судом как «пророк народов» (*propheta in gentibus*), чтобы обратить язычников²⁴; второе упоминание относится к концу времен, когда Иисус перед Страшным Судом в Церкви встретит «двойной народ» (*populus binus*), т.е. группу верующих: одни — из иудейства, а иные — из язычества²⁵.

Митраизм, который в религиозной жизни Петавия в III столетии играл особенно важную роль²⁶, не упоминается в «Толковании на Апокалипсис». Не следует этому удивляться, т.к. культ Митры также и в антиязыческой полемике христианских авторов этого и последующего времени реже упоминается, чем традиционные языческие божества²⁷. Только в двух местах можно говорить о

²² *Victorinus*. In *Apocalypsin* 13, 4 (SC. 1997. Vol. 423. P. 108, 24 – 110, 26): «*Aspernatio*» dicitur, quando exasperatur Deus, quod idola colantur; «*eversio*» autem, quod instabiles homines <signis> falsis et portentis euertantur seducti de salute».

²³ О сопоставлении синкретических элементов в раннем христианстве в южной части Паннонии см.: *Migotti B.* Evidence for Christianity in Roman Southern Pannonia (Northern Croatia) // *A Catalogue of finds and sites. British Archaeological Reports International Series.* 1997. Vol. 684. P. 103 f.

²⁴ *Victorinus*. In *Apocalypsin* 11, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 94, 7 – 96, 9): «*In gentibus autem propheta non fuit, et ideo utroque divino, quod promisit, necesse habet et exhibere, ut in gentibus sit propheta*».

²⁵ *Victorinus*. In *Apocalypsin* 7 (SC. 1997. Vol. 423. P. 84, 10–12): «*Et ideo ostendit etiam numerum ex Iudeis crediturum et ex gentibus magnam multitudinem*»; In *Apocalypsin* 12, 4 (SC. 1997. Vol. 423. P. 102, 5–6): «*Ceterum populum binum inueniet ibi in aduentum Domini nostril Iesu Christi...*» См.: *Špelič M.* Nekaj protez teologije Viktorina Ptujškega (резюме: некоторые особенности богословия Викторина Петавийского) / *Hg. S. Krajnc // Ptujška župnijska cerkev sv. Jurija. Ptuj, 1998. P. 31–37, особенно p. 36.*

²⁶ О культе Митры в Петавии см.: *Mikl Curk I.* Mitreji na Slovenskem (Kulturni in naravni spomeniki Slovenije. Vol. 31). Ljubljna, 1972. P. 6–17; *Belak M.* Med nutricami in Mitro (Between the Nutrices and Mithras) / *Hg. B. Lamut // Ptujski arheološki zbornik. Ptuj, 1993. P. 233–239* (находятся вне пределов Петавия около 44,8 % римских божеств [неплохо для 80 % паннонийцев], из них пять коренных культов, которые составляют 35 % восточных божеств, особенно Митры [16 % занимают основную часть Паннонии]).

²⁷ У христианских авторов, соседей петавийцев, в период около 400 г. нет даже намеков на культ Митры. Хромаций, писатель из Аквилеи, никогда не упоминает о языческих культах. На-

возможной полемике с культом Митры. В одном случае («Толкование на Апокалипсис» 13, 4) епископ Петавийский употребил определение «ложные знамения, чудеса, слухи» (*signa falsa, portenta, mendacia*). Так как культ Митры подобными выражениями характеризуется Тертуллианом (во II веке) и Иеронимом (в IV веке), возможно, эти высказывания относятся к культу Митры²⁸.

В другом случае («Толкование на Апокалипсис» 1, 3) имеется мысль, которую с большей вероятностью можно соотнести как связь с митраизмом: речь идет о сравнении между Христом и солнцем, в котором автор настойчиво подчеркивает большую доброту Христа в сравнении с «Солнцем» (*Sol*)²⁹. Культ «непобедимого Солнца» (*Sol invictus*) был в то время на Дунайско-Балканском пространстве довольно распространен, кроме того он был почитаем среди индоевропейских народов³⁰. В Петавии этот культ в сравнении с культом Митры был менее распространен³¹, поэтому кажется разумнее связать мысль Викторина с ролью бога Солнца в культе Митры. Солнце было в митраической космо-

против, *Rufinus*. *Expositio symboli* 9 (CCSL. 1961. Vol. 20. P. 146–147), в карикатурном виде изображает представления о рождении языческих божеств; на этом культ Митры исчерпывается. Также нет никаких намеков на культ Митры в арианской литературе Сирмии. Возможный намек на митраизм находим у *Nicetas Remesianus*. *De vigiliis* 8 (*Burn A.E. Niceta of Remesia: His Life and Works*. Cambridge, 1905. P. 65, 14 ss.). С митраизмом полемизировали предшественники Викторина, особенно *Justinus*. *Apologia* 1, 66 (PG. 1857. T. 6. Col. 429 A) и *Tertullianus*. *De praescriptione haereticorum* 40, 3–4 (CCSL. 1954. Vol. 1. P. 220, 4–9); *De corona* 15, 3 (CCSL. 1954. Vol. 2. P. 1065, 19 ff.), из поздних авторов соседних государств — *Hieronymus*. *Epistula* 107, 2 (Ed. J. Labourt. Paris, 1955. Bd. 5. P. 146).

²⁸*Victorinus*. In *Apocalypsin* 13, 4 (SC. 1997. Vol. 423. P. 108, 2–110, 24–26): «signa et portenta et mendacia instabiles homines <signis> falsis et portentis evertantur seducti de salute». См.: *Tertullianus*. *De praescriptione haereticorum* 40, 3–4 (CCSL. 1954. Vol. 1. P. 220): «si adhuc memini Mithrae, signat illic in frontibus miites suos»; *De corona* 15, 3–4 (CCSL. 1954. Vol. 2. P. 1065, 26): «Mithrae miles... idque in signum habet ad probationem sui»; *Hieronymus*. *Epistula* 107, 2 (Ed. J. Labourt. Paris, 1955. Bd. 5. P. 146): «specu Mithrae, et omnia portentuosia simulacra, quibus Corax, Cryphius, Miles, Leo, Perses, Heliodromus, Pater initiantur...».

²⁹*Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 48, 1–6): «In facie autem claritas solis. Facies eius apparition illius fuit, qua locutus est hominibus facie contra faciem. Solis autem gloria minor est quam gloria Domini. Sed propter ortum et occasum et rursus ortum, quod natus sit et passus et resurrexit, ab eodem dedit similitudinem scriptura faciem eius gloriae solis». См.: In *Apocalypsin* 10, 1 (SC. 1997. Vol. 423. P. 88, 2–7): «... et facies eius tamquam sol... Dominum nostrum significant, sicut superius enarrauimus de facie eius tamquam solis, id est de resurrectione».

³⁰См.: *Halsbergh G. H.* Le culte de Deus Sol invictus à Rome au 3-e siècle après J. C. // ANRW. 1984. Teil 2. Bd. 17/4. S. 2181–2201.

³¹Сохранилось только одно самостоятельное изображение бога Солнца, а также предположение *Jevremov B.* *Vodnik po lapidariju*. Ptuj, 1988. P. 75 f. Рис. 59, что они изначально принадлежали митраизму.

логии в большинстве случаев уравниено с Митрой, иногда оно выступало в роли сопровождающего или собеседника³². Сравнение между Христом и Солнцем появилось в христианской литературе уже в начале III века (Климент Александрийский, Ориген), позднее его можно встретить у различных восточных и западных писателей³³. В качестве следующих источников — по месту и времени возникновения — можно назвать: «Святые страдания четырех преследований» (*Passio ss. quattuor coronatorum*), который ссылается на преследование христиан Диоклетианом в области Аквилеи³⁴, в западном североитальянском пространстве упоминается у Зинона Веронийского (370 г.)³⁵, затем у Руфина и Хромация Аквилейского (400 г.)³⁶. Из-за частого появления этого мотива в христианской литературе, который позднее стал правилом веры, намек на культ Солнца возможен или даже вероятен, но не бесспорен³⁷. Так как почитание Солнца

³²О роли «непобедимого Солнца» (*Sol invictus*) в культе Митры и о запутанном вопросе взаимоотношений между обоими божествами см.: *Bianchi U.* La tipologia storica dei misteri di Mithra // ANRW. 1984. Teil 2. Bd. 17/4. S. 2116–2134, особенно s. 2121 ss. и *Clauss M.* Mithras. Kult und Mysterien. München, 1990. S. 153–160.

³³См.: *Clauss M.* Mithras und Christus // Historische Zeitschrift. 1986. Bd. 243/2. S. 265–285, особенно s. 274 f.

³⁴*Passio SS. Quattuor coronatorum auctore Porphyrio* 19 // Acta sanctorum. 1910. Novembris 3. P. 776 D. Христианские мастера не хотели, чтобы поклонялись богу Солнца. Вопрос трибунам: «Et que lux clara ut dei Solis?» Ответил один из них: «Christus... qui illuminat solem et lunam et omnem hominem venientem in hunc mundum, qui <est> vera lux ubi tenebrae non sunt ullae». Похожего смысла также *Passio SS. Quattuor coronatorum auctore Petro* 10 // Там же. P. 783 D–E. О страданиях см.: *Tomovic M.* The Passio Sanctorum IV Coronatorum and the Fruška Gora hypothesis in the light of archeological evidence // Akten des IV internationalen Kolloquiums über Probleme des provinzialrömischen Kunstschaffens. Ljubjana, 1997. Bd. 36. S. 229–239, особенно s. 236 ff.

³⁵*Zeno.* Tractatus 2, 12 (2, 9), 2, 4 (CCSL. 1971. Vol. 22. P. 185–186): «Hic sol noster, sol uerus, qui clarissimos ignes mundi germanos astrorumque candentium polorum claritatis suae de plenitudine accendit. Hic, qui semel occidit et ortus et rursus numquam repetiturus occasum...» См.: *Clauss M.* Mithras und Christus... S. 265–285, особенно s. 275.

³⁶См.: *Rufinus.* Expositio symboli 5 (CCSL. 1961. Vol. 20. P. 140, 8–10): «...unus est enim sol. Multo magis ergo Deus cum unus dicitur, unus... uniuersitatis uocabulo nuncupatur...»; *Chromatius.* Tractatus in Matthaеum 19, 5, 5 (CCSL. 1974. Vol. 9 A. P. 289, 137 ff.): «[Christus] ... secundum mysterium itaque incarnationis lucerna est; secundum gloriam uero diuinitatis sol iustitiae est...»

³⁷О мотиве см.: *Dölger F. J.* Das Sonnengleichnis in einer Weihnachtspredigt des Bischofs Zeno von Verona. Christus als wahre und ewige Sonne // Antike und Christentum. 1950. Bd. 6. S. 1–56, особенно s. 9, 16, 22, 46; *Christe Y.* Traditions littéraires et iconographiques dans l'interprétation des images apocalyptiques // L'Apocalypse de Jean. Traditions exégétiques et iconographiques III–e — XIII–e siècles. Actes du Colloque de la Fondation Hardt. Genève, 1979. P. 109–134, особенно p. 120 f.; см. также: *Dulaey M.* Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 155 sl.; Vol. 2. P. 80.

в некоторых областях, несмотря на законодательное запрещение³⁸, продолжалось до первой половины VI столетия, оно подвергалось нападкам со стороны различных христианских писателей. Среди них: Патриций боролся с поклонением Солнцу среди британцев и ирландцев³⁹; поэтому этот писатель представляет интерес, т.к. в богословских воззрениях он был зависим от Викторина (его исповедание веры было в форме архаичного «вероисповедания» (*mensura fidei*); также подтверждается знакомство с рукописями Викторина Цезаря Арльско-го⁴⁰.

в) Опасность преследований

Христианская община в Петавии подверглась сильным преследованиям. В «Толковании на Апокалипсис» Викторин указал по меньшей мере на шесть мест, которые свидетельствуют о преследованиях христиан, при этом он подчеркивал, что образцом для каждого христианина может быть тот, кто это тя-

³⁸Мамертин в своем поздравлении в честь императора Юлиана в 362 г. упомянул о упразднении закона, который был принят его предшественником Константином II и после которого культ Солнца был строго запрещен. Согласно сообщению Мамертина крестьяне и матросы в присутствии Юлиана не осмеливались взирать на небо, делая движения, хотя их судьба от этого зависела, но как «звери» опускали взгляды вниз, чтобы не вызвать подозрений (см.: *Panegyricus*. 3 (11), 23, 5–6 (Ed. C. E. V. Nixon and B. Saylor Rodgers // *Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini*. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1994. P. 426 [с другими документами] и 641). Аналогичное постановление Феодосия I упоминается *Zosimus. Historia nova* 4, 33, 3 (Ed. F. Paschoud. Paris, 1979. P. 297 и 403 f).

³⁹В середине V и в первой половине VI века выступали с полемическими заметками против тогда существующего культа Солнца следующие западные авторы: *Patricius. Confessio* 60 (SC. 1978. Vol. 249. P. 130): «*Nam sol iste quem uidemus <ipso> iubente propter nos cotidie oritur, sed numquam regnabit neque permanebit splendor eius, sed et omnes qui adorant eum in poenam miseri male deuenient; nos autem, qui credimus et adoramus solem uerum Christum, qui numquam interibit...>*»; *Leo Magnus. Tractatus* 27, 4 (CCSL. 1973. Vol. 138. P. 135): «*De talibus institutis etiam illa generatur impietas, ut sol in inchoatione diurnae lucis exurgens a quibusdam insipientioribus de locis eminentioribus adoretur; quod nonnulli etiam Christiani adeo se religiose facere putant, ut priusquam ad beati Petri apostoli basilicam... perueniant, superatis gradibus quibus ad suggestum areae superioris ascenditur, conuerso corpore ad nascentem se solem reflectant, et curuatis ceruicibus in honorem se splendidi orbis inclinent. Quod fieri partim ignorantiae uitio, partim paganitatis spiritu...>*»; *Caesarius Arelatensis. Sermo* 180, 2 (CCSL. 1953. Vol. 104. P. 731): «*...noster sol iustitiae et ueritatis Christus: non iste sol qui adoratur a paganis et Manichaeis... sed ille alius cuius ueritate anima humana inlustratur, ad quem gaudent angeli...>*»

⁴⁰*Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 326–328; Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 349; 356 ff.* Является неопределенным знакомство Льва Великого с рукописями Викторина. Этого писателя связывает с Викториним только фраза «debitum mortis». *Victorinus. In Apocalypsin* 12, 1 (SC. 1997. Vol. 423. P. 100, 9); см.: *Leo. Sermo* 49, 3 (CCSL. 1973. Vol. 138 A. P. 288, 77).

желое испытание достойно пережил⁴¹. Также свое ярко выраженное негативное отношение к «Римскому государству» (*civitas Romana* выступает в образе апокалиптической легкомысленной женщины и апокалиптического зверя) и «основательный» характер многочисленных ирано-индийских взглядов, вероятно, является выражением напряженных и тревожных обстоятельств, в которых находилась христианская община во время частых преследований⁴². Представление о скором пришествии Христа и о конце света объединяет Викторина с его более старшим современником Киприаном, который будучи епископом Карфагена, вероятно, имел похожий жизненный опыт и придерживался таких же идей⁴³. Так как упоминания о преследовании христиан слишком общие, не совсем понятно о каком преследовании думал епископ Петавийский. По причине универсальности преследований и роли сената⁴⁴ представляются два возможных варианта:

⁴¹ *Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 8 (SC. 1997. Vol. 423. P. 56, 6–7): «...ad eos qui locis crudelibus inhabitant inter persecutores et perseuerant esse fideles»; In *Apocalypsin* 2, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 58, 1–2): «...uiros qui fortes sunt in fide et non expauescunt persecutionem...»; In *Apocalypsin* 3, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 60, 2–4): «qui... nec omnino ullo casu timefacti retrahuntur a fide»; In *Apocalypsin* 10, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 92, 4–5): «perseuerantibus in mandatis per passiones...»; In *Apocalypsin* 12, 5 (SC. 1997. Vol. 423. P. 102, 3): «uindictam de persecutoribus»; In *Apocalypsin* 13, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 106, 5–6): «persecutoribus Christi... persecutores»; In *Apocalypsin* 14, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 110, 4): «passiones sanctorum».

⁴² О негативном отношении Викторина к римскому государству (похожее как у Ипполита, Тертуллиана и Киприана, иное чем у Оригена) см.: *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 318 f.* Хилязм Викторина (действительно «candide et non militant») с фундаменталистским настроением преследуемой Церкви соединил *Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 266.* О сложном вопросе отношения Христа к государству см.: *Lehnen J. Zwischen Abkehr und Hinwendung. Äußerungen christlicher Autoren des 2. und 3. Jahrhunderts zu Staat und Herrscher / Ed. R. von Haehling // Rom und das himmlische Jerusalem. Darmstadt, 2000. S. 1–28* (автор приходит к этому выводу из трактата Викторина); см. также: *Guyot P., Klein R. Das frühe Christentum... Bd. 1. S. 248 и 445 f., особенно s. 222 ff.; Bd. 2. S. 154 ff.*

⁴³ См.: *Cyprianus. De oratione dominica* 13 (PL. 1844. T. 4. Col. 528 A): «Christus, cuius adventum ut cito nobis repraesentetur optamus»; *De oratione dominica* 19 (PL. 1844. T. 4. Col. 533 A): «... qui petimus regnum Dei velociter advenire»; *De mortalitate* 2 (PL. 1844. T. 4. Col. 584 B): «Regnum Dei, fratres dilectissimi, esse coepit in proximo». Об общих идеях Викторина и Киприана и о вопросе влияния Киприана на епископа Петавийского см.: *Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 224 f. Vol. 2. P. 108 f.* и *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 290 f.; 349.*

⁴⁴ *Victorinus*. In *Apocalypsin* 14, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 110, 4–7): «Omnes enim passiones sanctorum ex decreto senatus illius semper sunt consummatae, et omne contra fidei praedicationem iam lata indulgentia ipsa dedit decretum in uniuersis gentibus». См.: *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 317 f.; Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 223 f. Vol. 2. P. 108; Schwarte K.-H. Die Christengesetze Valerians / Hg. W. Eck // Religion und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Köln-Wien, 1989. S. 103–163, особенно s. 130 ff.*

Викторин думал или о первом общем преследовании христиан во времена Декия, или (возможно) о преследованиях Валериана. В отличие от Африки о первых преследованиях христиан в Дунайских провинциях не сохранилось никаких сведений, в то время как в отношении преследований Валерианского периода (согласно одной не очень ясной заметке) известно только об одной жертве⁴⁵.

г) Моральные представления о христианской общине в трудные времена

Комментарий Викторина на послания к семи церковным общинам Азии во вступлении к Апокалипсису (2–3) содержит многочисленные черты, которые основаны на пасторальном опыте епископа в собственной церковной общине⁴⁶. Епископ, будучи руководителем церковной общины, очевидно, был строгим судьей в области нравственности. Комментируя высказывания Иоанна о плохих христианах и о заслуживающих порицания их поступков в общинах Азии в начале II века, он осуждал поведение христиан в церковной общине, которую сам возглавлял, одновременно предупреждая о возможных заблуждениях. Его толкование содержит многочисленные оригинальные черты и не является ни в коем случае только единственным из возможных интерпретаций библейских отрывков⁴⁷. Порицание касалось тех христиан, которые своим поведением разрушали общину⁴⁸, которые под видом сострадания согрешали и вводили в грех других⁴⁹, далее тех, которые были «легкомысленными» (*faciles in ecclesia*)⁵⁰, тех, вера которых была пуста и поэтому были «христианами только по названию» (*nomine*

⁴⁵ *Passio Pollionis*, в которых говорится о преследованиях при Диоклетиане, также упоминается, что епископ Евсевий после «*superiori persecutione*» был казнен (Ed. P. Th. Ruinart // *Acta martyrum. Ratisbonae*, 1859. P. 435). Название относится, вероятнее всего, к последним известным гонениям Диоклетиана, т.е. к всеобщим преследованиям императора Валериана 259 г. См. также: *Jarak M. Martyres Pannoniae — the Chronological position of the Pannonian Martyrs in the Course of Diocletian's Persecution / Hg. R. Bratož // Westillyricum und Nordostitalien in der spätrömischen Zeit. Ljubjana*, 1996. Bd. 34. S. 263–289, особенно s. 276–278.

⁴⁶ *Špelič M. Nekaj potez...* P. 31–37, особенно p. 34 ff.; см. также: *Viktorin Ptujski. Razlaga Razodetja...* P. 22 ss.

⁴⁷ *Špelič M. Nekaj potez...* P. 35; см. также: *Viktorin Ptujski. Razlaga Razodetja...* P. 23.

⁴⁸ *Victorinus. In Apocalypsin 1, 8 (SC. 1997. Vol. 423. P. 54, 3–4): «... quosdam homines in ecclesia dissipatores et pestiferos...».*

⁴⁹ *Victorinus. In Apocalypsin 1, 8 (SC. 1997. Vol. 423. P. 56, 8–9): «... qui sub praetextu misericordiae illicita peccata in ecclesia inducendo docent alios ea facere».*

⁵⁰ *Victorinus. In Apocalypsin 1, 8 (SC. 1997. Vol. 423. P. 56, 9–10): «...ad eos qui sunt in ecclesia faciles».*

tantum christiani)⁵¹, тех, которые были христианами только на словах, а не на деле, но особенно тех, которые были знатными, образованными, даже начитанными в Священном Писании, которые, однако, веру не демонстрировали и опасались делами доказывать свою принадлежность к Церкви (так называемые псевдохристиане)⁵². Он призывал всех плохих христиан к покаянию, особенно последнюю группу, «после большого падения вернуться к настоящему покаянию» и тем самым принести пользу не только себе, но и другим⁵³. Симпатии Викторина относились к тем христианам, которые были «мужественными в вере» (*fortes in fide*) и не испытывали страх перед преследованиями⁵⁴, которые были упорными, бесстрашными и безропотными; они были при этом «малообразованными» (*rusticani in scripturis*), но носили веру в своих сердцах⁵⁵. Эта характеристика хороших христиан должна была соответствовать сути христианской общины в Петавии и, по меньшей мере, преставлению и желанию епископа о том, какой должна быть эта община.

⁵¹ *Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 8 (SC. 1997. Vol. 423. P. 56, 10–11): «...qui neglegentes nomine tantum christiani sunt». Ср.: In *Apocalypsin* 3, 1 (SC. 1997. Vol. 423. P. 60, 1–9): «homines neglegentes, aliud quam quod oportet in saeculo agentes, opera inanes, nomine tantummodo Christianos. Et ideo hortatur illos, si quo modo reuersi <a> neglegentia periclitanti possint salui esse... nec satis est christianum dici et se ipsum cinferi et christiani opera non habere».

⁵² *Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 8 (SC. 1997. Vol. 423. P. 56, 12–15): «...eos qui student scripturis et laborant cognoscere arcana praedicationis et Dei opus facere nolunt, id est misericordiam et amorem»; In *Apocalypsin* 3, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 62, 1–7): «homines locupletes, credentes in dignitatibus collocatos, sed credentes ut homines locupletes, apud quos in cubiculo scripturae quidem tractantur, foris autem an sint fideles a nemine intelleguntur, scilicet iactantes et dicentes se omnia cognoscere, praediti fiducia litteraturae, opera autem uacantes». Что касается вопроса о богатых христианах см.: *Schäpfke W. Frühchristlicher Widerstand... S. 460–723, особенно. 550–556.*

⁵³ *Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 8 (SC. 1997. Vol. 423. P. 56, 15): «...omnibus paenitentiam de-nuntiat, omnibus iudicium adnuntiat»; In *Apocalypsin* 3, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 62, 13, 18–19): «...tempus est paenitentiae... huius <modi> homines de magno excidio ad magnam redeant paenitentiam, non solum sibi utiles esse, sed multis prodesse prosunt...»

⁵⁴ *Victorinus*. In *Apocalypsin* 2, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 58): «...uiros qui fortes sunt in fide et non expauescunt persecutionem».

⁵⁵ *Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 8 (SC. 1997. Vol. 423. P. 56, 11–12): «...qui humiliter instructi in fide fortiter perseuerant»; In *Apocalypsin* 3, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 60; 62): «...conuersatio electionis optimae, consuetudo sanctorum <declaratur, horum scilicet qui humiles in saeculo et rusticani in scripturis et fidem immobiliter tenent nec omnino ullo casu timefacti retrahuntur a fide... qui perseuerauerit, tantam nobilitatem in ecclesia consequetur».

Христианская община обозначается как «вселенская Церковь» (*ecclesia catholica*)⁵⁶, как «общая Церковь верующих» (*omnis ecclesia fidelium*)⁵⁷, как «верующие» (*fideles*)⁵⁸, «все верующие» (*uniuersi credentes*)⁵⁹, «святые», или «собрание святых» (*sancti, chorus sanctorum*)⁶⁰. Христиане, которые избирали собственный «образ жизни» (*conuersatio*)⁶¹, делились по своим качествам на лучшую «элиту» (*election, electio sanctorum, electio optima*)⁶² или «класс» (*classis*)⁶³. Наряду с хорошими были и плохие христиане, для которых епископ применял различные названия, и которые по содержанию были разными. Они относятся либо к общим проявлениям слабой веры, либо являются проявлениями различных форм греховной жизни⁶⁴. Деление общества Викториним на три группы (хорошие христиане, плохие христиане и язычники) напоминает похожее деление общества анонимным современником (возможно, далматского или итальян-

⁵⁶*Victorinus*. In *Apocalypsin* 4, 5 (SC. 1997. Vol. 423. P. 70, 15): «...ecclesia catholica». Это выражение, отражающее универсальность ранней церкви, в период до Константина редко используется (см.: *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese...* P. 325).

⁵⁷*Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 1 (SC. 1997. Vol. 423. P. 46, 16). См. терминологию в *Cyprianus. De unitate ecclesiae* 23 (PL. 1844. T. 4. Col. 517 B): «... una Ecclesia ejus [sc. Christi], et fides una, et plebs una...»; *Epistula* 63, 11 (PL. 1844. T. 4. Col. 384 A): «... populous... plebs»; см.: *Histoire du christianisme des origins à nos jours / Ed. Ch. et L. Pietri. Paris, 1995. Vol. II: Naissance d'une chrétienté [250–430]. P. 53.*

⁵⁸*Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 1; 2, 4; 3, 3; 4, 1 (SC. 1997. Vol. 423. P. 46, 16; 58, 1 и 60, 6; 62, 8; 64, 20). См.: *Tertullianus. Apologeticum* 46, 14 (CCSL. 1954. Vol. 1. P. 162): «Christianus et extra fidelis uocatur».

⁵⁹*Victorinus*. In *Apocalypsin* 5, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 76, 28).

⁶⁰*Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 4 (SC. 1997. Vol. 423. P. 48, 4); выражение напоминает об обозначении Иеронимом группы аскетов из Аквилеи как «chorus beatorum» (*Eusebius. Chronicon / Нг. R. Helm // GCS. 1956. Bd. 47. S. 247*). Выражение «sancti» появляется в 3 местах (*Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 5; 2, 3; 3, 1 (SC. 1997. Vol. 423. P. 52, 10; 58; 60)). Это выражение употребляется во множественном числе для обозначения всех верующих на земле. См. также: *Dulaey M. Victorin de Poetovio...* Vol. 1. P. 252. Vol. 2. P. 125.

⁶¹*Victorinus*. In *Apocalypsin* 2, 2; 3, 1; 3, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 58; 60); см.: *Rothenhäusler M. Conversio morum // RAC. 1957. Bd. 3. Col. 422 ff.*

⁶²*Victorinus*. In *Apocalypsin* 2, 1; 3, 1; 3, 2; 3, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 56, 8; 60; 62).

⁶³*Victorinus*. In *Apocalypsin* 2, 1; 2, 2; 2, 3; 2, 4; 3, 1; 3, 2; 3, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 56, 7; 58; 60; 62).

⁶⁴О плохих христианах упоминается как «proni... ad illicitas permissiones» (*Victorinus*. In *Apocalypsin* 2, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 58, 3)), «incredibiles» (*Victorinus*. In *Apocalypsin* 3, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 62, 8)), как «populus contumax» (*Victorinus*. In *Apocalypsin* 15 (SC. 1997. Vol. 423. P. 112, 3)), как «impij, peccatores et varij generis commissores» (*Victorinus*. In *Apocalypsin* 20, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 116, 20)).

ского происхождения), о котором содержится сведение в толковании 24 главы Евангелия от Матфея⁶⁵.

«Церковь верующих» (*ecclesia fidelium*) имела несколько форм «вероисповедания» (*mensura fidei*), которые через таинство крещения, «как мы узнали» (*ut didicimus*), передавались от старшего к юному поколению⁶⁶. Жизнь хороших христиан состояла в упорстве, в твердости характера и верности в вере⁶⁷. Викторин, применяя в различных местах метафоры из юриспруденции (выделяет самопожертвование, надежность и верность)⁶⁸ и, особенно, из военной жизни. Наряду с общими и нейтральными по содержанию выражениями⁶⁹ Викторин применял те названия из военной жизни, которые касались выдержки и верности. Хороший христианин как солдат Христа который вооружившись верой, проявляет «твердость на своем пути» (*in fide fortiter perseuerant*) и который никогда не дезертирует, а защищает обеты крещения⁷⁰. Этот способ выражения является своеобразным отражением тяжелых времен, случайных преследований хри-

⁶⁵PL. Suppl. 1958. Vol. 1. P. 655–668 (или *Turner C. H. An exegetical Fragment of the third century // The Journal of Theological Studies. 1904. Vol. 5. P. 218–241*). В Писании люди делятся на следующие группы (PL. Suppl. 1958. Vol. 1. P. 664): «*iusti, peccatores, impii*»; (Там же. P. 667): «*Nunc enim tria genera hominum sunt, impiorum, peccatorum, sanctorum*». Что касается вопроса о Писании и его отношений с идеями Викторина см.: *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 285 f.* Прим. 57 и *Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 43 f.*

⁶⁶*Victorinus*. In *Apocalypsin* 11, 1 (SC. 1997. Vol. 423. P. 92, 8–94, 18, с комментарием на p. 186 f.); см.: *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 326 f.*

⁶⁷*Victorinus*. In *Apocalypsin* 3, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 60): «*...fidem immobiliter tenent nec omnino ullo casu timefacti retrahuntur a fide*».

⁶⁸*Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 4 (SC. 1997. Vol. 423. P. 50, 9–13): меч как символ судебной власти; In *Apocalypsin* 3, 3; 4, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 62, 20-21 и 66, 15): трон — символ суда; In *Apocalypsin* 5, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 76, 18–22): общее определение Завета; In *Apocalypsin* 5, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 76, 32): «*mandata*». См. далее выражения: «*testimonia*», «*testis*», «*tribunal*». *Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 2. P. 193 f.*

⁶⁹*Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 7 (SC. 1997. Vol. 423. P. 52, 4): «*uexillatio*»; In *Apocalypsin* 12, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 100, 5): «*sub machina Antichristi*».

⁷⁰См. прим. 56 и 68. Из военной жизни происходит символ меча у *Victorinus*. In *Apocalypsin* 1, 4 (SC. 1997. Vol. 423. P. 50, 12-13): «*Gladius enim militem armat, gladius hostem interfecit, gladius desertorem punit*». Также высказывание «*super baptismum suum stabiliter constitisse*» (*Victorinus*. In *Apocalypsin* 21, 4 (SC. 1997. Vol. 423. P. 120) основано на метафоре из жизни воинов («*stare*», «*statio*» как страж; см.: *Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 2. P. 125*. Прим. 228). Метафоры из военной жизни часто встречались у ранних христианских писателей (см.: *Dulaey M. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 253*. Vol. 2. P. 125. Прим. 228). Также на местной равнине в Петавии можно заметить присутствие воинских элементов. Таким образом, во времена Викторина необходимо было в городе оживить воспоминание о бывших лагерях легионеров (100 г.), кроме того, все значительнее становился воинский элемент в жизни города по причине важного стратегического

стиан, чувством большой неизвестности, с ожиданием многими скорого конца времени. На заднем плане можно заметить контуры кризиса в Римской империи, которые достигли пика около 260 г.

На основе библейских комментариев трудно судить, в какой мере мучения касались непосредственно христианской общины Петавия тогдашнего времени. Во всяком случае, можно утверждать, что болезни и катастрофы, о которых упоминает Викторин, в то время представляли действительно потенциальную опасность и при этом речь шла не только о библейской типологии. Образ апокалиптических всадников, который истолковывали по-разному, епископ Петавийский толковал как начало войны при одновременном землетрясении, как начало голода и чумы⁷¹, т.е. как множество потрясений, которые наступят в ближайшем будущем перед ожидаемым на земле концом света.

Среди «военных событий» (*bella*) и одновременной «сейсмической активности» (*terrae motus magnus*), приблизительно в это же время и на той же территории (Паннии с окрестностями), следует отметить по меньшей мере десять военных конфликтов (языческие и гражданские войны)⁷²: вторжение маркоманов в Паннонию в 254 г., которые через Петавий и Аквилею дошли до Равенны; их новая попытка в 258 г.; нападение германских племен на Паннонию между осенью 259 г. и весной 260 г.; походы гальских племен против паннонийских правителей Ингенция и Регалиана в 260 г.⁷³; вторжение квадов и сарматов в Паннонию в 263 г.⁷⁴; на соседних Балканах — гальские войны против готов и херулов — начало в 268 г.⁷⁵; войны Клавдия Готского там же в 269 г.⁷⁶; поход Аврелия про-

положения Петавия, т.к. многими военными событиями город отличался (см.: *Mikl Curk I. Ptuj svetega Viktorina...* P. 1–10, особенно p. 6; *Saria B. Poetovio // RE. 1951. Bd. 21. Col. 1174.*

⁷¹*Victorinus. In Apocalypsin 6, 1 (SC. 1997. Vol. 423. P. 78, 12–13): «Ceteri tres equi, <bella>, famem et pestilentiam... Dominus... significat»; In Apocalypsin 6, 2-3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 80): «Equus autem niger famem significant... Equus rufus... bella sunt... Equus autem pallidus... mors. Haec eadem quoque inter ceteras clades praedicaerat Dominus: uenturas pestes et mortalitates». См.: Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese... P. 328 f.*

⁷²См.: *Мосы А. Pannonia // RE. Suppl. 1962. Vol. 9. Col. 565–570*; см. также: *Pannonia and Upper Moesia. London, 1974. P. 205–212*; *Pannonien und die Soldatenkaiser // ANRW. 1977. Teil 2. Bd. 6. S. 557–582*; *Fitz J. Das Jahrhundert der Pannonier (193–284). Budapest, 1982. P. 63 ff.*

⁷³См.: *Kos P. The Monetary Circulation in the Southeastern Alpine Region ca. 300 BC — AD 1000. 1986. Vol. 24. P. 129 f.*; *Šašel J. Opera selecta... P. 360–378*; *Blois L. The Policy of the Emperor Gallienus. Leiden, 1976. P. 4 f.*

⁷⁴*Eusebius. Chronicon / Hg. R. Helm // GCS. 1956. Bd. 47. S. 220 f.*

⁷⁵*Wolfram H. Die Goten. München, 1990. P. 64*; *Halfmann H. Itinera principum. Stuttgart, 1986. P. 238.*

⁷⁶*Wolfram H. Die Goten... P. 64*; *Halfmann H. Itinera principum... P. 239.*

тив вандалов в Паннонии в 271 г.⁷⁷; поход Пробуса против сарматов в 278 г.⁷⁸; поход Каринуса против Юлиана и война Каринуса против Диоклетиана в 285 г.⁷⁹ Ввиду того, что Петавий расположен на главной магистрали Северной Италии в направлении Дунайского и Балканского пространства и далее на Восток и при этом контролировал одну из важнейших переправ через реку Драву, то, несомненно, по меньшей мере, часть упомянутых выше военных действий коснулись города⁸⁰.

В письменных источниках упоминаются пять больших землетрясений, которые относятся к периоду между 253 и 270 гг. (253, 260, 262, 267 и 268/270 гг.), которые не затронули паннонийское пространство (первое и второе произошли в Малой Азии, третье — в Малой Азии, Африке и Риме, четвертое — в Нумидии и пятое — в Никомидии)⁸¹. Упоминание о землетрясении (как и следующее за ним упоминание о голоде) в «Толковании на Апокалипсис» основаны на одной цитате из Библии и находятся в контексте толкования к образу красного всадника, поэтому эти комментарии можно рассматривать как достоверное отображение действительности⁸². О нуждах и мучениях, которые в то время были довольно актуальны, следует назвать еще два: «голод» (*fames*), который тогда был частым явлением⁸³, но особенно — «чума» (*pestilentia*, или *pestes et mortalitates*), которая в период от 250 до 275 г. бушевала в значительной части империи и несомненно коснулась также Паннонии⁸⁴. Похожие мысли Киприана

⁷⁷ Там же; *Watson A.* Aurelian and the third century. London, New York, 1999. P. 49 f.

⁷⁸ *Halfmann H.* Itinera principum... P. 241.

⁷⁹ Там же. P. 242; *Bratož R.* Il cristianesimo Aquileiese... P. 187 ff.

⁸⁰ См.: *Šašel J.* Arheološka najdišča Slovenije. Ljubljana, 1975. P. 76–78; о военных подразделениях в Петавии при Галиене для уничтожения паннонийских узурпаторов см.: *Saria B.* Poetovio... Col. 1174.

⁸¹ См.: *Gallieni duo* 5, 2–6. *Historia Augusta*; см.: *Blois L.* The Policy... P. 10 и *Hermann A.* Erdbeben // *RAC.* 1962. Bd. 5. Col. 1105. *Mikl Curk I.* Ptuj svetega Viktorina... P. 1–10, особенно p. 7 и 9, связывает большие изменения в облике города в 260 г. с наводнением (изменение русла Дравы), которое произошло в связи с землетрясением.

⁸² *Victorinus.* In *Apocalypsin* 6, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 80, 12): «erit terrae motus magnus»; см.: *Lukasevangelium* 21, 11: «...et terrae motus magni et per loca fames et pestilentiae erunt».

⁸³ *Victorinus.* In *Apocalypsin* 6, 2 (SC. 1997. Vol. 423. P. 80): «Equus autem niger famem signifiat... tempora quando magna fames est future quandoque et homines laedentur»; о голоде в это время см.: *Blois L.* The Policy... P. 9 ff.

⁸⁴ *Victorinus.* In *Apocalypsin* 6, 1 (SC. 1997. Vol. 423. P. 78, 13): «pestilentia»; In *Apocalypsin* 6, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 80): «venturas pestes et mortalitates». О чуме в период 251–253 гг. сообщает *Eutropius.* *Breviarium* 9, 5 и *Eusebius.* *Chronicon* / Hg. R. Helm // *GCS.* 1956. Bd. 47. S. 219: «pestilens morbus multas totius orbis prouincias occupauit...»: о чуме 260 г. и в последующие го-

указывают на то, что как епископ Карфагенский, так и епископ Петавийский имел похожий жизненный опыт, а также похожее состояние духа и одинаковые решал проблемы⁸⁵.

В качестве важнейших добродетелей хороших христиан епископ Петавийский выделил терпение, твердость личности и характера, далее преданность вере, мученичество, дела милосердия и любви. Некоторые из этих добродетелей упоминались в других текстах современников не только у Киприана, но также у неизвестного автора в толковании 25 главы Евангелия от Матфея, который истолковывает притчу о десяти девах. В этом толковании современник Викторина из той же области, который по духу был довольно близок епископу Петавийскому⁸⁶, привел ряд добродетелей, которые украшают хороших христиан. В этом описании он освятил обстоятельства жизни тогдашних христианских общин; среди добродетелей он подчеркнул те, которые особенно важны для преодоления тяжелого времени: посещение заключенных в тюрьмах, в шахтах (карьерах), в рабочих домах, посещение изгнанников, помощь голодающим. Хорошие христиане переносят терпеливо боли, голод, холод, наказания, скорби, ссылки,

ды см.: *Zosimus*. *Historia nova* 1, 36, 1 и *Gallieni duo* 5, 5. *Historia Augusta*; о чуме в это время, о ее последствиях и о реакции пострадавших сообщает *Eusebius*. *Historia ecclesiastica* 7, 21, 9; 22, 1–10 (SC. 1952. Vol. 41. P. 196; 197–199). О смерти от чумы императора Клавдия Готского в 270 г. в Смирне упоминают следующие историки: *Zosimus*. *Historia nova* 1, 46, 2; *Divus Claudius* 12, 2. *Historia Augusta*; *Eutropius*. *Breviarium* 9, 11, 2.

⁸⁵См.: *Cyprianus*. *De mortalitate* 2 (PL. 1844. T. 4. Col. 584 A): «...ut ad procellas et turbines mundi trepidation nulla sit in nobis, nulla turbatio, quando haec ventura praedixit Dominus providae vocis hortatu instruens et docens et praeparans atque corroborans Ecclesiae suae populum ad omnem tolerantiam futurorum, bella et fames et terrae motus et pestilentias per loca singular exurgere praenuntiavit et cecinit». Киприан, старший современник Викторина, хотел в *De mortalitate* (PL. 1844. T. 4. Col. 581–602) утешить христиан, которые в 252 г. пережили гонения Декия и подверглись массовой гибели от эпидемии чумы. См. также: *Cyprianus*. *Ad Demetrianum* 10 (PL. 1844. T. 4. Col. 551–552) и *Pontius*. *Vita Cypriani* 9 (Hg. A.A.R. Bastiaensen. *Vite dei santi* 3. 1975. P. 22 ff. и P. 261).

⁸⁶*De decem virginibus* (PL. Suppl. 1958. Vol. 1. P. 173–174; двуязычный, латино-словенский перевод у М. Špelič: *Viktorin Ptujski. Razlaga Razodetja...* P. 168–175). Вопрос об авторстве остается открытым. М. Špelič склоняется к мнению (p. 16), что рукопись принадлежит Викторину (текст — часть его толкования Евангелия от Матфея) или допускает возможность, что речь идет об анонимной проповеди на основе его рукописи. Другие авторы воздержались от комментариев, например, *Dulaey M.* *Victorin de Poetovio...* Vol. 1. P. 39–42 и *Bratož R.* *Il cristianesimo Aquileiese...* P. 284 f. (незнакомый современник Викторина в пространстве Паннонии, которого вдохновлял епископ Петавийский; по сравнению с замкнутым и скрытым образом изложения Викторина язык неизвестного автора кажется яснее и понятнее).

узы⁸⁷. Они милосердны к физически и психически больным (слепым, хромым, бедным, вдовам, сиротам и т.д.), также «к гонимым, осужденным на работу в шахтах (карьерях) и заключенным»⁸⁸. Приведенный в рукописи «список мучений» является отражением тяжелых обстоятельств, которые господствовали в тогдашнем обществе (большое число людей, чья жизнь была под угрозой существования) и которые по причине гонений в случае с христианами еще более усугублялись. Гонения, независимо от числа жертв, из-за их жестокости (преследования, приговоры на тяжелые работы в рудниках и шахтах, тюрьмы, увечья и т.д.) приводили большое количество верующих к крайней нужде. Подчеркнутый альтруизм среди христиан в форме готовности оказать «всестороннюю помощь человеку» (*opera misericordiae*) был отмечен и другими авторами⁸⁹. Викторин должен был разбираться, так же как и его коллеги-современники, несомненно, по меньшей мере, с некоторыми из выше упомянутых случаев мучений⁹⁰.

Одной из главных черт повседневной жизни христиан в Петавии во времена Викторина было стремление к покаянию с некоторыми элементами аскетизма. Епископ Петавийский (правда, только в двух местах) возвышал идеал девства⁹¹. Ранние формы аскезы и монашества в Паннонии документированы только столетием позже⁹².

д) Литургическая неделя и литургический год; христианские и языческие праздники

В рукописи «*De fabrica mundi*» епископ Петавийский передает сведения о литургической неделе и литургическом годе. Викторин упоминает два постовых

⁸⁷De decem virginibus (PL. Suppl. 1958. Vol. 1. P. 173–174; *Viktorin Ptujski. Razlaga Razodetja...* P. 170): «...carceres penetrat, metalla ergastula exilia adit, periclitantibus subvenit, infirmos visitat, esurientes pane satiat... dolores fortiter sustinet, famem sitim frigus patienter fert, domna luctus exilia metalla carceres aequo animo sustinet».

⁸⁸De decem virginibus (PL. Suppl. 1958. Vol. 1. P. 174; *Viktorin Ptujski. Razlaga Razodetja...* P. 172): «Quaeris qui sunt illi qui oleum illud misericordiae vendunt? Accipe: caeci claudi aridi debiles pauperes viduae pupilli peregrine exules metallic carcerati aegri et ceteri his similes».

⁸⁹См.: *Eusebius. Historia ecclesiastica* 7, 22 (SC. 1952. Vol. 41. P. 197–200); (о взаимопомощи христиан во время гонений Декия и одновременной эпидемии чумы в Александрии).

⁹⁰См.: *Pontius. Vita Cypriani* 2, 7; 3, 9; 6, 4; 9 (Vite dei santi 3. 1975. P. 8; 12; 18; 20 ff.). См.: *Rist J. Cyprian von Karthago und Paul von Samosata. Überlegungen zum Verständnis des Bischofsamtes im 3. Jahrhundert* / Ed. R. von Haehling // *Rom und das himmlische Jerusalem*. Darmstadt, 2000. S. 257–286.

⁹¹*Špelič M. The Beginnings of Monasticism in Aquileian and Neighbouring Churches* / Hg. R. Bratož // *Westillyricum und Nordostitalien in der spätrömischen Zeit*. 1996. Bd. 34. S. 292 f.

⁹²*Bratož R. Das Mönchtum in der römischen Provinzen des Mitteldonau- und Balkanraumes* // *Akten des XIV. Weltkongresses für christliche Archäologie*. Wien, 1999.

дня — среду и пятницу, которые в ранний период христианства были воспоминанием о двух событиях из жизни Христа: в «среду» (tetras) он был предан⁹³, а в «пятницу» (parasceue) умер на кресте⁹⁴. Наряду с этим Викторин предлагает постовой день в субботу, который в этой роле появился только в III веке. Мотивация для этого основывалась не на Евангелии; у него проявилось желание дистанцироваться от иудейского праздника. Этот день должен был служить духовной подготовкой к субботней евхаристии. Роль «седьмого дня» (sabbatum) в жизни Христа Викторин изложил в антииудейском духе. Викторин отклонял «иудейскую субботу», чтобы, по меньшей мере, косвенно дистанцироваться также и от язычества, т.к. этот день, посвященный у язычников богу Сатурну, был для них праздником⁹⁵. Для христиан важнейшим был «восьмой день» (dies octavus), который праздновался как «День Господа» (dies dominicus)⁹⁶. Его чрезвычайное значение Викторин обосновал также тем, что этот день будет днем Страшного Суда и началом небесной жизни на земле⁹⁷. Ожиданием скорого пришествия Господа (в воскресенье) служила суббота как день подготовки ко Второму Пришествию, которая также поэтому должна быть днем молитвы и поста⁹⁸.

Викторин различал три вида поста: широко распространенный пост до 9 часа дня, т.е. до «середины послеобеденного дня» (так называемый *semieiunium*)⁹⁹; продолжающийся до вечера пост и длящийся до следующего

⁹³*Victorinus*. De fabrica mundi 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 140, 1 ff., 17–20): «Nunc ratio ueritatis ostenditur, quare dies III tetras nuncupatur, quare usque ad horam nonam ieiunamus <aut> usque ad uesperum ad superposition usque in alterum diem fiat... Itaque ob captiuitatem eius tetradem ob maiestatis operum suorum et <ut> tempora humanitati salubria, frugibus laeta, tempestatibus tranquilla decurrant, ideo <aut stationem> aut superpositionem facimus».

⁹⁴*Victorinus*. De fabrica mundi 5 (SC. 1997. Vol. 423. P. 142, 4–5): «Et parasceue superposition fiat, nequid cum iudeis sabbatum obseruare uideamur...» О полемике ранних писателей-христиан против празднования субботы см.: *Klauser Th*. Fest // RAC. 1969. Bd. 7. Col. 763.

⁹⁵*Dulaey M*. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 231. О широко распространенном праздновании седьмого дня среди иудеев, греков, «варваров» сообщает *Josephus*. Contra Apionem 2, (38) 282 / Hg. H.St.J. Thackeray. London, Cambridge, 1976. P. 404 ff. Для этого дня характерны были отказы от труда, от пищи и от освещения. См.: *Miličević M*. Rimski kalendar. Zagreb, 1990. P. 29.

⁹⁶*Victorinus*. De fabrica mundi 5 (SC. 1997. Vol. 423. P. 142, 2–4, 220, 222 [комментарий]); см.: *Dumaine H*. Dimanche // Dictionnaire d'Archeologie Chretienne et de Liturgie. 1920. Vol. 4/1. P. 858–994, особенно p. 879 ff.

⁹⁷*Victorinus*. De fabrica mundi 6 (SC. 1997. Vol. 423. P. 142, 1–4); см.: *Barnabas*. Epistula 15, 8b–9 (SC. 1971. Vol. 172. P. 186–189); *Dumaine H*. Dimanche... P. 882; *Dulaey M*. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 229 f.

⁹⁸См.: *Dulaey M*. Victorin de Poetovio... Vol. 1. P. 229.

⁹⁹*Tertullianus*. De ieiunio 13, 1 (CCSL. 1954. Vol. 2. P. 1271).

дня пост, для которого он первым употребил выражение — «превосходный» (*superpositio* или *ieiunii*)¹⁰⁰. Эти посты позднее приняли монахи, а два столетия позже применял Северин, живший по соседству с описываемой областью¹⁰¹. Таким образом, число постовых дней удвоилось (наряду со средой и пятницей еще четверг и суббота). Так как пост был неотъемлемой частью подготовки к Божественной Литургии (для которого со середины II столетия применялось выражение «*statio*»)¹⁰², то для него использовался термин, обозначающий постовую подготовку к Божественной Литургии¹⁰³. В качестве дополнительной мотивации для совершения поста Викторин назвал приобретение Божьей милости, чтобы жизнь человечества могла протекать «здоровой, плодотворной и далекой от страстей»¹⁰⁴.

«Хронологический фрагмент» Викторина, епископа Петавийского, который он заимствовал из рукописей Александра, епископа Иерусалимского, во время его предполагаемой поездки на Восток (258–260 гг.), освещает литургический календарь церковной общины в Петавии¹⁰⁵. Фрагмент напоминает в

¹⁰⁰ *Dulaey M. Victorin de Poetovio...* Vol. 1. P. 226; Vol. 2. P. 110. Прим. 60; см. также: SC. 1964. Vol. 101; 1975. Vol. 217 и Vol. 220: «*superpositio, superponere*». Речь идет о переводе с греческого языка «*hypérthesis*»; термин «*superpositio*» или глагол «*superponere*» встречается у Викторина в трех местах, в то время как у Тертуллиана для этой формы поста употреблено выражение «*continuare ieiunia*». Термин «*superpositio*», который употреблял Викторин, стал на Западе широкоупотребляемым.

¹⁰¹ *Eugippius. Vita Severini* 39, 2 (SC. 1991. Vol. 374. P. 272): «*Numquam ante solis occasum nisi certa soluit festiuitate ieiunium. Quadragesimae uero temporibus una per hebdomadam refectione contentus...*»

¹⁰² Первый случай употребления термина «*statio*» для обозначения поста (или на период подготовки к посту) передает *Hermas. Pastor. Similitudo* 5, 1 (SC. 1958. Vol. 53. P. 224): «*stationa écho*».

¹⁰³ *Victorinus. De fabrica mundi* 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 140, 1 f., 17–20).

¹⁰⁴ *Ibidem*. В обозначении Викторина «хороших времен» (*tempora humanitati salubria, frugibus laeta, tempestatibus tranquilla*) можно заметить полную противоположность современности, которая была наполнена болезнями (особенно чумой), голодом и «нападениями» всех видов (как обозначение тяжелейших военных лет).

¹⁰⁵ *Victorinus. Fragmentum chronologicum* (SC. 1997. Vol. 423. P. 134): «*Inuenimus in membranis Alexandri episcopi qui fuit in Hierusalem quod transcripsit manu sua de exemplaribus apostolorum ita. VIII Kal. Ian. (= 25 декабря) natus est Dominus noster Iesus Christus Sulpicio et Camerino consulibus (9 года по P.X.!) et baptizatus est VIII Id. Jan. (= 6 января) Valeriano et Asiatico consulibus (46 года по P.X.). Passus est X Kal. Apr. (= 23 марта) Nerone III et Valerio Messala consulibus (58 года по P.X.). Resurrexit VIII Kal. Apr. (= 25 марта) consulibus superscriptis. Iohannis Baptista nascitur VIII Kal. Iul. (= 24 июня) et circumciditur Kal. Iul. (= 1 июля). Ad Mariam vero locutus est angelus VIII Kal. Apr. (= 25 марта). Ex quo supputatur eodem die Dominum fuisse conceptum quo et resurrexit. См.: *Dulaey M. Victorin de Poetovio...* Vol. 1. P. 37 ss.; см. также: *Dulaey M. Le**

хронологическом порядке 5 дат из жизни Христа: Рождество (25 декабря 9 года (!), Крещение (6 января 46 года (!), смерть (23 марта 58 года), Воскресение (25 марта) и Вознесение (3 мая того же года)¹⁰⁶, Благовещение Марии 25 марта. Вероятно, во времена Викторина церковная община в Петавии праздновала именно в эти дни праздники. Два христианских праздника неожиданно совпали с языческими праздниками. День Рождества Христова (25 декабря, который на Западе постепенно начал отмечаться, после первого упоминания у Ипполита, а повсеместно — только во времена Константина)¹⁰⁷ совпал с праздником Солнца, который праздновали почитатели «непобедимого Солнца» (*Sol invictus*) и сторонники культа Митры¹⁰⁸. Учитывая религиозное состояние жителей Петавии во времена Викторина¹⁰⁹, можно предположить, что 25 декабря для большей части городского населения был праздником. Также в Петавии праздник Крещения Христа, праздновавшийся 6 января, совпал с языческим праздником. В этот день¹¹⁰ отмечали рождение бога Дионисия. Так как эта дата была установлена для языческого праздника только на Востоке¹¹¹ и так как культ Дионисия

Fragment chronologique de Victorin de Poetovio et la culture grecque aux confins de l'Empire dans la seconde moitié du III-e siècle // *Cristianesimo Latino e cultura Greca sino al sec. IV (XXI Incontro di studiosi dell'antichità cristiana. Studia ephemeridis Augustinianum. Vol. 42)*. Rome, 1993. P. 127–145; *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese...* P. 283 f.

¹⁰⁶Согласно этой хронологии Иисус умер в возрасте 49 лет (а не 33), его общественная деятельность (от крещения до смерти) продлена от 3 до 12 лет (46–58). Об этих представлениях малоазиатского происхождения (высказывается Александр, епископ Александрийский, родом из Каппадокии) см.: *Dulaey M. Victorin de Poetovio...* Vol. 1. P. 7 ff.; SC. 1997. Vol. 423. P. 20 ff.

¹⁰⁷См.: *Hippolytus*. In *Danielem* 3, 23 (SC. 1947. Vol. 14. P. 187); *Dulaey M. Le Fragment chronologique...* P. 134 f. О применении этой даты на Западе см.: *Clauss M. Mithras und Christus...* S. 265–285, особенно s. 277 sl.

¹⁰⁸*Clauss M. Mithras...* S. 153–160, особенно s. 176 (25 декабря — праздник Солнца и рождения Митры); см. также: *Clauss M. Mithras und Christus...* S. 265–285, особенно s. 278.

¹⁰⁹См. прим. 27.

¹¹⁰Также в 400 г. в Аквилеи (см.: *Lemarié J. La liturgie d'Aquilée et de Milan au temps de Chromace et d'Ambroise // Antichità Altoadriatiche*. 1973. Vol. 4. P. 249–270, особенно p. 257, с утверждением, что речь идет о восточной традиции). В некоторых странах Востока (например, в Египте) праздновали в тот же день Рождество или Крещение Христа (*Dulaey M. Victorin de Poetovio...* Vol. 1. P. 226; см. также: *Pax E. Epiphanie // RAC*. 1962. Bd. 5. Col. 902 ff.).

¹¹¹*Clauss M. Mithras und Christus...* S. 265–285, особенно s. 277; *Pax E. Epiphanie...* Col. 832–909, особенно col. 903 (в ночь с 5 на 6 января праздновали в Александрии рождество бога Эона; 6 января в Египте отмечали праздник синкретического, идентифицированного с Дионисием, бога Озириса).

в Петавии документально точно не подтвержден¹¹², ничего нельзя сказать о случайном совпадении христианского и языческого праздников.

Из литургических формул Викторин выбрал так называемое Трисвятое, при этом отрывок текста, бесспорно, доказывает, что первоначальная церковная община в Петавии применяла литургическую формулу на греческом языке¹¹³. Такая же формула восточного происхождения использовалась на Западе, впервые в соседней Аквилеи в 400 г., в латинской редакции¹¹⁴. Влияние Востока обнаружилось в конце концов в ряде основополагающих христианских понятий, которые несомненно относятся не только лично к Викторину, но и ко всей церковной общине: форма «Символа веры» (*regula fidei*, с элементами сирийского происхождения), хилиазм, или миллениаризм с ожиданием скорого конца мира и времени в контексте эсхатологической борьбы между Христом и антихристом непосредственно перед Его пришествием — образ «восставшего Нерона» (*Nero redivivus*) как олицетворение антихриста¹¹⁵.

Заключение: характер церковной общины в Петавии

Во времена Викторина церковная община в Петавии была уже довольно развита и сравнима с более численными общинами Запада. Поэтому нам кажется правомерным вывод, что между периодом первой евангелизации и временем Викторина приблизительно прошло одно поколение. Во второй половине III века эта община была довольно многочисленной, очевидно, также социально дифференцированной и, по меньшей мере, в части ее членов достаточно образованной, чтобы понимать рукописи Викторина и веру укреплять изучением Библии. Ко времени возникновения «Толкования на Апокалипсис» «вселенская Церковь» (*ecclesia catholica*) не была гонима, тем не менее, она жила с чувством, что ей постоянно угрожает опасность преследования. Епископ сам испытывал подобное, т.к., очевидно, он пережил гонения при Декии или Валериане.

¹¹²О существовании культа богини Либерии (которая во многих случаях приспосабливалась к Дионисию) см.: *Saria B. Poetovio...* Col. 1179 «interpretatio Romana» местных божков.

¹¹³*Victorinus*. In *Apocalypsin* 4, 3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 66): «...inquit <hágios, hágios, hágios> sanctus, sanctus, sanctus...» См.: *Dulaey M. Victorin de Poetovio...* Vol. 1. P. 27 ff. и 226; Vol. 2. P. 20; 109; *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese...* P. 352.

¹¹⁴*Chromatius*. *Sermo* 21 (CCSL. 1974. Vol. 9 A. P. 97): «Sanctus, sanctus, sanctus... ad quorum similitudinem idipsum quotidie ofidelium turba in laudem Christi clamat in ecclesia. См.: *Lemarié J. La liturgie d'Aquilée...* P. 249–270, особенно p. 252.

¹¹⁵*Victorinus*. In *Apocalypsin* 13, 2–3 (SC. 1997. Vol. 423. P. 104–108); *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese...* P. 320–321.

Викторин не обсуждал в имеющихся рукописях вопрос о существовании инакомыслящих граждан. В «Толковании на Апокалипсис» имеется несколько намеков (возможно, несмотря) на культ Митры и культ Солнца. Епископ, очевидно, не хотел обострять отношения с многочисленной языческой частью населения. Язычники выступали в эсхатологической перспективе в качестве возможных (т.е. будущих) христиан. Несколько больше выделяется вопрос об отношении к иудеям и иудейству, тем не менее отдельные полемические заметки не дают возможности сделать точный вывод о существовании иудейской общины в городе. Для епископа архиважным был вопрос о существующих современных ересях (патрипасианства, марционизма и монтанизма), которые были без сомнения известны в Петавии и представляли собой беспокойный элемент в размеренной жизни церковной общины¹¹⁶. Нам кажется, что ввиду частоты и типа полемических выступлений, отношение епископа Петавийского к выше названным трем группам похоже на расположение к этим группам Хромация, епископа Аквилейского, столетием позже: отрицательное — к язычникам, более отрицательное — к иудеям и полностью непримиримое — к еретикам¹¹⁷.

Откуда христианство распространилось в Петавии — невозможно установить точно. Центр общины составляли верующие восточного происхождения, которые в значительной мере приняли латинский язык, однако, которые во время Божественной Литургии (по меньшей мере, во время чтения молитв) использовали греческий язык, и их основополагающая религиозная терминология находилась под большим влиянием греческого языка. Особенности богословских взглядов Викторина и его (очень возможные) связи с центрами христианства на Востоке свидетельствуют о господствующем и, по крайней мере, сильном влиянии сирийско-палестинского и малоазиатского пространства¹¹⁸, при одновременном влиянии других центров тогдашнего христианского мира.

¹¹⁶О полемике Викторина против еретиков см.: *Bratož R. Il cristianesimo Aquileiese...* P. 337–346.

¹¹⁷Для Аквилеи в 400 г. см.: *Bratož R. Christianisierung des Nordadria und Westbalkanraumes im 4. Jahrhundert / Hg. R. Bratož // Westillyricum und Norditalien in der spätrömischen Zeit. 1996. Bd. 34. S. 346 ff.*

¹¹⁸*Dulaey M. Victorin de Poetovio...* Vol. 1. P. 231 считает сирийскую митрополию Антиохии наиболее подходящим исходным пунктом.

Список сокращений

- ANRW** — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt.
CCSL — Corpus Christianorum. Series Latina.
CSEL — Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum.
GCS — Die Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte.
PG — Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca.
PL — Patrologiae Cursus Completus. Series Latina.
RAC — Reallexikon für Antike und Christentum.
RE — Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft.
SC — Sources Chrétiennes.
TU — Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur.

Источники и литература

Источники

1. An exegetical Fragment of the third century / Ed. C. H. Turner // The Journal of Theological Studies. 1904. Vol. 5.
2. *Barnabas*. Epistla // SC. 1971. Vol. 172.
3. *Caesarius Arelatensis*. Sermo 180 // CCSL. 1953. Vol. 104.
4. *Chromatius*. Sermo 21 // CCSL. 1974. Vol. 9 A.
5. *Chromatius*. Tractatus in Matthaëum // CCSL. 1974. Vol. 9 A.
6. *Cyprianus*. Ad Demetrianum // PL. 1844. T. 4.
7. *Cyprianus*. De mortalitate // PL. 1844. T. 4.
8. *Cyprianus*. De oration dominica // PL. 1844. T. 4.
9. *Cyprianus*. De unitate ecclesiae // PL. 1844. T. 4.
10. *Cyprianus*. Epistula 63 // PL. 1844. T. 4.
11. De decem virginibus // PL. Suppl. 1958. Vol. 1.
12. *Eugippius*. Vita Severini // SC. 1991. Vol. 374.

13. *Eusebius*. Chronicon / Hg. R. Helm // GCS. 1956. Bd. 47.
14. *Eusebius*. Historia ecclesiastica. Libri I – IV // SC. 1952. Vol. 31.
15. *Eusebius*. Historia ecclesiastica. Libri V – VII // SC. 1952. Vol. 41.
16. *Eutropius*. Breviarium / Hg. R. Helm // GCS. 1956. Bd. 47.
17. *Hermas*. Pastor // SC. 1958. Vol. 53.
18. *Hieronymus*. De viris illustribus / Ed. J.-P. Migne // PL. 1845. T. 23.
19. *Hieronymus*. De viris illustribus / Ed. E. Richardson // TU. 1896. Bd. 14.
20. *Hieronymus*. Epistula 107 / Ed. J. Labourt. Paris, 1955. Bd. 5.
21. *Hippolytus*. In Danielelem // SC. 1947. Vol. 14.
22. In Matthaеum XXIV (fragmenta) // PL. Suppl. 1958. Vol. 1.
23. *Josephus*. Contra Apionem / Hg. H. St. J. Thackeray. London, Cambridge, 1976.
24. *Justinus*. Apologia // PG. 1857. T. 6.
25. *Leo Magnus*. Sermo 49 // CCSL. 1973. Vol. 138 A.
26. *Leo Magnus*. Tractatus // CCSL. 1973. Vol. 138.
27. *Nicetas Remesianus*. De vigiliis / Ed. A. E. Burn // Niceta of Remesiana: His Life and Works. Cambridge, 1905.
28. *Panagyricus* / Ed. C. E. V. Nixon and B. Saylor Rodgers // Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1994.
29. Passio Pollionis / Ed. P. Th. Ruinart // Acta martyrum. Ratisbonae, 1859.
30. Passio SS. Quattuor coronatorum auctore Petro // Acta sanctorum. 1910. Novembris 3.
31. Passio SS. Quattuor coronatorum auctore Porphyrio // Acta sanctorum. 1910. Novembris 3.

32. *Patricius*. Confessio // SC. 1978. Vol. 249.
33. *Pontius*. Vita Cypriani / Hg. A. A. R. Bastiaensen // Vite dei santi 3. 1975.
34. *Quodvultdeus*. Liber promissionum et praedictorum Dei // SC. 1964. Vol. 101.
35. *Rufinus*. Expositio symboli // CCSL. 1961. Vol. 20.
36. *Salvianus*. De gubernatione Dei // SC. 1975. Vol. 220.
37. *Tertullianus*. Adversus Iudaeos // CCSL. 1954. Vol. 2.
38. *Tertullianus*. Apologeticum // CCSL. 1954. Vol. 1.
39. *Tertullianus*. De carne Christi // SC. 1975. Vol. 217.
40. *Tertullianus*. De corona // CCSL. 1954. Vol. 2.
41. *Tertullianus*. De ieiunio // CCSL. 1954. Vol. 2.
42. *Tertullianus*. De praescriptione haereticorum // CCSL. 1954. Vol. 1.
43. *Victorin de Poetovio*. Sur l'Apocalypse suivi du Fragment chronologique et de La construction du monde. Introduction, texte critique, traduction, commentaire et index par Martine Dulaey // SC. 1997. Vol. 423.
44. *Viktorin Ptujski / Victorinus Poetovionensis*. Razlaga Razodetja. In Apocalypsin in drugi spisi. Prevedel, uvod in opombe napisal Miran Špelič. Celje, 1999.
45. *Victorinus, episcopus Petavionensis*. Tractatus De fabrica mundi, Commentarii in Apocalypsin editio Victorini et recensio Hieronymi una cum posteriorum additamentis. Prolegomena, opera, indices ex recensione Iohannis Haussleiter // CSEL. 1916. Vol. 49.
46. *Zeno*. Tractatus // CCSL. 1971. Vol. 22.
47. *Zosimus*. Historia nova / Ed. F. Paschoud. Paris, 1979.

Литература

48. *Belak M.* Med nutricami in Mitro (Between the Nutrices and Mithras) / Hg. B. Lamut // Ptujski arheološki zbornik. Ptuj, 1993. P. 233–239.
49. *Berardino A.* Patrologia. Casale, 1978. Vol. 3.
50. *Bianchi U.* La tipologia storica dei misteri di Mithra // ANRW. 1984. Teil 2. Bd. 17/4. S. 2116–2134.
51. *Blois L.* The Policy of the Emperor Gallienus. Leiden, 1976.
52. *Bratož R.* Christianisierung des Nordadria und Westbalkanraumes im 4. Jahrhundert / Hg. R. Bratož // Westillyricum und Norditalien in der spätrömischen Zeit. 1996. Bd. 34. S. 299–362.
53. *Bratož R.* Das Mönchtum in der römischen Provinzen des Mitteldonau- und Balkanraumes // Akten des XIV. Weltkongresses für christliche Archäologie. Wien, 1999.
54. *Bratož R.* Il cristianesimo Aquileiese prima di Costantino fra Aquileia e Poetovio. Udine-Gorizia, 1999. P. 267–354.
55. *Bratož R., Ciglencečki S.* L'odierna Slovenia // Antichità Altoadriatiche. 2000. Vol. 47. P. 489–533.
56. *Castritius H.* Barbari — antique barbari. Zur Besiedlungsgeschichte Südnoricums und Südpannoniens in der Spätantike (Ende des 4. bis Mitte des 6. Jahrhunderts n. Chr.) // Frühmittelalterliche Studien. 1995. Bd. 19. S. 72–85.
57. *Christe Y.* Traditions littéraires et iconographiques dans l'interprétation des images apocalyptiques // L'Apocalypse de Jean. Traditions exégétiques et iconographiques III-e – XIII-e siècles. Actes du Colloque de la Fondation Hardt. Genève, 1979. P. 109–134.
58. *Clauss M.* Mithras. Kult und Mysterien. München, 1990. S. 153–160.
59. *Clauss M.* Mithras und Christus // Historische Zeitschrift. 1986. Bd. 243/2. S. 265–285.

60. *Dölger F. J.* Das Sonnengleichnis in einer Weihnachtspredigt des Bischofs Zeno von Verona. Christus als wahre und ewige Sonne // *Antike und Christentum*. 1950. Bd. 6. S. 1–56.
61. *Dulaey M.* Le Fragment chronologique de Victorin de Poetovio et la culture grecque aux confins de l'Empire dans la seconde moitié du III-e siècle // *Cristianesimo Latino e cultura Greca sino al sec. IV (XXI Incontro di studiosi dell'antichità cristiana. Studia ephemeridis Augustinianum. Vol. 42)*. Rome, 1993. P. 127–145.
62. *Dulaey M.* Victorin de Poetovio. Premier exégète latin (Collection des Études Augustiniennes. Série Antiquité. Vol. 139). Paris, 1993. Vol. 1–2.
63. *Dumaine H.* Dimanche // *Dictionnaire d'Archeologie Chretienne et de Liturgie*. 1920. Vol. 4/1. P. 858–994.
64. *Duval N.* La naissance de l'édifice chrétien // *Connaissance des peres de l'Église*. 2000. Vol. 79. P. 2–19.
65. *Fitz J.* Das Jahrhundert der Pannonier (193-284). Budapest, 1982.
66. *Gamber K.* Die lateinischen liturgischen Quellen Illyriens vom 4. bis 6. Jahrhundert // *Sirmium*. 1982. Vol. 4. P. 77–85.
67. *George A., Grelot P.* Introduction critique au Nouveau Testament. Paris, 1977. Vol. 4.
68. *Guyot P., Klein R.* Das frühe Christentum bis zum Ende der Verfolgungen. Darmstadt, 1993. Bd. 1.
69. *Halfmann H.* *Itinera principum*. Stuttgart, 1986.
70. *Halsberghe G. H.* Le culte de Deus Sol invictus à Rome au 3-e siècle après J. C. // *ANRW*. 1984. Teil 2. Bd. 17/4. S. 2181–2201.
71. *Harnack A.* Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten Jahrhunderten. Wiesbaden, 1981.
72. *Hermann A.* Erdbeben // *RAC*. 1962. Bd. 5. Col. 1070–1113.

73. Histoire du christianisme des origins á nos jours / Ed. Ch. et L. Pietri. Paris, 1995. Vol. II: Naissance d'une chrétienté [250–430].
74. *Istenič J.* Poetovio, zahodna globišča I – Poetovio, The Western Cemeteries I. Katalogi in monografije. Ljubljana, 1999. Vol. 32.
75. *Jarak M.* Martyres Pannoniae — the Chronological position of the Pannonian Martyrs in the Course of Diocletian's Persecution / Hg. R. Bratož // Westillyricum und Nordostitalien in der spätrömischen Zeit. Ljubjana, 1996. Bd. 34. S. 263–289.
76. *Jevremon B.* Vodnik po lapidariju. Ptuj, 1988.
77. *Klauser Th.* Fest // RAC. 1969. Bd. 7. Col. 747–766.
78. *Kos P.* The Monetary Circulation in the Southeastern Alpine Region ca. 300 BC — AD 1000. 1986. Vol. 24.
79. *Lehnen J.* Zwischen Abkehr und Hinwendung. Äußerungen christlicher Autoren des 2. und 3. Jahrhunderts zu Staat und Herrscher / Ed. R. von Haehling // Rom und das himmlische Jerusalem. Darmstadt, 2000. S. 1–28.
80. *Lemarié J.* La liturgie d'Aquilée et de Milan au temps de Chromace et d'Ambroise // Antichità Altoadriatiche. 1973. Vol. 4. P. 249–270.
81. *Migotti B.* Evidence for Christianity in Roman Southern Pannonia (Northern Croatia) // A Catalogue of finds and sites. British Archaeological Reports International Series. 1997. Vol. 684.
82. *Mikl Curk I.* Mitreji na Slovenskem (Kulturni in naravni spomeniki Slovenije. Vol. 31). Ljubljna, 1972. P. 6–17.
83. *Mikl Curk I.* Petoviona v sožitju z bližnjimi in daljnimi kraji / Hg. B. Lamut // Ptujski arheološki zbornik. Ptuj, 1993. P. 205–218.
84. *Mikl Curk I.* Prostorska ureditev grobišč rimskega Ptuja (Die Raumgestaltung der Nekropolen des römischen Ptuj) // Arheološki vestnik. 1990. Vol. 41. P. 557–575.
85. *Mikl Curk I.* Ptuj svetega Viktorina. Kako ga kaže urbanistično tkivo in tvarna kultura // Kronika. 2000. Vol. 48. P. 1–10.

86. *Miličević M.* Rimski kalendar. Zagreb, 1990.
87. *Mocsy A.* Pannonia // RE. Suppl. 1962. Vol. 9. Col. 565–570.
88. *Müller R.* Der Untergang der Antike und ihr Nachleben im nördlichen Pannonien (Transdanubien) / Hg. R. Bratož // Slowenien und die Nachbarländer zwischen Antike und karolingischer Epoche. 2000. Bd. 39. S. 241–254.
89. Pannonia and Upper Moesia. London, 1974.
90. Pannonien und die Soldatenkaiser // ANRW. 1977. Teil 2. Bd. 6. S. 557–582.
91. *Pax E.* Epiphanie // RAC. 1962. Bd. 5. Col. 832–909.
92. Restauration und Erneuerung. Die lateinische Literatur von 284 bis 374 n. Chr. / Hg. R. Herzog (Handbuch der lateinischen Literatur der Antike. Bd. 5). München, 1989. S. 497–500.
93. *Rist J.* Cyprian von Karthago und Paul von Samosata. Überlegungen zum Verständnis des Bischofsamtes im 3. Jahrhundert / Ed. R. von Haehling // Rom und das himmlische Jerusalem. Darmstadt, 2000. S. 257–286.
94. *Rothenhäusler M.* Conversio morum // RAC. 1957. Bd. 3. Col. 422–424.
95. *Saria B.* Poetovio // RE. 1951. Bd. 21. Col. 1167–1184.
96. *Šašel J.* Arheološka najdišča Slovenije. Ljubljana, 1975.
97. *Šašel J.* Opera selecta. 1992. Vol. 30. P. 746–760.
98. *Šašel Kos M.* Petovionska vladajoča aristokracija / Hg. B. Lamut // Ptujski arheološki zbornik. Ptuj, 1993. P. 219–232.
99. *Saxer V.* Domus ecclesiae — Oïkos tēs ekklesías in den frühchristlichen literarischen Texten // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. 1988. Bd. 83. S. 167–179.
100. *Schäpfke W.* Frühchristlicher Widerstand // ANRW. 1979. Teil 2. Bd. 23/1. S. 460–723.
101. *Schwarte K.-H.* Die Christengesetze Valerians / Hg. W. Eck // Religion und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Köln-Wien, 1989. S. 103–163.

102. *Špelič M.* Nekaj protez teologije Viktorina Ptujkega / Hg. S. Krajnc // Ptujška župnijska cerkev sv. Jurija. Ptuj, 1998. P. 31–37.
103. *Špelič M.* The Beginnings of Monasticism in Aquileian and Neighbouring Churches / Hg. R. Bratož // Westillyricum und Nordostitalien in der spätrömischen Zeit. 1996. Bd. 34. S. 291–297.
104. *Tomičič Ž.* Der Untergang der Antike und deren Nachlebensformen in Südpannonien (Nordkroatien) / Hg. R. Bratož // Slowenien und die Nachbarländer zwischen Antike und karolingischer Epoche. 2000. Bd. 39. S. 255–298.
105. *Tomovic M.* The Passio Sanctorum IV Coronatorum and the Fruška Gora hypothesis in the light of archeological evidence // Akten des IV internationalen Kolloquiums über Probleme des provinzialrömischen Kunstschaffens. Ljubjana, 1997. Bd. 36. S. 229–239.
106. *Vittinghoff F.* Handbuch der europäischen Wirtschafts und Sozialgeschichte. Stuttgart, 1990. Bd. 1.
107. *Watson A.* Aurelian and the third century. London, New York, 1999.
108. *Wolfram H.* Die Goten. München, 1990.

М.М. Казаков

ОСОБЕННОСТИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

В статье анализируются основные особенности христианизации Северной Африки в античный период на основании письменных источников и археологических данных. Основное внимание уделяется вопросам, связанным с формированием первых христианских общин и становлением североафриканской Церкви во II веке, а также истории христианства в этом регионе в условиях гонений (конец II в. – 313 г.) с целью выявления причин более быстрых, по сравнению с другими регионами Римской империи, темпов распространения христианства в Северной Африке.

Ключевые слова: Северная Африка, Карфаген, христианизация, Римская империя, Церковь, история античного христианства.

Северная Африка представляет особый интерес для изучения античного христианства. Хотя христианские общины, насколько можно судить из сохранившихся источников, сформировались здесь позднее, чем во многих других регионах римского мира, «североафриканское» христианство являет собой весьма специфический феномен в раннехристианской истории. Эта специфика определяется несколькими факторами.

- Во-первых, Северная Африка была, по сути, одной из основ «латинского» христианства. Именно отсюда происходили такие выдающиеся мыслители, писатели и деятели античного христианства, как Тертуллиан, св. Киприан, Арнобий, Лактанций, Опат, Викторин, блаж. Августин.
- Во-вторых, в Северной Африке возникли специфические христианские течения, будоражившие Римскую империю на протяжении многих десятилетий, как например, донатизм, который имел к тому же и явную социальную окраску.

Михаил Михайлович Казаков — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, профессор Смоленской православной духовной семинарии (mmkaz@yandex.ru).

- В-третьих, история античного христианства в Северной Африке имеет своеобразную и четкую периодизацию, в некоторых аспектах не совпадающую с периодизацией общей христианской истории, что позволяет датировать христианские письменные и археологические памятники с большой точностью.

Так, в истории античного и раннесредневекового христианства в Северной Африке можно выделить следующие этапы:

1. Формирование раннехристианских общин и становление североафриканской церкви (II век).
2. Североафриканская церковь в условиях гонений на христианство (конец II века – 313 год).
3. Христианизация Северной Африки после Миланского эдикта (313–429 гг.).
4. Господство арианской церкви в период вандальского завоевания (429–533 гг.).
5. Период византийского христианства (533–698 гг.).

Со времени арабского завоевания, которое растянулось на полстолетия, значение христианства в этом регионе начинает снижаться, и в последующее время роль его под натиском ислама сводится к минимуму. Примечателен тот факт, что арабы в большинстве случаев не уничтожали античные центры, а создавали свои города в новых местах, куда постепенно переселялось автохтонное население, подпадавшее под арабское и исламское влияние. В силу этого многие центры античной культуры и христианства в Северной Африке остались в хорошей археологической сохранности.

В данной публикации основное внимание уделяется двум первым этапам, и главной целью является показать причины более быстрых, по сравнению с другими регионами Римской империи, темпов распространения христианства в Северной Африке, а также выявить некоторые причины, обусловившие его специфику.

Несмотря на довольно четкую периодизацию, установить начальную дату распространения христианства в Северной Африке не представляется возможным ввиду отсутствия достоверных сведений, относящихся к полуторавековому

му периоду первоначального существования христианских общин в этом регионе. Вопрос о том, прозвучала ли здесь проповедь святых апостолов, остается открытым. С одной стороны, есть аргументы, которые позволяют ответить на этот вопрос отрицательно. Объяснения на этот счет могут быть различными:

- Карфаген был проклятой территорией, и апостолы в силу этого решили не посещать это место вместе со всей округой, хотя проклятие было «языческим» и к началу христианской проповеди оно уже было «преодолено» Октавианом Августом;
- проповедь апостола Павла и его ближайших сподвижников была адресована к язычникам не евреям, а в Северной Африке обитали выходцы из Ханаана, хотя к тому времени они составляли явное меньшинство в среде язычников не евреев;
- пути апостолов проходили по наиболее значимым античным регионам и центрам, хотя Северная Африка в I веке быстро превращалась именно в такой значимый регион римского мира.

Сведения о первом епископе Карфагена выглядят весьма противоречиво и недостоверно даже в поздней христианской традиции. Так, в службе св. апостолам 30 июля сказано о св. Епенете (апостоле от семидесяти) как о епископе Карфагена: «Похвалим Епенета славного, Карфагена похвалу, божественна бывша» (4-й стих 1-й песни канона)¹. Память св. Епенета в Восточной церкви празднуется 30 июля вместе со свв. Силою, Крискентом и Андроником, а также в соборе св. 70 апостолов 4 января. В Синаксаре² под 30 июля о Епенете сказано: «св. Епенет бе епископ Карфагена, бысть в частом сношении с Римом». Вместе с тем, Православная Церковь считает св. Епенета «начатком Ахаии» (Греции); такого же мнения придерживались отцы церкви и церковные историки; в месяцесловах греческих и славянских Минеях также значится Ахайя. Исходя из этого исследователи предполагают, что Епенет, как «начаток Ахаии» (Рим 16:5) был уроженцем Греции, и, возможно, происходил из Коринфа, в котором, по церковному преданию, он впоследствии был епископом, будучи поставленным самим ап. Павлом³.

¹ *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Собор св. 70-ти апостолов. Святой апостол Епенет // Православный собеседник, 1906. Т. 2. С. 378–380.

² Синаксарь славянский. Киев, 1874.

³ Никодим Святогорец. Греч. Минея 30 июля, Четьи Минеи св. Димитрия 4 января и 30 июля.

С другой стороны, можно предположить и то, что апостольская проповедь в Римской Африке все же прозвучала, но, как и многие другие события первоначального христианства, этот факт не получил отражения в сохранившихся до наших дней текстах. Предания переносят на африканскую почву многих известных из Священного Писания лиц: апостолов Петра и Павла, Симона Зилота, евангелистов Марка и Матфея и многих других, но даже кратковременное их пребывание на африканской земле крайне сомнительно. Тем более что эти имена в связи с Африкой отсутствуют в текстах раннехристианских авторов, включая и уроженцев самой Африки.

В литературе до сих пор ведутся споры о том, каким путем в Римскую Африку пришла христианская проповедь — из Рима, из Палестины в диаспору через иудеохристианские общины или через малоазийских переселенцев. Как справедливо утверждает Е.В. Сергеева, все три пути могли быть реализованы в равной мере⁴.

В пользу того, что христианство пришло в Африку из Рима свидетельствует не только географическая близость столицы Империи, но и свидетельство Тертуллиана: «Ты, желающий скорее упражнять любострастие в деле спасения твоего, пройди мимо церквей апостольских, в которых и до сего дня стоят подлинны кафедры апостолов, в которых оглашаются подлинны их писания, звучащие их голосами и являющие образ каждого из них. Тебе ближе всего Ахайя? У тебя есть Коринф... Если можешь направиться в Азию, у тебя есть Ефес, а если поблизости Италия, — то Рим, откуда исходит авторитет и для нас» (*Тертуллиан. О прескрипции [против] еретиков. 36. 1*). Впрочем, как кажется, Тертуллиан как раз и имеет здесь в виду, прежде всего, географическую близость столицы римского мира.

Проникновение христианства в Африку вместе с малоазийскими торговцами или переселенцами обосновывают фактом распространения греческого языка среди африканских христиан, включая и самого Тертуллиана, который написал свои первые произведения по-гречески⁵. Этот факт косвенно подтверждается и тем, что исследователи отмечают незначительную степень эллиниза-

⁴Сергеева Е.В. Первые христианские общины в Северной Африке // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2007. С. 431.

⁵Столяров А.А. Тертуллиан. Эпоха. Жизнь. Учение // Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994.

ции этого региона до римского завоевания⁶, во всяком случае, греческий язык не имел в Карфагенской державе широкого распространения.

Однако наиболее вероятным представляется то, что христианские идеи и рассказы о событиях в Палестине доходили сюда через торговцев и путешественников евреев, поддерживавших связь с диаспорой. Как и в других частях римского мира, очагами распространения христианства в Северной Африке в I веке могли быть синагоги, в которых выступали странствующие проповедники⁷. Тем не менее их имена, как и детали первоначального распространения христианства, остаются для нас неизвестными. Фактом остается и отсутствие достоверных сведений о деятельности христианских общин в Римской Африке до последней четверти II века.

Одно из самых первых и крайне негативных упоминаний о христианах в Римской Африке принадлежит знаменитому писателю из Мадавра Апулею, хотя это упоминание может относиться и к иудеям. Убежденный язычник и поклонник культа Исиды пишет о жене мельника: «Презирая и попирая священные законы небожителей, исполняя вместо этого пустые и нелепые обряды какой-то ложной и святотатственной религии и утверждая, что чтит единого бога, всех людей и несчастного мужа своего вводила она в обман...» (*Апулей. Метаморфозы*. IX, 14). Исследователи датируют эту книгу Апулея 169–176 гг.⁸.

Несколькими годами позже датируется упоминание у Тертуллиана проконсула Африки 180/181 гг. Сатурнина, который преследовал христиан: «Вигеллий Сатурнин, который первым здесь поднял на нас меч, лишился зрения» (*Тертуллиан. Апологетик*. К Скапуле. III, 4). С Сатурнином связывают первомученика африканской церкви христианина по имени Намфамо, который, вместе с группой единоверцев, был осужден в Мадавре (Нумидия), о чем свидетельствует блаж. Августин (*Aug. Ep. XVI, 2*)

Этот же Сатурнин является главным действующим лицом в первом официальном документе об африканских христианах — «Актах Сцилитанских мучеников»⁹, которые основаны на протоколах суда проконсула, состоявшегося в Карфагене 17 июля 180 г., над группой христиан (семь мужчин и пять женщин), обвиненных в том, что они отказались принести жертву «императорскому ге-

⁶Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. М., 1986. С. 247–248.

⁷Жюльен Ш.А. История Северной Африки. Т.1. М., 1961. С. 238.

⁸Barnes T.D. Tertullian. A Historical and Literary Study. Oxford, 1985. P. 272.

⁹Passio Sanctorum Scillitanorum // The Acts of the Christian Martyrs / Introd., texts and Engl. transl. by H. Musurillo. Oxford, 1972. P. 86–89. Обзор документа и посвященной ему литературы см.: Сергеева Е.В. Первые христианские общины... С. 422.

нию» и открыто называли себя христианами. Документ сохранился в шести редакциях: пять на латыни и одна на греческом, при этом есть основания считать, что подлинником является именно греческий вариант¹⁰. Анализ текста привел исследователей к любопытным выводам.

Во-первых, по социальной принадлежности эти казненные в результате суда христиане были крестьянами¹¹, доставленными к проконсулу из городка Сцили, не поддающегося точной идентификации. Хотя Римская Африка представляла собой к концу II века одну из наиболее урбанизированных частей Римской империи¹², подавляющее большинство из нескольких сотен африканских городов представляли, по сути, большие деревни, и их население было больше связано с сельским хозяйством¹³, нежели с ремеслом и торговлей — занятиями, характерными для городов и воздействовавшими на общественное и индивидуальное сознание в сторону восприятия новых идей и религиозных верований. Проникновение христианских идей в географически удаленный городок, да еще и в среду консервативной части населения можно признать скорее характерным для христианизации IV века, чем для этапа гонимого христианства. Следовательно, первые христианские общины, не сохранившие для нас никаких имен и событий, существовали в Северной Африке на протяжении нескольких поколений, не преследовались местными властями и не испытывали явной неприязни со стороны простого населения. Пожалуй, этими обстоятельствами и можно объяснить молчание источников о первых христианах.

Во-вторых, анализ имен Сцилитанских мучеников и мучеников из Мадавра привел исследователей к выводу о том, что примерно половина из них была местного происхождения, а другая половина — римского или итальянского происхождения, либо представляла романизованную часть африканцев, возможно, имеющих римское гражданство¹⁴. Такой смешанный состав христиан также может свидетельствовать о глубоком проникновении новой религии в Римскую Африку к концу II века.

Подтверждением факта более широкого распространения христианства в Северной Африке по сравнению с другими провинциями западной части Римской империи могут служить слова Тертуллиана, произнесенные им в 197 г.,

¹⁰ *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. Т. I. М., 1994. С. 49.

¹¹ *Frend W.H.C.* The Donatist Church. A Movement of Protest in Roman North Africa. Oxford, 1952. P. 88.

¹² *Федосик В.А.* Киприан и античное христианство. Минск, 1991. С. 18.

¹³ *Жюльен Ш.А.* История Северной Африки. С. 207.

¹⁴ *Сергеева Е.В.* Первые христианские общины... С. 425–426.

несомненно, на основе личного восприятия места христиан в окружающем его мире: «Мы существуем со вчерашнего дня, а заполняем уже все, что принадлежит вам: города, острова, форты, муниципии, рыночные площади, сам военный лагерь, трибы, декурии, дворец, Сенат, форум; одни лишь храмы мы оставляем вам» (*Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле. XXXVII, 4*). Хотя эти и другие слова апологета по поводу распространения христианства в литературе довольно часто воспринимали как явное преувеличение, следует признать, что к началу III века, как это известно и из других источников, авторы которых жили в далеких от Карфагена городах, христиане встречались во всех социальных слоях Римской империи, включая сенаторское сословие. Спустя полвека после Тертуллиана появляется и официальное подтверждение этому: в антихристианском эдикте императора Валериана (258 г.) говорится о христианах из сенаторского и всаднического сословий, христианах-прокураторах и христианах-цезарианах¹⁵.

Еще одним ярким доказательством распространения христианства в Северной Африке является первый известный нам поместный собор (около 215 г.), на котором присутствовало семьдесят епископов Проконсульской провинции и Нумидии во главе с епископом Агриппином, впервые поставившем вопрос о перекрещивании еретиков¹⁶. Гарнак А. на основании анализа списков участников карфагенских соборов середины III века насчитывал в Северной Африке 120 христианских общин¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что Северная Африка в середине III века, почти за три четверти века до Миланского эдикта, предстает как один из самых христианизированных регионов римского мира. А если учесть, что от первого упоминания о христианах Северной Африки в источниках до 70 епископий прошло менее полувека, то такие темпы христианизации можно расценить как самые быстрые едва ли не за всю историю античного христианства.

В силу этого возникает проблема выявления особенностей христианизации Северной Африки, которые могли бы пролить свет на этот феномен.

Прежде всего, следует отметить, что первое упоминание о христианах отнюдь не означает, что это были первые христиане. Не подлежит никакому сомнению, как уже отмечалось выше, наличие христианских общин в Римской Африке, по крайней мере, с конца I века, и за столетие общая численность христиан,

¹⁵ Федосик В.А. Киприан и античное христианство. С. 41.

¹⁶ Dictionary of Greek and Roman Antiquities / Edited by William Smith. Oxford, 1870. P. 82; Жюльен Ш.А. История Северной Африки. С. 238.

¹⁷ Harnack A. Kleine Schriften zur alten Kirche. Bd. 1. Leipzig, 1980. S. 490.

их распространение вглубь континента, включая сельскую местность, а также социальный состав изменились значительно. Мы не имеем никакой возможности оценить степень этих изменений, но вряд ли можно утверждать, что за полвека число христианских общин, как и число их членов, могло увеличиться в десятки раз. Хотя вполне допустимо увеличение в разы, что, разумеется, тоже требует объяснения.

О распространенности христианства в Африке к концу II века косвенно свидетельствует и тот факт, что в 189 г. римскую общину возглавил выходец из Африки Виктор (*Евсевий*. Церковная история. V, 22), который возвысился настолько, что даже сумел добиться возвращения христиан из ссылки¹⁸, и который, по свидетельству блаж. Иеронима (*Chronicon, ad an. Abr. 2209*), оказался первым латиноязычным христианским писателем. Избрание выходца из Африки предстоятелем римского престола вряд ли могло состояться без поддержки африканских христиан, которые населяли в то время в Риме едва ли не целый квартал между Целийским и Авентинским холмами¹⁹.

Еще одно обстоятельство, которое необходимо отметить в связи с причинами распространения христианства, состоит в том, что в начале III века, в отличие от многих других регионов Римской империи, постепенно втягивающихся во всесторонний кризис, Северная Африка оказалась на пике своего развития²⁰. Да и сам кризис оказался для этого региона менее разрушительным, чем для других частей Римской империи, и, как считают исследователи, вытекал не из внутреннего развития, а был «импортирован» из других частей империи²¹.

Этот факт частично объясняется тем, что римская политика в Африке привела к широкому распространению здесь экономических единиц определенного типа — экзимированных сальтусов — крупных земельных владений (латифундий), принадлежащих римским наместникам, сенаторам и самим императорам. Эти крупные поместья были изъяты из-под юрисдикции муниципиев и

¹⁸Pope St. Victor I // Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/15408a.htm> (дата обращения: 17.05.2013).

¹⁹*Сергеева Е.В.* Первые христианские общины... С. 428. Вместе с тем автор справедливо замечает: «Вопрос заключается в том, где совершилось обращение жителей этого квартала: возможно, они обратились в христианство уже в Риме, как это нередко случалось среди людей, чьи связи с родиной ослабели, а вместе с ними и уверенность в собственной жизни. Возможно и то, что африканские переселенцы принесли христианство с собой...»

²⁰Белорусский исследователь *В.А. Федосик* прямо констатирует: «при Северах римская Африка переживает свой расцвет». — Киприан и античное христианство. С. 21.

²¹Там же. С. 20.

имперских чиновников, освобождались от ряда налогов и были слабо связаны с городским рынком²². Обычно их дробили на относительно небольшие участки и сдавали в аренду свободным безземельным крестьянам — колонам, либо давали в пользование предприимчивым рабам, которым предоставляли определенную самостоятельность. В то же время муниципальная аристократия, владевшая рабовладельческими виллами, в Африке была более многочисленной, чем в других провинциях, и выражала меньшую шкалу богатства, поэтому большая часть городского населения оказывалась втянутой в управление городами²³, следовательно, и социальный контраст в африканских городах не был таким резким как в других провинциях империи.

Таким образом, в Северной Африке основной причиной распространения христианства в начале и в середине III века вряд ли можно считать кризис и социальные противоречия, порождавшие атмосферу безысходности и отчаяния, падение морали и изменение системы нравственных ценностей и все те сдвиги в общественном и индивидуальном сознании, которые способствовали отказу от прежних мировоззренческих установок и способствовали поиску утешения и опоры в жизни, что неизбежно выражалось в богоискательстве и создавало благодатную почву для христианских идей.

Тем не менее, кризис все же затронул и Северную Африку и вызвал там целый ряд социальных движений, поэтому полностью эту причину распространения христианства игнорировать нельзя, но она не является специфической особенностью данного региона. Напротив, в качестве специфики можно отметить как раз отмеченные выше экономические и социальные особенности, которые смягчили проявления кризиса.

Другой причиной, являвшейся особенностью региона, но лишь в определенной степени, является этническая и социальная пестрота проживавшего здесь населения, хотя этот фактор существовал и в других провинциях. Однако здесь всегда существовал весьма значительный и значимый в этническом и социальном отношении свободный элемент, представленный кочевыми племенами. Учитывая сложность границы, обращенной в сторону Сахары, римляне устроили здесь весьма своеобразную линию пограничных укреплений, состоящих из

²²История Древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2001. С. 318.

²³Федосик В.А. Киприан и античное христианство. С. 21.

отдельных фортов и пропускных пунктов, которые и были созданы специально для кочевников²⁴.

Другой особенностью этнического состава населения можно считать сохранение к III веку пунического компонента и даже пунического языка. Этот этнос считал своей прародиной Ханаан и вполне мог оказаться восприимчивым к христианству, вышедшему из этого региона Средиземноморья. В пользу того, что пунийцы оказались восприимчивыми к христианству может свидетельствовать перевод Библии на пунический язык в христианской общине Карфагена, а также то, что еретики Северной Африки — донатисты и циркумцеллионы — были в основном пунийцами и использовали этот язык в богослужении²⁵.

Аналогичным образом могли воспринимать христианскую проповедь и евреи. Согласно легенде, бытовавшей среди североафриканских евреев, первые еврейские семьи поселились на острове Джерба (расположенном у берегов Туниса) во времена царя Соломона. Существующая здесь и поныне синагога считается едва ли не самой древней на континенте. Некоторые исследователи датируют прибытие евреев в Северную Африку VI веком до Р.Х., когда был разрушен первый Иерусалимский храм²⁶. Однако археологические следы пребывания евреев в североафриканском регионе (по крайней мере, на территории современного Туниса) появляются только после его завоевания римлянами и относятся к нашей эре²⁷. Впрочем, в последнее время предпринимаются попытки отождествить финикийцев с евреями, причем даже на генетическом уровне²⁸, а некоторые авторы даже включают Карфаген в число еврейских государств²⁹.

²⁴Особенности этой римской пограничной линии были открыты недавно с помощью спутниковых технологий и показаны в фильме «Рим, скрытый от глаз» (Rome's Lost Empire), режиссер Джефф Уилкинсон (BBC, 2012).

²⁵*Волков А.В.* Карфаген. Белая империя черной Африки. М., 2004. С. 287–288; История Туниса // Сайт «Тунис — оазис Средиземноморья». URL: <http://www.tunisia.ru/history> (дата обращения: 18.05.2013).

²⁶*Stern K.V.* Inscripting Devotion and Death. Archaeological Evidence for Jewish Populations of North Africa. Boston, 2008. P. 88.

²⁷*Ibid.* P. 48. Самые ранние надписи североафриканских евреев датируются концом II века по Р.Х.

²⁸Израильские и американские генетики: евреи основали Карфаген // Сайт «В Израиле». URL: http://newsru.co.il/israel/08aug2012/gen_003.html (дата обращения: 16.05.2013).

²⁹*Зелев А.* Евреи в Карфагене // Сайт «Проза.ру». URL: <http://www.proza.ru/2008/04/13/106> (дата обращения: 16.05.2013).

Однако, главной сферой, которая определила специфику распространения христианства в Северной Африке, было общественное сознание в целом и религия в частности.

Говоря об общественном сознании, следует учитывать, что в нем во II–III вв. еще сохранялись карфагенские особенности. Карфаген, будучи основанным в IX веке до Р.Х., господствовал в регионе, по крайней мере, шесть столетий, а Рим, если вести отсчет от разрушения пунической столицы, в два раза меньше. К тому же, после покорения и разрушения Карфагена, римляне оставили нетронутыми те пунические города (Гадрумет, Утика, Тапс и другие), которые в Третьей Пунической войне перешли на сторону Рима³⁰, поэтому влияние карфагенской цивилизации на общественное сознание продолжалось и после римского завоевания³¹. К тому же сами римляне стали проводить активную политику романизации только со времени Октавиана Августа, поэтому справедливым будет утверждать, что христианизация по времени практически совпала с романизацией.

Как представляется, именно это обстоятельство и явилось определяющим для быстрых темпов распространения христианства в Римской Африке. В конкуренции между насаждением имперской идеологии, сопровождавшей романизацию, и христианской проповедью, звучавшей просто и доступно и доходившей до самых глубин сознания простых людей, в генетической памяти которых еще сохранялись воспоминания о былом величии и процветании Карфагена, в выигрышном положении неизбежно оказывалось христианство. Идеи новой религии оказались как раз той опорой, которую искало пуническое население в условиях насаждаемых Римом порядков. Пунийцы, в свою очередь, обращаясь в христианство сами, несли христианскую проповедь берберам, с которыми, надо полагать, в условиях нарастающего давления со стороны римлян, у них складывались гораздо лучшие отношения, чем это было во времена карфагенского господства.

Еще одно объяснение быстрым темпам распространения христианства в Римской Африке и его особенностям следует искать в сфере религии. Несомненно, быстрое распространение христианства в Римской Африке было связано в числе всего прочего и с эволюцией древних пунических верований. Не слу-

³⁰ Жюльен Ш.А. История Северной Африки. С. 145.

³¹ Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. С. 250.

чайно территория распространения христианства в Африке во II веке по Р.Х. примерно соответствует области пунических поселений³².

Изменения общественного и индивидуального сознания в эпоху Римской империи происходили во взаимосвязи с трансформацией религиозных верований. Особенностью этого процесса можно считать то, что римляне, по своему обыкновению, не запретили в Африке почитания старых богов низвергнутой карфагенской цивилизации. Они не только позволили им существовать параллельно с привносимыми сюда культурами, но и не препятствовали религиозному синкретизму, который выразился в переплетении образов богов, культов с ними связанных, религиозных праздников, причем в этом переплетении можно усмотреть и собственно североафриканские (берберские), и финикийские (карфагенские), и египетские (эллинистические), и греко-римские (античные) элементы. Разумеется, самым заметным в дохристианское время был пунический компонент.

Степень романизации пунической религии и культов североафриканских народов была различна: иногда римское божество поглощало близкое ему финикийское (так Либер поглотил Шадрапу), в других случаях происходило сращивание пунических и римских черт (как, например, в Сатурне), в третьих — местное божество продолжало жить почти неизменившимся, но под новым именем (Тиннит — Целестис). Продолжали почитать пунических и своих богов и североафриканские племена, о чем свидетельствуют стелы времени Римской империи с изображениями и надписями³³.

Один из главных богов пунического пантеона Баал-Хаммон после римского завоевания продолжал почитаться в образе римского Сатурна, сохранившего многие черты вытесненного им бога. Новыми эпитетами Сатурна на африканской почве стали *senex* («старец») и *frugifer* («плодоносный»), а также *genitor* («родитель»), которые вполне соответствовали пуническим представлениям о Баал-Хаммоне. Эти эпитеты, по мнению Ю.Б. Циркина, вполне соответствовали тому образу божества, который сложился в ханаанейской и библейской религии, в том числе образу Яхве. Как полагают некоторые исследователи, именно потому, что Баал-Хаммон выступал в качестве «родителя», ему приносили в жертву новорожденных первенцев³⁴ (ср. Исх 22:29: «отдавай Мне первенца из сынов твоих»). Баал-Хаммон в образе Сатурна, как солнечный бог и покровитель пло-

³²Волков А.В. Карфаген. Белая империя черной Африки. С. 271–272.

³³Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. С. 168.

³⁴Там же. С. 145–146.

доносящей земли, царствующий на небе, и в потустороннем мире, продолжал почитаться в Северной Африке и после утверждения христианства. Так, блаж. Августин говорит, что надежда есть на каждого бога, в том числе и у тех, кто поклоняется Сатурну³⁵.

Имя столь популярной в Карфагенской державе богини Тиннит также исчезло после римского завоевания, зато появилась Целеста — Небесная богиня. По мнению некоторых исследователей, Целеста — это не римская богиня, а латинское имя Тиннит. В пользу такого предположения приводят тот факт, что эту богиню римляне отождествляли со своей царицей богов Юноной, а иногда и с такими богинями, как Диана или Церера. С течением времени эта богиня даже упрочила свое положение. Эволюция образа и функций этой богини приводят к выводу о том, что она становилась все более универсальной, сохраняя некоторые свои прежние качества (лунный и аграрный аспект), но в то же время поднимаясь до высшего положения в пантеоне. В латинском гимне в ее честь она названа царицей богов (*regina deum*) и правительницей богов (*deum rectrix*) (CIL, VIII, 16810)³⁶. Богиня Целестис почиталась в Северной Африке на протяжении долгого времени, включая период, когда там утвердилось христианство. Свидетельства о ее популярности встречаются у христианских авторов: так, Тертуллиан в конце II века называет Целесту богиней африканцев (К язычникам. II, 8)³⁷, а Сальвиан упоминает ее даже в V веке как африканского демона (*De gub. Dei*. VIII, 9). О празднике в честь Целесты, который сопровождался оргиастическими мистериями, с гневом говорит блаж. Августин (*De civ. Dei*. II, 26, 2).

Некоторые исследователи считают, что вера в превосходство Баала над другими богами подготовила почву для монотеизма, принесенного в Африку христианством. Ш. Жюльен, констатируя факт быстрого распространения христианства в Северной Африке, пишет: «В Берберии христианство попало на благодатную почву, так как аристократия была подготовлена к монотеизму философией, а народ — пуническим генотеизмом»³⁸.

Древние пунические верования и их трансформация сказались и на особенностях местного христианства, которое отличалось страстностью, доходя-

³⁵In domino deo suo est spes etiam illius qui colit Saturnum (En. in Ps. CXLV, 12).

³⁶Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. С. 154.

³⁷В Апологетике Тертуллиан говорит о ней как о «Небесной Деве» (Апологетик. К Скапуле. XXIV, 8).

³⁸Жюльен Ш.А. История Северной Африки. С. 238.

щей порой до фанатизма, склонностью к крайним аскетическим формам, находившим свое выражение, например, в монтанизме, а также готовностью к самопожертвованию, что привело к широкому распространению мученичества и последовавшим за ним расколам, вызванным разногласиями по поводу отношения к «падшим».

Таким образом, главными причинами быстрого распространения христианства в Северной Африке можно считать, с одной стороны, трансформацию пунической религии и религиозный синкретизм, в котором явно прослеживается тенденция к монотеизму, а с другой стороны, конкуренцию процессов романизации и христианизации, которые особенно усилились в Северной Африке во II веке. В этой конкуренции среди определенных слоев населения, особенно пунического по этнической принадлежности, христианство одержало победу, что привело к резкому увеличению числа сторонников новой религии. Специфические особенности христианства на африканской почве также в значительной степени можно объяснить корнями, уходящими вглубь Карфагенской цивилизации.

В заключение следует отметить, что христианизация Северной Африки имела свои особенности и специфику и в последующее время. Так, в IV веке она проходила на фоне глубокого раскола африканской церкви в связи с донатизмом, в V веке специфика христианизации определялась вандалским завоеванием, принесшим в Африку арианство, а VI век принес сюда Византийское Православие. Однако эти последующие этапы христианизации являются отдельными темами, требующими специального рассмотрения, выходящего за рамки настоящей публикации.

Источники и литература

1. *Апулей*. Апология. Метаморфозы. Флориды / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1960.
2. *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Собор св. 70-ти апостолов. Святой апостол Епенет // Православный собеседник. 1906. Т.2. С. 378–380.
3. *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви. Т. I. М., 1994.
4. *Волков А.В.* Карфаген. Белая империя черной Африки. М., 2004.
5. *Евсевий Памфил.* Церковная история. М., 1993.
6. *Жюльен Ш.А.* История Северной Африки. Т. 1. М., 1961.

7. *Зелев А.* Евреи в Карфагене // Сайт «Проза.ру». URL: <http://www.proza.ru/2008/04/13/106> (дата обращения: 16.05.2013).
8. Израильские и американские генетики: евреи основали Карфаген // Сайт «В Израиле». URL: http://newsru.co.il/israel/08aug2012/gen_003.html (дата обращения: 16.05.2013).
9. История Древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2001.
10. История Туниса // Сайт «Тунис — оазис Средиземноморья». URL: <http://www.tunisia.ru/history> (дата обращения: 18.05.2013).
11. *Сергеева Е.В.* Первые христианские общины в Северной Африке // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6 / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2007. С. 421–432.
12. Синаксарь славянский. Киев, 1874.
13. *Столяров А.А.* Тертуллиан. Эпоха. Жизнь. Учение // Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994. С. 7–34.
14. *Тертуллиан.* Избранные сочинения. М., 1994.
15. *Тертуллиан.* Апологетик. К Скапуле / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель А.Ю. Братухина. СПб., 2005.
16. *Федосик В.А.* Киприан и античное христианство. Минск, 1991.
17. *Циркин Ю.Б.* Карфаген и его культура. М., 1986.
18. *Augustinus.* De Civitate Dei // Documenta Catholica Omnia // URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/02m/0354-0430,_Augustinus,_De_Civitate_Dei,_MLT.pdf (дата обращения: 15.12.2013).
19. *Augustinus.* Epistolae // Documenta Catholica Omnia. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0354-0430__Augustinus__Epistolae__MLT.pdf.html (дата обращения: 10.05.2013).
20. *Augustinus.* Enarratio in psalmum CXLV // Documenta Catholica Omnia // URL: [http://www.documentacatholicaomnia.eu/02m/0354-0430,_Augustinus,_Enarrationes_In_Psalms_\[080-144\],_MLT.pdf](http://www.documentacatholicaomnia.eu/02m/0354-0430,_Augustinus,_Enarrationes_In_Psalms_[080-144],_MLT.pdf) (дата обращения: 15.12.2013).
21. *Barnes T.D.* Tertullian. A Historical and Literary Study. Oxford, 1985.
22. Dictionary of Greek and Roman Antiquities / Edited by William Smith. Oxford, 1870.

23. *Frend W.H.C.* The Donatist Church. A Movement of Protest in Roman North Africa. Oxford, 1952.
24. *Harnack A.* Kleine Schriften zur alten Kirche. Bd.1. Leipzig, 1980.
25. *Passio Sanctorum Scillitanorum* // The Acts of the Christian Martyrs / Introd., texts and Engl. transl. by H. Musurillo. Oxford, 1972.
26. Pope St. Victor I // Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/15408a.htm> (дата обращения: 17.05.2013).
27. *Salvianus Massiliensis Episcopus. De Gubernatione Dei* // Documenta Catholica Omnia. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/02m/0400-0470,_Salvianus_Massiliensis_Episcopus,_De_Gubernatione_Dei_Octo_Libri,_MLT.pdf (дата обращения: 15.12.2013).
28. *Stern K.B.* Inscripting Devotion and Death. Archaeological Evidence for Jewish Populations of North Africa. Boston, 2008.

Н.А. Ерундов

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ МОНАСТЫРСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ОБЪЕДИНЕННОМ КНЯЖЕСТВЕ ВАЛАХИИ И МОЛДАВИИ ПРИ КНЯЗЕ АЛЕКСАНДРЕ КУЗЕ (1859–1866)

Статья посвящена вопросу секуляризации собственности «преклоненных» монастырей Объединенного княжества Валахии и Молдавии, представленному в контексте внешней политики Российской империи на Балканах. Особое внимание уделено роли и степени участия в рассматриваемых событиях российских дипломатических представителей.

Ключевые слова: Церковно-государственные взаимоотношения, преклоненные монастыри, Румынская Православная Церковь, князь А. Куза, политика Российской империи на Балканах, секуляризация, Н.П. Игнатъев, дипломатия Российской империи.

Судьба Православной Церкви в Дунайских княжествах Валахии и Молдавии всегда была для России предметом пристального внимания и непосредственного политического интереса. Политический интерес России к Дунайским княжествам был, конечно же, обусловлен борьбой за обеспечение свободы мореплавания через черноморские проливы. Для решения такой непростой задачи Россией был выбран путь установления своего политического влияния в Дунайских княжествах. Однако, если в первой половине XIX в. Россия могла оказывать непосредственное влияние на дела княжеств, то после Крымской войны ей приходится довольствоваться лишь ролью наблюдателя. В этих условиях возросла роль церковной политики.

В середине XIX в. Валахия и Молдавия объединяются в единое государство — Объединенное княжество Валахии и Молдавии. Правительство Объединенного княжества, пытаясь укрепить международное положение и экономику своего государства, проводит коренные реформы в финансовой сфере, в области образования, судопроизводства. Центральное место в процессе становления национального румынского государства занимает вопрос монастырской собственности, которая составляет не менее четверти территории страны.

Николай Александрович Ерундов — магистр богословия, преподаватель Казанской православной духовной семинарии (GerundivN-K@yandex.ru).

Жизненно необходимой задачей правительства становится секуляризация монастырских имений, тем более что большая часть этих имений принадлежит иностранным владельцам— Афонским, Синайскому монастырям, восточным патриархатам. Назревает конфликт, разрешение которого берут на себя европейские державы, в том числе Россия, традиционно проводя политику поддержки Православия, а в данном случае выступая на стороне владельцев монастырской собственности.

Цели данного исследования— охарактеризовать роль России в вопросе секуляризации имений преклоненных монастырей, выявить степень участия в этом вопросе конфликтующих сторон: российских дипломатических представителей, владельцев монастырского имущества, князя А. Кузу и представителей западноевропейских держав. Однако для начала необходимо дать некоторое представление о каноническом положении монастырей Дунайских княжеств и попытках секуляризации их имущества в первой половине XIX в.

По юрисдикционному положению монастыри на территории Объединенного княжества делились на три вида:

1) монастыри, управляемые местным духовенством (*parmentene*);
2) преклоненные монастыри, зависимые от монастырских общин на Востоке (*inchinate*). Собственность этих монастырей, в свою очередь, принадлежала либо святым местам Востока, либо епархиям.

3) монастыри, распорядившиеся своей собственностью самостоятельно¹.

С глубокой древности монастыри всех категорий пользовались большими льготами и не несли никаких повинностей. Органический регламент 1829 г. ограничил льготы для монастырей первых двух категорий, а монастыри третьей категории были освобождены от всяких налогов². Органический регламент предоставлял монастырям полную свободу в распоряжении своим движимым и недвижимым имуществом. В Молдавии такое положение дел сохранилось до 1841 г.

Во время правления молдавского князя Михаила Стурдзы, правительство предприняло попытку присвоить себе монастырскую собственность. В 1841 г. был учрежден комитет, который получил право контроля над собственностью монастырей, подведомственных митрополиту и епископам. Молдавский митрополит Вениамин активно сопротивлялся незаконным действиям князя, но под

¹ *Курганов Ф.А.* Наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. Казань, 1899. С. 140.

² Положение Православной Церкви и монастырей в Молдавии. СПб., 1864. С. 6.

давлением был вынужден оставить кафедру. При его преемнике митрополите Мелетии в 1844 г. был издан указ об учреждении особого департамента, который должен был совместно с духовенством контролировать церковную ответственность. Это был первый факт такого рода вмешательства в дела монастырей.

Те же процессы происходили и в Валахии. Для управления церковными имуществами было учреждено Министерство духовных дел, которое часто решало вопросы в угоду правительства. Особый интерес у господарей вызывали так называемые преклоненные монастыри. Эти монастыри появились в княжествах еще в конце XV – начале XVI вв. Они были «посвящены» различным святым местам Востока: греческим монастырям Афона, святому Гробу Господню в Иерусалиме, горе Синай, Александрийскому и Антиохийскому Патриархатам. Причина появления преклоненных монастырей объясняется, с одной стороны неустойчивым политическим состоянием княжеств, которое часто вызывало неурядицы в церковной жизни, с другой стороны, более выгодное положение греческого духовенства³.

Чтобы обеспечить безопасность монастырей, местное духовенство было вынуждено подчинить их различным обителям Востока. Доходы с имущества таких монастырей принадлежали греческим монастырям Востока. А имущества у этих монастырей было много⁴.

Доходы, получаемые с монастырских имуществ, шли на поддержание разрушенных храмов, на содержание школ, на издательскую деятельность, на благотворительные нужды. При этом были и злоупотребления. Так, в преклоненных монастырях право управления монастырской собственностью постепенно передавалось греческому духовенству. Так как земельные угодья монастырей часто сдавались в аренду, то арендаторы быстро обогащались. О недостойном поведении греческих управляющих знало и русское правительство. В ноте на имя посланника в Константинополе А. П. Бутенева (1852) говорилось: «Обязательства духовных общин проистекают из смысла актов преклонения, условия которых нарушены управляющими. Эти злоупотребления часто навлекают небезоснова-

³ *Арсений (Стадницкий), еп.* Митрополит Гавриил Банулеско-Бодони. Кишинев, 1894. С. 199.

⁴ Судя по выпискам профессора Курганова, точных данных о количестве монастырских земель не существует. К середине XIX века их число колебалось от 1/3 до 2/5 от всех земельных угодий Румынии. См.: *Курганов Ф.А.* Наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. С. 175, прим.

тельное обвинение на духовное управление»⁵. Россия здесь и во всех последовавших эпизодах исходила из одного принципа покровительства православным учреждениям, и потому закрывала глаза на подобные безобразия. После греческого восстания 1821 г. положение преклоненных монастырей резко изменилось. На фоне общей ненависти к фанариотскому режиму в княжествах из посвященных обителей было изгнано все греческое духовенство и заменено румынским. Имущества монастырей были секуляризованы, но, правда, ненадолго. Уже в 1826 г., под давлением России, покровительствовавшей грекам, Порты повелела все преклоненные монастыри вернуть греческому духовенству⁶. Господари вынуждены были подчиниться решениям Порты, однако попытки господарей «овладеть» монастырской собственностью не прекратились. Так неоднократно предпринимали попытки завладеть монастырскими имуществами господари Георгий Бибеску и Михаил Стурдза, но всякий раз терпели неудачу из-за препятствий со стороны России, которая пользовалась правом покровительства христианам Востока. Когда же Парижский мирный договор 1856 г. лишил Россию этого права, попытку изъятия монастырских имуществ предприняли молдавский господарь Гика и валашский князь Штирбей. Еще в 1855 г. они просили турецкое правительство изъять часть доходов преклоненных монастырей в пользу княжеств, но получили со стороны Порты отказ⁷.

Чтобы пресечь такие посягательства со стороны господарей, на Парижской конференции 30 июля 1858 г. русский уполномоченный обратил внимание участников на вопрос, касающийся монастырской собственности Дунайских княжеств. Конференция выработала решение по урегулированию конфликта следующим образом: «...конференция решила, что, для справедливого решения споров по этому предмету между правительствами княжеств и православным духовенством, обе стороны будут приглашены кончить их посредством взаимного соглашения; если же соглашение не последует в течение года, то спор будет решен третейским судом. Если и третейский суд не успеет согласить, то будет избран высший третейский суд, а если посредники не согласятся между собой и относительно выбора высшего третейского суда, то он будет назначен по соглашению Высшей Порты с гарантирующими державами»⁸. Однако меры, принятые

⁵Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Св. Земле и на Ближнем Востоке в XIX – нач. XX в. М., 2006. С. 332.

⁶Арсений (Стадницкий), еп. Исследования и монографии. СПб., 1904. С. 223.

⁷Курганов Ф.А. Наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. С. 163.

⁸Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 57-58.

по урегулированию вопроса имуществ преклоненных монастырей, не помешали следующему господарю Александру Кузе, опираясь на поддержку Франции, провести секуляризацию монастырских земель.

Александр Иоанн Куза стал господарем Объединенного княжества Валахии и Молдавии 17 марта 1859 г. Избранный господарь происходил из старинной боярской фамилии. Родился в Галаце, учился в Париже и Болонье, в совершенстве знал французский, итальянский, немецкий и греческий языки. Военное образование получил в кадетском корпусе в Потсдаме, юридические науки изучал в Мюнхене. Приобрел большой авторитет как один из активных участников революционных событий 1848 г. За приверженность к национальной партии он был арестован, но бежал из страны. По возвращении в Бухарест поступил на военную службу и дослужился до звания полковника. Был активным сторонником борьбы за объединение княжеств. В 1857 г. участвовал в заседаниях молдавского Дивана, собранного по вопросу объединения княжеств. В 1858 г. стал даже военным министром Молдавии⁹.

Правительство Кузы сразу же взяло курс на реформирование всех сторон жизни нового государства. Реформы имели цель резко изменить положение в социальной, экономической и культурной жизни страны. Решительным актом правительства князя Кузы, направленным на укрепление и расширение автономии явилась секуляризация земель преклоненных монастырей, которые, как мы показали выше, занимали значительную долю всех земельных угодий страны. Неудивительно, что Куза и его правительство вели упорную борьбу за секуляризацию монастырской собственности. Уже в первый день своего правления он заявил, что конфискует имущества, принадлежащие иностранному духовенству¹⁰.

Весной 1859 г. для упорядочения монастырских имуществ была создана специальная комиссия. Предполагалось, что в комиссию войдут представители монастырей, кандидатуры которых должны были быть одобрены Константинопольским патриархом. Восточные патриархи составили список кандидатов, но Константинопольский патриарх Кирилл VII отказался его утвердить. Тогда Восточные патриархи без согласия Кирилла направили этот список Кузе. Чувствуя себя обиженным, патриарх обратился к министру Порты Али-паше, чтобы последний отменил назначение данных кандидатов в комиссию¹¹. Так или иначе,

⁹См.: Греков Ю. Румыния в лицах. Кишинев, 1996. С. 85.

¹⁰Курганов Ф.А. наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. С. 167.

¹¹РГИА Ф. 797. Оп. 30. Д. 373. Л. 28.

ни один законопроект касательно собственности монастырей так и не был принят, потому что Куза в мае 1859 г. закрыл заседание Палаты. Однако это не помешало правительству объявить о конфискации $\frac{1}{4}$ доходов преклоненных монастырей. Когда российский генеральный консул в Бухаресте Н.К. Гирс потребовал объяснений, ему ответили, что просто исполняют решение, принятое еще в 1855 г. при валашском государе Штирбее¹².

В июне 1859 г. председатель совета министров и министр внутренних дел потребовали от Молдавского митрополита Софрония (Миклеску) сведения о недвижимом имуществе независимых монастырей. Митрополит выполнил поручение правительства и передал необходимые документы. Через несколько дней правительство объявило о передаче собственности независимых монастырей в ведение Департамента церковных имуществ.

Для процедуры передачи прав управления имуществами от Церкви к государству была учреждена специальная комиссия. Комиссия приступила к своей работе незамедлительно¹³. Был обнародован документ, по которому молдавские монастыри лишались права собственности и управления своей собственностью. Причем движимое имущество монастырей планировалось продавать, а недвижимость сдавать в аренду. Кроме того, документ запрещал монастырям самостоятельно составлять годовичные сметы расходов и передавал это право новообразованной комиссии¹⁴.

Для устранения препятствий и жалоб со стороны монастырей, правительство низложило законно избранных игуменов и на их место назначило других. У монастырских ворот были выставлены караулы земской полиции. Из архивов монастырей были вывезены документы, подтверждающие права монастырей на владение землями. По словам одного из очевидцев: «Все эти меры были приняты совершенно неожиданно, и скорее походило на неприятельское нападение, чем на правильную деятельность законной власти»¹⁵.

2 июля 1859 г. комиссия появилась в Нямецкой лавре — крупнейшем монастыре Объединенного княжества. Члены комиссии действовали грубо и незаконно. Была конфискована монастырская казна, опечатана канцелярия, архив и библиотека. Вокруг монастыря были выставлены жандармы. Нямецкий мона-

¹²См.: *Jelavich. B. Russia and the Formation of the Romanian Empire. Cambridge, 1984. P. 138.*

¹³*Курганов Ф.А. Наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. С. 169.*

¹⁴См.: *Арсений (Стадницкий), ep. Исследования и монографии... С. 271; Istoria Bisericii Romine. Bucuresti, 1958. Vol. 2. P. 501.*

¹⁵Положение Православной Церкви и монастырей в Молдавии. С. 16.

стырь обратился за помощью к митрополиту Софронию. Митрополит написал Кузе протест, в котором обвинял правительство в незаконных действиях. Софроний с протестом обращался в различные консульства, но безрезультатно. Тогда 10 января 1860 г. митрополит обратился к уполномоченному монастырскими имуществами в Бессарабии иеромонаху Феофану и попросил выступить посредником перед русским правительством в ходатайстве о защите прав монастырей вообще и Нямецкого монастыря в частности¹⁶.

21 июля 1860 г. иеромонах Феофан написал Синоду Русской Церкви записку «О происках к ниспровержению Восточной православной веры в княжествах Валахии и Молдавии». В ней он доказывал, что церковные реформы явились результатом западного влияния на руководителей государства и были направлены на ослабление православия в княжествах и устранение влияния со стороны России. Феофан просил у русского правительства «...обеспечить неприкосновенность и права Православной Церкви в княжествах»¹⁷. Несмотря на все протесты митрополита, правительство не собиралось отменять свои распоряжения. Более того, в августе 1860 г. оно решило заключить владыку в монастырь. 8 ноября 1860 г. в резиденцию митрополита ворвались жандармы и, схватив последнего, повезли его в Слатинский монастырь. Здесь митрополита заключили под арест и вынудили отказаться от кафедры. Вскоре он умер и был погребен в Нямецком монастыре¹⁸.

Как мы отмечали выше, решение вопроса о преклоненных монастырях должно было следовать инструкции, которую разработала Парижская конференция 1858 г. В протоколе конференции был назначен годовой срок, в течение которого стороны, заинтересованные в вопросе монастырской собственности, могли бы прийти к взаимовыгодному соглашению. Куза заверил представителей святых мест, что комиссия по урегулированию данного вопроса откроется в Бухаресте 18 июля 1860 г., однако постоянно переносил заседания комиссии на более поздний срок¹⁹. Представители греческого духовенства обращались с жалобами к консулам держав в Бухаресте, к турецкому правительству, наконец, просили назначения посреднического суда, но все безуспешно. Только в сентябре 1861 г. Порты потребовала от князя выполнить требования, предписанные Парижской конференцией. За это время правительство успело национализировать

¹⁶ *Арсений (Стадницкий), еп.* Исследования и монографии... С. 288.

¹⁷ Там же. С. 290.

¹⁸ *Istoria Bisericii Romine*. Bucuresti, 1958. Vol. 2. P. 502.

¹⁹ См.: *Jelavich. B.* Russia and the Formation of the Romanian Empire. P. 139.

некоторые монастырские постройки, часть из которых были переоборудованы в госпитали и тюрьмы. Правда, земельная собственность оставалась еще в ведении монастырей, правительство лишь приостановило сдачу земель в арендное пользование²⁰.

Господарь Куза подчинился требованию Порты и обещал приступить к переговорам с представителями святых мест. Правительство даже отменило запрет на аренду монастырских земель. Турецкое правительство назначило новый срок для решения вопроса: 18 апреля 1862 г. Однако князь не спешил.

Чувствуя уклончивость князя от исполнения своих обязательств, греческое духовенство отказалось от дальнейших переговоров с румынским правительством и сообщила Порте, что передает решение вопроса на суд посредников²¹.

В мае 1862 г. была собрана посредническая комиссия, которая потребовала разрешения всех спорных вопросов в течение 6 месяцев со дня принятия решения. Однако и это требование, как и все предыдущие, было румынским правительством проигнорировано.

13 ноября 1862 г. правительство Кузы наложило запрет на все доходы преклоненных монастырей и постановило об их передаче в государственную казну. Настоятели монастырей обратились за помощью к консулам держав с требованием отмены запрета. Консулы убеждали князя прекратить меры по конфискации доходов монастырей, но Куза был настойчив, уверяя, что «суммы, поступившие в казну, были изъяты только на временное хранение»²². Однако консулы смогли приостановить решительные действия румынского правительства. Это видно из депеши российского генерального консула в Бухаресте М.Н. Гирса, который 22 декабря 1862 г. писал: «Комиссия по составлению государственного бюджета не решила вопрос о монастырских имениях, и вопрос их конфискации остался открытым»²³. Министерство постановило все доходы с греческих монастырей передать в казну. Правительство утверждало, что приняло эту «предохранительную меру против недобросовестности некоторых игуменов по просьбе Вселенского патриарха»²⁴ (факт такой просьбы так и не был подтвержден). Правительство уверяло, что доходы монастырей были переданы в казну лишь на

²⁰Курганов Ф.А. наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. С. 186.

²¹См.: *Istoria Bisericii Romine*. P. 502.

²²РГИА Ф. 797. Оп. 30. Д. 373. Л. 38.

²³Там же.

²⁴Там же. Л. 39.

временное хранение, однако когда оно включила эти суммы в государственный бюджет, то стала ясна истинная цель такого распоряжения. Игумены монастырей, узнав о решении правительства, 19 декабря 1862 г. подали официальную жалобу консулам европейских держав, в том числе и России. Российский поверенный в Константинополе Е.П. Новиков ответил, что порицает такое недопустимое вмешательство правительства в дела монастырей. Новиков советовал игуменам возобновить переговоры с правительством господаря²⁵.

22 декабря 1862 г. вопрос о монастырских землях был вынесен на обсуждение Палаты. «После бурных споров почти единогласно решили, чтобы доходы греческих монастырей были включены в бюджет»²⁶. Новиков употребил все усилия, чтобы склонить Вселенского патриарха подать официальную жалобу Порте и европейским державам о захвате монастырской собственности. Но державам было невыгодно усиление влияния России. Это вылилось в то, что консулы европейских держав «показали большое равнодушие к этому вопросу»²⁷.

Правительство Румынии всеми возможными мерами пыталось отстранить игуменов от управления монастырскими имуществами. Так 22 марта 1863 г. был издан закон о совершении богослужений в преклоненных монастырях только на румынском языке. Хотя эта мера правительства и вызвала массовые беспорядки в обителях, но закон так и не был отменен. Кроме того, было принято решение, согласно которому в судебных процессах, связанных с вопросами монастырской собственности, права ходатайства передаются представителям министерства церковных дел²⁸. Цель такого распоряжения— лишить монашество прав участвовать в судебных процессах.

30 марта 1863 г. генеральный консул М.Н. Гирс имел встречу с князем Кузой и просил его отменить решение Палаты относительно монастырских имуществ. Господарь «счел небезопасным поднимать этот вопрос снова»²⁹.

Тем временем духовенство княжеств решило отозвать своего уполномоченного из комиссии и тут же осознало, что совершило ошибку. Оно теперь не имело возможности получать точных сведений о работе комиссии³⁰.

21 марта 1863 г. министр иностранных дел Османской империи Али-паша разослал представителям держав ноту, в которой настаивал на немедленном со-

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 41.

²⁷ Там же. Л. 53.

²⁸ Там же. Л. 38.

²⁹ Там же. Л. 62.

³⁰ Там же. Л. 153.

зыве посреднической комиссии для решения вопроса, касающегося имуществ преклоненных монастырей. Чтобы обсудить спорный вопрос, в середине апреля в Константинополе открылась конференция представителей европейских держав. С самого начала работы конференции среди участников возникли несогласия во мнениях. В то время как представители Англии и Турции заявили о своем несогласии с мерами князя Кузы относительно монастырей, Франция в лице посла де Мустье вообще отрицала компетентность суда конференции. В итоге конференция закрылась, не приняв никаких положительных решений³¹.

Противоречивые позиции европейских держав и явное покровительство Франции побудило румынское правительство к еще более решительным мерам. Было издано постановление, чтобы греческие игумены отстранялись от занимаемых должностей и заменялись игуменами из местного духовенства. Имущества монастырей сдавались в аренду только с разрешения совета министров, а арендные договоры подписывались министром духовных дел. 18 июня 1863 г. Куза подписал указ об изъятии у преклонных монастырей священных сосудов и облачений³².

Для оправдания мер румынского правительства относительно имуществ монастырей, министр иностранных дел в июне 1863 г. подал консулам великих держав в Константинополе записку, в которой старался доказать, что имущество преклоненных монастырей есть собственность румынского государства. Ввиду этого, правительство Кузы просило отменить тринадцатый протокол Парижской конференции как угрожающий самостоятельности Объединенного княжества³³. Познакомившись с содержанием записки, восточные патриархи 2 июля 1863 г. написали опровержение, где на основании сохранившихся древних грамот доказывали право святых мест на владение земельной собственностью преклоненных монастырей.

По просьбе греческого духовенства турецкое правительство вновь разослало державам ноту, в которой просило созыва посреднической комиссии. В свою очередь восточные патриархи и греческие религиозные общины просили командировать для переговоров своего уполномоченного архимандрита Афонского Есфигменского монастыря Нила. В июле 1863 г. он прибыл в Париж и обнародовал перед французским правительством документы, касающиеся вопроса

³¹См.: Неклюдов В. Слово о посвященных монастырях // Московские ведомости. М., 1863. № 134. С. 3.

³²Курганов Ф.А. Наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. С. 196.

³³Там же. С. 200.

монастырских имуществ³⁴. Правительство Франции осталось глухо к просьбам архимандрита Нила.

Князь Куза по-прежнему игнорировал все протесты Порты и жалобы греческих иерархов. Более того, 11 августа 1863 г. он официально заявил османскому правительству и представителям европейских держав, что «конфискация монастырских имуществ есть дело окончательно решенное, и взамен монастырям будет назначено вознаграждение»³⁵. Такой ответ князя весьма взволновал Порту и европейские державы.

19 сентября 1863 г. министр иностранных дел России А.М. Горчаков отправил русскому поверенному в Константинополе Е.П. Новикову депешу, в которой осуждал действия румынского правительства. «Мы будем продолжать считать Восточную Церковь,— писал он,— жертвой неслыханного грабежа, и держимся, по-прежнему, тринадцатого протокола Парижской конференции. По справедливости государю было бы необходимо возратить имущества в то положение, в котором они находились в эпоху Парижского конгресса»³⁶.

Такая резкая активизация князя на «монастырском вопросе» отчасти объясняется тем, что Куза в первые годы своего правления основной упор делал на внешнюю политику. Этому, главным образом, способствовали восстание в Герцеговине 1861-1862 гг. и война между Черногорией и Турцией 1862 г. Правительство Объединенного княжества вело тайные переговоры Сербией с целью совместных военных действий против Порты. Летом 1862 г. часть румынских войск была стянута к сербской границе. Куза был готов к вооруженной борьбе против Порты, однако с 1863 г. произошли большие перемены в отношениях между державами³⁷. В период польского восстания 1863 г. равновесие среди европейских держав, установившееся в результате Парижского договора 1856 г., нарушилось. Установилось две коалиции: Франция, Англия и Австрия с одной стороны, Россия и Пруссия— с другой. В таких условиях правительство Объединенного княжества сконцентрировало свое внимание на решении внутренних проблем государства³⁸.

³⁴Подробнее см.: Московские ведомости. М., 1863. № 171. С. 3.

³⁵См.: *Неклюдов В.* Слово о посвященных монастырях. № 181. С. 3; *Istoria Bisericii Romine*. P. 504.

³⁶См.: *Волков М.* О посвященных монастырях // *Голос*. СПб., 1863. № 323. С. 127.

³⁷*Чертан Е.Е.* Великие державы и формирование Румынского независимого государства. Кишинев. 1980. С. 120.

³⁸См.: *Великие державы и буржуазные реформы в Румынии 1863–1865 гг.* // *Балканский исторический сборник*. Кишинев, 1973. Т. 3. С. 127.

Объединенное княжество унаследовало от Валахии и Молдавии целую совокупность проблем: крайнюю отсталость экономики, полное отсутствие фабричной промышленности, феодальную собственность бояр на землю, узкий внутренний рынок. Крестьяне, которые составляли до 90% населения страны, хотели освободиться от феодальной повинности, получить в собственность земельные наделы.

Все понимали неизбежность реформы, но не все предлагали одинаковые способы ее осуществления. Поскольку в законодательных собраниях Объединенного княжества большинство составляли консерваторы: крупные землевладельцы и представители духовенства, желавшие проведения реформы с наименьшими потерями для помещичьего землевладения, они встали в противоречие с политикой правительства, желавшего скорейшего проведения реформ. Со стороны оппозиционеров в адрес правительства посыпалась критика, в ответ на которую последнее ответило активными мерами: закрывало парламентские сессии, изгоняло деятелей оппозиции с государственной службы, угрожало арестами и судебными преследованиями³⁹. В это же время произошла очередная смена министерства (за 4 года правления Кузы сменилось 21 министерство). Во главе министерства стал М. Когэлничану. Чтобы примирить правительство Кузы со сформировавшейся оппозицией, министр М. Когэлничану предложил провести секуляризацию монастырской собственности⁴⁰.

15 декабря 1863 г. правительство провело через собрание проект закона, согласно которому земли преклоненных монастырей были объявлены секуляризованными. Вот несколько выдержек из его текста:

«Статья 1. Все имущества румынских монастырей составляют государственное имущество.

Статья 2. Доходы с этих имуществ будут вписаны в доходы государственного бюджета.

Статья 3. Святым Местам, которым были посвящены некоторые из туземных (местных) монастырей, будет назначена известная сумма в виде пособия, согласно с целью благотворителей. Высшая цифра этой суммы определяется в 82 миллиона турецких пиастров.

³⁹См.: Очерки политической истории Румынии. 1859–1944. Кишинев, 1985. С. 15.

⁴⁰Там же. С. 16.

Статья 6. Правительство возьмет у греческих игуменов украшения, книги, документы, хранящиеся в архивах»⁴¹. 24 декабря 1863 г. новый закон был утвержден Кузой.

Новый закон был встречен в стране всеобщим одобрением. Крестьяне надеялись, что после осуществления этой реформы монастырские земли перейдут в их собственность. Помещики рассчитывали этими землями откупиться от крестьян, сохранив неприкосновенными свои владения. Мелкие промышленники и торговцы рассматривали в создании крупного земельного фонда источник выгодных аренд и приобретений⁴².

Духовенство Румынской Церкви отреагировало на реформу по-разному. Представители высшего духовенства и монашества были крайне недовольны мерами правительства. После обнародования закона о секуляризации, они подали на имя Валашского митрополита Нифонта прошение об отмене постановлений правительства. Реакция правительства последовала незамедлительно: 18 января 1864 г. был издан указ об отставке всех, подписавшихся под прошением.

Активными противниками новой реформы стали братья Скрибаны: Неофит, Феоктист и особенно Филарет. Последний на одном из заседаний румынского Синода публично произнес анафему на князя. Куза, видя огромное влияние Филарета и Неофита на церковную жизнь в княжествах, желал привлечь их на свою сторону. Князь предложил талантливому Филарету пост митрополита Молдавии, а Неофиту — Валахии. Братья отказались принять назначение, считая его неканоничным⁴³.

По вопросу монастырских имуществ были и противоположные мнения. Так, известно, что защитником реформы был архимандрит одного из монастырей Валахии Агафон, доказывавший, что румынское правительство имеет полное право секуляризовать имущества преклоненных монастырей. Сочувствовало реформе и белое духовенство⁴⁴.

Среди духовенства и народа ходили слухи, что реформа — следствие «происков» католического духовенства. Самому Кузе приписывалось стремление заключить унию с Католической Церковью. Такое мнение было распространено в российской светской и церковной печати. Причина таких взглядов в вполне конкретных действиях правительства. Во-первых, в 1864 г. в княжествах

⁴¹ См.: Волков М. О посвященных монастырях // Голос. СПб., 1863. № 347. С. 137.

⁴² См.: Очерки политической истории Румынии. С. 15.

⁴³ См.: Лопухин А.П. История христианской Церкви в XIX веке. СПб., 1901. Т. 2. С. 485.

⁴⁴ Курганов Ф.А. Наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. С. 164.

был введен григорианский календарь; во-вторых, Румынская Церковь была отстранена от участия в управлении духовными учебными заведениями, в-третьих, в 1864 г. в Яссах была открыта католическая семинария⁴⁵. Вообще в княжествах была дана полная свобода католическому духовенству.

Какова была реакция на происходящие события русских дипломатических представителей? Генеральный консул Г.Г. Оффенберг в депеше от 24 октября 1864 г. высказывал следующие мысли: «Ввиду безграничной власти, захваченной правительством в церковных делах, ввиду безумной склонности к латинизму молодой Румынии, невозможно избавиться от опасения, что уния утвердится здесь незаметным образом и без серьезного сопротивления»⁴⁶. Такого же мнения придерживался Н.П. Игнатьев, с 1864 г. возглавивший российское константинопольское посольство. Монастырский вопрос был для него первой проблемой, с которой он столкнулся в Константинополе. Игнатьев, правда, сомневался, что Куза намерен явно принять унию. «Гораздо опаснее,— писал он,— та подземная работа, которая состоит в изменении церковного устройства, в служении литургии на латинском языке. Вот, что может привести к унии»,— считал Игнатьев⁴⁷. Однако российские дипломатические представители понимали, что реформы правительства преследуют другую цель, нежели простое желание князя заключить с Католической Церковью унию. Оффенберг полагал, что намерение господаря активно сотрудничать с католическим духовенством вызвано желанием заключить от своего имени международный договор, и, таким образом, «...поставить себя на один уровень с полновластными государями»⁴⁸. В действительности господарь покровительствовал не только католикам, но и различным протестантским течениям. Что же касается более тесного взаимоотношения с католицизмом, то, в сущности, правительство Кузы преследовало не интересы Римско-Католической Церкви, а свои собственные политические интересы.

Вопрос о секуляризации монастырских земель вызвал ожесточенную борьбу между державами, так как, по сути, спор шел об усилении экономического и политического влияния той или иной державы не только в Объединенном княжестве, но и в целом на Балканах. Русское правительство, заинтересованное

⁴⁵Там же. С. 134.

⁴⁶РГИА Ф. 797. Оп. 34. Д. 275. Л. 5.

⁴⁷Там же. Л. 95.

⁴⁸Там же. Л. 5.

в поддержке Православной Церкви в борьбе с Турцией, взяло преклоненные монастыри под свое покровительство.

Узнав о решении румынского правительства, А.М. Горчаков поручил русскому генеральному консулу в Бухаресте Г.Г. Оффенбергу сообщить Кузе о глубоком возмущении царя по поводу секуляризации земель преклоненных монастырей и потребовать ее отмены. Куза пытался доказать Оффенбергу, что эта мера остро необходима для страны, и вызвана неуклонной позицией греческого духовенства, не желающего найти компромиссное решение. Князь заявлял, что население страны недовольно греческим духовенством, и если вернуть земли монастырям, в княжествах получит распространение католичество⁴⁹.

Одновременно А.М. Горчаков сообщил русскому поверенному в Константинополе Е.П. Новикову, чтобы тот проконсультировался с Али-пашой и послами держав о предъявлении ноты протеста правительству княжеств. Он добивался, чтобы инициативу проявила Турция. Получив указания своих правительств, австрийский посол, британский и русский поверенные предложили французскому послу де Мустье присоединиться к протесту великих держав. Де Мустье, однако, отказался, заявив, что румынское правительство не допустило никакого нарушения. Де Мустье поддержал и итальянский посол Греппи. Великий визирь Фуад-паша послал князю Кузе письмо, в котором объявил решение о секуляризации недействительным.

3 января 1864 г. генеральные консулы России, Австрии, Англии и Пруссии в Бухаресте направили Кузе идентичные ноты протеста. После некоторого колебания к державам присоединился и итальянский посол. Только французские дипломаты отказались поддержать протесты остальных держав. Они хотели перенести переговоры в Париж, но Горчаков настоял, чтобы переговоры проходили в Константинополе⁵⁰. Сначала представители Турции, Австрии, Пруссии и Англии согласились с ним. Однако вскоре обострились противоречия между Россией и Англией. Английский посол в Константинополе Г. Булвер заявил, что согласен с секуляризацией даже без выплаты компенсаций⁵¹. Это вызвало недовольство со стороны России и Турции.

На встрече в Лондоне правительство Англии решило осудить шаг румынского правительства и передать право управления монастырскими имуществами специальной комиссии. Стремясь получить возможность вмешательства в де-

⁴⁹ См.: Великие державы и буржуазные реформы в Румынии. С. 127.

⁵⁰ См.: *Чертан Е.Е.* Великие державы... С. 74.

⁵¹ См.: Там же. С. 75.

ла Объединенного княжества, Булвер предложил передать имущество преклоненных монастырей под контроль Порты и держав. Однако влияние Франции оказалось сильнее. В начале февраля 1864 г. английский посол под давлением Франции согласился с секуляризацией земель взамен денежной компенсации. Горчаков заявил, что принцип компенсации может быть принят конференцией держав, но не predetermined заранее. Горчакова поддержал и австрийский министр иностранных дел Рехберг⁵². Не без влияния русского посла в Пруссии Убри поддержал Россию и Бисмарк, соглашавшийся до этого на секуляризацию.

Таким образом, большинство великих держав выступило за строгое соблюдение международных трактатов. Больше всего державы боялись превращения Объединенного княжества в плацдарм Франции. Действительно, правительство княжеств, всегда тяготившее к Франции, с 1863 г. окончательно перешло на ее сторону. Куза открыто симпатизировал Франции. Стремясь подчеркнуть свою преданность Наполеону III, Куза в конце 1863 г. предложил передать в распоряжение французского императора румынскую армию и военные ресурсы страны.

Итак, 27 апреля 1864 г. в Константинополе открылось первое заседание конференции великих держав по обсуждению вопроса об имуществе преклоненных монастырей. На конференции присутствовали представители Англии, Франции, Австрии, России, Пруссии и Италии. Конференция объявила, что постановление румынского правительства о секуляризации преклоненных монастырей противоречит Парижской конвенции. На заседании от 16 мая было принято решение о создании комиссии для определения суммы возмещения за земли преклоненных монастырей и образовании специальной комиссии, которая должна была выплатить эту сумму⁵³. Эта комиссия состояла из уполномоченных от румынского правительства и представителей восточных монастырей. Комиссия постановила: 1) приостановить продажу монастырских имуществ, 2) доходы с этих имуществ вносить в специальную кассу, находящуюся под контролем держав, 3) сохранять в целости предметы богослужебного характера⁵⁴. 28 мая 1864 г. данный протокол через визиря Фуад-пашу был передан господарю, но, как и все предыдущие был оставлен им без внимания. Поражает, с какой нерешительностью против действий господаря выступало правительство Порты. «Во

⁵²См.: Там же. С. 76.

⁵³Там же. С. 77.

⁵⁴См.: *Курганов Ф.А.* Наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. С. 265; *Istoria Bisericii Romine*. P. 504.

всех переговоров,— пишет Н. П. Игнатъев,— отмечена крайняя мягкость турецкого министра»⁵⁵. Такая ситуация— явное свидетельство колоссального влияния Франции.

Образованная на конференции комиссия требовала, чтобы Константинопольский патриарх Софроний III представил ей документы, подтверждающие права Константинопольской Церкви на имущества секуляризованных монастырей⁵⁶. Патриарх медлил. Между тем, в августе 1864 г. представитель Кузы в Константинополе Костаки Негри объявил комиссии от имени князя, что румынское правительство готово увеличить сумму вознаграждения монастырям с 80 до 150 млн. пиастров, если монастыри Востока откажутся от своих претензий на имущество преклоненных монастырей. Комиссия согласилась на такие условия, но греческие иерархи были непреклонны. Они подали Порте протест, в котором отказывались принять какое-либо вознаграждение⁵⁷. Комиссия, так и не получив от патриарха необходимых документов, вынуждена была прекратить свои заседания.

Вновь пересмотреть вопрос о монастырских имуществах попытался российский поверенный в Константинополе генерал Н.П. Игнатъев. Как мы уже упоминали, он вступил в эту должность в начале 1864 г. Еще в декабре 1864 г. он предложил комиссии разделить монастырские имущества на 2 категории: монастырские строения и земельную собственность. Первые— вернуть монастырям, а за земли выдать вознаграждение. Это предложение не нашло поддержки у держав и Игнатъев вынужден был отказаться от этой идеи⁵⁸.

В феврале 1865 г. правительство Объединенного княжества было готово предоставить банку Порты в качестве залога выплаты компенсации за национализированную монастырскую собственность 150 млн. пиастров. Эти деньги были готовы дать займы под огромные проценты греческие банкиры Константинополя, что являлось большой игрой— греки бы тогда получили обратно свои деньги с лихвой⁵⁹. Данный залог был ручательством точного исполнения обязательств, принятых на себя правительством господаря. По словам румынского поверенного Бордеано, «в Бухаресте начинают понимать сделанную ошибку. Куза первый жалеет о поспешности, с которой он подчинился влиянию Фран-

⁵⁵ Игнатиев Н.П. Дипломатически записки. София, 2008. Т. 1. С. 16.

⁵⁶ Курганов Ф.А. Наброски и очерки из новейшей истории Румынской Церкви. С. 265.

⁵⁷ См.: Московские ведомости. 1863. № 214. С. 3.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Stamatopoulos D. The Bulgarian Schism Revisited // Modern Greek Studies Yearbook. Minneapolis, 2008. P. 106–120.*

ции»⁶⁰. Куза через поверенного Бордеано желал войти в соглашение с Россией и просил у генерального консула Игнатьева «указать ему исход из трудного положения в монастырском вопросе»⁶¹.

Прежде чем дать ответ князю, Игнатьев спросил мнение Порты. Министр Али-паши высказал мнение, что уступки господаря происходят вследствие отказа в доверии и поддержки со стороны Англии⁶². Кроме того, страна явно находилась в финансовом кризисе. Как свидетельствует отчет министра финансов, попавший в руки Игнатьеву, дефицит государственного бюджета на 1864 г. составляет 50 млн. пиастров. В этом отчете предполагается заимствовать 18 млн. пиастров из суммы, предназначенной для выплаты монастырям⁶³.

В марте 1865 г. князь Куза предложил новый способ возмещения национализированной собственности монастырей. Суть его в том, что правительство Объединенного княжества обязуется выплачивать 100 млн. пиастров посредством ежегодного взноса в 8% от общей суммы⁶⁴. Таким образом, правительство предполагало выплатить всю сумму в течение 22-х лет. 19 марта 1865 г. между конфликтующими сторонами был заключен договор. Министр Али-паша не без давления Игнатьева согласился с решениями договора, при условии его одобрения европейскими державами. Требуя признания законности договора, запротестовал посол Франции, к нему примкнул английский посол. Игнатьев, опасаясь отстранения от дел, был вынужден согласиться с мнением иностранных дипломатов⁶⁵.

Таким образом, переговоры между турецким правительством, Кузой и церковными властями не привели ни к какому результату. Однако резко обострились отношения между Кузой и европейскими державами, которые были недовольны реформами господаря. Английские, австрийские и турецкие дипломаты высказывались даже за свержение Кузы и разделение княжеств. Вскоре нашелся повод для вмешательства: в Бухаресте произошли волнения мелких торговцев и ремесленников, вызванные введением новых налогов на право торговли на рынке. Порта потребовала от князя принять меры для устранения беспорядка. Куза в резкой форме заявил визирю, что Порта не имеет права вмешиваться во внутренние дела княжеств. Австрийский и английский дипломаты были

⁶⁰РГИА Ф. 797. Оп. 30. Д. 373. Л. 153.

⁶¹Там же. Л. 129.

⁶²Там же. Л. 131.

⁶³Там же. Л. 158.

⁶⁴Там же.

⁶⁵Там же. Л. 171.

возмущены таким ответом князя. Франция старалась ослабить отрицательное впечатление, произведенное ответом господаря. Однако она уже подумывала о замене господаря князем Бибеско. «Уверяют,— писал в своей депеше от 18 мая 1865 г. Игнатъев,— что будто бы сам император Наполеон недавно выразился в пользу Бибеско»⁶⁶. Это подтверждается тем обстоятельством, что французский король под разными предлогами оттягивал прием румынского консула Александрии, которому было поручено передать письмо Кузы с просьбой о помощи. Очевидно, французское правительство решило покинуть князя⁶⁷.

В сложившейся обстановке на князя попытались оказать влияние русские дипломаты. Сам Г.Г. Оффенберг в своей секретной депеше от 7 июня 1865 г. писал А.М. Горчакову, что князь желал бы иметь в Петербурге своего неофициального представителя. Горчаков отнесся к этой идее весьма скептически. Он писал: «Весьма может, что это с его стороны одна лишь проделка для укрепления своего положения»⁶⁸. В ответной депеше Горчаков соглашался принять неофициального посредника только после того, как удостовериться в искренних намерениях князя сблизиться с Россией⁶⁹.

В такой ситуации Куза написал на имя Оффенберга записку, в которой старался оправдать действия своего правительства по секуляризации монастырских земель. С этой запиской ознакомился сам Александр II и дал такой ответ: «...если господарь осознает гибельные последствия своих действий и желает положить им конец, то императорский кабинет всегда будет расположен к установлению соглашения. В таком случае господарь может рассчитывать на самое дружеское и благосклонное наше содействие»⁷⁰. Однако дальше переговоров дело не пошло. Дни правления князя были уже сочтены. Радикальные группировки были недовольны жестокими методами единоличного правления князя, консервативное крыло не простило Кузе аграрной реформы. Постепенно оформился тот союз, который получил название «чудовищной коалиции»⁷¹.

В ночь на 11 февраля 1866 г. Куза был арестован в собственном доме заговорщиками, которые потребовали от него немедленной отставки. Князь подписал отречение и вынужден был удалиться. Румынское правительство пригласило на княжеский престол Карла Гогенцоллерна. «Князь Карл,— писал Игнатъев,—

⁶⁶ Там же. Л. 157.

⁶⁷ Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1986. С. 124.

⁶⁸ РГИА Ф. 797. Оп. 34. Д. 275. Л. 81.

⁶⁹ Там же. Л. 83об.

⁷⁰ Там же. Л. 75об.

⁷¹ Международные отношения на Балканах. 1856–1878. С. 124.

показывал расположение искать примирительное разрешение вопроса, которое могло бы согласовать права Святых мест с интересами государства»⁷². Но вопрос так и не сдвинулся с мертвой точки. Снова вопрос о монастырских имениях был поднят на Берлинском конгрессе 1878 г., но тогда не имел успеха, потому что к этому времени Румыния уже получила независимость, и державы уже не имели никакого права вмешиваться в ее внутренние дела.

Секуляризация имуществ преклоненных монастырей со стороны правительства Кузы нанесло страшный удар благосостоянию Румынской Церкви. Однако это позволило румынскому государству расширить государственные земли на 27%, доходы от которых способствовали развитию в стране денежного капитала⁷³. До времени правления Кузы в Молдавии и Валахии насчитывалось 407 монастырей⁷⁴. Всего в княжествах было закрыто 30 монастырей. Конфискация монастырских имений нанесла сокрушительный удар благосостоянию Восточных патриархатов. Так, к примеру, доходы Иерусалимской кафедры до конфискации составляли 1 млн. рублей в год, после— едва ли превышали 200 тысяч рублей⁷⁵.

Итак, секуляризация земель преклоненных монастырей расширила автономию страны, поскольку лишила восточных патриархов и стоящие за ними силы возможности вмешиваться во внутренние дела государства. Секуляризация этих земель стала очередным свидетельством способностей князя и его советников сломить сопротивление Порты и остальных держав стремлению молодого румынского государства к независимости. Куза не мог смириться с тем, что четверть территории страны принадлежит иностранным монастырям и доходы уходят за границу. В условиях проведения в стране аграрной реформы, правительству были необходимы огромные земельные ресурсы. Секуляризация преклоненных монастырей была единственно возможным средством обеспечения нормального существования и развития молодого государства.

Вопрос о секуляризации монастырских земель вызвал ожесточенную борьбу между державами. Русское правительство, заинтересованное в поддержке Православной Церкви, хотя и взяло преклонные монастыри под свою защиту, уже не имело такого влияния на балканскую политику, каким оно обладало до Крымской войны. Это прекрасно понимали и наши дипломатические предста-

⁷²РГИА Ф. 797. Оп. 30. Д. 373. Л. 294.

⁷³Международные отношения на Балканах. 1856–1878. С. 122.

⁷⁴Арсений (Стадницкий), еп. Митрополит Гавриил Банулеско-Бодони. С. 194.

⁷⁵Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Св. Земле... С. 315.

вители, которые всеми возможными способами пытались направить политику румынского правительства в нужное для России русло. Русская сторона была согласна на секуляризацию только на условиях денежной компенсации. Однако явное покровительство со стороны Франции позволило румынскому правительству путем дипломатических игр, обмана и игнорирования протестов со стороны России и других держав добиться полной секуляризации монастырских имуществ без какого-либо вознаграждения.

Источники и литература

1. *Арсений (Стадницкий), еп.* Исследования и монографии по истории Молдавской Церкви. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1904. 587 с.
2. *Арсений (Стадницкий), еп.* Митрополит Гавриил Банулеско-Бодони. Кишинев: Тип. Э. Шлиомовича, 1894. 453 с.
3. Великие державы и буржуазные реформы в Румынии 1863–1865 гг. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1973. Т. 3. 384 с.
4. *Волков М.* О посвященных монастырях // Голос. СПб., 1863. № 347. С. 137; № 323. С. 127.
5. *Греков Ю.* Румыния в лицах. Кишинев: Chisianau Editura Uniunii Scriitorilor, 1996. 171 с.
6. *Игнатиев Н.П.* Дипломатически записки. (1864-1874). София: Държавна агенция Архиви, 2008. 494 с.
7. История Православной Церкви в XIX веке. Славянские Церкви. М.: Издание А.П. Лопухина, 1998. Т. 2. 758 с.
8. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Сост.: Козьменко И.В. М.: Госполитиздат, 1952. 463 с.
9. *Курганов Ф.А.* наброски и очерки по истории Румынской Церкви. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1899. 1048 с.
10. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Св. Земле и на Ближнем Востоке в XIX – нач. XX вв. М.: Индрик, 2006. 512 с.
11. Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. / Г.Л. Арш, И.С. Достян, Л.Е. Семенова; отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 1986. 416 с.

12. *Неклюдов В.* Слово о посвященных монастырях // Московские ведомости. М., 1863. № 134. С. 3; № 181. С. 3.
13. Очерки политической истории Румынии (1859–1944) / Ред. Колл. И.И. Минц, Н.И. Лебедев и др. Кишинев: Штиинца, 1985. 480 с.
14. Положение Православной Церкви и монастырей в Молдавии. СПб.: Тип. Ю.А. Бокрама, 1864. 35 с.
15. РГИА Ф. 797. Оп. 30. 1860 г. Д. 373. По депешам князя Лобанова касательно монастырских имуществ в Придунайских княжествах.
16. РГИА Ф. 797. Оп. 34. 1864 г. Д. 275. О положении церковных дел в соединенных Придунайских княжествах.
17. *Чертан Е.Е.* Великие державы и формирование Румынского независимого государства. Кишинев: Штиица, 1980. 284 с.
18. *Jelavich. B.* Russia and the Formation of the Romanian Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 265 p.
19. *Istoria Bisericii Romine.* Bucuresti: Manual pentru Institutele Teologice, 1958. Vol. 2. 462 p.
20. *Stamatopoulos D.* The Bulgarian Schism Revisited // Modern Greek Studies Yearbook. Minneapolis, 2008. P. 104–125.

Иеромонах Агафангел (Суслов)

ССЫЛЬНЫЕ ШТРАФНИКИ¹ НА ВАЛААМЕ СЕРЕДИНЫ XIX В.

В статье на основе материалов, имеющих в составе архивных фондов Валаамского монастыря (АФВМ), РГИА и ЦГИА Санкт-Петербурга, рассматривается проблема использования Валаамской обители в качестве места исправления ссыльных штрафников в середине XIX века. Рассмотрены попытки игуменов Вениамина (1833–1839) и Дамаскина (1839–1881) освободить монастырь от подобной обязанности. Настойчивые действия игумена Дамаскина (Кононова), поддерживаемые архимандритом Игнатием (Брянчаниновым), увенчались успехом. Священноначалие, рассмотрев проблемы, создаваемые епитимийцами на Валааме, приняло положительное в этом плане для монастыря решение.

Ключевые слова: Валаамский монастырь, Северный Афон, синодальный период, игумен Вениамин, архимандрит Игнатий (Брянчанинов), ссыльные арестанты, штрафники на Валааме, благочинный монастырей, игумен Дамаскин, монастырская смута, дисциплинарные конфликты, Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь.

Период истории Русской Православной Церкви, именуемый синодальным, характеризуется для нее особой интенсивностью работы богословской мысли, становлением богословской школы, науки и образования, а также бурным развитием церковно-государственных отношений. Однако в это же время светская власть стала использовать Церковь в качестве одного из инструментов поддержания стабильности в империи и финансового благосостояния государства². Православные монастыри в России изначально были источниками образования и культуры³. Тем не менее, со времен императора Петра I изменилась

Иеромонах Агафангел (Суслов) — соискатель степени кандидата богословия на кафедре истории Русской Православной Церкви ПСТГУ (agafangel01@ya.ru).

¹Штрафники (подначальные, поднадзорные, епитимийцы) — лица православного исповедания, совершившие нравственные, церковные или канонические проступки, ссылаемые властью в монастыри для исправления моральных качеств.

²Вследствие реформ Петра I в России была создана система государственной церковности. Церковные учреждения теперь были обязаны служить прежде всего государству. См.: Духовный регламент // Библиотека Якова Кротова. URL: <http://www.krotov.info/acts/18/1/1721regl.html> (дата обращения: 13.01.2014).

³См.: *Вергунов А.П., Горохов В.А.* Монастыри земли русской. Кн. 1. М., 2009. С. 15–16. Также: *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и XX вв. М., 2002. С. 132–142.

суть симфонии Церкви и государства⁴. По мысли Петра, Русская Православная Церковь должна была стать одной из государственных коллегий, а Святейший Синод — административным учреждением, напрямую зависящим от светской власти⁵. Значительное количество православных приходов и монастырей было упразднено реформами Екатерины II⁶. Оставшиеся обители были в XVIII веке распределены по штатам. Еще при Петре I монастыри стали не только центрами уединенной молитвы, но и местами содержания заключенных⁷, приютами для калек и душевнобольных, престарелых солдат и инвалидов⁸. Женские монастыри были обязаны устраивать у себя ночлежные дома, больницы и приюты для сирот⁹. Это не могло не отразиться на духовном состоянии обителей, *принудительно используемых* в этих целях¹⁰. Одним из таких мест исправления ссылных арестантов стал Северный Афон — Валаам.

Исследование проблематики, связанной со штрафниками на Валааме необходимо, поскольку позволяет правильно оценить опыт использования монастыря в качестве места принудительного исправления, прикоснуться к бесценному опыту игуменов и монахов Валаамской обители, столкнувшихся с этим в середине XIX века. В прошлом исследования по данному вопросу не проводились. Дореволюционные историки А.С. Пругавин, и Н.И. Барсов в своих работах «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством», «Существовала ли

⁴Наиболее ясно новые положения прописаны в Духовном регламенте (1720) и Прибавлении к нему. См.: *Анисимов Е.В.* Духовный регламент // Православная энциклопедия. Т. XVI. М., 2007. С. 433–435.

⁵*Смолич И.К.* История Русской Церкви 1700–1917 гг. Ч. 1. М., 1996. С. 89–90.

⁶Речь идет о реформах Церкви 1762 г. См.: *Цытин В., прот.* История Русской Православной Церкви. М., 2004. С. 64–71.

⁷Естественно, и до реформ Петра в монастырях содержались узники, провинившиеся перед властью (Максим Грек, патриарх Никон, царевна Софья), однако это были все-таки единичные случаи. В XVIII–XIX веках использование монастырей в качестве мест исправления становится обычным явлением.

⁸См.: Указ Петра I от 31 января 1724 г. Объявление, когда и какой вины ради начался чин монашеский. Цит. по: *Смолич И.К.* Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев. Приложение к Истории Русской Церкви. М., 1999. С. 264–265.

⁹*Смолич И.К.* Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999. С. 532.

¹⁰Сами по себе задачи служения ближним в монастырях могут быть высоконравственными и близкими духу христианства, однако все это должно быть добровольным делом. Только человек, горящий идеей служения ближнему, может осуществлять его. Монастыри же изначально предполагали уход от суеты мира, сосредоточение всех сил человека на покаянии, видении своих грехов и очищении души от них.

инквизиция в России?»¹¹ и др., рассматривают по этому вопросу только Соловецкий и Суздальский Спасо-Евфимиев монастыри, не упоминая Валаам. В советский период возможность *объективных* исследований по истории православия в России была совершенно исключена по идеологическим причинам, о чем свидетельствуют работы Е.Ф. Грекулова и Н.М. Никольского¹². Также необходимо принять во внимание недоступность для российских ученых¹³ монастырских архивов Нового Валаама, находившихся за «железным занавесом» в Финляндии. В настоящий момент вышеизложенные препятствия устранены, необходимые факты известны и архивные материалы доступны. Следует заметить, что в новейший период исследование по вопросу монастырских тюрем было проведено Т.В. Кокоревой, однако автор данной работы вновь концентрирует свое внимание на вышеозначенных обителях¹⁴.

Источниковой базой исследования являются: дела подначальных из архива Ново-Валаамского монастыря в Финляндии, синодальные документы из фондов РГИА и ЦГИА СПб¹⁵, свидетельства из частной и деловой переписки игумена Дамаскина (Кононова) с архимандритом Игнатием (Брянчаниновым), отчеты о состоянии Валаамского монастыря, представленные священноначалию благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандритом Игнатием.

Обращаясь к историческому контексту, следует отметить, что Валаамский монастырь, после опустошения его шведами в XVII в. и пожаров в середине

¹¹ Барсов Н.И. Существовала ли инквизиция в России? // Исторический вестник. СПб., 1892. Т. 47. № 1. С. 481–498; Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М., 1905 // BookReader. URL: <http://bookre.org/reader?file=724525> (дата обращения: 14.01.2014).

¹² См., например: Грекулов Е.Ф. Православная Церковь — враг просвещения. АН СССР. М., 1962; *Его же*. Православная инквизиция в России. М.: Наука, 1964; Никольский Н.М. История Русской Церкви. М., 1930 // BookFinder. URL: <http://bookfi.org/book/336594> (дата обращения: 14.01.2014).

¹³ Речь идет о церковных исследователях московских, ленинградских и других духовных школ в советский период.

¹⁴ См.: Кокорева Т.В. Монастырские тюрьмы как место заточения старообрядцев и сектантов в XIX веке. Канд. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. МГУ. М., 2001 // Dissercat. URL: <http://www.dissercat.com/content/monastyrskie-tiurmy-kak-mesto-zatocheniya-starobryadtsjev-i-sektantov-v-xix-veke#ixzz2qNAxSd8Z> (дата обращения: 14.01.2014).

¹⁵ РГИА — Российский Государственный Исторический Архив. Фонды: 796. Канцелярии Святейшего Правительствующего Синода; 797. Канцелярии обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода. ЦГИА СПб. — Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга. Фонды: 19. Петроградская духовная консистория, 1883. Троице-Сергиева Пустынь.

XVIII века¹⁶, вновь был возрожден в конце XVIII столетия. Это было сделано благословением митрополита Гавриила (Петрова)¹⁷ и трудами игумена Назария (Кондратьева)¹⁸, который установил на Валааме строгий общежительный устав по примеру Саровской пустыни¹⁹. Когда братия в монастыре умножилась²⁰, на Валаам стали присылать подначальных²¹. Таким образом, уже в 30-е годы XIX века в Валаамский монастырь были помещены: запрещенный диакон Канакин²²,

¹⁶В начале XVIII века в монастыре были отстроены после разорения шведами деревянные здания, которые в 1754 г. были истреблены пожаром. См.: Археологическое описание древностей, найденных в 1853 г. в монастырях Санкт-Петербургской епархии // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. III. М., 2002. С. 303.

¹⁷Гавриил (Петров) пробыв на Санкт-Петербургской кафедре с 1770 по 1799 г. (1770–1775 г. — архиепископ Санкт-Петербургский, 1775–1783 г. — архиепископ Новгородский и Петербургский, с 1783 г. — митрополит.) Именно он направил опытного подвижника игумена Назария возрождать духовную жизнь на Валааме по испытанному уставу Саровской пустыни. См.: *Богданов А.И., Зеленина Я.Э.* Гавриил (Петров Петр Петрович) // Православная энциклопедия. Т.Х. М., 2005. С. 224–226; *Цытин В., прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший период. М., 2004. С. 116–119.

¹⁸Назарий (Николай Кондратьев) род. в 1733 г. в селе Аносово, Кадомского уезда, Воронежской губернии в семье причетника. В 1752 г. поступил в Саровскую пустынь. 20 декабря 1761 г. пострижен в монашество. 22 октября 1762 г. рукоположен во иеродиакона. 4 декабря 1776 г. — во иеромонаха. 7 марта 1782 г. назначен настоятелем Валаамского монастыря. В 1801 г. освобожден от этой должности и уволен на покой. 14 апреля 1804 г. возвращен в Саровскую пустынь. Скончался 23 февраля 1809 г. (*Степашкин В.А.* Преподобный Назарий Валаамский — подвижник Саровской пустыни. Изд. отд. Нижегородской епархии., 2009.)

¹⁹О принятии валаамского устава и сам текст устава см.: *Степашкин В.А.* Преподобный Назарий Валаамский... С. 49–53.

²⁰Игумен Назарий начал возрождать Валаамский монастырь в 1782 г. в одиночку, к 1790 г. у него было 12 единомышленников, а к 1796 г. число братии возросло до 55 человек: 10 иеромонахов, 5 иеродиаконов, 24 монаха и 16 рясофорных, не считая трудников. См.: *Степашкин В.А.* Преподобный Назарий Валаамский... С. 67; Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 2011. С. 62.

²¹Следует заметить, что в период разорения шведами и запустения обитель на Валааме не могла использоваться властями в качестве места нравственного исправления штрафников. Более древние архивные источники (крайне скудные) также не позволяют сделать предположение об использовании Валаамского монастыря как места заточения или ссылки. После революции 1917 г., кардинально изменившей государственный строй России, православные монастыри подверглись разорению, поэтому можно с уверенностью говорить об использовании Валаамского монастыря как исправительного учреждения только в XIX веке. При советской власти на Валааме размещались школа боцманов и юнг, дом-интернат для инвалидов и краеведческий музей. См.: Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 2011. С. 226–240.

²²АФВМ (Архив Финляндского Валаамского монастыря). Еа: 1. 1822–1838. Д. 5. О поднадзорном запрещенном диакоме Канакине. Л. 1–11 об.

запрещенный священник Сергей Сергеев²³, поселянин Иван Артамонов²⁴, священник Козьма Успенский²⁵ и т.д. Можно с уверенностью сказать, что ссылаемые в монастырь для исправления за различные пороки и проступки²⁶ лица впоследствии стали одной из составляющих²⁷ той благодатной почвы, на которой легко возникла и активно развилась монастырская смута на Валааме в 40-е гг. XIX века. Несколько игуменов сменилось в обители за этот небольшой, но печально активный период²⁸. Неспokoйная монастырская обстановка в итоге закончилась открытым возмущением монашествующей братии²⁹.

Для рассмотрения причин возникновения этого конфликта Святейшим Синодом в январе 1838 г. на Валаам была послана следственная комиссия во главе с благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандритом Игнатием (Брянчаниновым)³⁰. Еще в период расследования смуты, начавшейся в связи с появлением в монастыре так называемой «масонской ереси», отец Игнатий в своем отчете, описывая эту ситуацию³¹, настоятельно рекомен-

²³ АФВМ. Еа: 1. Д. 8. Об определении в сей монастырь под надзор с запрещением священника Сергея Сергеева и о перемещении его в Коневецкий монастырь. Л. 1–8 об.

²⁴ АФВМ. Еа: 1. Д. 9. О назначенном под епитимью Охтенском поселянине Иване Артамонове. Л. 1–6 об.

²⁵ АФВМ. Еа: 1. Д. 12. О священнике Козьме Успенском, находившемся под епитимьей в течении трех лет. Л. 1–6 об.

²⁶ Следует отметить, что все проступки лиц, ссылаемых в монастыри, носили нравственный, а не уголовный характер. За уголовные преступления в Российской империи предусматривались другие меры пресечения и места исправления.

²⁷ Среди других зачинщиков Валаамской смуты в середине XIX века можно назвать лиц без документов, проживавших на Валааме. Ими часто оказывались несостоятельные должники, укрывавшиеся от платежа, либо рекруты (призывники), избегавшие службы в армии. Еще одной группой лиц, впоследствии активно участвовавших в смуте, были сугубые ревнители благочестия, во всяком нововведении видевшие ересь.

²⁸ В период с 1823 по 1838 гг. на Валааме сменились игумены: Ионафан I (Здобин) (1823–1830), Варлаам (Давыдов) (1830–1833), Вениамин (Мануйлов) (1833–1839). См.: Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 2011. С. 71–75.

²⁹ См.: материалы дел: Протокол от Санкт-Петербургской духовной консистории по делу, начавшемуся в ней по изветам заштатного игумена Варлаама и монаха Иосии, о появившейся якобы в Валаамском монастыре масонской ереси. РГИА. Ф. 796. Оп. 119, Д. 1082а. 1838 г. Также см.: По рапорту Санкт-Петербургского митр. Серафима о беспорядках, допущенных настоятелем Валаамского монастыря игуменом Вениамином. РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082. 1838 г.

³⁰ Архимандрит Игнатий (Брянчанинов) был назначен на должность благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии в период возникновения смуты в 1838 г., а затем активно участвовал в урегулировании конфликта. См.: АФВМ. Еа: 1. Д. 29. 1838 г. Об определении благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандрита Игнатия. Л. 1–7 об.

³¹ Отец Игнатий, как благочинный монастырей, был командирован в качестве главы следственной комиссии Святейшим Синодом 31 января 1838 г. на Валаам вместе с игуменом Серафимом

дует священноначалию удалить ссылных арестантов с Валаама: «*Благосостояние монастыря еще более требует удаления из оного подначальных, которые и сами приходят в состояние отчаяния и подают резкий пример безнравственности братиям, соблазняют их беседами злыми, послабляют их в благочестивых подвигах*»³². В качестве примера он приводит иеродиаконов Матфея³³ и Иосифа,³⁴ которые никогда не исповедуются, ни причащаются, ни даже в день Пасхи их можно принудить придти в церковь. Кроме них архимандрит Игнатий называет еще более десяти человек из братии обители и ссылных, которых необходимо перевести с острова для водворения спокойствия в монастыре: иеромонахи Герман, Иракий, Варлаам, иеродиакон Сергей, монахи Мартирий, Нифонт, Палладий, Иоаким, священник Сергей, диаконы Тимофей Вещезеров и Иоанн Николаев-Сергиев³⁵. Священноначалие прислушалось к рекомендациям главы следственной комиссии³⁶, переведя означенных лиц из обители³⁷. Однако успокоение монастыря после смуты не избавило Валаам от дальнейшего использования его в качестве места исправления штрафников. На место вышеперечисленных были присланы новые епитимийцы: священник Павел Приморский³⁸, диакон Семен Марков³⁹, пономарь Андрей Маковецкий⁴⁰, подмастерье Самуил Тавастберг⁴¹. Последние, поступив на Валаам в 1839 г.,

(Козловым) для расследования причин смуты в монастыре. См.: *Онуфрий (Маханов), иерод.* Причал молитв уединенных. СПб., 2005. С. 148.

³²См.: *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Описание Валаамского монастыря и смут бывших в нем // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. III. М., 2002. С. 400.

³³АФВМ. Еа: 1. Д. 4. 1834–1838 г. Об иеродиаконе Матфее, находившемся в сем монастыре под надзором с запрещением священнослужения. Л. 2–10 об.

³⁴АФВМ. Еа: 2. Д. 27. 1839–1840 г. О перемещении из сего монастыря в Коневский иеродиакона Иосифа под строгий надзор. Л. 1–11 об.

³⁵См.: *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Описание Валаамского монастыря... Отчет о состоянии Валаамского монастыря. С. 401.

³⁶В 1839 г. лица, указанные архимандритом Игнатием, были переведены с Валаама в монастыри Архангельской и Вологодской епархий и поручены надзору игуменов тамошних обителей. См.: Письма игумена Дамаскина к разным лицам // *Минин Н., Минина Н.* Валаамский избранник. Приложение. М., 2007. С. 177. См.: также: АФВМ. Еа: 2. Д. 23. О перемещении из сего монастыря в Архангельскую и Вологодскую епархии монашествующих 7 человек. Л. 1–11 об.

³⁷С Валаама в ходе расследования смуты также были удалены бывший игумен Варлаам, иеромонахи Аполлос и Иракий. См.: АФВМ. Еа: 2. Д. 4. Л. 1–4.

³⁸АФВМ. Еа: 2. 1839 г. Д. 19. О назначении священника Павла Приморского в сей монастырь под епитимию, в случае неудовлетворения им за взятую церковную сумму. Л. 1–1 об.

³⁹АФВМ. Еа: 2. Д. 22. О состоявшем под епитимией диаконе Маркове. Л. 1–4 об.

⁴⁰АФВМ. Еа: 2. Д. 51. О находившемся под епитимией Андрее Маковецком. Л. 1–4 об.

⁴¹АФВМ. Еа: 2. Д. 1. О находившемся под епитимией подмастерье Самуиле Тавастберге. Л. 1–11 об.

доставляли неприятности уже новому начальнику, игумену Дамаскину (Кононову).

Отец Дамаскин был назначен настоятелем Валаамского монастыря после смещения священноначалием игумена Вениамина (Мануйлова), который, после расследования смуты, был переведен в Костромскую епархию⁴². Впоследствии, пребывая игуменом Валаамского монастыря более сорока лет (с 1839 по 1882 гг.), он большую часть времени посвятил тому, чтобы освободить Валаам от штрафников. В итоге решительному игумену удалось добиться своего: Валаамский монастырь был избавлен от функций исправительного учреждения. Однако на достижение этой цели ушло порядка двадцати лет, почему на описании проблемы с подначальными при нем следует остановиться особо.

Общее число ссыльных епитимийцев на Валааме с 1839 по 1859 гг. по монастырским документам составляет 106 человек, 14 из которых не доехали до места ссылки⁴³, вероятнее всего, желая уклониться от трудного и тягостного для себя принудительного пребывания в монастыре. Общая масса штрафников при рассмотрении легко разделяется по социальной принадлежности, а также по срокам ссылки. Если принять во внимание такую классификацию, то по архивным источникам видно, что большинство присылаемых на Валаам арестантов принадлежало к духовному сословию, большую часть которого составляло белое духовенство⁴⁴ и церковно-приходской причет⁴⁵, меньшую — монашествующие и черное духовенство⁴⁶.

Отдельную группу составляли светские лица: государственные служащие, разночинцы, дворовые люди и лица, принадлежавшие к купеческому со-

⁴²См.: Послужной список настоятеля Авраамиева Городецкого монастыря игумена Вениамина. ЦГИА СПб. Ф. 1883. Оп. 53. Д. 192. Л. 1–3.

⁴³АФВМ. Еа: 22. 1859–1864 гг. Д. 47. По прошению настоятеля об освобождении Валаамского монастыря от помещения в нем людей подначальных // Ведомость о подначальных. Л. 7–25.

⁴⁴По ведомости, представленной игуменом Дамаскиным в духовную консисторию, за 20 лет, с 1839 по 1859 гг., в Валаамский монастырь было направленно 27 священников и диаконов, трое из которых не явились к месту ссылки. См.: АФВМ. Еа: 22. Д. 47. Ведомость о подначальных. Л. 7–25.

⁴⁵Наибольшее число епитимийцев составляли лица из церковного причта (псаломщики, дьячки, пономари, причетники), за вышеприведенный промежуток времени их на Валаам было направленно 56 человек, четверо из которых не явились к месту назначения. См.: АФВМ. Еа: 22. Д. 47. Л. 7–25.

⁴⁶Среди черного духовенства и иноков за этот же период оказалось на Валааме всего 4 человека: иеродиакон Исаия, направленный сюда бессрочно, монах Иоаким (бессрочно) и 2 послушника, один из которых на 1 год, а другой — бессрочно. См.: АФВМ. Еа: 22. Д. 47. Л. 7–25.

словью⁴⁷. Меньше всего штрафников на Валааме было из военных⁴⁸, однако же это была одна из самых агрессивно настроенных и решительных групп ссылных. Рассматривая сроки ссылки, следует заметить, что большая часть епитимийцев помещалась под надзор в монастырь на два-три месяца, полгода, год. Встречаются сроки два года, пять лет, и есть несколько подначальных, отправленных на Валаам бессрочно⁴⁹. Основные причины помещения ссылных на монастырский остров можно обозначить как пьянство, блуд, покражи (растрата денег), нетерпимые упущения в службе, драки, бродяжничество, ложные доносы⁵⁰. Большинство из содержащегося здесь под надзором духовенства было запрещено в служении за вышеперечисленные проступки. Следует сказать, что с удалением в 1839 г. из Валаамского монастыря виновных в смуте 1838 г.⁵¹ духовное состояние обители еще не восстановилось. Об этом свидетельствуют в этот же год поданные прошения о переводе с Валаама⁵² следующих лиц: о. Осипа, иеромонаха Корнилия, иеродиаконов Иосифа, Илиодора, Виталия, диакона Тимофея Тимофеева, монахов Сергия, Арфаксада, Иакова, послушников Алек-

⁴⁷По данным ведомости, для исправления на Валаам было отправлено светских лиц: разночинцев 8 человек, дворовых людей — 3, бобылей — 2, купеческих детей — 4, из которых в монастырь не явились пятеро. См.: АФВМ. Еа: 22. Д. 47. Л. 7–25.

⁴⁸Всего два человека из военных было направлено на Валаам в этот период: отставной лейтенант Николай Киреев (бессрочно) и рядовой Николай Веселаго (бессрочно). См.: АФВМ. Еа: 22. Д. 47. Л. 7–25.

⁴⁹По статистике, из ссылных, прибывших в Валаамский монастырь, срок *три месяца* получили: 8 священников и диаконов, 13 причетников (дьячки, пономари, псаломщики), 2 человека из разночинцев. Отбывали срок *полгода*: 7 священников и диаконов, 25 причетников. На *один год* сосланы: священник, 5 причетников, послушник, 12 человек из купцов и разночинцев. Один причетник получил *два года*, один купеческий сын — *пять лет* ссылки на Валааме. *Бессрочно* пребывали на острове: 6 священников и диаконов, 3 причетника, 3 монашествующих, 2 разночинца и 2 военных. На *один-два месяца* назначено 7 человек причта и белого духовенства. *Четыре месяца* епитимии на Валааме получили 5 человек. Два человека из белого духовенства пребывали здесь до решения своего дела. См.: АФВМ. Еа: 22. Д. 47. Л. 7–25.

⁵⁰См.: АФВМ. Еа: 22. Д. 47. Ведомость о подначальных. Л. 7–25.

⁵¹Необходимо различать ссылных, являвшихся почвой для смуты, и возмущившую братию Валаамского монастыря, которая также, по настоянию благочинного, была переведена с острова для успокоения обители.

⁵²Многим казалось несправедливым быстрое выдвижение и назначение на должность игумена простого монаха, не обладавшего какими-то особенными заслугами перед обителью. Поэтому отцу Дамаскину пришлось «ворочать круто, без всяких постепенностей». (Немирович-Данченко В.И. Крестьянское царство. СПб., 1889. С. 216). Некоторые из братьев покинули Валаам. См.: *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Переписка святителя Игнатия с игуменом Дамаскиным. Письмо № 2. (1839 г. 12 апреля) // Описание Валаамского монастыря... С. 428–429.

сия Сушкина, Якова Петрова⁵³. Таким образом, в 1838–1840 гг., с Валаама были принудительно удалены, или добровольно перешли в другие обители более двадцати человек. Оставшаяся братия была согласна с курсом, проводимым игуменом Дамаскиным. Из подначальных на острове в этот период были оставлены наиболее спокойные.

Отец Дамаскин стал настоятелем Валаамской обители по рекомендации⁵⁴ благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандрита Игнатия (Брянчанинова)⁵⁵, который расследовал причины смуты⁵⁶. В дальнейшем к своему непосредственному покровителю и начальнику новый валаамский игумен обращался с просьбами о содействии и поддержке. Одно из обращений было связано с новыми штрафниками, присылаемыми на Валаам⁵⁷. Известна позиция самого архимандрита Игнатия по этому вопросу, изложенная им еще в отчете за 1839 г.⁵⁸ Его ходатайство избавило тогда монастырь от наиболее опасных арестантов и беспокойных насельников. Однако, спустя несколько лет, в 1843 г., он пишет игумену Дамаскину: *«весьма сожалею, что к Вам присылают много подначальных, от которых нельзя ожидать другого, как только расстройство обители. Я на сей предмет не могу иметь прямого влияния, а*

⁵³ См.: АФВМ. Еа: 2. 1839 г. Д. 4. Об отправлении и переводе из сей обители игумена Варлаама и иеромонахов Аполлоса и Ираклия; Д. 16. О перемещении из обители сей в Введенский монастырь иеродиакон Иосифа, Илиодора, монаха Сергия и посл. Алексия Сушкина; Д. 18. О перемещении посл. Якова Петрова в Зеленецкий монастырь; Д. 20. О перемещении иеродиакона Виталия в число братства Черемнецкого монастыря; Д. 21. О перемещении диакона Тимофея Тимофеева в Коневский монастырь; Д. 46. О перемещении в Коневский монастырь монаха Арфаксада; Д. 49. О перемещении монаха Иакова в Боровичский монастырь Новгородской епархии.

⁵⁴ *«Способным к сей должности (настоятеля) полагаю: Дамаскина, скитона начальника, который один показался лишь довольно искусным монахом во всем Валааме...»* См.: Игнатий (Брянчанинов), свт. Описание Валаамского монастыря... Отчет о состоянии Валаамского монастыря. С. 411; РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082. 1838 г. Л. 59.

⁵⁵ Отец Игнатий личным письмом вызывает его в Санкт-Петербург: *«Честный отец Дамаскин! Его Высокопреосвященство [Серафим митр. Новгородский и Санкт-Петербургский] желает лично Вас узнать, потому усердную принесите молитву Господу ... ничтоже сумняся, немедля нисколько, в предписываемый путь Вам отправляйтесь».* См.: Переписка игумена Дамаскина со святителем Игнатием (Брянчаниновым) // Минин Н., Минина Н. Валаамский избранник. Приложение. М., 2007. С. 175.

⁵⁶ См.: Онуфрий (Маханов), иерод. Причал молитв уединенных. СПб., 2005. С. 148.

⁵⁷ См.: Переписка архимандрита Игнатия с игуменом Дамаскиным // Минин Н., Минина Н. Валаамский избранник. Приложение. Письма игумена Дамаскина к разным лицам. М., 2007. С. 177.

⁵⁸ См.: Игнатий (Брянчанинов), свт. Описание Валаамского монастыря... Отчет о состоянии Валаамского монастыря. С. 400.

советую Вам обратиться с просьбою к Преосвященному...»⁵⁹. Архимандрит Игнатий обещает также, что если будет возможность, он и сам скажет в пользу Валаамской обители, которой присутствие ссылных наносит большой вред. Таким образом, проблема со штрафниками вновь становится известной священноначалию. Тем не менее, положение дел не меняется: на Валаам по-прежнему присылают епитимийцев.

Ситуация обостряется в очередной раз с прибытием на остров новых штрафников, отставного лейтенанта флота Киреева⁶⁰ (1844–1845) и не менее опасного для братии своей агрессивностью иеромонаха Мефодия⁶¹ (1844–1846). Николай Киреев был переведен в Валаамский монастырь по указу императора несмотря на принятое им 29 января 1825 г. решение «О неотправлении больше на послушание военных в Валаамский монастырь», тогда же утвержденное Синодом⁶². Пребывание этого человека на Валааме оказалось крайне скандальным: лейтенант Киреев 10 марта 1845 г., избив двух рясофорных монахов, пытался ударить и самого игумена. И до этого, по словам монастырского начальства, неоднократно заводил драки в монастыре⁶³. Не раз он перед всей братией поносил настоятеля и самый монашеский чин, «почему и впредь, — как пишет в рапорте игумен Дамаскин, — следует ожидать от него самых опасных поступков...»⁶⁴. Игумен был вынужден прибегнуть к помощи четырех казаков, находившихся в монастыре для говения, чтобы унять разошедшегося военного. Естественно, все эти события были подробно описаны в рапортах отца Дамаскина в

⁵⁹См.: Игнатий (Брянчанинов), свт. Переписка святителя Игнатия с игуменом Дамаскиным. Письмо № 10. (1843 г. 6 мая) // Описание Валаамского монастыря... С. 438.

⁶⁰АФВМ. Еа:7. Д. 44. 1844–1845 г. О находившемся в сем монастыре под надзором за буйные поступки отставном лейтенанте флота Николае Кирееве, перемещенном в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Л. 1–31.

⁶¹АФВМ. Еа: 8. Д. 41. 1845–1846 г. О поведении и поступках иеромонаха Мефодия. Л. 1–30.

⁶²РГИА. Ф. 796. Оп. 106. Д. 110. 1825 г. По предложению о неприсылке впредь в Валаамскую обитель на послушание военных. Л. 1: «Г. Генерал от артиллерии Граф А.А. Аракчеев сообщил мне высочайшую Его Императорского Величества волю, чтобы отныне в Валаамскую пустынь не были отправляемы на послушание военные. Я имею честь сообщить сию Монаршую волю Святейшему Синоду к надлежащему распоряжению...».

⁶³АФВМ. Еа:7. Д. 44. 1844–1845 г. Л. 12 об.

⁶⁴АФВМ. Еа:7. Д. 44. 1844–1845 г. О находившемся в сем монастыре под надзором за буйные поступки отставном лейтенанте флота Николае Кирееве, перемещенном в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Л. 10.

духовную консисторию⁶⁵ и к благочинному, архимандриту Игнатию⁶⁶, где валаамский игумен буквально умолял священноначалие избавить монастырь от лейтенанта Киреева, духовно и физически разрушавшего монашескую жизнь в обители. Определением указа духовной консистории от 2 июня 1845 г. за № 2569, «отставной лейтенант Киреев был заключен в Спасо-Евфимиев Суздальский монастырь, имеющий более способов надзора за подобными лицами»⁶⁷.

Не меньше сложностей было с иеромонахом Мефодием, который был переведен на Валаам из Введенского Островского монастыря⁶⁸ и первоначально был помещен в монастырскую больницу для улучшения здоровья. По выздоровлении отец Мефодий был даже допущен к совершению богослужений, но совершал их небрежно и с упущениями. Будучи увещаем старшей братией и настоятелем, не исправлялся, за что был отстранен от священнослужения в монастырских храмах. Также он поносил настоятеля и братию площадными словами, разбил стекло экономской келии. Покушался нанести удары игумену, а 11 июля 1846 г. ножиком нанес послушнику Ефиму Кузьмину две раны⁶⁹. После того как об этом донесли в духовную консисторию, архимандрит Игнатий уведомил игумена Дамаскина о прибытии на Валаам комиссии для разбирательства этого дела⁷⁰. В результате письменных показаний братии и личного разбирательства с иеромонахом Мефодием комиссия донесла в консисторию о выясненных обстоятельствах дела⁷¹. Во время личной беседы с упомянутым клириком, вызванным

⁶⁵ АФВМ. Еа:7. Д. 44. 1844–1845 г. О находившемся в сем монастыре под надзором за буйные поступки отставном лейтенанте флота Николае Кирееве, перемещенном в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Л. 7–12, 18, 21, 23–25, 29.

⁶⁶ См.: там же. Л. 14, 22, 30.

⁶⁷ Тогда же игумен Дамаскин рапортом сообщает архимандриту Игнатию об избавлении Валаамского монастыря от этого крайне опасного жителя. См.: АФВМ. Еа:7. Д. 44. 1844–1845. Л. 26 об., 30–31 об.

⁶⁸ АФВМ. Еа: 8. Д. 41. 1845–1846. О поведении и поступках иеромонаха Мефодия. Л. 1–2 об.

⁶⁹ АФВМ. Еа: 8. Д. 41. 1845–1846. О поведении и поступках иеромонаха Мефодия. Л. 18. Незадолго до этих событий в рапорте к благочинному за № 65 отец Дамаскин описывает, что поведение иеромонаха Мефодия все ухудшается, отсутствует повинение, он говорит дерзости, и ругательными выражениями нанес обиды должностным монахам: эконому, келарю, келлиарху, книгохранителю и садовнику. Л. 8.

⁷⁰ АФВМ. Еа: 8. Д. 41. 1845–1846 г. Л. 9. Предписанием от 29 мая 1846 г. за № 196 благочинный уведомлял отца Дамаскина, что иеромонах Аполлос и монах Иоанникий командированы им на Валаам для исследования поступков и поведения иеромонаха Мефодия.

⁷¹ Духовная консистория: «Приказали и Его Высокопреосвященство утвердил: По произведенному исследованию о предосудительных поступках иеромонаха Мефодия <...> запретить в священнослужении и ношении ясыи и рукоблагословении... Игумену Дамаскину иметь самый

в Петербург, архимандрит Игнатий заметил в нем сильное расстройство ума, а последующий врачебный осмотр подтвердил это подозрение. Сопоставив данные медицинского освидетельствования с предположениями отца Игнатия, консистория признала его умопомешательство и приняла решение: за произведенные им действия иеромонаха Мефодия никакому суждению не подвергать, а для лучшего содержания перевести его в Старо-Ладожский Николаевский монастырь⁷².

Очередная конфликтная ситуация⁷³ с поднадзорными на Валааме возникла спустя три года, когда в 1849 г. на остров прибыли протоиерей Петр Левашов⁷⁴, а затем рядовой Николай Веселый⁷⁵. Они сумели собрать вокруг себя круг единомышленников, среди которых следует назвать священника Авксентия Стратановича⁷⁶, попавшего под надзор за нанесение увечий, иеродиакона Исаию⁷⁷, отправленного под надзор за пьянство и самовольный уход из монастыря, иеродиакона Климента, сосланного за пьянство⁷⁸. В основном эту группу составляли подначальные, но были там и некоторые из братии. Объединившись, эти люди в прямом смысле начали вести войну против игумена Дамаскина. Пытаясь разрушить едва восстановленный после смуты 1838 г. монастырский порядок⁷⁹, они своим ядом заражали остальных насельников обители. Для Ва-

строжайший надзор за монахом Мефодием до окончания его дела...». АФВМ. Еа: 8. Д. 41. 1845–1846 г. Л. 20–21 об.

⁷²Консисторией было признано невозможным допустить отца Мефодия до священнодействия, а игумену Старо-Ладожского монастыря иметь за ним особенно строгий надзор. Данный монастырь находится в городе, где отцу Мефодию в случае необходимости может быть легко оказана медицинская помощь. АФВМ. Еа: 8. Д. 41. 1845–1846 г. Л. 29.

⁷³Необходимо отметить, что в статье рассматриваются только наиболее яркие конфликтные ситуации, бывшие с несколькими лицами, остальные же проблемы (бывшие практически со всеми епитимийцами) только упоминаются ввиду краткости данного исследования. (Прим. авт.)

⁷⁴См.: АФВМ. Еа: 12. Д. 12. 1849–1857. О назначении в сей монастырь под надзор протиерея Петра Левашова. Л. 1–79.

⁷⁵АФВМ. Еа: 17. Д. 56. 1854–1857. О подначалии в сем монастыре отставного рядового Николая Веселаго. Л. 1–11.

⁷⁶АФВМ. Еа: 18. Д. 52. 1855–1857. О подначалии в сем монастыре священника Авксентия Стратановича. Л. 1–16.

⁷⁷АФВМ. Еа: 14. Д. 8. 1851. О помещении в Валаамский монастырь под надзор иеродиакона Зеленецкого монастыря Исаии. Л. 1–5.

⁷⁸См.: *Онуфрий (Маханов), иерод.* Причал молитв уединенных. СПб., 2005. С. 178.

⁷⁹*«Шайка самых искусных и закоренелых делателей зла, составившаяся из присланных сюда под надзор в течение последних шести лет, весьма повредила нравственность многих из живущих в монастыре...». См.: АФВМ. Еа: 18. Д. 56. Л. 57–60 об.*

лаамского монастыря это впоследствии обернулось катастрофой с тяжелыми взаимными подозрениями, обвинениями и доносами. Противостояние вылилось в оскорбительный для обители судебный процесс, тянувшийся несколько лет (1855–1857)⁸⁰.

В результате благоразумных действий настоятеля и еще более значимого заступничества благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандрита Игнатия, бунтовщиков, «от которых все зло»⁸¹, смогли удалить из Валаамской обители. В 1859 г. последних из них перевели в другие монастыри и на Валаам более не посылали⁸². Однако, уже управляя обителью около двадцати лет и зная ситуацию, игумен Дамаскин на этом не успокоился и добился, обратившись в 1864 г. за помощью к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому)⁸³, официального запрета от Синода даже возможности в будущем присылать штрафников на Валаам⁸⁴.

Из рассмотренных исторических событий и фактов следует сделать вывод о том, что подначальные составляли одну из серьезнейших проблем для Валаамского монастыря в середине XIX века. Их поведение отрицательно сказывалось как на духовном состоянии братии, так и на внешней стороне монастырской жизни (в т.ч. богослужении и монастырском распорядке). Также необходимо отметить негативное влияние поднадзорных на православных паломников, приезжавших со всех областей России и из Финляндии⁸⁵. Исследование позволяет

⁸⁰ АФВМ. Еа: 18. Д. 56. 1855–1857. Следствие, учиненное игумену Дамаскину по доносу некоторых братий. Л. 1–65 об.

⁸¹ «С замиранием сердца, озираясь на смуты, не раз страшно волновавшие Валаамскую обитель, в 20-летнее время моего [Дамаскина] настоятельства, глубоко-опытно сознавая, что первая и главнейшая причина этих страшных смут было нахождение в монастыре людей подначальных; с неизъяснимой радостью сердца вижу теперь Богоприятную тишину на месте святе...» См.: АФВМ. Еа: 22. Д. 47. 1859–1864 г. Л. 1–4 об.

⁸² См.: Игнатий (Брянчанинов), свт. Переписка святителя Игнатия с игуменом Дамаскиным // Описание Валаамского монастыря... С. 429.

⁸³ «Сердце у нея [обители] наболело в высшей степени, почему и тяготит ее один вид штрафного лица... одно может успокоить ее, одно может сделать ее чисто монашеским селением, одно может составить навсегда радость ея сынов: это дражайший указ Святейшего Синода, освобождающий ее от помещения в ней всякого рода штрафных лиц. Исходатайтеуйте, исходатайтеуйте этот указ, умоляем, незабвенный Владыко!» См.: АФВМ. Еа: 22. Д. 47. Л. 31–32 об.

⁸⁴ См.: Письма игумена Дамаскина к разным лицам // Минин Н., Минина Н. Валаамский избранник. Приложение. М., 2007. С. 177.

⁸⁵ Следует отметить миссионерское значение Валаамского монастыря, располагавшегося вблизи протестантской Финляндии, жители которой часто посещали обитель и получали отрицатель-

сделать отрицательный вывод об успешности перевоспитания ссыльных на Валааме. Об исправлении епитимийцев в данном монастыре можно только рассуждать теоретически, и говорить о положительных аспектах этого предприятия в единичных случаях. Однако в отношении самого монастыря следует однозначно признать разрушительность такового его использования: пребывание штрафников здесь было крайне пагубно как для братии и трудников, так и для паломников. Исследование также позволяет по достоинству оценить административную деятельность архимандрита Игнатия (Брянчанинова)⁸⁶ как благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии, как защитника и покровителя Валаамского монастыря, активно участвовавшего в наведении порядка здесь и умиротворявшего враждующих иноков, создававшего наиболее необходимые условия для возрождения духовной жизни обители.

Источники и литература

1. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 106. Д. 110. 1825 г. По предложению о неприсылке впредь в Валаамскую обитель на послушание военных.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082. 1838 г. По рапорту Санкт-Петербургского митр. Серафима о беспорядках, допущенных настоятелем Валаамского монастыря игуменом Вениамином.
3. РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1082а. 1838 г. Протокол от Санкт-Петербургской духовной консистории по делу, начавшемуся в ней по изветам заштатного игумена Варлаама и монаха Иосии, о появившейся якобы в Валаамском монастыре масонской ереси.
4. Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1883. Оп. 53. Д. 192. Послужной список настоятеля Авраамиева Городецкого монастыря игумена Вениамина.
5. Архив Финляндского Валаамского монастыря (АФВМ). (Valamontie 42, 79850 UUSI- VALAMO, FINLAND). Ea: 1. 1822- 1838. Д. 4. Об иеродиа-

ное впечатление о Православной Церкви под влиянием негативного поведения подначальных здесь.

⁸⁶Все доносы, которые писали враги игумена Дамаскина, попадали на стол благочинному, архимандриту Игнатию. Соответственно развитие и ход дела они получали иное, чем предполагали доносители, рассчитывавшие на быстрое смещение игумена.

- коне Матфее, находившемся в сем монастыре под надзором с запрещением священнослужения.
6. АФВМ. Еа: 1. Д. 5. О поднадзорном запрещенном диаконе Канакине.
 7. АФВМ. Еа: 1. Д. 8. Об определении в сей монастырь под надзор с запрещением священника Сергия Сергеева и о перемещении его в Коневецкий монастырь.
 8. АФВМ. Еа: 1. Д. 9. О назначенном под епитимью Охтенском поселянине Иване Артамонове.
 9. АФВМ. Еа: 1. Д. 12. О священнике Козьме Успенском находившемся под епитимьей в течении трех лет.
 10. АФВМ. Еа: 1. Д. 29. Об определении благочинным над сим монастырем и прочими здешней епархии, Сергиевой пустыни Настоятеля архимандрита Игнатия.
 11. АФВМ. Еа: 2. 1839 г. Д. 1. О находившемся под епитимией подмастерье Самуиле Тавастберге.
 12. АФВМ. Еа: 2. Д. 4. Об отправлении и переводе из сей обители бывшего игумена Варлаама и иеромонахов Аполлоса и Ираклия.
 13. АФВМ. Еа: 2. Д. 19. О назначении священника Павла Приморского в сей монастырь под епитимию, в случае неудовлетворения им за взятую церковную сумму.
 14. АФВМ. Еа: 2. Д. 22. О состоявшем под епитимией диаконе Маркове.
 15. АФВМ. Еа: 2. Д. 23. О перемещении из сего монастыря в Архангельскую и Вологодскую епархии монашествующих 7 человек.
 16. АФВМ. Еа: 2. Д. 27. О перемещении из сего монастыря в Коневский иеродиакона Иосифа под строгий надзор.
 17. АФВМ. Еа: 2. Д. 51. О находившемся под епитимией Андрее Маковецком.
 18. АФВМ. Еа: 7. Д. 44. 1844–1845 г. О находившемся в сем монастыре под надзором за буйные поступки отставном лейтенанте флота Николае Кирееве, перемещенном в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь.
 19. АФВМ. Еа: 8. Д. 41. 1845–1846 г. О поведении и поступках иеромонаха Мефодия.
 20. АФВМ. Еа: 13. Д. 12. 1849–1857 г. О назначении в сей монастырь под надзор протоиерея Петра Левашова.

21. АФВМ. Еа: 17. Д. 56. 1854–1857 г. О подначалии в сем монастыре отставного рядового Николая Веселаго.
22. АФВМ. Еа: 22. Д. 47. 1859–1864 г. По прошению настоятеля об освобождении Валаамского монастыря от помещения в нем людей подначальных.
23. Регламент или устав духовной коллегии // Библиотека Якова Кротова. URL: <http://www.krotov.info/acts/18/1/1721regl.html> (дата обращения: 13.01.2014).
24. *Анисимов Е.В.* Духовный Регламент // Православная энциклопедия. Т. XVI. М., 2007. С. 433–435.
25. *Барсов Н.И.* Существовала ли инквизиция в России? / Исторический вестник. СПб., 1892. Т. 47. № 1. С. 481–498.
26. *Богданов А.И., Зеленина Я.Э.* Гавриил (Петров Петр Петрович) // Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 224–226.
27. Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., Валаамский монастырь. 2011. 584 с.
28. *Вергунов А.П., Горохов В.А.* «Монастыри земли русской». Кн. 1. М., 2009. 796 с.
29. *Грекулов Е.Ф.* Православная инквизиция в России. Наука. М., 1964. 83 с. // BookFinder. URL: <http://bookfi.org/book/336594> (дата обращения: 14.01.2014).
30. *Грекулов Е.Ф.* Православная Церковь – враг просвещения. АН СССР. М., 1962. 124 с. // BookFinder. URL: <http://bookfi.org/book/336594> (дата обращения: 14.01.2014).
31. *Зырянов П.Н.* «Русские монастыри и монашество в XIX и XX вв.» М., 2002. 320 с.
32. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Описание Валаамского монастыря и смут бывших в нем. Переписка святителя Игнатия с игуменом Дамаскиным // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. III. М., 2006. 607 с.
33. *Кокорева Т.В.* Монастырские тюрьмы как место заточения старообрядцев и сектантов в XIX веке. Канд. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. н. МГУ. М., 2001 г. 203 с. // Dissercat. URL: <http://www.dissercat.com/content/monastyrskie-tyurmy-kak-mesto-zatocheniya-starobryadtsev-i-sektantov-v-xix-veke#ixzz2qNAxSd8Z> (дата обращения: 14.01.2014).

34. *Минин Н., Минина.* Валаамский избранник. М., Спасо- Преображенский Валаамский монастырь, 2007. 335 с.
35. *Никольский Н.М.* История Русской Церкви. М., 1930. 247 с. // BookFinder. URL: <http://bookfi.org/book/336594> (Дата обращения: 14.01.2014).
36. *Онуфрий (Маханов), иерод.* Причал молитв уединенных. СПб., 2005. 738 с.
37. *Пругавин А.С.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. К вопросу о веротерпимости. М., 1905. 130 с. // BookResearch. URL: <http://bookre.org/isearch?q> (Дата обращения: 14.01.2014).
38. *Смолич И.К.* История Русской Церкви 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. 798 с.
39. *Смолич И.К.* Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. Приложение к Истории Русской Церкви. М., 1999. 606 с.
40. *Степашкин В.А.* Преподобный Назарий Валаамский, подвижник Саровской пустыни. Изд. отд. Нижегородской епархии. 2009. 112 с.
41. *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший период. М., 2004. 839 с.

Т.А. Бутякова, М.Н. Вербовский

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ТУРАЕВ — СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ И ЦЕРКВИ

Б.А. Тураев — профессор Петроградского университета и преподаватель Богословского института, с 1918 г. — академик Российской академии наук. Основоположник египтологии в России, создатель отечественной школы истории Древнего Востока, признанный знаток христианского богослужения. Член Императорского православного палестинского общества и участник Поместного Собора Русской Церкви 1917–1918 гг. Автор свыше 150 работ по Древнему Египту, Эфиопии, Двуречью, истории религии. Статья посвящена анализу церковной деятельности известного ученого.

Ключевые слова: Б.А. Тураев, В.В. Болотов, В.И. Цветаев, прот. Николай Чуков, Н.Н. Глубоковский, Петроградский университет, Академия наук, Поместный Собор, Богословский институт, Палестинское общество.

Насколько наука светская отделена от веры в Бога? Насколько велико было отступление интеллигенции от Церкви в прошлом столетии? Есть ли у нас ориентиры, соединяющие высокую нравственность с успехами в науке? В настоящее время эти вопросы вызывают немало споров.

А в начале XX в. сиял своей блестящей научной деятельностью академик Борис Александрович Тураев¹. Про него же известно, что он был старостой университетской церкви², членом Поместного Собора 1917–1918 гг.³ Один из учеников Б.А. Тураева писал о наследии своего учителя в советскую пору: «В исследовании духовной культуры различных древневосточных обществ он прежде всего останавливался на религиозной идеологии. Им тщательно отмечались все элементы развития религиозной идеологии древневосточных обществ

Бутякова Татьяна Александровна — преподаватель Санкт-Петербургской православной духовной академии, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (tat.butya@yandex.ru). *Михаил Николаевич Вербовский* — выпускник Санкт-Петербургской православной духовной семинарии.

¹ *Милибанд С.Д.* Труды академика Бориса Александровича Тураева (Хронологический перечень 210 книг, статей, переводов, рецензий и редакторских работ за 1893–1936 гг. и 31 статья о нем за 1904–1964 гг.) // *Древний Восток. Сб. 2. Памяти академика Тураева Б.А. М., 1980.*

² *Воронцов А.В.* Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви // *С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. № 21–22.*

³ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 10. Деяния 137–151. Государственный архив РФ. Новоспасский монастырь. М., 2000; *Козьмина-Бороздина Т.Н.* Посмертные работы академика Б.А. Тураева // *Жизнь. М., 1922. № 3. С. 101–112.*

в сторону приближения ее к христианским религиозным верованиям: религиозный синкретизм и зарождение монотеистических идей, характер религиозных представлений, связанных с верой в загробное существование, нормы религиозной этики и т. д. Если не одни эти моменты, то во всяком случае именно они для Б.А. Тураева были основными и решающими при определении высоты культурного развития того или иного конкретного общества Древнего Востока. Этим чрезвычайно ярко иллюстрируются слова В.И. Ленина о том, что всякий идеализм есть путь, дорога к поповщине. Б.А. Тураевым этот путь был пройден целиком. Указанная установка Б.А. Тураева пронизывает все построение его труда и это надо постоянно иметь в виду, равно как то, что его интерпретация исторического развития отдельных древневосточных народов основывается конечно на изначально приписываемых им духовных качествах»⁴. Про научную деятельность⁵ академика Тураева есть обстоятельные работы, про общественную⁶ и церковную — только разрозненные по тематике статьи. Но чаще всего в статье страниц на десять⁷ в конце говорится о том, что надо сказать несколько слов о церковной деятельности Тураева⁸.

Рассмотрение церковной деятельности Бориса Александровича в основном посвящено какому-то одному делу: либо деятельности Тураева на Поместном Соборе 1917–1918 гг., либо написание службы всем русским святым⁹, либо его роли в организации Богословского института в Петрограде¹⁰. Подробные и интереснейшие воспоминания о Тураеве — старосте университетской церкви —

⁴Струве В.В., Снегирев И.Л. Предисловие // Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. 1. Л., 1935. С. 18.

⁵Коростовцев М.А. Академик Борис Александрович Тураев (о стиле работы ученого) // ВДИ. 1974. № 2. С. 111–114; Беляев Е.А. Б.А. Тураев // Труды Московского университета. 1946. Вып. 3. С. 56–61; Шаров А.В. Творческий путь и научное наследие академика Бориса Александровича Тураева // Диссертация. М., 2000; Крачковский И.Ю. Б.А. Тураев и христианский Восток. СПб., 1921; Беляев Е.А. Б.А. Тураев // Труды Московского университета. 1946. Вып. 3. С. 56–61.

⁶Бороздин И.Н. Академик Б.А. Тураев и русская наука // Вопросы истории. М., 1947. № 11. С. 80–84; Глубоковский Н.Н. Академик профессор Борис Александрович Тураев, как христианский учитель и ученый // Воскресное чтение. Варшава, 1929. № 11. С. 169–173; Кравецкий А.Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 гг. и в последующие десятилетия // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 2.

⁷Струве В.В. Б.А. Тураев — крупнейший историк Древнего Востока // Вестник древней истории. М., 1948. № 2. С. 75–83.

⁸Шаров А.В. Два документа о Б.А. Тураеве // Памятники и люди. М., 2004. С. 109–121.

⁹Глазов В., свящ. История праздника Всех святых, в земле Российской просиявших // Московские епархиальные ведомости. 2005. № 5–6.

¹⁰Шубина Е.И. Петроградский Богословский институт // Фонтанка. 2007.

оставил отец Николай Чуков¹¹, ставший в 1919 г. настоятелем домового храма святых апостолов Петра и Павла¹².

В архиве Государственного Эрмитажа имеется богатый материал о Тураеве¹³ — около трехсот писем Тураеву от разных лиц, почетные грамоты, дипломы, черновики работ, материалы Палестинского общества. Есть фонд Тураева и в архиве Академии наук¹⁴, где содержится около двадцати рабочих записных книжек, около двух десятков писем и обширный фотоматериал, представленный в основном полученными открытками и купленными фотографиями мест, по которым путешествовал Тураев. Есть немало интересных материалов в архиве Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, которые можно осмыслить по публикациям О.В. Томашевич¹⁵ и о В.С. Голенищеве¹⁶.

Материалы и переписка Тураева с разными лицами дают повод говорить, что церковное служение было сердцевинной всей его жизни и научной деятельности.

Борис Александрович Тураев родился 24 июля (5 августа) 1868 г. в городе Новогрудке в семье дворянина. Тогда Новогрудок относился к Минской губернии, в наши дни относится к Гродненской области Республики Беларусь. Развалины Новогрудского замка XV в. на Замковой горе живописно возвышаются над городом, они часто упоминаются в переписке друзей детства с Борисом Александровичем¹⁷. Еще до поступления в гимназию семья Тураевых переезжает в Вильну, нынешний Вильнюс. Здесь маленький Борис потерял отца, и Ксения Андреевна, его мать, приняла на себя заботы по воспитанию сына¹⁸.

Ксения Андреевна служила учительницей в Мариинском высшем женском училище Вильны. О том, что значило воспитание матери для ее сына можно судить по тому, как академик П.К. Коковцев писал о ней: «Тот, кто знал эту до-

¹¹Воронцов А.В. Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви. // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. № 21–22. С. 68–72.

¹²Григорий (Чуков), митр. Дневник, фрагменты, фотографии (1918–1923) // Архив. Историко-богословское наследие митрополита Григория (Чукова). СПб., 2010.

¹³Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1.

¹⁴Архив РАН. Ф. IV. Оп. 91.

¹⁵Томашевич О.В. Объяснение в любви. Вместо послесловия // Тураев Б.А. Бог Тот. М., 2002.

¹⁶Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в музей изящных искусств (1908–1912) // Гос. Эрмитаж, Гос. Рус. музей, Музей изобр. искусств им. А.С. Пушкина / Сост., автор прим. Демская А.А., Ходжаш С.И. др. (из архивов ГМИИ). М.: Сов. художник, 1987.

¹⁷Архив РАН. Ф. IV. Оп. 91. Д. 19. Л. 1–6.

¹⁸Шаров А.В. Тураев Борис Александрович. Историки России. Биографии. М., 2001. С. 462.

стойную женщину, которая почти до самой своей смерти продолжала трудиться на ниве народного просвещения, несмотря на преклонный возраст и расстроенное здоровье, тот знает, в какой степени эта мать могла влиять на развитие тех сторон ума и характера, которые ярко отразились на деятельности Бориса Александровича»¹⁹.

Гимназическое обучение Борис Александрович Тураев получил в I Виленской гимназии²⁰. В первом классе он был первым учеником, далее Тураев отличником не был. Надо сказать, что приходилось ему получать и двойки во втором классе. Пятерки Борис Тураев стабильно имел по истории, Закону Божию и географии. Древние языки давались в гимназии будущему академику, основателю русской школы египтологии, на тройки и четверки²¹. Именно изучение Священной истории возбудило в нем на всю жизнь живейший интерес к древности, к таинственным древним языкам. Этот интерес получил поддержку от коллекции в Музее древностей при Виленской публичной библиотеке, в котором было «несколько предметов, добытых из египетских пирамид»²² и от поездки с бабушкой в Берлин, где они посетили Берлинский музей с его богатými коллекциями²³.

В 1886 г. Борис Александрович, успешно выдержав вступительные экзамены, поступил на историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и в 1891 г. закончил обучение с дипломом I степени²⁴. По воспоминаниям Бориса Александровича, он — ученик Оскара Эдуардовича фон Лемма, защитившего магистерскую диссертацию в Берлинском университете, затем учившегося у Эрмана и других берлинских ученых, а также занимавшегося у Масперо²⁵. В дальнейшем профессор Санкт-Петербургской духовной академии Василий Васильевич Болотов стал и учителем, и консультантом, и рецензентом научных работ Бориса Александровича²⁶. После окончания Университета для подготовки к профессорскому званию Ту-

¹⁹ Коковцев П.К. Б.А. Тураев. Известия Академии наук. IV серия. Т. 14. Петроград, 1920. С. 164.

²⁰ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 77. Л. 1.

²² Вильна. Путеводитель. Вильна, 1883. С. 262.

²³ Томашевич О.В. Объяснение в любви. Вместо послесловия // Тураев Б.А. Бог Тот. М., 2002. С. 315.

²⁴ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

²⁵ Тураев Б.А. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года // АН СССР. Л., 1927. С. 14.

²⁶ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–21.

раева оставили на историко-филологической кафедре университета. В 1893 г. Борис Александрович был отправлен в командировку в Берлин, где в то время находилась лучшая школа египтологии. За год он взялся изучать одиннадцать курсов²⁷. Кроме древнеегипетского, абиссинского и коптского языков, Тураев изучает языки и историю Переднего Востока, сирийскую и арабскую грамматику, «введение в мексиканскую археологию» Зелера²⁸. Помимо Берлина Борис Александрович занимался в Париже и Лондоне, где на основании рукописи гимна богу Тоту собирал материал для своей магистерской диссертации²⁹. Также он трудился и учился в Италии.

Из ученой командировки Б.А. Тураев вернулся в 1896 г. и занял должность приват-доцента в Санкт-Петербургском университете, где стал читать лекции по истории Древнего Востока и египтологии. Читал Борис Александрович быстро, не артистично, но студентов сразу же поражала огромная эрудиция молодого преподавателя³⁰. «Имеющий диплом первой степени Историко-филологической испытательной Комиссии при Императорском Санкт-Петербургском Университете 1890 г. от 22 ноября за № 10541 Борис Александрович Тураев, православного исповедания, по выдержании установленного испытания и публичном защищении 9 мая 1898 г. в Санкт-Петербургском Университете диссертации, под заглавием: "Бог Тот", удостоен Историко-филологическим факультетом сего Университета ученой степени магистра всеобщей истории»³¹. Так свидетельствует копия диплома о присвоении магистерской степени Б.А. Тураеву. Через некоторое время 23 августа 1898 г. коллежский секретарь Б.А. Тураев венчался в Знаменской церкви села Богородское-Мневичи Новоторжокского уезда Тверской епархии³² с дочерью тайного советника Еленой Филимоновной Церетели (их весьма эмоциональная переписка частично сохранилась в архиве Академии наук³³).

²⁷ Там же. Д. 93. Л. 1. об.

²⁸ *Томашевич О.В.* Объяснение в любви. Вместо послесловия // *Тураев Б.А.* Бог Тот. М., 2002. С. 316.

²⁹ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 94. Л. 1; Д. 95. Л. 1.

³⁰ *Майоров Н.И.* Введение в историю Древнего Востока. Учебное пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 2003. С. 24.

³¹ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

³² Там же. Д. 4. Л. 1.

³³ Архив РАН. Ф. IV. Оп. 91. Д. 39, 41.

Научную работу молодой ученый вел в сотрудничестве с В.В. Болотовым. «Среди учеников Болотова, прямых или косвенных, — несколько ученых мирового значения, которые в то же время явили себя подлинными христианами в годы большевистских гонений. Таковы академик Б.А. Тураев, крупнейший специалист по христианскому Египту и Эфиопии»³⁴. Надо сказать, что еще в 1894 г. Болотов писал Тураеву: «Но Вы находитесь в диковинном заблуждении, если предполагаете, что я действительно знаю толк в эфиопских службах. Больше того, что Вы теперь в этом деле знаете, конечно, в Европе не знает никто. Может быть, (говоря это впрочем, без особой уверенности) Ваш материал, когда Вы его издадите, поможет нашим литургистам — на западноевропейских надежды плохи...»³⁵. Б.А. Тураев написал о Василии Васильевиче: «Болотов явился в науке как бы “сам по себе”, возник без подготовки и ушел без продолжения»³⁶. Переводя совместно с Тураевым часослов Эфиопской Церкви, Болотов сообщает ему: «Псалмы, определяющие ход богослужения по Dillm. Chr., были 1-й (Блажен муж), 23 (Господня земля), 92 (Господь воцарися), 140 (Господи воззвах) и, по-видимому, песнь Захарии “Благословен Господь”, а дальше — темна вода во облацех. Часослов с этим уже плохо сходился (plus какое-то “Боже мой” и, по-видимому, “Ныне (отпускаеши)”)»³⁷.

В этом сочинении Борис Александрович совместно с В.В. Болотовым переводит тексты с древнего эфиопского языка геэз³⁸, который был изучен Тураевым самостоятельно — он занимался им еще в Берлине у Шрадера. Болотов в переписке с Тураевым так описывает положение вещей, когда даже перевод первоисточника не помогает разобраться в сути дела до конца: «Вы совершенно правы, полагая, что разве лишь сами абиссины распутают все эти противоречия. Но под силу ли эта задача и им? В стенах нашей Академии некоторое время жил абиссин диакон Габра-Крыстос. Но в этом смысле я не мог извлечь из него ничего. Русский язык он знал слишком недостаточно для длинных объяснений, да еще технических. Человек он молодой (22-х лет, кажется) он выбыл из Абиссинии уже давно, он проживал в Египте, постоя в Нитрийском монастыре Богородицы. Присутствовал несколько лет при коптском богослужении на

³⁴ *Иоанн (Снычев), митр.* Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 209–210.

³⁵ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 120. Л. 1.

³⁶ *Рубан Ю.И.* Чернорабочий от истории. (К 110-летию со дня кончины Василия Васильевича Болотова) // Вода живая. 2010. № 4. С. 20.

³⁷ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 120. Л. 1 об.

³⁸ Там же. Л. 2, 7–9.

безусловно понятном ему коптском языке, наконец и хиротонию во диакона получил от монофизитского епископа (митрополита, не патриарха) Александрийского. При концентрическом плане абиссинских храмов, что мог Габра-Крыстос сказать много об абиссинских службах, не имея вдобавок под рукою требуемых книг. Думаю, что главную трудность Вы представляете себе также как и я»³⁹.

Болотов дает и практические советы об издании работ с эфиопскими текстами. «Вопрос об органе, в котором Вы издадите Ваши тексты, кажется, прежде всего связан с вопросом об их количестве. Эфиопские иероглифы в типографии Академии наук есть, но на много ли полос его хватит? Мне приходилось видеть только строки, не страницы, печатанные в Санкт-Петербурге по-эфиопски»⁴⁰. Находившемуся в научной командировке в Берлине Тураеву Болотов пишет о своих питерских находках: «Благословен Берлин, если он не награждает в эту пору обывателя таким скверным насморком, что приходится откладывать в долгий ящик почти готовое письмо. Извините за истому ожидания. Путного, однако, эта отсрочка дала то, что я теперь могу сказать определенно, что Библейское Российское общество в 1817 издало в Санкт-Петербурге Армянскую Библию In quarto с параллелями. В библиотеке нашей Академии оказалась и это Санкт-Петербургское издание и венецианское 1805 Захробыяна. Добрые старцы! Вот, истинные-то были оптимисты, дарили книги, которых в Академии не читали, <...> в блаженном уповании, что авось, либо кому-нибудь пригодятся»⁴¹.

Когда Б.А. Тураев занялся переводом и анализом житий эфиопских святых⁴², В.В. Болотов немало помог в написании этого сочинения. «Когда я в своих Aethiopiae под строкою упоминал о темных вопросах из первоначальной истории Эфиопии, я разумел именно эту сторону дела. Как известно, мы не располагаем для всего периода абиссинской истории между Калобом 1524 г. и Иькуно-Амлак (с 1270 г.). Если что и было за эти 6 веков, то — по моей догадке только — монашество, только оно и могло сохранить кое-какие достоверные хронологические предания относительно этого периода тьмы египетской. На счастье эфиопы ведут списки <...> и вероятно они имеют довольно надежные сведения о преемствах генераций их преподобных»⁴³.

³⁹Там же. Л. 2.

⁴⁰Там же. Л. 5 об.

⁴¹Там же. Л. 7.

⁴²Архив РАН. Ф. IV. Оп. 91. Д. 2. Л. 1–24.

⁴³Там же. Л. 7 об.

К завершению работы Тураева над докторской диссертацией Василия Васильевича Болотова 23 марта (5 апреля) 1900 года не стало. Б.А. Тураев написал о В.В. Болотове статью⁴⁴ и посвятил свою докторскую работу его памяти⁴⁵.

17 ноября 1902 г. докторская диссертация «Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии» была успешно защищена. В ней Борис Александрович проанализировал порядок прославления и составления житий многих эфиопских святых, их историческую ценность и сохранность⁴⁶. Эта работа выдвинула Тураева в ряд ведущих специалистов в агиографии и эфиопистике.

В 1904 г. Борис Александрович Тураев стал экстраординарным профессором, а в 1911 г. ординарным профессором Императорского Санкт-Петербургского университета. 16 июня 1909 г. Б.А. Тураев произведен из коллежских в статские советники⁴⁷. В 1911 г. вышла в свет его работа «История Древнего Востока», которая была отмечена золотой медалью Русского археологического общества в 1916 г. Немало и других почетных грамот хранится в архиве Государственного Эрмитажа⁴⁸. В 1913 г. Тураев становится преподавателем Бестужевских женских курсов⁴⁹, в том же году Академия наук избирает Бориса Александровича своим членом-корреспондентом, а в ноябре 1918 г. — академиком Российской академии наук по разряду восточной словесности.

Борис Александрович писал почти все работы по-русски. Он неоднократно в ущерб своему научному имени отказывался от издания своих работ на европейских языках⁵⁰. Из составленного С.Д. Милибанд списка его трудов 155 написаны по-русски и только 10 на европейских языках⁵¹. Это было обусловле-

⁴⁴Тураев Б.А. Василий Васильевич Болотов // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССXXX. Август 1900 г. СПб.: Типография В.С. Балашевъ и К°, 1900.

⁴⁵Тураев Б.А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии // Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. Ч. 65. Вып. 1. СПб., 1902.

⁴⁶Тураев Б.А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. Автореферат на докторскую диссертацию. 1902 // Архив ГЭ. Ф. 10. О. 1. Д. 52. Л. 1–4.

⁴⁷Там же. Д. 8. Л. 1.

⁴⁸Там же. Д. 17. Л. 1–12.

⁴⁹Там же. Д. 26. Л. 1.

⁵⁰Томашевич О.В. Объяснение в любви. Вместо послесловия // Тураев Б.А. Бог Тот. М., 2002. С. 315.

⁵¹Милибанд С.Д. Труды академика Бориса Александровича Тураева (Хронологический перечень 210 книг, статей, переводов, рецензий и редакторских работ за 1893–1936 гг. и 31 статья о нем за 1904–1964 гг.) // Древний Восток. Сб. 2. Памяти академика Б.А. Тураева. М., 1980. С. 42–55.

но тем, что Тураев особо заботился о развитии науки именно в России. «Следует признать, что для поднятия интереса к великим культурам древности у нас не делалось почти ничего. В то время как англичане, французы, а за ними немцы, итальянцы и американцы не останавливались ни пред какими затратами сил, энергии и материальных средств для археологического исследования стран, где создались древнейшие человеческие цивилизации. <...> В то время, как западные и заатлантические музеи наполнялись памятниками Египта и Передней Азии, давая материал ученым и образовательные средства для общества, когда и правительства и частные организации поняли важность изучения Востока и всячески ему содействовали, а обширная научная и популярная литература шла навстречу как этим начинаниям, так и вызванному ими интересу общества, у нас, ближе всех лежащих к Востоку и территориально, и исторически, и культурно, об изучении Востока, особенно древнего, думали меньше всего — не было ни кафедр, ни оригинальной литературы, а потому долгое время не замечалось интереса к этой области знаний»⁵². Поэтому для Тураева было важно, что из «его аудитории вышло несколько молодых ученых, частью уже заявивших о себе учеными трудами и выступивших в качестве университетских преподавателей, например: И.М. Волков, В.В. Струве⁵³, А.Л. Коцейовский⁵⁴ и др.»⁵⁵. Его заслугой является создание собственной школы. «У него занимались многочисленные ученики и ученицы, которые развернули свою деятельность уже в 20–30-е годы XX в. Это Н.Д. Флиттнер⁵⁶... Т.Н. Бороздина⁵⁷, Н.М. Дьяконова, Ф.Ф. Гесс⁵⁸, А.Д. Шмидт и др.»⁵⁹.

Борис Александрович был авторитетным знатоком древних языков и литературы, в том числе и богослужебных текстов. 10 августа 1906 г. Смирнов Яков Иванович уведомляет Тураева о том, что «у нас в Эрмитаже явился некий урмийский священник отец Сергей Бодолов... Также имеет восемь сирийских рукописей. Приносит две (на бумаге), одна, если не ошибаюсь, какой-то слу-

⁵²Тураев Б.А. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года // АН СССР. Л., 1927. С. 9, 11.

⁵³Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 320. Л. 1–3.

⁵⁴Там же. Д. 204. Л. 1–5.

⁵⁵Тураев Б.А. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года // АН СССР. Л., 1927. С. 14.

⁵⁶Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 343. Л. 1.

⁵⁷Там же. Д. 122. Л. 1–2.

⁵⁸Там же. Д. 153. Л. 1–2.

⁵⁹Майоров Н.И. Введение в историю Древнего Востока. Учебное пособие. Томск: Изд. Томского университета, 2003. С. 6.

жебник или какой-то чин, другая же по его словам, толкования пророков. ...Направляю его в Академию и к Вам»⁶⁰.

Большинство исследователей не замечают участия Б.А. Тураева в Императорском Православном Палестинском обществе. Это происходит, видимо, из-за того, что он состоял во многих научных обществах⁶¹, а его участие в Палестинском несколько меркнет перед всем объемом научных работ, которые организовывал Тураев на Востоке. Хотя Б.А. Тураев с марта 1910 г. состоял действительным членом Палестинского общества, с 18 августа 1912 г. — пожизненным действительным членом, а 9 апреля 1917 г. был избран в члены Совета общества. Православное общество видело большую часть своей деятельности в организации паломничества на Святую Землю, а Борис Александрович видел Палестинское общество и как научный и просветительский орган. Он участвует в тарелочном сборе средств на нужды общества⁶², трудится над изданием просветительской литературы от Общества⁶³. Б.А. Тураев участвует в переезде канцелярии, библиотеки и книжного склада Общества по новому адресу 21 мая 1917 г., который сопровождался литургией и молебном⁶⁴.

В конце 1911 г. как эксперт, ведущий специалист в области египтологии и человек, приложивший немало усилий для приобретения коллекции В.С. Голенищева⁶⁵, с которым его связывала давняя совместная научная работа и дружба⁶⁶, Тураев был приглашен в Музей изящных искусств Александра III на место хранителя этой коллекции создателем и директором музея И.В. Цветаевым. Согласно их переписке, это была некоторая жертва со стороны Бориса Александровича. Ему пришлось отказаться от нескольких должностей в Петербурге, а вместе с ними и от заметных для него доходов. Он почти еженедельно ездил в Москву⁶⁷, а в начале 1912 г. музей Александра III становится постоянным

⁶⁰ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 311. Л. 1.

⁶¹ Там же. Д. 12. Л. 1–8.

⁶² Материалы Российского Палестинского общества // Архив ГЭ. Ф. 10. О. 1. Д. 18. Л. 3–5.

⁶³ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 6–7.

⁶⁴ Там же. Л. 10.

⁶⁵ Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в музей изящных искусств (1908–1912) // ГЭ, ГРМ, ГМИИ им. А.С. Пушкина / Сост., автор прим. Демская А.А., Ходжаш С.И. и др. М.: Сов. художник, 1987. С. 120–121.

⁶⁶ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–8.

⁶⁷ Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в музей изящных искусств (1908–1912) // ГЭ, ГРМ, ГМИИ им. А.С. Пушкина / Сост., автор прим. Демская А.А., Ходжаш С.И. и др. М.: Сов. художник, 1987. С. 124–130.

московским адресом Б.А. Тураева⁶⁸. На открытие музейной экспозиции 31 мая 1912 г. приехали супруга и мать Бориса Александровича⁶⁹. Здесь же, прямо в залах музея, Тураев читал лекции по истории Древнего Востока и египтологии. Вот как отзывалась об этих лекциях его московская ученица Тамара Николаевна Бороздина: «Я никогда не забуду этого удивительного руководства, полного глубины, желания всячески помочь и облегчить встречаемые трудности, а также глубокую радость, когда ученик справлялся со своей задачей. Все свои знания, свой богатый опыт Борис Александрович отдавал ученикам. Как искренно хлопотал он, чтобы добыть ту или иную книгу или какой-нибудь материал, необходимый для них»⁷⁰.

В подавляющем большинстве писем Борису Александровичу его корреспонденты приносят благодарность за участие и внимание к ним. Среди архива Б.А. Тураева в Государственном Эрмитаже есть целая подборка благодарностей и уведомлений о получении даров от Тураева⁷¹.

И.В. Цветаев в письме В.М. Викентьеву (1882–1960), с 1915 г. хранителю Восточной коллекции Исторического музея, еще 1 июня 1910 г. пишет: «Я слышал про Эрмана, что это не только ученейший профессор, но и добрейший человек, и опытнейший руководитель студентов египтологии. Б.А. Тураев от него в восторге, впрочем это — сам святой человек и чистое из чистых сердец, так бесповоротно к себе привлекающее»⁷². При музее действовало Общество по изучению древних культур, в библиотеке которого было немало книг, пожертвованных Борисом Александровичем⁷³.

10 января 1917 г. Василий Ильич Чернышев через М. Фасмера просит Бориса Александровича о присылке в дар Славянской русской семинарии Императорского Варшавского университета «Очерков народного языкознания» С.Н. Гулевича, что и было исполнено⁷⁴. Зеленецкий Петр Александрович, преподаватель II мужской гимназии Тифлиса, 11 февраля 1917 г. просит выслать

⁶⁸Там же. С. 128.

⁶⁹Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

⁷⁰Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в музей изящных искусств (1908–1912) // ГЭ, ГРМ, ГМИИ им. А.С. Пушкина / Сост., автор прим. Демская А.А., Ходжаш С.И. и др. М.: Сов. художник, 1987. С. 307–308.

⁷¹Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–15.

⁷²Архив ГМИИ. Ф. 36. О. I. Д. 422. Цит. по: *Томашевич О.В.* Объяснение в любви. Вместо послесловия // *Б.А. Тураев.* Бог Тот. М., 2002. С. 321.

⁷³Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 12.

⁷⁴Там же. Д. 340. Л. 1.

ему магистерскую диссертацию Б.А. Тураева «Бог Тот»⁷⁵. Борис Александрович безвозмездно помогал книгами Пальникову⁷⁶, Пташицкому⁷⁷, Платунову⁷⁸, Петропавловскому⁷⁹, Е.Г. Кагарову⁸⁰, Пьянкову⁸¹, Саратовской библиотеке⁸².

В апреле 1917 г. профессорский стипендиат Московской духовной академии иеромонах Павел пишет письмо Борису Александровичу с просьбой о присылке наложенным платежом для пополнения академической библиотеки целого ряда книг по эфиопистике и истории Древнего Востока. Через два месяца Тураев получает благодарственное письмо от отца Павла за книги, высланные в дар библиотеке Московской академии⁸³.

Читая эти строки, кажется, что нет просьбы, которую бы не постарался со всей отзывчивостью выполнить Борис Александрович. Не было для него лиц посторонних, которых бы он лишил внимания за их малость. При этом не стоит забывать, что состояние Тураева было весьма скромным.

Императорское Православное Палестинское общество также имело в своей библиотеке немало книг Бориса Александровича, принесенных им в дар⁸⁴.

В 1917 г. в Обществе серьезно обсуждаются проблемы, связанные с дальнейшим устройством дел в Палестине. Желательно ли России иметь Миссию в Иерусалиме с епископом во главе? Как сохранить в Иерусалиме, Вифлееме, Галилее, Елеоне, Назарете за славянами алтари и богослужение? Каково должно быть послевоенное управление Синаем, Афоном? О придании Андреевскому и Ильинскому скитам на Афоне статуса монастырей с введением их представителей в протат.

На полях проекта программы, подготовленной Обществом, Тураев написал: «...я же позволю себе только напомнить, что для русского народа Святой Гроб еще более даже, чем Царьград, и что никакие материальные выгоды, ни какие нам сулят обладания проливами не уравнивает той духовной катастрофы, какую повлечет за собой предоставление в безраздельное пользование

⁷⁵ Там же. Д. 180. Л. 1.

⁷⁶ Там же. Д. 265. Л. 1.

⁷⁷ Там же. Д. 276. Л. 1.

⁷⁸ Там же. Д. 272. Л. 1.

⁷⁹ Там же. Д. 269. Л. 1.

⁸⁰ Там же. Д. 8. Л. 372.

⁸¹ Архив РАН. Ф. IV. Оп. 91. Д. 18. Л. 1.

⁸² Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 108.

⁸³ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 261. Л. 1.

⁸⁴ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 10 об.

Святой Земли кому бы то ни было. Особенно же нациям, поддерживающим воинственный папизм. Это сознание и в ученых и в общественных сферах уже в виду тех трудов и жертв, какие понесла Россия не только для поддержания в Святой Земле Православия, но и для изучения. Эти труды русского народа, обливающего своими слезами палестинские святыни, их несет Православное Палестинское общество, выпускающее серию превосходных изданий. Но и косвенно русские люди содействуют изучению Святой Земли»⁸⁵.

15 (28) августа 1917 г. открылся Поместный собор Русской Православной Церкви⁸⁶. В нем принимали участие не только архиереи, монахи и духовенство, но и миряне — представители Академии наук и университетов и от Государственной думы⁸⁷. Собор рассмотрел широкий круг вопросов, связанных с резкими переменами в государственной и церковной жизни. Одним из центральных событий стало восстановление патриаршества в Русской Церкви⁸⁸. Именно как знаток церковных уставов Тураев был привлечен к работе Поместного Собора 1917–1918 гг. «Компетентность Тураева в области восточного богослужения и церковности обусловила его участие в работе одного из важнейших отделов Собора — богослужебного. Выработанный отделом при активном участии ученого доклад об общественном богослужении со временем должен был обратиться в закон и утвердиться в богослужебной практике»⁸⁹.

Как ни важны были вопросы богослужебной практики, духовного образования и прочего, все же главным событием в деяниях Собора стало восстановление патриаршества. Процедура избрания Патриарха вырабатывалась на основе исторических прецедентов, и здесь оченьгодились знания и опыт Тураева: он познакомил участников Собора с аналогичной церемонией, существующей у коптов. Тураев оставался на Соборе до окончания его работы 7 (20) сентября 1918 г.⁹⁰

⁸⁵ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 11.

⁸⁶ Митрофанов Г., *прот.* История Русской Православной Церкви 1900–1927. СПб.: Сатис, 2002. С. 96–183.

⁸⁷ Цыпин В., *прот.* История Русской Церкви 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преобр. Валаамского мон., 1997. С. 3–123.

⁸⁸ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М., 1994.

⁸⁹ Кравецкий А. Г. Проблемы типикона на Поместном Соборе. Ученые записки. Вып. 1. М., 1995. С. 59.

⁹⁰ Шаров А. В. Тураев Борис Александрович // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 467.

Председатель богослужебного отдела Собора, митрополит Евлогий (Георгиевский) отзывался о Борисе Александровиче так: «В нашем отделе были прекрасные литургисты: ...профессор Тураев, святой человек, знавший богослужение лучше духовенства»⁹¹.

В рамках работы в богослужебном отделе Собора Борисом Александровичем был подготовлен к изданию «Коптский чин диаконского погребения». Делопроизводитель VII отдела Священного Собора преподаватель Московской духовной семинарии Николай Кедров 30 декабря 1917 г. вместе с поздравлением в гекзаметрических стихах с наступающим Новым годом сообщает о передаче его рукописи для переписки уже перед печатью⁹².

Предложение составить особый чин для погребения диаконов внес на заседании Собора преподаватель Литовской духовной семинарии В.К. Недельский. На основании коптского чина Б.А. Тураев составил новый чин, включив в него молитвы над скончавшимся диаконом из Ватопедского евхология XIV века и некоторые песнопения из чина мирянского и иерейского погребения.

Собор ни на второй, ни на третьей сессии не принял этот чин, оставив его на рассмотрение Синода. В Синоде чин не был принят после отзыва митрополита Сергия (Страгородского) о том, что Синоду не подобает без Собора вводить такие чины и то, что некоторые молитвы невыразительны, а апостольское чтение длинно. Принятие этого чина Синод 11 ноября 1918 г. «отложил до следующего Собора»⁹³.

На заседании отдела о богослужении, проповедничестве и храме, которое состоялось 10 октября 1917 г., Тураев выступал с докладом, посвященным отступлениям от уставного богослужения. «Сообщая предание о литургической деятельности св. Василия Великого, патриарх Прокл выражается следующим образом: «Замечая леность и небрежность людей, тяготившихся продолжительностью литургии, Василий Великий, сам хотя и не считал ее содержащей что-либо излишнее, но, чтобы отнять у небрежных повод тяготиться, передал произносить ее более кратким способом, пользуясь сим как врачебным средством»⁹⁴. Таким образом церковное предание усваивает св. Василию Великому, а за ним

⁹¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 2006. С. 274.

⁹² Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.

⁹³ *Глазов В., свящ.* История праздника Всех святых, в земле Российской просиявших // Московские епархиальные ведомости. 2005. № 5–6. С. 71.

⁹⁴ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 10. Деяния 137–151. М., 2000. С. 122.

и Златоусту, уступки немощам их современников в самой дорогой и священной части богослужения — Божественной литургии и притом в то время, когда религиозная жизнь была неизмеримо живее и интенсивнее, чем теперь; когда обычная жизнь была не столь сложна и мирские обязанности не столь многообразны. И в наше далеко не церковное время замечается леность и небрежность уже не только среди мирян, но и среди самих священнослужителей, тяготящихся продолжительностью, правда не литургии, а прочих служб дневного круга; от их небрежения и проистекают в значительной степени те уклонения для церковного устава, которые были только что указаны. Пример великих вселенских учителей и святителей дает право и Поместному Собору, снисходя к немощи своих современников, сделать ряд указаний и разъяснений для упорядочения того более краткого образа отправления богослужения, каковой ныне наблюдается в приходских храмах, будучи чужд единообразия, порядка и духа церковного устава. В чине молебного пения о спасении Державы Российской, совершенном его членами, в его присутствии и всенародном на Лобном месте в день Воздвижения Честнаго Креста, мы впервые вместо канона не только услышали, но и увидели напечатанными “Запевы”. Этим как бы получил санкцию укоренившийся у нас непохвальный обычай ограничиваться на молебнах вместо канона запевами. Нельзя не скорбеть об этом уже и ввиду того, что в этой же палате перед тем было принято предложение об уставности богослужений, совершаемых от имени Собора, причем были особенно подчеркнуты каноны на молебнах»⁹⁵.

На этом заседании были выработаны рекомендации от уставного подотдела по упорядочиванию различных сокращений, отступлений от устава и увещание отказаться от некоторых неподобающих нововведений.

На заседании отдела 15 марта 1918 г. Б.А. Тураев представил Собору доклад «О восстановлении празднования в первое воскресенье Петровского поста всех святых новых чудотворцев российских», в котором, в частности, замечал, что «в наше скорбное время, когда единая Русь стала разорванной, когда нашим грешным поколением попораны плоды подвигов святых, трудившихся и в пещерах Киева, и в Москве, и в Фиваиде Севера, и в Западной России над созданием единой Православной Русской Церкви, представлялось бы благовременным восстановить этот забытый праздник, да напоминает он нам и нашим отторженным братьям из рода в род о Единой Православной Русской Церкви и да будет

⁹⁵ *Кравецкий А.Г.* Проблемы типикона на Поместном Соборе // Ученые записки. Вып. 1. М., 1995. С. 58–90.

он малой данью нашего грешного поколения и малым искуплением нашего греха»⁹⁶.

Доклад Тураева читал на Соборе «митрополит Арсений, так как у Б.А. Тураева слабый голос»⁹⁷. Одобренный отделом доклад Тураева 20 августа 1918 г. был рассмотрен Собором, и наконец, 26 августа, в день тезоименитства Святейшего Патриарха Тихона, было принято историческое постановление: «1. Восстанавливается существовавшее в Русской Церкви празднование дня памяти Всех святых русских. 2. Празднование это совершается в первое воскресенье Петровского поста»⁹⁸.

С 9 по 26 сентября 1917 г. на заседаниях подотдела, посвященным переводам богослужебных книг на современный язык, Тураев принимал участие в прениях. Он высказался за возможность существования русского современного перевода для отдельных частей богослужения, для которых такие переводы имеются. Прежде всего речь шла о чтениях из Священного Писания. Борис Александрович говорил: «Потребность в допущении русского языка очевидна, и это необходимо признать при всей нашей любви к славянскому, на котором мы воспитаны и с которым мы сроднились»⁹⁹. Большинство участников Собора были согласны в этом, соборное решение гласило: «В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются права общерусского и малороссийского языков для богослужебного употребления»¹⁰⁰.

6 апреля 1918 г. на заседании отдела сообщается текст, предложенный Комиссией, в которую входили епископ Пахомий, профессор Б.А. Тураев, профессор И.А. Карабинов, иеромонах Афанасий (Сахаров): «а) на великой ектений: “о страждущей Державе Российской и о спасении ея Господу помолимся”; б) на сугубой ектений и на литии: “Еще молимся о страждущей Державе Российской и о спасении ея”. Поминовения же воинства должны быть опущены»¹⁰¹.

⁹⁶ Глазов В., свящ. История праздника Всех святых, в земле Российской просиявших // Московские епархиальные ведомости. 2005. № 5–6. С. 72.

⁹⁷ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 10. Деяния 137–151. М., 2000. С. 88–90.

⁹⁸ Глазов В., свящ. История праздника Всех святых, в земле Российской просиявших // Московские епархиальные ведомости. 2005. № 5–6. С. 74.

⁹⁹ Балашев Н., прот. На пути к литургическому возрождению. М., 2001. С. 213.

¹⁰⁰ Кравецкий А.Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 гг. и в последующие десятилетия // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 2. С. 73; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 10. Деяния 137–151. М., 2000. С. 139.

¹⁰¹ Кравецкий А.Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 гг. и в последующие десятилетия // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 2. С. 75.

В том же заседании отдел имел суждение об изменениях в тропаре Святому Кресту «Спаси Господи... » и в других местах богослужебных книг, где прежде было поминовение царствующего императора, и постановил: признать желательным исправление тропаря Святому Кресту в следующих выражениях: «Победы благоверным людям Твоим над сопротивныя даруй». Эту же поправку следует возносить везде, где прежде возносилось имя императора, о чем также представить через Соборный совет на благоусмотрение и надлежащее распоряжение Священного Синода. Собор не успел рассмотреть этот вопрос, и в числе других дел, решения по которым не были приняты, он был передан Высшему Церковному Управлению¹⁰².

27 июля 1918 г. на Соборе рассматривалось предложение Б.А. Тураева, оформленное в виде текста отдела о богослужении, проповедничестве и храме о создании «Проекта обители ученых иноков». Согласно этому проекту предлагалось создать братство, которое основывалось бы на единении ученых монахов для более эффективного служения и взаимопомощи. Братство должно было бы иметь один или несколько монастырей. Первоначально рассматривалась Александро-Невская лавра в Петрограде. «Прошлое убеждает нас в том, что только печальные судьбы Восточных Церквей не дали в них развиваться тому, что и на их почве должно было расцвести. <...> Это заставляет нас настаивать на необходимости создания у нас такого центра, который объединил бы в себе ученое монашество и предоставил ему все средства для развития дарований и плодотворной деятельности»¹⁰³. Как предлагалось, одна из основных задач братства должна быть разработка высших богословских вопросов. Кроме того, братство должно осуществлять широкую религиозно-просветительскую и благотворительную деятельность, иметь печатные органы, а специальное подразделение заниматься церковными древностями. Братство должно обладать правами юридического лица и владеть имуществом.

В прениях по докладу И.В. Попов сказал: «При такой постановке у нас создастся кадр действительно ученых монахов. Тогда из этого корня сама собой вырастет ученая иноческая организация, о которой говорится в обсуждаемых статьях проекта. <...> Если же мы не последуем изложенному проекту профес-

¹⁰² Там же. С. 68–86.

¹⁰³ Тураев Б.А. Проект обители ученых иноков // Христианский Восток. Новая серия. Т. 2 (8). 2001. С. 372.

сора Тураева, от обсуждаемых положений доклада Отдела останется пустой звук»¹⁰⁴.

Положение о создании братства было принято Собором без поправок¹⁰⁵. К сожалению, дальнейший ход событий в нашей стране не позволил реализовать на практике это решение.

31 июля 1918 г. на Соборе был заслушан доклад отдела о богослужении, проповедничестве и храме: «Общие положения о порядке прославления святых Русской Православной Церкви к местному почитанию». Докладчики профессор Б.А. Тураев и иеромонах Афанасий (Сахаров). Борис Александрович говорил: «Канонизация — один из важнейших актов жизни Церкви, и явление новых святых указывает на то, что Церковь действительно жива, что в ней действует благодать, что она способна воспитывать граждан Небесного Иерусалима. Новым в предложенных статьях доклада, по сравнению с прежней практикой Российской Церкви, является статья 2, передающая дело канонизации местных святых собору митрополичьего округа (сравни практику Карфагенской Церкви), и особенно статья 17, предписывающая для усиления церковного общения и оживления вселенского сознания, сообщать об общецерковных канонизациях вселенскому престолу и предстоятелям автокефальных Церквей; неосведомленность последних была до сих пор причиной того, что наши святые были большей частью совершенно неизвестны и не признавались в других православных Церквях»¹⁰⁶. Предложение было принято с той поправкой, что до создания митрополичьих округов и их Соборов, решение о местном прославлении может принимать Патриарх с Синодом. Общецерковное прославление было оставлено на рассмотрение Соборов¹⁰⁷.

В предсоборный период у Святейшего Синода не было намерения возобновить празднование памяти всех Русских святых, появившееся в далеком XVI в. Собор постановил печатать исправленную и дополненную службу суздальского инока Григория, как она значилась в конце Цветной Триоди. Однако спешно взявшиеся за этот труд Б.А. Тураев и иеромонах Афанасий вскоре пришли к выводу, что заимствовать из службы инока Григория можно лишь самую

¹⁰⁴ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 10. Деяния 137–151. М., 2000. С. 147.

¹⁰⁵ Кравецкий А.Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 гг. и в последующие десятилетия // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 2. С. 68–86.

¹⁰⁶ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 10. Деяния 137–151. М., 2000. С. 90.

¹⁰⁷ Там же. С. 88–90.

малую часть, тогда как все остальное необходимо составлять заново, «частью сложивши совершенно новые песнопения (это труд взял на себя главным образом Б.А. Тураев), частью выбравши наиболее характерное и лучшее из существующих богослужебных книг, по преимуществу из отдельных служб Русским святым (эту работу проделал иеромонах Афанасий)»¹⁰⁸.

Инициаторам восстановления памяти Всех русских святых очень хотелось составленную службу «провести через Собор», который вот-вот должен был закрыться. Поэтому еще не полностью готовая, 8 сентября 1918 г., на предпоследнем заседании богослужебного отдела Поместного Собора, новая служба была рассмотрена, одобрена и передана на последующее утверждение Святейшему Патриарху и Священному Синоду.

18 ноября 1918 г., уже после закрытия Поместного Собора, Патриарх Тихон и Священный Синод благословили печатание новой службы под наблюдением митрополита Владимирского и Шуйского Сергия (Страгородского), что и было осуществлено до конца 1918 г. в Москве с большими трудностями. Наконец, 13 декабря того же года всем епархиальным архиереям был разослан указ о восстановлении дня памяти Всех русских святых, а 16 июня 1919 г. направлен типографски отпечатанный текст службы с указанием совершить ее в ближайший воскресный день по получении.

Службу всем русским святым в ее современном состоянии следует признать одним из самых значительных явлений в истории русской церковной гимнографии, потому как она имеет много очевидных достоинств. Во-первых, в службе подвиг русских святых явлен во всей возможной полноте и показан с различных сторон. Во-вторых, по своему музыкальному содержанию (использование всех восьми гласов, многих подобнов, в том числе очень редких, и т.д.) служба превосходит даже многие двенадцатые праздники¹⁰⁹.

Участие Тураева в заседаниях Поместного Собора совпало с устройством церковных дел в Петроградском университете. Согласно законам, изданным Временным правительством в 1917 г., был преобразован университетский приход, старостой избран профессор Б.А. Тураев. О том, что происходит в университетской церкви, Борис Александрович узнавал из писем. «Служба, как Вам известно, началась 8 сентября и неусыпно продолжается до сих пор, — писал диакон университетской церкви Константин Травин старосте в Москву 29 ок-

¹⁰⁸ Глазов В., *свящ.* История праздника Всех святых, в земле Российской просиявших // Московские епархиальные ведомости. 2005. № 5–6. С. 75.

¹⁰⁹ Там же.

тября 1917 г., — поют под моим руководством шесть мальчиков, но, между прочим, публика этим не удовлетворена и часто слышу “А почему Вы, о. Диакон, сами не служите?” Хотя это неосновательно, так как мальчики поют очень и очень недурно, и я с ними делаю спевки. <...> Народу приходит в церковь в последнее время (особенно в каникулы) много, и особенно много стало браков. В нашей церкви долгое время вовсе не бывало, а теперь уже 15-ый брак и, кажется, еще предстоят. Служим часто панихиды по преимуществу. В воскресенье это, т. е. 2 октября, мои мальчики не пришли, ибо шла перестрелка на улицах, да и в то время, когда пишу Вам письмо, слышны выстрелы от миноноски, стоящей около Университета. Очень это уже стало скверно и опасно. Вечером мы, живущие в Университете, несем теперь добровольную охрану по 2 часа каждый. Иначе очень, очень опасно. Еще сообщаю Вам, что регент Андреевского собора Бирючев, когда я ему предложил начать пение в нашем храме с 1-го ноября, то он согласился и окончательно выяснится 30-го к понедельнику. Предложим ему 300 рублей ежемесячно, так как на меньшую сумму положительно никто не пойдет. Побудило меня к этому такие причины: мои мальчики не надежны: во-первых, как малолетние, во-вторых, родители не соглашаются в настоящее время. Весьма неохотно отпускают ко всенощной, да и к Литургии-то тоже самое, и каждый раз встречают и провожают их по домам, очень утомительно, а в-третьих, они думают к Рождеству уехать в деревню...»¹¹⁰.

20 января (2 февраля) 1918 г. Совнарком принял Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Согласно этому декрету прекращалось финансирование государством церковно-образовательных учреждений, а также: «Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также в частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается»¹¹¹.

В Петрограде профессура академии обратилась к университету с просьбой об объединении. Николай Никанорович Глубоковский, один из инициаторов этого объединения, принял в них самое деятельное участие, полагая, что если «благороднейший Петроградский Университет <...> не спасет нашу Академию своим восприятием на каких угодно ему условиях, то Комиссары непременно уничтожат ее, — и мы будем выброшены на улицу для наискорейшего вымирания физического или морального...». Хотя было известно, что А.В. Луначар-

¹¹⁰ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 328. Л. 1–2.

¹¹¹ Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви 1900–1927. СПб.: Сатис, 2002. С. 126–131.

ский «стоит на непримиримой позиции и не допустит государственных богословских факультетов»¹¹². Первое время некоторые занятия еще проходили в частном порядке, но в декабре 1918 г. Петроградская духовная академия была закрыта.

По возвращении в Петроград после завершения работы Собора уже в ноябре 1918 г. Борису Александровичу Тураеву пришлось хлопотать о том, чтобы университетскую церковь святых апостолов Петра и Павла не закрыли. В прошении в отдел по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства он писал: «При Петропавловской церкви I Петроградского Университета с 1 марта с. г. образовался приход в числе 570 человек из лиц, главным образом причастных к Университету. Связи с этой церковью у прихожан установились еще со дней юности (времени обучения), не прерываясь до последнего времени и прихожанам крайне было бы желательно скорейшее восстановление богослужений в церкви, приостановленное в силу декрета от 30 июня с. г. Принимая на себя заботу по охране и содержанию церкви при Университете, покорнейше просим о разрешении неотложного открытия в ней богослужений. Охранная грамота на церковь ожидается»¹¹³. Благодаря этим хлопотам и заступничеству ректора университета профессора истории Эрвина Давидовича Гримма и сменившего его на ректорском посту профессора-зоолога Владимира Михайловича Шимкевича закрытие оттянулось на год¹¹⁴.

В архиве Б.А. Тураева в Государственном Эрмитаже есть документ, озаглавленный «Список лиц, посещающих церковь Св. Апостолов Петра и Павла в здании Петроградского университета», который представляет собой один лист с ведомостью только до буквы «Г», о внесении ежемесячных взносов в кассу прихода, с адресами проживания прихожан. Все, кто указан в этом списке, жили в непосредственной близости от университета или имели квартиру в самом университете¹¹⁵.

В апреле 1919 г. настоятелем Петропавловского храма был назначен протоиерей Николай Чуков (будущий митрополит Ленинградский Григорий), который впервые служил в этой церкви 13 апреля и вскоре записал в своем дневнике:

¹¹² *Богданова Т.А., Клементьев А.К.* Н.Н. Глубоковский и неудавшаяся попытка объединения в 1918 г. Петроградской духовной академии и Петроградского университета // *С.-Петербургский университет*. 19 марта 2004 г. № 7 (3663). С. 42–45.

¹¹³ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

¹¹⁴ *Копейкин К., прот.* Университет и его храм // *Вестник С.-Петербургского университета*. 30 сентября 2007 г. № 13 (3761). С. 42.

¹¹⁵ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3.

«на праздники ночью у Тураева — очень милые люди». Семья Тураевых уже 15 лет жила недалеко от университета, на 2-й линии В. О., д. 3, кв. 117. Через три месяца настоятелю более не требовалось оставаться на ночлег у академика — он поселился в начале Невского проспекта¹¹⁶.

Весной 1919 г. заведующий Богословско-Пастырским училищем И.П. Щербов выступил с инициативой создания Богословского института¹¹⁷.

Открывая институт, отец Николай Чуков (будущий митрополит Ленинградский Григорий) говорил: «Вопросы религиозные, вопросы веры и жизни положительно висят в воздухе, всякая беседа, всякая лекция, где упоминается имя “Бог”, привлекает массы народа»¹¹⁸. Отец Николай лично рекомендовал И.П. Щербову, создававшему Богословский институт, пригласить Бориса Александровича, сперва на намеченную дискуссию об уставе, а затем — на должность преподавателя литургики в институте¹¹⁹.

Богословский институт открыл свободный доступ к духовному образованию всем желающим послужить Церкви, не только юношам, но и взрослым, не только мужчинам, но и женщинам, без какого-то ни было ограничения возраста. Бесплатные занятия проходили по вечерам, их могли посещать работающие днем. Впервые в истории русского православия в Богословском институте могли обучаться женщины¹²⁰.

В организации Богословского института приняли участие представители десятков приходов города и его окрестностей; подготовительные вопросы решала комиссия духовно-учебных заведений епархии под председательством настоятеля Покровско-Коломенской церкви протоиерея Василия Акимова. Ректором института был избран протоиерей Николай Чуков, опытный пастырь и педагог, человек с незаурядными организаторскими способностями. В институте преподавали профессора прежней духовной академии и Петроградского университета: Н.Н. Глубоковский, И.П. Соколов, И.А. Карабинов, А.И. Бриллиантов, академик Б.А. Тураев. Более двух лет в нем преподавал иеромонах Николай (Ярушевич) — будущий митрополит Крутицкий и Коломенский¹²¹.

¹¹⁶ Воронцов А.В. Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. № 21–22. С. 67.

¹¹⁷ Шубина Е.И. Петроградский Богословский институт // Фонтанка. 2007. С. 18.

¹¹⁸ Воронцов А.В. Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви. С. 68.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Шубина Е.И. Петроградский Богословский институт. С. 21.

¹²¹ Сорокин В., прот. Лихолетье — время испытаний // Вода живая. 2007. № 19. С. 24–25.

16 апреля 1920 г. институт был открыт в помещении Троице-Сергиевского подворья на Фонтанке. Для молебна по этому случаю отец Николай Чуков с Тураевым разработали особый чин: «Начало, Христос Воскресе со стихирами, великая ектения с двумя прошениями (1-м и 4-м) из молебна пред началом доброго дела, прокимен, Сей день, Апостол из молебна пред началом учения, Мф., зач. 11, сугубая ектения с прошением из молебна пред началом учения и молитва из чина Торжества Православия с некоторыми выпусками. Три многолетия: Патриарху, митрополиту и причту: учредителям, благотворителям, представителям приходских общин и всей пастве петроградской, учащим и учащимся». На торжественном заседании, которое затем последовало, академик Тураев приветствовал Богословский институт от имени Академии наук¹²².

В институте царил удивительная братская атмосфера, дух взаимного сердечного единения между преподавателями и студентами на почве общей живой веры. После занятий студенты не спешили расходиться, обычно пили чай у кого-нибудь из профессоров. Про отца Николая один недоброжелатель говорил: «Что-то вы все чай пьете»¹²³.

Просветительная деятельность началась еще до официального открытия института. Уже Великим постом 1920 г. был устроен цикл из 10 общедоступных богословских лекций: 9 марта «была лекция Б.А. Тураева “Монотеистическая струя в древних религиях”. Читал интересно, хотя очень быстро. Публика двоякая — интеллигентная и “для познания”. Был митрополит и преосв. Артемий. После лекции были вопросы: 1) гимны вавилонские похожи на псалмы еврейские; нет ли взаимного влияния? (Ответ – идейного нет; а сходство объясняется сходством характером падежей). 2) Не было ли влияния евреев на египтян в смысле монотеизма? (Ответ: возможно, хотя нет документальных данных). 3) Нельзя ли считать еврейский монотеизм как результат влияния монотеизма соседних народов? (Нет никаких исторических данных для доказательства подобной мысли)»¹²⁴.

Ректору Богословского института в университетской Петропавловской церкви долго служить не пришлось. Уже 15 августа 1919 г. протоиерей Николай Чуков с горечью отметил: «Университетскую церковь, как и другие домовые,

¹²²Воронцов А.В. Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. № 21–22. С. 69.

¹²³Шубина Е.И. Петроградский Богословский институт. С. 21.

¹²⁴Григорий (Чуков), митр. Дневник, фрагменты, фотографии (1918–1923) // Архив. Историко-богословское наследие митрополита Григория (Чукова). СПб., 2010.

закрыли. Ходили мы с Тураевым в Комиссариат юстиции, но там стоят на букве декрета — нельзя, потому что церковь не в изолированном помещении. Дали мысль о служении в частной квартире»¹²⁵. С этого времени о. Николай постоянно пишет о встречах с Тураевыми у них дома или в своей новой квартире. Хлопоты об открытии новой домово́й церкви при университете отец Николай и Тураев и дальше вели вместе. Ее решили посвятить памяти Всех святых в Земле Российской просиявших, службу которым составил сам Тураев, 15 ноября 1919 г. она была утверждена патриархом и Синодом. «Сначала были с Тураевым в комитете юстиции о разрешении продолжать служение в старом храме; представляли все документы. Нельзя. Стали искать помещение. Нашли у Колесникова (Биржевая линия, д. 8, кв. 19). Опять было препятствие — квартира снята Оптическим институтом; предложили к Бенешевичу. Осмотрели — там другой план, а одной комнаты мало. Веду переговоры и, вероятно, устроимся на Биржевой линии д. 8, кв. 1: Оптический институт уступает половину квартиры, а сводный 166-й госпиталь дает утварь и иконостас упраздненной церкви; правда, много уже растащено. Устраиваемся». И вечером 27 августа в выбранной квартире «совершили малое освящение с внесением антими́нса, затем всенощное бдение. <...> Церковь уютна, хотя мала и бедна. Говорил об этом и в слове. После обедни был устроен в одной из комнат общий чай (мы с Тураевыми)»¹²⁶. Эта домовая Всесвятская церковь, разместившаяся в трех комнатах, просуществовала пять лет.

Через день после первой обедни настоятель рискнул на новшество: за литургией он «читал всю евхаристическую молитву вслух. Вышло это естественно: Тураев успевал и предпочел вслух, по исполнению им положенного для пения». Из приведенных слов видно, что при необходимости староста служил в церкви и псаломщиком. О реакции Тураева на указанное новшество автор дневника ничего не говорит¹²⁷.

21 февраля 1920 г. во Всесвятской церкви впервые служил митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин (Казанский). Тогдашний настоятель храма Николай Чуков записал в дневнике: «Все прошло очень удачно. <...> Дияконствовали иподиаконы, помогали в стихарях И.П. Мурзин и Б.А. Тураев. Присутствовало около 20 профессоров: Тураевы, Церетели, Бородин, Глазенап, Фармаковский, Бенешевич, Тищенко, Лавров, Гримм, Шимкевич, Новиц-

¹²⁵Воронцов А.В. Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви. С. 70.

¹²⁶Там же.

¹²⁷Там же.

кий, Платонов, Успенский и другие, которых я не знаю. Народу было достаточно»¹²⁸.

В «малой» церкви, как именовали Всесвятскую церковь, совершались регулярные богослужения, а «большая» университетская Петропавловская церковь была передана приходу с «правом охраны», что отмечается в протоколе приходского собрания¹²⁹.

Общение с Тураевым и его женой вскоре вошло у отца Николая Чукова в обычай и жизненную потребность. На второй день Рождества прот. Николай Чуков пошел вместе с Тураевым в Андреевский собор, где настоятель о. Николай Платонов «совершал утреню по особому песенному (пасхальному) чину, который ему указал Тураев, заимствовав его из устава св. Софии (в Царьграде — Воронцов А.В.)». Автор дневника, описав этот чин, нашел его «интересным и торжественным»¹³⁰. В день ангела, который отец Николай отмечал 17 февраля (на преп. Николая Студийского), «Тураевы подарили свои труды: Б.А. Тураев: 1) Абиссинские магические свитки; 2) Египтологические заметки. I–XI; 3) Магический папирус Британского музея; 4) Россия и христианский Восток; 5) Опись коллекции древностей, привезенных из Египта весной 1909 г. (Тураев и Фармаковский). Е.Ф. Тураева: 1) Отражение Нижегородского движения 1612 г. в литературных памятниках XVII века; 2) Французская генеалогия XVI–XVII вв. о русских государях; 3) К трехсотлетию царствования Дома Романовых; 4) Новый сборник статей по славяноведению, изданный учениками В.И. Ламанского. Кроме того, Б.А. Тураев подарил “Известия Русского Археолог. института в Константинополе”, т. XVI, где помещен труд Панченко “Рельефы из базилики Студия в Константинополе (Студитского монастыря, где преп. Николай был игуменом)”»¹³¹.

Отец Николай пригласил академика Тураева в Братство Святой Софии, созданное им из университетской профессуры и активных священников для теоретической разработки разных богословских вопросов. На первом, еще подготовительном заседании, которое собралось на квартире Чуковых 20 мая 1920 г., Тураева среди «софиистов» еще не было, но уже на первом рабочем, состоявшемся 31 мая, в Духов день, ему (снова совместно с протоиереем Николаем

¹²⁸ *Ендольцев Ю.А.* Университет на Биржевой линии // Нева. 2004. № 12. С. 256.

¹²⁹ *Шумилов А.* Хранить верность // С.-Петербургский университет. 7 марта 2007 г. № 6–7 (3628–3629). С. 26.

¹³⁰ *Воронцов А.В.* Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви. С. 71.

¹³¹ Там же. С. 69.

Чуковым) было поручено составить молебен для начала и конца заседаний. Знание Тураевым устава, несомненно, высоко ценилось везде и всеми¹³². С этого дня Тураев и его супруга — члены православного братства и непременные и довольно деятельные участники его собраний. Правда, участвовать Борису Александровичу пришлось недолго — всего два месяца. Он успел выступить только в роли консультанта. Когда речь зашла об обетах для братчиков, Тураев «дал справку, что на Востоке очень широко практикуется находящийся у нас в небрежении чин рясофора, где обычных монашеских обетов нет, а на Востоке очень многие епископы и даже Патриарх — не монахи, а только постриженные в рясофор»¹³³.

Интересна дискуссия братчиков: «кому надо дать обет послушания — епископу или центральному органу ордена, если бы таковой был установлен (наподобие ордена иезуитов). В конце концов, высказались, что послушание должно быть руководителю Братства или Ордена, который является в послушании или подчинении у епископа, что непосредственно епископ может только устанавливать пределы, но не указывать направления работы». Следовательно, с самого начала Братство Святой Софии организационно имело некоторый прокатолический уклон¹³⁴.

Служение и научное и церковное Б.А. Тураева после революции проходило среди гонений, обрушившихся на Церковь, среди репрессий против зачистую невинных людей или по классовому признаку. Еще 11 сентября 1918 г. состоялось экстренное заседание Совета Университета в связи с арестом группы профессоров и преподавателей, в том числе С. фонд Ольденбурга, Н.Н. Розина, О.А. Добиащ-Рождественской, Д.Д. Гримма, М.Я. Пергамента, Б.С. Мартынова, Л.В. Щербы, К.М. Дерюгина, В.М. Нарбута, В.В. Буша, Н.А. Буша и др. Совет решил не принимать по этому поводу политического заявления, собрать деньги на питание находящихся под арестом профессоров и преподавателей и послать депутацию к председателю СНК В.И. Ленину¹³⁵.

И голод был той средой, в которой приходилось жить академику Тураеву: «Здесь все предвидят голод. Земли перепахали, семян нет или мало. Но лучшего

¹³²Воронцов А.В. Братство Св. Софии в Петрограде // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. № 28–29. С. 41.

¹³³Григорий (Чуков), митр. Дневник, фрагменты, фотографии (1918–1923) // Архив Историкобогословское наследие митрополита Григория (Чукова). СПб., 2010.

¹³⁴Воронцов А.В. Братство Св. Софии в Петрограде. С. 42.

¹³⁵ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 133 об. — 135.

не предвижу, ибо чаша возмездия еще не переполнилась»¹³⁶. «Е.А. ездила в Торжок и, обскакав все вагоны, не влезла на площадку. В I класс не пускают. И, вот не знаю, стоит ли брать билет I класса или нет?»¹³⁷. Такие известия получает Борис Александрович от жены 12 мая 1918 г.

«Врач, у которого я был, нашел у меня серьезное истощение организма. Несмотря на цветущий вид. Несмотря на все это доклад мой в пятницу в 7 часов. Буду обязательно»¹³⁸, — пишет Тураеву один из его учеников Федор Федорович Гесс зимой 1918 г. Товарищ Тураева по работе на Поместном Соборе Алексей Захаров пишет весной 1919 г.: «У нас полторы недели назад умерла от истощения мама. В скором времени перемрем и все мы, ибо это является не более как насмешкой, когда по рецепту врача об усиленном питании отпускается на месяц три (!) фунта чечевицы»¹³⁹. Он же пишет и о разрухе, захватывающей в том числе и дорогой сердцу Бориса Александровича музей Александра III: «Если будете в Москве — моя квартира — в Вашем распоряжении. У нас 8–10 градусов. В библиотеке, в музее не топят, до –3 градусов доходит. Читать лекции крайне трудно, но мы в шубах и шапках, но читаем. Только семинары я перенес домой»¹⁴⁰. Далее в его письме читаем: «В прошлом году мы встречались с Вами на Соборе, а теперь где многие члены? Между прочим, диакон Московской Академии Нечаев умер у себя в Керженце в конце сентября от болезни»¹⁴¹.

В. Строев несколько неразборчиво пишет Тураеву в апреле 1919 г.: «Мой переезд в Тамбов невероятно труден... Стоял в Москве восемь часов на морозе, ожидая вызова, и от утомления потерял сознание... Когда я пришел в себя, моих вещей и след простыл»¹⁴². Академик Николай Яковлевич Марр сообщает из Армении про отношение к нему и его экспедиции: «Благодарю за весточку, за сочувствие. Меня терроризируют... инстанции, объявили бойкот... Не покупать, денег на хранение не брать...»¹⁴³

«Жить незачем, когда отнята душа, подавлен дух и оставлен человеку один желудок»¹⁴⁴, — такие слова слышали в последние годы жизни от Б.А. Ту-

¹³⁶ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 332. Л. 1.

¹³⁷ Там же. Д. 332. Л. 1 об.

¹³⁸ Там же. Д. 153. Л. 1.

¹³⁹ Там же. Д. 178. Л. 2 об.

¹⁴⁰ Там же. Д. 178. Л. 1 об.

¹⁴¹ Там же. Д. 178. Л. 3.

¹⁴² Там же. Д. 319. Л. 1–2.

¹⁴³ Там же. Д. 245. Л. 1.

¹⁴⁴ Воронцов А.В. Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви. С. 70.

раева его близкие. «Незачем жить, когда люди душу продали», — жаловался он своему другу академику С.А. Жебелеву¹⁴⁵.

Но Борис Александрович работает и думает о делах до смертного часа. «Для <...> издания “Библейской энциклопедии” будьте добры, доставить скорее статьи: 1) Копты и Коптская церковь; 2) Кута; 3) Куш. <...> Для библиографии подготовленного мною полного издания (а краткое выйдет скоро в сборнике Российской академии наук “Русская наука”) <...> всю редактируемую Вами серию эфиопов (выпускаемую в Москве), их путешествие обратно в Палестину...»¹⁴⁶, — пишет Тураеву Н.Н. Глубоковский.

Большевики национализируют издательства и типографии, чем лишают издателей охоты продолжать работу и парализуют издательскую деятельность. Тураев договаривается с книгоиздателями Сабашниковыми Михаилом и Сергеем о печатании книг в Петрограде в типографии Академии наук. Прилагает немало трудов по организации печати и доставке тиража в Москву. Особо при этом оговаривается вопрос орфографии. «От нас не берут заказов по старой орфографии, по новой же многие авторы не желают печататься. Быть может книгу Струве¹⁴⁷ примут по старой?»¹⁴⁸

Одна из его последних работ снабжена ремаркой от издательства: «Настоящая статья была закончена Б.А. Тураевым еще летом 1919 г., в ноябре того же года была представлена им для напечатания в Известия Академии и тогда же была предназначена для печатания в первом выпуске Известий. При возобновлении издательской деятельности Академии, в июне текущего года, статья была сдана в набор, но первая корректура была доставлена Б.А. Тураеву 22 июля 1920 г., накануне его кончины, причем, Б.А. Тураев выразил желание лично посмотреть первую корректуру»¹⁴⁹.

Но самым серьезным делом, разрушающим представление о Тураеве, как о разочаровавшемся человеке, является его церковное служение. Частенько Борис Александрович один читал всю службу. Преданность его богослужению, ко-

¹⁴⁵ Жебелев С.А. Из воспоминаний о старом товарище // Вестник древней истории. 1993. № 3. С. 75–83.

¹⁴⁶ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 156. Л. 1.

¹⁴⁷ Струве В.В. Заупокойный культ древнего Египта. Путеводитель по выставке в залах Эрмитажа. Петербург, 1919.

¹⁴⁸ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 295. Л. 1.

¹⁴⁹ Тураев Б.А. Египетские рельефы с изображениями погребальных процессий Музея изящных искусств // Известия РАИМК. Т. I. 8 августа 1920. № 9. С. 71.

торое он великолепно знал и горячо любил, доставляло ему во все дни скорби самое решительное утешение.

Б.А. Тураев «отрадой и увенчанием всей деятельности своей» считал, как свидетельствует профессор Н.Н. Глубоковский, «звание церковного чтеца с посвящением в стихарь»¹⁵⁰. И Б.А. Тураев завещал себя похоронить в стихаре. Вообще же придавал он началу богослужебному исключительное значение. «Он знал, — пишет Н.Н. Глубоковский, — что во внешнем церковном укладе самым важным элементом здоровой христианской жизни является живительное богослужебное питание, а обязательная для христиан всецелая посвященность Богу должна иметь наглядных, — хотя и человечески несовершенных, — выразителей полной отрешенности от мира для безраздельного поклонения Господу как единственному центру возвышенных желаний и духовных стремлений. И чем ниже была наличная действительность, всегда далекая в здешнем мире от своего небесного идеала и тем пламеннее было усердие сохранить в возможной чистоте все священные символы тех неизреченных благ, которые приобретены для нас Христом, сообщаются в Церкви и получают осуществление во всем божественном величии абсолютного совершенства, когда “будет Бог всяческая во всех” (1 Кор 15:28)»¹⁵¹.

22 июня 1920 г. Тураевы и отец Николай Чуков поехали в Удельную, к игумении Афанасии, чтобы переговорить «об устройстве полуночного общежития для студенток при одном из подворий, под руководством матушки Афанасии, и об ее участии в выработке организации вообще типа нового полуночества. В беседе с игум. Афанасией последняя высказала мысль — кажется, справедливую, что надо создавать устав, исходя из того, что предьявляет сама жизнь, приспособляясь к ее условиям и, в частности, к запросам определенных лиц, иначе будет теоретичность. Дорогой обсудили с Тураевым план календаря, который предполагает Общеприходское совещание издать на 1921 год»¹⁵².

19 июля настоятель университетской церкви пришел к старосте университетской церкви, чтобы причастить его, ибо Борис Александрович заболел на даче дизентерией, ставшей для него смертельной. На следующей день проходило очередное заседание Братства Святой Софии, но супругов Тураевых на

¹⁵⁰ *Константин (Зайцев), архим.* Пастырское Богословие // Курс лекций, читанный в Свято-Троицкой духовной семинарии (в Джорданвилле). Джорданвилль: Изд-во Свет Православия. 1960–1961. С. 115.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² *Воронцов А.В.* Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви. С. 70.

нем уже не было. Через три дня, в пятницу 23 июля 1920 г., в 7 часов вечера, академик Тураев скончался.

Друг Бориса Александровича врач А.В. Живаго в своих воспоминаниях приводит и такую причину смерти Тураева: «Ни докторам, ни семье покойного не было известно то, что знал я: обследовав покойного однажды, я нашел у него надключичную саркому левой стороны, что подтвердил мне потом, вызванный не без хитрости и осмотревший его, друг-хирург П.И. Постников, нашедший случай неоперабельным»¹⁵³.

О последних днях Бориса Александровича Тураева прот. Николай Чуков оставил выразительные воспоминания очевидца. «Все эти дни, — записывает он, — я получал от Елены Филимоновны записки, извещающие о ходе болезни. В субботу, 17 июля: “Б.А. хуже, так как у него появилась кровь. Доктора еще не было. Б.А. согласен приобщиться...”. В четверг, 22 июля, уже после причащения (19-го), писала: “Б.А. как будто лучше... Но слабость и кровь по-прежнему...”. В четверг, около 12 часов, я заходил, посидел у него на кровати, побеседовали, хотя я уже заметил у него большую слабость и не совсем ясную речь. <...> В пятницу, утром, получаю записку: “Б.А. в ночь стало очень худо: бред, икота, полный упадок сил. Он не прочь побороться. Все бредит: “ухожу в свою церковь служить вечерню”, “много еще неразрешенных вопросов, но я уже устал”. <...> Я сразу, в двенадцатом часу, пошел, захватив с собою Св. Дары и все нужное для соборования. Прихожу и застаю его в еще более исхудалом, чем накануне, виде, с речью еще более неясной. Бред перемешивается с сознательной речью. Ему казалось, что в комнате кто-то еще есть: “Слышите, сверху кто-то кричит? Разве не видите?” Относительно соборования стал было отнекиваться, очевидно, по своей обычной деликатности, но потом согласился. Я упомянул о причащении. Возразил решительно: “Зачем же при недостойности испытывать Господа”. <...> Я начал чин соборования. <...> Служил долго, так как весь чин сполна прочел и пел. Смотрю, Борис Александрович начинает подпевать в тропарях, в ектениях и — временами — поет полным голосом, сильным, так что у меня появилась радостная надежда, что сил еще много, и он, дай Бог, поборется со смертью, а ввиду того, что кровь прекратилась, и позывы на низ очень уменьшились, может быть, и преодолет. Во время соборования раза два делал перерыв, чтобы дать отдохнуть больному (он лежал; иногда как будто

¹⁵³Томашевич О.В. Объяснение в любви. Вместо послесловия. С. 339.

дремал, но глаз не закрывал, а только их закатывал). Кончил я чин, благословил его, сказал несколько слов для подкрепления духа. Затем остался там до пятого часа. Все время беседовал с Еленой Филимоновной и часто с ним, отрывочно. Он часто бредил и все о церкви, о календаре; по-видимому, эти предметы в последнее время заняли его главное внимание и отодвинули его научные интересы. Только, кажется, раз (без меня) вспомнил о статье, присланной для корректуры. ...Заявлял, что “в церкви все сам читать буду”. <...> В пятом часу ушел. Прощаясь, пожелал ему крепости духа. Попрошался он со своей обычной деликатной улыбкой. <...> К вечеру, в 9.15, является А.В. Бородин и сообщает, что Борис Александрович скончался. Занятия, разумеется, прервали. <...> В субботу 24 июля в час дня была отслужена у гроба Тураева общая панихида. Присутствовало много академиков и профессоров. Вечером, после всенощной, в 8 часов, тоже общая панихида, пред которой тело положили во гроб. Решили хоронить в Лавре, где и отпевать. Все инстанции уже пройдены, я по телефону переговорил с Наместником и все устроилось. <...> В понедельник в 9 часов был вынос из квартиры гроба. В шествии участвовали: я, о. Аникиев и о. В. Добронравин; за гробом всю дорогу до Лавры шли все академики и профессора. По дороге служили литии: у Университета, у Академии наук и у Богословского института, также пред воротами Лавры»¹⁵⁴.

26 июля при отпевании Б.А. Тураева ректор Богословского института протоиерей Николай Чуков произнес следующее слово: «”Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Прочее убо соблюдается мне венец правды, его же воздаст ми Господь в день он, Праведный Судия, не токмо же мне, но и всем возлюбльшим явление Его” (2 Тим 4:7–8). Эти необыкновенно смелые слова сказал апостол Павел при конце своей жизни о себе и о всех христианах; и, может быть, не столько о себе, сколько обо всех, “возлюбивших явление Господне”, в подвиге и с любовью готовящихся к нему. Поэтому не будет дерзновением применить эти слова и к почившему собрату нашему. <...> Почивший Борис Александрович действительно подвизался “подвигом добрым”. Он избрал себе тесный и трудный путь подвижника науки и неуклонно шел по этому пути до гроба. <...> Профессор-аскет, он, подобно тем двум древним великим афинским ученикам, и здесь — дома, и за границей — всегда знал обыкновен-

¹⁵⁴ Григорий (Чуков), митр. Дневник, фрагменты, фотографии (1918–1923) // Архив. Историко-богословское наследие митрополита Григория (Чукова). СПб., 2010.

но только две дороги — в храм науки и в храм Божий. <...> Так — верую — он прошел всю свою жизнь, и в конце ее запечатлел эту веру свою смиренным служением св. Церкви, облеченный в священный стихарь, в котором лежит и во гробе. <...> Самый исход его из жизни запечатлен знаменами веры — Св. Таинствами Причащения и Елеосвящения...»¹⁵⁵

«После литургии, в которой я участвовал, было совершено отпевание митрополитом, преосвященным Артемием и 13 священниками. Народу было много; наших студентов — тоже. Чин отпевания был совершен полностью и продолжался с погребением ровно два с половиной часа. Всех умилил этот чин и всех утомял, так что многие должны были к концу уйти, отвлеченные разными заседаниями»¹⁵⁶. «Владыка устроил у себя, в большом зале, чай, на котором присутствовало около 40 человек. В конце, на память о Борисе Александровиче, Владыка раздал всем Евангелие. Так, с честью, похоронили дорогого и незабвенного Бориса Александровича»¹⁵⁷. Уже после смерти Тураева Н.Я. Марр рассказывал Елене Филимоновне, как московский профессор М.Н. Покровский¹⁵⁸ говорил ему, что гуманитарных ученых им не для чего поддерживать: «зачем нам давать паек какому-то египтологу»¹⁵⁹. «Когда Марр приехал в Петроград в день похорон Бориса Александровича и, ничего не зная, позвонил в Академию материальной культуры и узнал, что все оттуда ушли на похороны Тураева, у него первую мысль было послать телеграмму Покровскому: “Поздравляю, ученый паек египтолога освобожден — Тураев умер”. И напрасно не послал...»¹⁶⁰. А Николай Петрович Лихачев в письме от 4 августа 1920 г. в Москву А.В. Ореш-

¹⁵⁵ Бовкало А.А.. Литургия в Петрограде после 1918 г. // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. М., 2000. С. 393.

¹⁵⁶ Воронцов А.В. Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви. С. 72.

¹⁵⁷ Соколова Л. Когда горит свеча. Никольское кладбище Александро-Невской лавры. Вып. 2. СПб., 2005. С. 225.

¹⁵⁸ «В комиссариате просвещения есть два — и только два — товарища с заданиями исключительного свойства. Это — нарком, т. Луначарский, осуществляющий общее руководство, и заместитель, т. Покровский, осуществляющий руководство, во-первых, как заместитель наркома, во-вторых, как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще». Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42 // Полное собрание сочинений В.И. Ленина. URL: <http://vilenin.eu/t42/p324> (Дата обращения: 12.01.2013).

¹⁵⁹ Воронцов А.В. Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви. С. 72.

¹⁶⁰ Там же.

никову писал: «Погиб Тураев, вчера умер и Чичагов! Все знаменитости вымирают»¹⁶¹.

На собрании в Богословском институте на сороковой день по кончине Б.А. Тураева 31 августа присутствовали епископы Олонецкий и Петрозаводский Евфимий (Лапин) и Кронштадтский Венедикт (Плотников), духовенство, академики. Большую речь, посвященную Б.А. Тураеву, произнес проф. Н.Н. Глубоковский. Выступали также проф. И.Ю. Крачковский, И.А. Карабинов и А.В. Королев¹⁶².

Вдова Бориса Александровича Елена Филимоновна принесла в дар университетскому «малому» храму несколько икон, написанных по шелку. После Бориса Александровича она была избрана старостой университетской церкви. Однако после того, как отец Николай Чуков был переведен настоятелем в Казанский собор, а место настоятеля в университетском храме занял отец Владимир Лозино-Лозинский¹⁶³, Елена Филимоновна ушла от должности старосты прихода летом 1921 г. и вскоре, словно выполняя задумки своего супруга, приняла монашеский постриг с именем Иулиания. И что примечательно — гонения не коснулись ее¹⁶⁴.

¹⁶¹ Письма Лихачева Н.П. к Орешникову А.В. (1917–1922). Цит. по: *Зубова Н.Л.* Река времен. Кн. 2. Гражданское общество и частная жизнь. М., 1995. С. 181.

¹⁶² *Бовкало А.А.* Просветительская деятельность Петроградского Богословского Института // Избранные материалы международной научно-практической конференции: Богословское образование: традиции и развитие. 1997.

¹⁶³ Протоиерей Владимир Лозино-Лозинский — последний настоятель университетского храма, выпускник юридического факультета Университета. Священник Владимир являлся настоятелем университетской церкви с августа 1921 г. и вплоть до своего первого ареста 4 февраля 1924 г. А 19 апреля 1924 г. Президиум Ленинградского Губисполкома постановил церковь Всех Святых «закрыть и ликвидировать». Отец Владимир после отбытия срока в Соловецком концлагере и ссылки поселился в Новгороде, в 1936 г. вновь был арестован и 26 декабря 1937 г. — расстрелян. В августе 2000 г. Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви протоиерей Владимир Лозино-Лозинский причислен к сонму святых новомучеников и исповедников Российских. См.: *Копейкин К., прот.* Храм Святых Апостолов Петра и Павла при Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 2006. С. 13–14.

¹⁶⁴ «Страшная атмосфера Гражданской войны с самого начала наносила по интеллектуальному слою страны непоправимые удары. К 1921 г. погибли 14 из 45 (на 1918 год) действительных членов Российской академии наук: умерли от голода выдающиеся историки Борис Александрович Тураев и Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, в 1918 г. застрелился выдающийся математик и механик, один из основоположников теории автоматического управления Александр Михай-

Анализируя жизненный путь Б.А. Тураева, Юрий Рубан пишет: «Думается, наш долг не только устранить несправедливость, но и выступить с инициативой канонизации “исповедника чтеца Бориса”, которая станет общим признанием его уникального служения Русской Церкви в критический момент ее бытия, оцененного уже его великими современниками»¹⁶⁵.

Источники и литература

1. Архив ГЭ. Ф. 10. О. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 3. Л. 1; Д. 4. Л. 1; Д. 7. Л. 14; Д. 8. Л. 1, 108, 372; Д. 12. Л. 1–8; Д. 15. Л. 1–15; Д. 17. Л. 1–12; Д. 18. Л. 3–5, 10. 10 об., 11; Д. 22. Л. 1–3, 5; Д. 26. Л. 1; Д. 54. Л. 1–8; Д. 77. Л. 1; Д. 91. Л. 1; Д. 93. Л. 1 об.; Д. 94. Л. 1; Д. 95. Л. 1; Д. 105. Л. 12; Д. 120. Л. 1–21; Д. 122. Л. 1–2; Д. 153. Л. 1–2; Д. 156. Л. 1; Д. 178. Л. 1 об., 2 об., 3; Д. 180. Л. 1; Д. 190. Л. 1; Д. 204. 1–5; Д. 245. Л. 1; Д. 261. Л. 1; Д. 265. Л. 1; Д. 269. Л. 1; Д. 272. Л. 1; Д. 276. Л. 1; Д. 311. Л. 1; Д. 295. Л. 1; Д. 319. Л. 1–2; Д. 320. Л. 1–3; Д. 332. Л. 1, 1 об.; Д. 328. Л. 1–2; Д. 340. Л. 1; Д. 343. Л. 1.
2. Архив РАН. Ф. IV. О. 91. Д. 2. Л. 1–24; Д. 18. Л. 1; Д. 19. Л. 1–6; Д. 39, 41.
3. *Балашов Н., прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001.
4. *Беляев Е.А.* Б.А. Тураев // Труды Московского университета. 1946. Вып. 3. С. 56–61.
5. *Бовкало А.А.* Литургика в Петрограде после 1918 г. // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. М., 2000.
6. *Бовкало А.А.* Просветительская деятельность Петроградского Богословского Института // Избранные материалы международной научно-практической конференции: Богословское образование: традиции и развитие. 1997.
7. *Богданова Т.А., Клементьев А.К.* Н.Н. Глубоковский и неудавшаяся попытка объединения в 1918 г. Петроградской духовной академии и Петро-

лович Ляпунов. Эти факты были столь позорными для «республики рабочих и крестьян», что ни в одном советском энциклопедическом издании невозможно прочесть о причинах смерти преждевременно ушедших из жизни ученых». *Романовский С.И.* Российская академия наук в годы Гражданской войны // Новый Часовой — Русский военно-исторический журнал. СПб., 1997. № 5. С. 113–127.

¹⁶⁵ Рубан Ю.И. Историк — агиограф — чтец // Вода живая. 2010. № 6. С. 14.

- градского университета // С.-Петербургский университет. 19 марта 2004 г. № 7 (3663). С. 42–45.
8. *Бороздин И.Н.* Академик Б.А. Тураев и русская наука // Вопросы истории. М., 1947. № 11. С. 80–84.
 9. Вильна. Путеводитель. Вильна, 1883.
 10. *Воронцов А.В.* Академик Б.А. Тураев, староста Университетской церкви // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. № 21–22. С. 67–72.
 11. *Воронцов А.В.* Братство Св. Софии в Петрограде // С.-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. № 28–29.
 12. Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в музей изящных искусств (1908–1912) // ГЭ, ГРМ, ГМИИ им. А.С. Пушкина / Сост., автор прим. Демская А.А., Ходжаш С.И. и др. М.: Сов. художник, 1987.
 13. *Глазов В., свящ.* История праздника Всех святых, в земле Российской просиявших // Московские епархиальные ведомости. 2005. № 5–6. С. 71–75.
 14. *Глубоковский Н.Н.* Академик профессор Борис Александрович Тураев, как христианский учитель и ученый // Воскресное чтение. Варшава, 1929. № 11. С. 169–173.
 15. *Григорий (Чуков), митр.* Дневник, фрагменты, фотографии (1918–1923) // Архив. Историко-богословское наследие митрополита Григория (Чукова). СПб., 2010.
 16. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 2006.
 17. *Ендольцев Ю.А.* Университет на Биржевой линии // Нева. 2004. № 12.
 18. *Жебелев С.А.* Из воспоминаний о старом товарище // Вестник древней истории. 1993. № 3. С. 75–83.
 19. *Зубова Н.Л.* Река времен. Кн. 2. Гражданское общество и частная жизнь. М., 1995.
 20. *Иоанн (Снычев), митр.* Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994.

21. *Козьмина-Бороздина Т.Н.* Посмертные работы академика Б.А. Тураева // Жизнь. М., 1922. № 3. С. 101–112.
22. *Коковцев П.К.* Б.А. Тураев. Известия Академии наук. IV серия, т. 14. Петроград, 1920.
23. *Константин (Зайцев), архим.* Пастырское Богословие // Курс лекций, читанный в Свято-Троицкой духовной семинарии (в Джорданвилле). Джорданвилль: Изд-во Свет Православия. 1960–1961.
24. *Копейкин К., прот.* Университет и его храм // Вестник С.-Петербургского университета. 30 сентября 2007 г. № 13 (3761).
25. *Копейкин К., прот.* Храм Святых Апостолов Петра и Павла при Санкт-Петербургском государственном университете. СПб., 2006.
26. *Коростовцев М.А.* Академик Борис Александрович Тураев (о стиле работы ученого) // Вестник Древней Истории. 1974. № 2. С. 111–114.
27. *Кравецкий А.Г.* Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 2. С. 68–86.
28. *Кравецкий А.Г.* Проблемы типикона на Поместном Соборе // Ученые записки. Вып. 1. М., 1995. С. 58–90.
29. *Крачковский И.Ю.* Б.А. Тураев и христианский Восток. СПб., 1921.
30. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 42 // Полное собрание сочинений В.И. Ленина. URL: <http://vilenin.eu/t42/p324> (Дата обращения: 12.01.2013).
31. *Майоров Н.И.* Введение в историю Древнего Востока. Учебное пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 2003.
32. *Милибанд С.Д.* Труды академика Бориса Александровича Тураева (Хронологический перечень 210 книг, статей, переводов, рецензий и редакторских работ за 1893–1936 гг. и 31 статья о нем за 1904–1964 гг.) // Древний Восток. Сб. 2. Памяти академика Тураева Б.А. М., 1980. С. 42–55.
33. *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви 1900–1927. СПб.: Сатис, 2002.

34. Романовский С.И. Российская академия наук в годы Гражданской войны // Новый Часовой — Русский военно-исторический журнал. СПб., 1997. № 5. С. 113–127.
35. Рубан Ю.И. Историк — агиограф — чтец // Вода живая. 2010. № 6.
36. Рубан Ю.И. Чернорабочий от истории. (К 110-летию со дня кончины Василия Васильевича Болотова) // Вода живая. 2010. № 4.
37. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М., 1994.
38. Соколова Л. Когда горит свеча. Никольское кладбище Александроневской лавры. Вып. 2. СПб., 2005.
39. Сорокин В., прот. Лихолетье — время испытаний // Вода живая. 2007. № 19. С. 24–25.
40. Струве В.В. Заупокойный культ древнего Египта. Путеводитель по выставке в залах Эрмитажа. Петербург, 1919.
41. Струве В.В. Б.А. Тураев — крупнейший историк Древнего Востока // Вестник древней истории. М, 1948. № 2. С. 75–83.
42. Струве В.В., Снегирев И.Л. Предисловие к книге Тураева Б.А. История древнего Востока. Том 1. Л., 1935.
43. Томашевич О.В. Объяснение в любви. Вместо послесловия // Тураев Б.А. Бог Тот. М., 2002. С. 315, 316, 339.
44. Тураев Б.А. Василий Васильевич Болотов // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССXXX. 1900. Август.
45. Тураев Б.А. Египетские рельефы с изображениями погребальных процессов Музея изящных искусств // Известия РАИМК. Т. I. 8 августа 1920. № 9. С. 71.
46. Тураев Б.А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии // Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. Ч. 65. Вып. 1. СПб., 1902.
47. Тураев Б.А. Проект обители ученых иноков // Христианский Восток. Новая серия. Т 2 (8). 2001.

48. *Тураев Б.А.* Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года // АН СССР. Л., 1927.
49. ЦГА СПб. Ф. 7240. О. 14. Д. 16.
50. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преобр. Валаамского мон., 1997.
51. *Шаров А.В.* Два документа о Б.А. Тураеве // Памятники и люди. М., 2004. С. 109–121.
52. *Шаров А.В.* Творческий путь и научное наследие академика Бориса Александровича Тураева. Дисс. на соискание... к. и. н. М., 2000.
53. *Шаров А.В.* Тураев Борис Александрович // Историки России. Биографии. М., 2001.
54. *Шубина Е.И.* Петроградский Богословский институт // Фонтанка. 2007.
55. *Шумилов А.* Хранить верность // С.-Петербургский университет. 7 марта 2007 г. № 6–7 (3628–3629).

Р.К. Лесаев

ПРЕДСТАВИТЕЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ В НАУЧНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ КОМАНДИРОВКАХ (1869–1917)

Статья посвящена исследованию научных командировок за рубеж преподавателей и стипендиатов Санкт-Петербургской духовной академии (1869–1917). Зарубежные командировки являлись важной составляющей в развитии как российской научно-образовательной системы XIX – начала XX века в целом, так и высшей духовной школы в частности. Командировки преподавателей и кандидатов на кафедры анализируются по своей организации, мотивации, документации, целям и задачам, финансовой поддержке, географическим и тематическим направлениям, системе отчетности и контроля. Выявляется роль в их организации Святейшего Синода, Учебного комитета при Синоде, совета академии, самих преподавателей и стипендиатов. Особое внимание обращается на результаты зарубежных командировок и их значение для богословской науки и высшего духовного образования.

Ключевые слова: Н.В. Покровский, И.Т. Осинин, В.С. Серебrenников, И.И. Соколов, Святейший Синод, Министерство народного просвещения, высшая духовная школа, Санкт-Петербургская духовная академия, совет академии, профессорско-преподавательская корпорация, реформы духовных академий, научные зарубежные командировки, Западная Европа, Православный Восток.

Настоящая статья посвящена научным командировкам за рубеж представителей Санкт-Петербургской духовной академии (далее СПбДА). Научные зарубежные командировки были важной составляющей в развитии российской научно-образовательной системы XVIII — начала XX в., и в последние годы этой теме уделялось внимание в отечественной историографии¹. Однако исследователи занимались преимущественно командировками университетских преподавателей и профессорских кандидатов, специального же изучения научных командировок духовного ведомства практически не проводилось. Исключением

Руслан Каримович Лесаев — преподаватель кафедры истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (brabus900@mail.ru).

¹*Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005; *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. М., 1994; *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: В 4 кн. М., 1998–2001; *Трохимовский А.Ю.* Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг. Автореферат диссертации на соиск. ученой степени канд. ист. наук. М., 2007.

являются немногочисленные статьи², а также обращение к этому вопросу в монографиях и диссертациях по истории высшей духовной школы³. Особо следует отметить историка СПбДА Д.А. Карпука, в диссертации которого приводится указание на некоторые зарубежные командировки членов корпорации⁴.

Источниками исследования явились «Журналы заседаний совета СПбДА», документы архивных фондов Святейшего Синода, СПбДА и ее профессоров, а также научные исследования профессорско-преподавательской корпорации СПбДА.

Хронологические рамки статьи ограничены 1869 г. — реформой духовных академий, позволившей сделать научные командировки за границу одним из средств развития богословской науки, и 1917 г. — революцией, приведшей к разрушению российской духовной школы. Однако для лучшего понимания проблематики требуется небольшой исторический экскурс в более ранний период.

Поездки российского юношества за границу с образовательной целью были заметным явлением на рубеже XVII–XVIII вв. В XVIII в. предпринимались централизованные усилия по обучению российских студентов в европейских университетах, причем одна из кампаний была связана с духовными школами: в 1765–1775-х гг. 15 студентов были отправлены в Оксфорд, Лейден и Геттинген⁵. В первой половине XIX в. Министерство народного просвещения (далее МНП) неоднократно использовало зарубежные стажировки как средство подготовки выпускников и молодых преподавателей к профессорским кафедрам⁶. Но выс-

² Сухова Н.Ю. Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России (XIX – начала XX века). М., 2007. С. 172–216 (далее: Сухова Н.Ю. Научные командировки); Она же. Представители духовной школы в Русском археологическом институте в Константинополе // Научные проблемы гуманитарных исследований. Научно-теоретический журнал. 2009. Вып. 10 (2). С. 105–111 (далее: Сухова Н.Ю. Представители в РАИК).

³ Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы: вторая половина XIX века. М., 2006; Тарасова В.А. Высшая духовная школа России в конце XIX — начале XX века. М., 2005; Она же. Духовные академии в России в конце XIX — начале XX в. Дисс... канд. ист. наук. М., 2002.

⁴ Карпук Д.А. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.). Дисс... канд. богословия. СПб, 2008.

⁵ Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005. С. 51–52; Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 62–63.

⁶ РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 155. Д. 198. Правила об оставлении при университете и о командировании за границу для приготовления и профессорской де-

шая духовная школа, выделенная в 1808–14 гг. в особую ступень, до 1869 г. своих представителей за границу практически не отправляла. Исключением является командировка на Восток выпускника Казанской духовной академии (КазДА) Н.И. Ильминского (1851–54 гг.), но и она была обусловлена особыми обстоятельствами⁷. Иногда выпускников духовных академий, намеченных на кафедры в российские университеты, отправляло в заграничные стажировки МНП⁸.

В 1869 г. высшая духовная школа подверглась новой реформе, и развитие специальных исследований было поставлено духовным академиям в непосредственную обязанность. При этом Устав 1869 г. предоставил им возможности и средства для этого, одним из которых были научные командировки за границу⁹. Но практическую реализацию этой возможности академии должны были отрабатывать самостоятельно. Каждая из четырех академий делала это по-своему, хотя учитывала и опыт друг друга.

Основная часть статьи построена следующим образом: в первой части приводятся примеры наиболее значимых командировок представителей СПбДА за границу; во второй части — общая статистика выявленных командировок представителей СПбДА их систематизация по научным областям, географическим направлениям и периодам действия уставов духовных академий.

Наиболее приоритетным направлением для научных командировок стали страны Западной Европы: университеты, библиотеки и музеи представляли большой интерес для членов духовно-академических корпораций. Кроме того, для историков западных исповеданий Европа сама по себе, с ее историей и современностью, была предметом исследования.

ательности; Там же. Оп. 141. Д. 116. Правила о стипендиатах, оставляемых при Императорском Варшавском университете по окончании университетского курса и отправлении в другие русские университеты и за границу, для дальнейшего усовершенствования в науках. Л. 74—78.

⁷РГИА. Ф. 802. (Учебный комитет). Оп. 5. Д. 13584. Об отправке бакалавра КазДА Николая Ильминского на Восток.

⁸Так, например, в 1862 г. был намечен на заграничную стажировку выпускник и бакалавр СПбДА П.И. Шалфеев, однако он скончался накануне отъезда (см.: *Родосский А.С.* Списки первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1907. С. 528).

⁹Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты православных духовных академий. § 169–171 // Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. С. 555.

Первым воспользовался предоставленной возможностью профессор СПбДА И.Т. Осинин, который был командирован в 1871 г. в Германию, Францию и Данию для изучения памятников, сбора фактов и работы в библиотеках¹⁰.

Согласно Уставу 1869 г. в СПбДА была открыта кафедра метафизики, и на нее был избран выпускник МДА М.И. Каринский¹¹. Совет академии решил, что для этого молодому преподавателю необходимо изучить современное положение метафизики в Европе, и в 1871–72 уч. г. Каринский был командирован в Германию¹². Отчетом о командировке стало его сочинение: «Критический обзор последнего периода Германской философии» (СПб., 1873 г.), представляющее критическое рассмотрение важнейших направлений немецкой философии послекантовского периода, дополненное идеями самого Каринского.

В 1876–77 гг. за границу был командирован приват-доцент СПбДА по кафедре церковной археологии и литургики Н.В. Покровский. Он планировал познакомиться с методами преподавания археологии в западноевропейских университетах и лично изучить памятники христианской старины, находящиеся в западноевропейских музеях¹³.

Церковная археология была сравнительно молодой наукой в духовных академиях и получила самостоятельное существование только в 1869 г., поэтому особые надежды возлагались на ученых-подвижников, талантливых и жертвенных, которые смогут не только освоить западные достижения в области церковной археологии, но и выработать самостоятельное направление¹⁴. Н.В. Покровский, несомненно, занимает одно из главных мест в этой плеяде. Покровский привез из-за границы новые идеи, позволившие ему существенно изменить свой курс, дидактику и методику преподавания церковной археологии. Важным результатом командировки стали проектирование и организация Церковно-

¹⁰ЦГИА СПб. Ф. 277. (Санкт-Петербургская духовная академия). Оп. 1. Д. 2654. О командировании за границу профессора Ив. Осинина.

¹¹Карпук Д.А. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.). Дисс... канд. богословия. СПб., 2008. С. 84.

¹²Журналы заседаний совета СПбДА (далее: ЖЗС СПбДА) за 1870 г. С. 258–289.

¹³РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1876 г. Д. 52. О командировании за границу доцента СПбДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета Ивана Якимова и приват-доцента той же академии по кафедре церковной археологии Н. Покровского. Л. 1–8.; РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 157. Д. 1069. О командировании за границу с ученой целью доцента СПбДА Ивана Якимова и приват-доцента той же академии Николая Покровского. 1876 г. Л. 1–16; ЖЗС СПбДА за 1876–77 уч. г. С. 118–130.

¹⁴Сухова Н.Ю. Научные командировки. С. 191.

археологического музея и создание в нем особой системы формирования фондов, отличной от существующей в древлехранилищах.

Результатом второй поездки Н.В. Покровского за границу в 1888 г. (Турция, Греция, Италия, Франция)¹⁵, стала докторская диссертация «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских» (СПб., 1892 г.), представляющая собой предметно-тематический каталог древних изображений, иллюстрирующих Евангельское повествование. Труд имел большое значение для отечественного богословия, церковного искусства и археологии, не утратил он своей ценности и в настоящее время¹⁶.

После введения нового Устава духовных академий 1910–11 гг., выделившего церковную археологию в отдельную кафедру, была предпринята кампания по подготовке к этим кафедрам молодых преподавателей-специалистов. Среди них был ученик Н.В. Покровского Н.В. Малицкий, осуществивший в 1912–13 уч. г. командировку для исследования музеев и хранилищ Германии, Франции и Италии¹⁷. Следует отметить участие Н.В. Покровского в планировании маршрута этой поездки и задания: он предложил Малицкому посетить Рим, Египет, Сирию, Палестину, Малую Азию, Константинополь, Афон, Афины и др. города Европы¹⁸.

В 1876–77 уч. г. совет СПбДА командировал в Германию для слушания лекций доцента Священного Писания Ветхого Завета И.С. Якимова¹⁹. Результатом командировки стали не только специальная монография, посвященная критическому сравнению текста славянского перевода Ветхого Завета с текстом Септуагинты, но и переработанный курс лекций²⁰. Особое внимание И.С. Яки-

¹⁵ОР РНБ. Ф. 593 (Н.В. Покровский). Оп. 1. Д. 8. Прошение Покровского Н.В. в совет СПбДА о командировании его с научной целью с 15 июля 1888 г. по 1 января 1889 г. за границу. Л. 1–5; Там же. Д. 249. Письмо Петра Долоцкого Покровскому Н.В. советы в связи с предстоящей поездкой Покровского Н.В. в Грецию и Италию (7–19 июня 1888г.). См. также: ЖЭС СПбДА за 1887–88 уч. г. С. 176–180.

¹⁶Алексеев А.А. Николай Васильевич Покровский — доктор церковной истории // Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999. С. 7–8.

¹⁷РГИА. Ф. 796. (Священный Синод). Оп. 194. Д. 252. Л. 1–6. Об ученой командировке доцента СПбДА Николая Малицкого; ЖЭС СПбДА за 1911–12 гг. С. 142, 159–160.

¹⁸ЖЭС СПбДА за 1911–12 уч. г. С. 159–160.

¹⁹РГИА. Ф. 796. Оп. 157. Д. 1069. О командировании за границу с ученой целью доцента СПбДА Ивана Якимова и приват-доцента той же академии Николая Покровского. 1876 г. Л. 1–16; ЖЭС СПбДА за 1876–77 уч. г. С. 116.

²⁰Якимов И.С. Критические исследования текста славянского перевода Ветхого Завета в его зависимости от текста перевода Семидесяти толковников. СПб., 1878; *Он же*. Конспект по Свя-

мова с этого времени привлекали исагогические и текстологические вопросы в библеистике. Его магистерская диссертация «Отношение греческого перевода LXX толковников к еврейскому масоретскому тексту в книге пророка Иеремии»²¹ была отмечена рецензентами как первый опыт отечественной библеистики в данном направлении.

В 1878–80 гг. была предпринята централизованная кампания по повышению уровня преподавания классических языков в духовных академиях. В связи с этим СПбДА командировала в Германию приват-доцентов по латинскому языку А.И. Садова (в 1877–78 и 1879–80 уч. гг.²²) и по греческому языку Я.Е. Смирнова (в 1879–80 и 1880–81 уч. гг.²³). Эти командировки позволили не только повысить уровень классических языков, но и внести в учебный процесс современные достижения в области языкознания и источниковедческой работы с древними текстами²⁴.

Иногда лекторы новых языков отправлялись в страны преподаваемых языков: так, в 1911 г. во Францию был командирован лектор французского языка В.Б. Шкловский²⁵.

Особый подъем в конце XIX – начале XX в. испытывала экспериментальная психология. Преподаватели кафедр психологии и философии духовных академий, будучи не чуждыми этого порыва, стремились в Лейпциг, в знаменитый институт экспериментальной психологии профессора Вильгельма Вундта,

щенному Писанию Ветхого Завета: Лекции, читанные в Санкт-Петербургской духовной академии в 1880–81 учебном году. СПб., 1881 (литогр.)

²¹ Якимов И.С. Отношение греческого перевода LXX толковников к еврейскому Масоретскому тексту в книге пророка Иеремии. СПб., 1878.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 566. О командировании приват-доцента СПбДА кандидата богословия Александра Садова за границу с ученой целью. Л. 1–9; Там же. Оп. 159. Д. 463. О командировании приват-доцента СПбДА Садова за границу с ученой целью на один год. Л. 1–50; РГИА. Ф. 802. 1877 г. Оп. 9. Д. 63. По представлению Преосвященного Исидора, митрополита Новгородского и СПб., о командировании приват-доцента СПбДА кандидата А. Садова за границу с научной целью. Л. 1–5; ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2877. Отчет приват-доцента академии А. Садова о своей заграничной командировке в 1879 г. (Лейпциг, 18–30 августа 1879 г.); ЖЭС СПбДА за 1879–80 уч. г. С. 72, 149–155.

²³ ЖЭС СПбДА за 1879–80 уч. г. С. 156–170. То же за 1880–81 уч. г. С. 18–23; То же за 1881–82 уч. г. С. 155–165.

²⁴ Сухова Н.Ю. Научные командировки. С. 193–194.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 277. Санкт-Петербургская духовная академия. Оп. 1. Д. 3691. О разрешении лектору французского языка Шкловскому В. заграничного отпуска для командировки с научной целью (№ 508 / 10 мая 1911г.).

в Геттинген, в школу профессора Георга Мюллера, в Берлин, к Генриху Эббингаузу, в Сорбонну, к Теодюлю Рибо²⁶.

В 1892–93 уч. г. совет СПбДА командировал в Германию преподавателя психологии В.С. Серебренникова²⁷. Согласно его отчету, Серебренников в течение этого года ознакомился с институтами экспериментальной психологии в Лейпциге, Геттингене, Париже, Бонне, Гейдельберге и Берлине. Главное внимание было уделено Лейпцигу, где В.С. Серебренников пробыл 7 месяцев, прослушав в продолжение целого семестра курсы у проф. Вундта по психологии и у приват-доцента Кюльпе по «Введению в экспериментальную психологию»²⁸.

После возвращения из командировки Серебренников положил основание собственной «Психологической семинарии» или кабинету при своей кафедре. Научная командировка побудила Серебренникова сопровождать свои лекционные курсы в СПбДА факультативным семинарами — чтением и анализом источников по экспериментальной психологии для желающих студентов. Он взял за образец семинар Вильгельма Вундта в институте психологии при Лейпцигском университете, в работе которого сам участвовал во время своей стажировки в Германии (1892–93 гг.)²⁹. Такие занятия Серебренников проводил в 1894–1898 гг. Эта командировка имела большое значение и для оживления интереса к экспериментальной психологии в студенческой среде. Так, в 1900 г. в СПбДА образовалось студенческое Психологическое общество, в председатели которого пригласили В.С. Серебренникова³⁰.

В дальнейшем В.С. Серебренников неоднократно ездил в страны Западной Европы для участия в международных конференциях. Так, в 1905 г. он был командирован в Рим на Международный педагогический съезд³¹, а в 1912 г. и в

²⁶Сухова Н.Ю. Научные командировки. С. 201–202.

²⁷ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3647. Л. 1–6.

²⁸Серебренников В.С. Психофизические исследования и их значение для психологии: очерк по экспериментальной психологии // ХЧ. 1895. № 3–4. С. 288–311.

²⁹Сухова Н.Ю. Студенты высшей духовной школы — научный поиск и церковный порыв // Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России (XIX — начала XX века). М., 2007. С. 284.

³⁰Лесаев Р.К. Научные зарубежные командировки, как средство развития экспериментальной психологии в высшей духовной школе России (1869–1917 гг.): предпосылки и организация // Православный собеседник. Материалы XI ежегодной научно-практической конференции «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи». Казань. Казанская духовная семинария, 5–6 ноября 2011 г. С. 122–131.

³¹РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 297. О командировании на Международный педагогический съезд в Рим проф. СПбДА Серебренникова. 24 марта 1905 г.

1913 г. — на Международный конгресс по нравственному воспитанию, который проходил в Нидерландах — Гааге³².

Представители кафедры философии в основном ездили в германские университеты Берлина, Мюнхена, Геттингена, Лейпцига, Гейдельберга, Магдебурга и др. Задачи ставились разные: слушание лекций немецких профессоров, личное наблюдение за преподаванием, изучение структуры курса, научная работа в университетских и публичных библиотеках. Так, в 1909–10 уч. г. доцент В.А. Беляев воспользовался предоставленной возможностью отправиться в Германию для ознакомления с постановкой преподавания философских предметов. В Ганновере Беляев работал с архивами Королевской библиотеки, а в Лейпцигском университете изучал современное состояние немецкой философии³³.

Однако представители СПбДА ездили не только в Западную Европу. Так, уже накануне новой реформы духовных академий в 1881 г. приват-доцент СПбДА И.С. Пальмов был командирован в славянские страны³⁴. Академия готовилась учредить при кафедре новой церковной истории приват-доцентуру по истории Славянских Церквей, и И.С. Пальмов, незадолго до этого защитивший магистерскую диссертацию³⁵, был назначен на эту приват-доцентуру. Совет академии решил, что знакомиться со славянскими письменными и материальными памятниками следует на месте, то есть, в славянских странах. Маршрут и задание разрабатывались комиссией из церковных историков СПбДА (И.Е. Троицкий, В.В. Болотов), подробно обсуждались и утверждались советом академии. Командировка была длительной — около трех лет (1882–1884 гг.). И.С. Пальмов изучал историю Славянских Церквей в библиотеках и архивах

³²РГИА. Ф. 796. Оп. 194. Д. 286. О командировании представителя (Серебренникова В.С.) от Учебного Комитета на 2 Международный конгресс по нравственному воспитанию; Там же. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 124. О командировании представителей от Учебного Комитета на имеющий быть в августе сего 1912 г. 2-й Международный конгресс по нравственному воспитанию. Л. 1–13; Там же. 1913 г. Д. 99. О командировании представителей от Учебного комитета при Св. Синоде на Международную Педагогическую Конференцию. РГИА. Ф. 796. Оп. 196. Д. 110. О командировании представителя от Учебного Комитета на Международную Педагогическую конференцию в Гаагу (В.С. Серебренникова). Л. 1–11.

³³ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3647. Отчет доцента Беляева В. о занятиях за время заграничной командировки; ЖЗС СПбДА за 1910–11 уч. г. С. 43–44.

³⁴РГИА. Ф. 796. Оп. 162. Д. 626. О командировании окончившего курс в 1880 г. магистра СПбДА Ивана Пальмова за границу с ученой целью.

³⁵См.: Пальмов И.С. Гуситское движение. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб., 1881; а также: Отзыв И.Е. Троицкого о магистерской диссертации Ивана Пальмова // ЖЗС СПбДА за 1880–81 уч. г. С. 193–196.

Праги, Львова, Белграда, Вены, Константинополя, Афона, Патмоса, Бухареста, в живом общении с профессорами университетов, национальной элитой славянских стран³⁶. Результатом командировки стало не только открытие чаемой приват-доцентуры, но и начало развития исторической славистики в академиях³⁷. Сам И.С. Пальмов стал специалистом, признанным в научном сообществе, в 1904 г. он защитил докторскую диссертацию³⁸, а в 1916 г. был избран академиком Императорской академии наук³⁹.

Для преподавателей и профессорских стипендиатов церковно-исторических, церковно-правовой, литургической кафедр не менее важны были поездки на христианский Восток.

В августе месяце 1886 г. был командирован в Константинополь и Грецию для исследования рукописей афонских монастырских библиотек профессор академии И.Е. Троицкий⁴⁰.

Неоднократно ездил на православный Восток профессор И.И. Соколов — византист, знаток истории православного монашества. В своих поездках, в частности 1901 г., он изучал источники позднего периода Византийской империи, и пришел к выводу о необходимости специального изучения этого периода⁴¹. В 1903 г. корпорация СПбДА смогла добиться открытия новой кафедры истории Греко-Восточной Церкви со времени отделения Западной Церкви от Вселенской⁴², занял ее сам И.И. Соколов. В 1906 г. на Предсоборном присутствии профессор Соколов объяснил необходимость учреждения такой кафедры во всех академиях⁴³.

³⁶См.: Отчет И.С. Пальмова о заграничной командировке с 8 ноября по 1 августа 1882 г. // ЖЗС СПбДА 1882–83 уч. г. СПб., 1883. С. 50–113; а также: *Болотов В.В.* Неизданное письмо И.С. Пальмову / Подгот. и публ. *Л.А. Герд* // ХЧ. 2000. № 19. С. 39–81.

³⁷См.: *Сухова Н.Ю.* Научные командировки. С. 195.

³⁸*Пальмов И.С.* Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия. Т. I. Вып. 1: Главнейшие источники и важнейшие пособия. Вып. 2: Приложения Confessiones fidei fratrum Bohemorum. Прага, 1904.

³⁹*Лантева Л.П.* Русский ученый И.С. Пальмов как исследователь Общины чешских братьев // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 53–65 и др.

⁴⁰ЦГИА СПб. Ф. 2182. (Троицкий И.Е.). Оп. 1. Д. 146. Отчет Троицкого И.Е. Победоносцеву К.П. о своей командировке в Константинополь в августе 1892 г.

⁴¹*Сухова Н.Ю.* Научные командировки. С. 210.

⁴²Кафедра истории православной Греко-восточной Церкви от разделения Церкви до настоящего времени была образована впервые в СПбДА 24 сентября 1903 г.

⁴³Журналы Предсоборного присутствия. Т. 4. Прил. к журналу № 25. С. 5. См. также: *Соколов И.И.* О необходимости учреждения в наших духовных академиях кафедры «Истории православной Греко-восточной Церкви от разделения Церквей до настоящего времени» // Церковный

В 1907 г. СПбДА командировала на один год для научных занятий за границу и.д. доцента кафедры теории словесности и истории иностранной литературы Н.Н. Троицкого⁴⁴.

В начале XX в. появилась еще одна форма командировок представителей СПбДА: поездки стажеров в Российский археологический институт в Константинополе (РАИК)⁴⁵. РАИК был учрежден в 1894 г.⁴⁶, но командировки в него представителей духовных академий стали возможны лишь с 1902 г.⁴⁷

Первым стипендиатом СПбДА, отправленным в РАИК, был ученик Н.В. Покровского И.А. Карабинов. В своем отзыве на кандидатское сочинение Покровский отметил научно-аналитические способности Карабинова, особую историко-литургическую интуицию и чуткость к источникам⁴⁸. Во время своей стажировки Карабинов тщательно изучил рукописный фонд библиотеки Иерусалимского подворья в Константинополе. По собственной инициативе при содействии руководства РАИК он совершил путешествие в Палестину, посетив Иерусалим, Голгофу, Вифлеем, ездил на Синай и на Афон⁴⁹. Плодом стажировки И.А. Карабинова стала и магистерская диссертация «Постная Триодь, ее состав и происхождение», внесшая серьезный вклад в историко-литургические исследования. Дальнейшие его работы открыли перспективы, представляющие немалый интерес в наши дни⁵⁰.

вестник. 1907. № 24. Ст. 766–769; № 25. Ст. 806–808; № 26. Ст. 837–841; № 27. Ст. 871–874; № 28. Ст. 899–903.

⁴⁴ ЖЗС СПбДА за 1906–07 г. С. 199–200.

⁴⁵ РГИА. Ф. 757 (РАИК). Оп. 1. Д. 21. Переписка с Синодом о командировании в институт для занятий кандидатов и магистров духовных академий.

⁴⁶ РГИА. Ф. 757. Оп. 1. Д. 1а. Об учреждении археологического института; Там же. Д. 12. О заданиях Археологического института.

⁴⁷ См.: Сухова Н.Ю. Представители в РАИК. С. 107.

⁴⁸ ЖЗС СПбДА за 1902–03 уч. г. (в извлечении). С. 300.

⁴⁹ См.: Отзыв профессора Н.В. Покровского об отчете о занятиях профессорского стипендиата Ивана Карабинова, командированного в Русский Археологический Институт в Константинополе // ЖЗС СПбДА за 1904–05 уч. г. С. 217–218; Отчет профессорского стипендиата Ивана Карабинова в занятиях во время годичной командировки в Русский Археологический Институт в Константинополе // Там же. С. 225–236.

⁵⁰ Карабинов И.А. Евхаристическая молитва (анафора). СПб., 1908; *Его же*. Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910; *Его же*. Святая Чаша на Литургии Преждеосвященных Даров // ХЧ. 1915. № 6. С. 737–753. №7. 953–964. *Его же*. Студийский типик в связи с вопросом о реформе нашего богослужебного Устава // ХЧ. 1915. № 9. С. 1051–1062.

В дальнейшем в РАИК были отправлены еще три представителя СПбДА: в 1911–12 уч. г. в Константинополе занимались выпускник кафедры церковного права А.Н. Акимов⁵¹ и сверхштатный стипендиат по кафедре истории Греко-Восточной Церкви со времени отпадения Западной Церкви от Восточной до настоящего времени, ученик профессора И.И. Соколова А.Г. Степанов⁵². Наконец, в 1914 г. в институт был отправлен студент выпускного курса академии А.И. Иванов, писавший кандидатскую диссертацию на тему «Кирилл I Лукарис, Патриарх Константинопольский»⁵³.

Следует отметить, Синод не всегда давал разрешение на зарубежные командировки, бывали и отказы. Поводом отказа в командировке могли послужить обстоятельства, могущие затруднить правильный ход учебных занятий. Так, в 1876 г. совету СПбДА ходатайствующему о командировании за границу четырех членов корпорации: доцентов И.С. Якимова и Н.А. Скабалановича и приват-доцентов Н.В. Покровского и С.А. Соллертинского, было разрешено отправить лишь Якимова и Покровского⁵⁴. В 1911 г. была отклонена вторая кандидатура стажера в РАИК — священник Владимира Рыбакова, — предложенная профессором И.И. Соколовым⁵⁵.

После 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны, командировки российских ученых за границу были практически прекращены. Так, например, не

⁵¹ *Сухова Н.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе // Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России (XIX — начала XX века). М., 2007. С. 237.

⁵² РГИА. Ф. 796. Оп. 192. Д. 287. Л. 1–8. О командировании в Константинополь для научных занятий профессорского стипендиата СПбДА Степанова и Рыбакова. См. также: ЖЗС СПбДА за 1910–11 уч. г. С. 116–117; *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: очерки истории. СПб., 1999. С. 205; *Сухова Н.Ю.* Представители в РАИК. См. также: Отзыв профессора И.И. Соколова о занятиях профессорского стипендиата А. Степанова // ЖЗС СПбДА за 1912–13 уч. г. С. 114–145.

⁵³ *Сухова Н.Ю.* Представители в РАИК. С. 240.

⁵⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 157. Д. 1069. О командировании за границу с ученой целью доцента СПбДА Ивана Якимова и приват-доцента той же академии Николая Покровского. 1876 г. Л. 1–16; Там же. Оп. 158. Д. 353. О командировании с ученой целью за границу доцента СПбДА при академии Скабалановича и приват-доцента той же академии Соллертинского. Л. 1–14.

⁵⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 192. Д. 287. О командировании в Константинополь для научных занятий профессорского стипендиата СПбДА Степанова и Рыбакова. Л. 1–8; ЖЗС СПбДА за 1910–11 уч. г. С. 292–294; То же за 1911–12 уч. г. С. 81–82. См. также: *Карпук Д.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.). Дисс... канд. богословия. СПб., 2008. С. 271.

состоялась уже намеченная и одобренная Синодом командировка профессора истории и обличения западных исповеданий И.П. Соколова в Германию⁵⁶.

Если систематизировать предпринимаемые командировки духовно-академических представителей по географическим направлениям, можно выделить два главных: Западная Европа и христианский Восток. Статистика по этим направлениям — 10 поездок в страны христианского Востока и 24 в европейские страны — позволяет сделать вывод, что, приоритетным направлением для корпорации СПбДА было «европейское»: контакты с зарубежными коллегами, временное участие в учебном процессе европейских университетов; работа в богатых европейских библиотеках и музеях.

СПбДА за период действия трех уставов духовных академий командировала за границу 18 членов корпорации. Зарубежные командировки охватили практически весь спектр академических дисциплин, по которым были командированы за границу представители духовных академий: церковная история — 4 представителя академии, философия и психология — 3, церковная археология и литургия — 3, библеистика — 1, история и обличение западных исповеданий — 1, славистика — 2, церковное право — 1, классические языки — 2, европейские языки — 1. При этом подавляющее большинство научных командировок приходится на долю уже действующих преподавателей, а не кандидатов на кафедры. Это можно объяснить тем, что при подготовке к богословским кафедрам следовало учитывать конфессиональность. Европейские научно-образовательные центры могли быть полезны и в этом случае, но подготовка специалистов-богословов требовала разработки особой системы. Такой системы разработано не было, хотя отдельные попытки стажировок предпринимались.

Наконец, статистика командировок по периодам действия Уставов духовных академий. С 1869–1884 гг. представители СПбДА выезжали за границу с научной целью 13 раз; с 1884–1910 гг. — 12 раз, с 1910–1914 гг. — 9 раз. Таким образом, максимальная активность командировок представителей СПбДА приходится на 15 лет действия Устава 1869 г.

Заграничные командировки давали новые идеи и методики преподавания. Детальное ознакомление с западной наукой, с научно-вспомогательными учреждениями, знакомство с европейскими профессорами — все это имело самые положительные результаты для преподавательской корпорации СПбДА и в целом для отечественной богословской науки. Преподаватели академии критиче-

⁵⁶ ЖЗС СПбДА за 1913–14 уч. г. С. 247–248, 336–337.

ски подходили к мировому учебно-научному опыту, стараясь выделить приемлемое для отечественного богословия.

Однако следует отметить и то, что стабильно действующей системой для духовных академий заграничные командировки не стали. Во-первых, стесняла финансовая скудость духовно-учебного ведомства. Во-вторых, отсутствовала централизованная система в организации таких командировок, которая была, например, в МНП. Наконец, сказывалась специфика богословской науки, ее конфессиональность. Наиболее эффективно использовали командировки уже состоявшиеся ученые, самостоятельно планировавшие свои заграничные маршруты, ставившие цели и задачи, имеющие возможность анализировать результаты и корректировать начальные планы.

Источники и литература

Источники

1. Архивные документы

1.1 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки СПб. (ОР РНБ)

1. Ф. 253. Дмитриевский Алексей Афанасьевич. Оп. 1. Д. 6, 25, 35, 253.
2. Ф. 593 (Н.В. Покровский). Оп. 1. Д. 8; Д. 249.

1.2. Российский государственный исторический архив (РГИА)

1. Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 155. Д. 198. Оп. 141. Д. 116.
2. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 157. Д. 1069. Оп. 158. Д. 353, 566. Оп. 159. Д. 463. Оп. 162. Д. 626. Оп. 186. Д. 297. Оп. 192. Д. 287. Оп. 194. Д. 252, 286.
3. Ф. 757 (Российский археологический институт в г. Константинополе (РАИК)). Оп. 1. Д. 1а, 21.
4. Ф. 802. Учебный комитет. Оп. 5. Д. 13584. Оп. 9. 1876 г. Д. 52, 63. Оп. 11. 1912 г. Д. 124. 1913 г. Д. 99. Оп. 196. Д. 110.

1.3. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.)

1. Ф. 277. Санкт-Петербургская духовная академия. Оп. 1. Д. 2654, 2877, 3647, 3961.
2. Ф. 2182. (Троицкий И.Е.). Оп. 1. Д. 146.

2. Опубликованные источники

2.1. Делопроизводственная документация

1. Журналы заседаний совета СПбДА за: 1870 г., 1876–1877 гг., 1879–1880 гг., 1880–1881 гг., 1881–1882 гг., 1887–1888 гг., 1902–1903 гг., 1906–1907 гг., 1910–1911 гг., 1911–1912 гг., 1913–1914.
2. Журналы Предсоборного присутствия. Т. 4. Прил. к журналу № 25.
3. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. С. 555.

2.2. Научные труды

1. *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: очерки истории. СПб., 1999.
2. *Болотов В.В.* Неизданное письмо И.С. Пальмову / Подгот. и публ. Л.А. Герд // ХЧ. 2000. № 19. С. 39–81.
3. *Карабинов И.А.* Евхаристическая молитва (анафора). СПб., 1908.
4. *Карабинов И.А.* Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910.
5. *Карабинов И.А.* Святая Чаша на Литургии Преждеосвященных Даров // ХЧ. 1915. № 6. С. 737–753. №7. 953–964.
6. *Карабинов И.А.* Студийский типик в связи с вопросом о реформе нашего богослужебного Устава // ХЧ. 1915. № 9. С. 1051–1062.
7. Отзыв профессора И.И. Соколова о занятиях профессорского стипендиата А. Степанова // ЖЗС СПбДА за 1912–13 уч. г. С. 114–145.
8. Отзыв профессора Н.В. Покровского об отчете о занятиях профессорского стипендиата Ивана Карабинова, командированного в Русский Археологический Институт в Константинополе // ЖЗС СПбДА за 1904–05 уч. г. С. 217–218

9. Отчет профессорского стипендиата Ивана Карабинова в занятиях во время годичной командировки в Русский Археологический Институт в Константинополе // ЖЗС СПбДА за 1904–05 уч. г. С. 225–236.
10. Отчет И.С. Пальмова о заграничной командировке с 8 ноября по 1 августа 1882 г. // ЖЗС СПбДА за 1882–83 уч. г. СПб., 1883. С. 50–113.
11. *Пальмов И.С.* Гуситское движение. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб., 1881.
12. *Пальмов И.С.* Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия. Т. I. Вып. 1: Главнейшие источники и важнейшие пособия. Вып. 2: Приложение Confessiones fidei fratrum Bohemorum. Прага, 1904.
13. *Серебренников В.С.* Психофизические исследования и их значение для психологии: очерк по экспериментальной психологии // ХЧ. 1895. № 3–4. С. 288–311.
14. *Якимов И.С.* Критические исследования текста славянского перевода Ветхого Завета в его зависимости от текста перевода Семидесяти толковников. СПб., 1878.
15. *Якимов И.С.* Конспект по Священному Писанию Ветхого Завета: Лекции, читанные в Санкт-Петербургской духовной академии в 1880–81 учебном году. СПб., 1881 (литогр.).
16. *Якимов И.С.* Отношение греческого перевода LXX толковников к еврейскому Масоретскому тексту в книге пророка Иеремии. СПб., 1878.

Литература

Монографии, брошюры, статьи

1. *Алексеев А.А.* Николай Васильевич Покровский — доктор церковной истории // Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999. С. 7–8.
2. *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.
3. *Иванов А.Е.* Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994.

4. *Карпук Д.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.). Дисс... канд. богословия. СПб, 2008.
5. *Лаптева Л.П.* Русский ученый И.С. Пальмов как исследователь Общины чешских братьев // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 53–65.
6. *Лесаев Р.К.* Научные зарубежные командировки, как средство развития экспериментальной психологии в высшей духовной школе России (1869–1917 гг.): предпосылки и организация // Православный собеседник. Материалы XI ежегодной научно-практической конференции «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи». Казань. Казанская духовная семинария, 5–6 ноября 2011 г. С. 122–131.
7. *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: В 4 кн. М., 1998–2001.
8. *Родосский А.С.* Списки первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1907.
9. *Соколов И.И.* О необходимости учреждения в наших духовных академиях кафедры «Истории православной Греко-восточной Церкви от разделения Церквей до настоящего времени» // Церковный вестник. 1907. № 24. Стлб. 766–769; № 25. Стлб. 806–808; № 26. Стлб. 837–841; № 27. Стлб. 871–874; № 28. Стлб. 899–903.
10. *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы: вторая половина XIX века. М., 2006.
11. *Сухова Н.Ю.* Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России (XIX — начала XX века). М., 2007. С. 172–216.
12. *Сухова Н.Ю.* Представители духовной школы в Русском археологическом институте в Константинополе // Научные проблемы гуманитарных исследований. Научно-теоретический журнал. 2009. Вып. 10 (2). С. 105–111.
13. *Сухова Н.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе // Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России (XIX – начала XX века). М., 2007. С. 216.

14. *Сухова Н.Ю.* Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века. Диссертация на соискание учебной степени магистра богословия. М., 2005.
15. *Сухова Н.Ю.* Студенты высшей духовной школы — научный поиск и церковный порыв // Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России (XIX — начала XX века). М., 2007. С. 284.
16. *Тарасова В.А.* Духовные академии в России в конце XIX – нач. XX в. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. М., 2002.
17. *Тарасова В.А.* Высшая духовная школа России в конце XIX — начале XX века. М., 2005.
18. *Трохимовский А.Ю.* Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. М., 2007.
19. *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 62–63.

Д.А. Карпук

ИСТОРИЯ КАФЕДРЫ ГОМИЛЕТИКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

В статье представлена краткая история кафедры гомилетики в Санкт-Петербургской духовной академии во второй половине XIX – начале XX вв. Развитие данной богословской дисциплины было сопряжено с целым рядом трудностей, о которых сказано в представленном исследовании. В течение полувека — с 1869 по 1918 гг. — гомилетику в столичной высшей богословской школе поочередно преподавали Н.И. Барсов, Н.К. Никольский, И.Е. Евсеев, иеромонах Вениамин (Федченков) и Н.А. Коновалов. Каждый из названных профессоров внес свой посильный вклад в развитие занимаемой им кафедры.

Ключевые слова: церковное красноречие, гомилетика, Санкт-Петербургская духовная академия, богословская наука, духовное образование, Н.И. Барсов, Н.К. Никольский, И.Е. Евсеев, иеромонах Вениамин (Федченков), Н.А. Коновалов.

История кафедры гомилетики, впрочем, как и всех других кафедр в Санкт-Петербургской духовной академии, еще не написана. Работы историка столичной дореволюционной высшей богословской школы И.А. Чистовича только приоткрывают завесу, но не раскрывают внутренние перипетии, а главное — достижения и наработки профессоров, сотрудников и студентов академии в разных сферах научного богословского знания.

В данной обзорной статье по истории кафедры церковного красноречия или гомилетики привлечены исключительно опубликованные материалы. Наибольший интерес и ценность представляют Журналы заседаний совета Санкт-Петербургской духовной академии (далее — ЖЗС СПбДА), ежегодные годовые отчеты о деятельности академии, а также многочисленные статьи на страницах двух академических журналов «Христианского чтения» (далее — ХЧ) и «Церковного вестника» (далее — ЦВ).

В период проектирования первого академического устава в начале XIX века гомилетика, естественно, была включена в класс богословских дисциплин.

Дмитрий Андреевич Карпук — кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии (dimand3@yandex.ru).

Тогдашняя программа, впрочем, как и конспект по всему циклу богословских дисциплин первоначально были составлены и разработаны еще первым ректором столичной академии архимандритом Евграфом (Музалевским)¹.

Вплоть до середины столетия такой предмет как гомилетика переживал период становления, т.е. определения своих целей, задач, особенностей, отличий от других дисциплин, таких как богословие и словесность.

Академическим уставом 1869 г. новообразованная кафедра гомилетики и истории проповедничества в церкви Православной и на Западе была включена в состав предметов церковно-практического отделения². Согласно уставу 1884 г. была образована кафедра, которая включала в себя пастырское богословие, педагогику, гомилетiku и историю проповедничества. Для преподавания данных предметов согласно штату назначалось два преподавателя³. Один из них должен был преподавать пастырское богословие и педагогику, второй — гомилетiku и историю проповедничества.

Устав 1910–1911 гг. объединял гомилетiku с пастырским богословием и аскетикой, но уже при одном преподавателе и «десяти лекционных часах, из которых пять назначается на пастырское богословие, с аскетикой, в один год и пять на гомилетiku в другой год»⁴. Кроме того в последнем дореволюционном академическом уставе отдельно проговаривалось о роде занятий профессора по кафедре гомилетики: «По кафедре пастырского богословия и гомилетики, кроме изучения и разбора важнейших патрологических и гомилетических произведений, преподаватель руководит студентов в практическом проповедывании, в особенности приучает их к хорошему произнесению проповедей, упражняет их в сказывании заранее приготовленных проповедей на память и в произнесении экспромтов»⁵.

Историк Санкт-Петербургской духовной академии профессор И.А. Чистович в своем первом томе по истории столичной академии отмечает, что гомилетика для первого курса (1809–1814 гг.) читалась по западным учебным пособиям: «1) Buddei, Institutiones theologiae homileticae; 2) Telleri, Institutiones

¹ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 188.

² Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. С. 552.

³ См.: Устав и штат православных духовных академий, высочайше утвержденный 20 апреля 1884 года. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884.

⁴ Устав православных духовных академий. СПб.: Синодальная типография, 1912. С. 35.

⁵ Там же. С. 47.

ets.»⁶. Кроме того на занятиях предполагалось аналитическое чтение творений св. отцов и составление проповедей. Надо отдать должное, в скором времени после открытия академии в 1809 г. проповедническому служению было уделено пристальное внимание. Как результат, студенты первых курсов очень тщательно подходили к делу составления своих проповедей. В результате с 1817 г. в течение нескольких лет при академии издаются сборники с проповедями («Некоторые опыты упражнений воспитанников Санкт-Петербургской духовной академии»). Эти «Опыты» предшествовали изданию первому в истории церковной журналистики академическому периодическому журналу «Христианское чтение», первый номер которого вышел в 1821 г.⁷ По словам еще одного историка СПбДА, её библиотекаря А.С. Родосского, «“Опыты” эти существовали в течение нескольких первых курсов и теперь остаются прекрасными памятниками личных высоких дарований студентов, их воззрений и направления, их серьезных занятий и важных успехов в изучении и познании специально-богословских наук»⁸.

В период с 1817 по 1824 гг. «собеседовательное богословие», т.е. гомилетику, впрочем, как и словесность преподавал профессор Иванов⁹. До него считалось, что церковное красноречие примыкает, с одной стороны, к богословским наукам, с другой — к словесности. Все это сказывалось на методике преподавания. На занятиях уделялось большое внимание, во-первых, образцам красноречия в Св. Писании, святоотеческих творениях и у новейших проповедников. Во-вторых, изучались правила составления слов и произнесения речей, заимствованных из традиционного для того времени ораторского искусства. Это направление в преподавании было изменено профессором Ивановым: «Техническая сторона изобретения, расположения и произнесения получила значение подчиненное, а главное — внутреннее совершенство или внутренний характер духовного поучения и внешнее приличие его, или сообразность с обстоятельствами места, времени и лиц, как поучающих, так и слушающих»¹⁰.

Следующим преподавателем гомилетики стал бакалавр греческого языка *Ксенофонт Иоаннович Делекторский (?–1842)*, впоследствии — протоиерей и

⁶ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии... С. 190.

⁷ Карпук Д.А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» // ХЧ. 2011. № 6 (41). С. 44.

⁸ Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. XXXV.

⁹ Установить имя, отчество и годы жизни не удалось.

¹⁰ Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии... С. 290.

профессор академии. Прослужил в академии до 1835 г. Будучи сам выдающимся столичным проповедником, он много внимания уделял данному предмету в духовной школе. По мнению современников особая его заслуга заключалась в том, что «он своим критическим отношением к ложному красноречию из цветистых фраз и фигурных оборотов “отучал студентов от глупого, напыщенного семинарского слога и развивал в них литературный вкус”»¹¹.

Преемником Делекторского стал *Дмитрий Феодорович Вознесенский* (1808–1852). Несмотря на то, что кафедру церковного красноречия он возглавлял вплоть до 1852 г., серьезных исследований по этому предмету не оставил. В своей научно-исследовательской деятельности Вознесенский больше внимания уделял академическому журналу «Христианское чтение» и изданию перевода на русский язык творений святителя Иоанна Златоустого¹².

После него вплоть до 1856 г. церковное красноречие преподавал *Павел Васильевич Лебедев* (?–1881). Любопытно, что свое выпускное магистерское сочинение он написал на тему «План гомиластики и краткое изложение особенно важных ее частей, сделанное на основании замечаний слова Божия и отцев Церкви касательно церковного проповедничества»¹³.

Далее на кафедру был переведен бакалавр греческого языка магистр *Иоанн Алексеевич Вознесенский* (?–1881). Однако в том же году, т.е. в 1857 г. он уже был рукоположен к посольской церкви в Копенгагене¹⁴.

В 1857 г. кафедру гомиластики занял *Алексей Иоаннович Парвов* (1834–1897), преподавший в академии в это время одновременно и введение в богословие. В 1859 г. был переведен на кафедру церковного законоведения. Впоследствии, в 1883 г. Парвов в сане протоиерея был назначен председателем Учебного комитета при Св. Синоде¹⁵.

В 1859 г. эстафету перехватил преподаватель Новгородской, по другим источникам — Нижегородской семинарии¹⁶ *Феодор Сергеевич Надеждин* (?–1866), скончавшийся в 1866 г. Дальше, вплоть до принятия и введения академического устава 1869 г., Чистович не приводит никаких сведений о преподавателях гомиластики.

¹¹ *Родосский А.С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С. 131.

¹² Там же. С. 83.

¹³ Там же. С. 233.

¹⁴ Там же. С. 84.

¹⁵ Там же. С. 351.

¹⁶ Там же. С. 289; *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889. С. 51.

С момента принятия нового устава ситуация в сфере преподавания не только гомилетики, но и всех остальных богословских дисциплин стабилизируется. Теперь избираемые и назначаемые профессора занимают кафедры, как правило, длительное время — до 25 и более лет. Такая ситуация, естественно, должна была самым благоприятным образом сказаться на качественном развитии каждой из богословских наук в отдельности.

Профессор Николай Иванович Барсов (1839–1903)

Согласно новому академическому уставу 1869 г. гомилетика была объединена вместе с пастырским богословием в одну кафедру. Преподавателем этих дисциплин в звании доцента в том же году был назначен наставник Санкт-Петербургской духовной семинарии Николай Иванович Барсов, выпускник столичной академии 1863 г. В отличие от своих многочисленных предшественников новый преподаватель занимал кафедру в течение целых 20-ти лет и за этот срок сделал очень много для того, чтобы вывести свою дисциплину на серьезный научный уровень. Это тем более важно, во-первых, потому, что данный предмет в рассматриваемый период был очень слабо разработан. Во-вторых, к этому времени среди современников, как преподавателей, так и студентов духовных академий, к гомилетике как научной дисциплине сформировалось устойчивое пренебрежительное отношение¹⁷.

Н.И. Барсов родился 21 апреля 1839 г. в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии в семье священника. Происхождение из духовного сословия «предопределило» его образовательную стезю. После окончания духовного училища он закончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию в 1859 г. Как один из лучших выпускников поступил в столичную духовную академию, где ректором в это время был архимандрит Феофан (Говоров), будущий святитель и Вышенский затворник. Академию Николай Иванович закончил в 1863 г., защитив магистерскую диссертацию на тему «Братья Андрей и Семен Денисовы: Их жизнь и значение в истории раскола». Позже часть работы была опубликована¹⁸, а интерес к вопросу о старообрядчестве Николай Иванович пронес через всю свою преподавательскую и научно-исследовательскую жизнь. Так, в 1876 г. в академическом журнале «Христианское чтение» Барсов опубликовал

¹⁷См.: *Богородский Я.А.* Митрополит Антоний (Вадковский) в казанский период его жизни и деятельности // *Православный собеседник.* 1913. № 2. С. 264.

¹⁸*Барсов Н.И.* Братья Андрей и Семен Денисовы: Эпизод из истории русского раскола. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1866. [2], 162 с.

статью «Спорные вопросы из первоначальной истории беспоповщины»¹⁹, а в 1894 г., уже после своего ухода из академии, в том же журнале в свет вышла еще одна публикация «Раскольниковья литература новейшего времени»²⁰.

После окончания академии третьим по списку Николаю Ивановичу было предложена кафедра гомилетики в Московской духовной академии. Однако Барсов отказался от назначения, рассчитывая получить место в родной академии. Его же товарищ по курсу, Александр Львович Катанский, который окончил академию вторым по списку, от подобного же предложения отказываться не стал и с 1863 по 1867 гг. занимал в Московской духовной академии кафедру церковной словесности и церковной археологии. Причем любопытно, что в своей преподавательской деятельности Катанский больше внимания уделял церковной археологии и меньше именно церковной словесности, т.е. гомилетике. В 1867 г. Катанский был переведен в *alma mater*, где вплоть до 1896 г. преподавал догматическое богословие²¹. Кстати, первым академический курс 1863 г. окончил Т.В. Барсов, ставший профессором столичной академии по кафедре канонического права²².

Н.И. Барсов с 18 сентября 1863 г. был назначен преподавателем словесности в родной ему Санкт-Петербургской семинарии, с 1864 г. он еще одновременно являлся учителем словесности в Мариинской и Рождественской женских гимназиях Санкт-Петербурга. Освоив и изучив на практике методы преподавания словесности в светских учебных заведениях, Барсов составил довольно подробную программу семинарского курса теории и истории словесности.

В 1869 г. Барсов, наконец, был приглашен в СПбДА доцентом по кафедре пастырского богословия и гомилетики. В 1871 г. он уже экстраординарный, а с 1887 г. — ординарный профессор. В годы своей преподавательской деятельности Николай Иванович не только читал лекции по гомилетике, многочисленные литографии которых сохранились до настоящего времени²³, но и издал целый

¹⁹ Барсов Н.И. Спорные вопросы из первоначальной истории беспоповщины // Христианское чтение. 1876. № 11–12. С. 693–711.

²⁰ Барсов Н.И. Раскольниковья литература новейшего времени // Христианское чтение. 1894. № 5–6. С. 487–515.

²¹ Берташ А., свящ., Картук Д.А. Катанский Александр Львович // Православная энциклопедия. Т. XXXI. Каракалла — Катехизация. М.: Церковный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 677.

²² См.: Римский С.В. Барсов Т.В. // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 358–360.

²³ В Российской национальной библиотеке сохранились следующие курсы: Барсов Н.И. Конспект лекций по кафедре гомилетики, преподаваемых студентам 1-го курса церковно-

ряд сочинений по своей дисциплине: в 1885 г. вышла книга «История перво-бытной христианской проповеди», в 1886 г. — «Спорные вопросы по истории первобытной христианской проповеди», в 1889-1895 гг. — 3 выпуска «Очерков из истории христианской проповеди». Отдельные статьи были посвящены проповеднической деятельности свт. Григория Богослова²⁴, свт. Григория Нисского²⁵, прп. Ефрема Сирина²⁶. Не обходил стороной Барсов и своих современников — митрополита Филарета (Дроздова)²⁷, архиепископа Херсонского Иннокентия (Борисова)²⁸, епископа Смоленского Иоанна (Соколова)²⁹ и др. Кроме того, сохранились лекции Барсова по патристике³⁰.

Лекции Н.И. Барсова по гомилетике, как уже отмечалось выше, неоднократно выходили в виде литографированных изданий. Из этих лекций, которые все еще ждут своего исследователя, следует, что важнейшей чертой проповеди Барсов считал актуальность темы, которая не должна находиться в стороне от злободневных общественных проблем. Критически относившийся к западному

практического отделения С.-Петербургской духовной академии в течение 1873/4 академического года. СПб., 1874. 15 с.; *Он же*. Конспект лекций по истории русского проповедничества, читанных в течение 1873/4 академического года студентам II-го и III-го курсов церковно-практического отделения С.-Петербургской дух. академии. СПб.: Лит. Траншель, 1874. 26 с.; *Он же*. Конспект лекций по пастырскому богословию и гомилетике, преподанных студентам церковно-практического отделения С.-Петербургской духовной академии экстраординарным профессором Н.И. Барсовым. СПб.: Лит. А. Траншеля, 1878. 158 с.; *Он же*. Лекции по гомилетике, читанные студентам С.П.Б. духовной академии в 1885/6 учебном году экстраординарным профессором Н.И. Барсовым. СПб.: Лит. С.Ф. Яздовского, 1886. [2], 339 с.; *Он же*. Лекции по истории проповедничества и гомилетике 1886/7 уч. года: Чит. в С.-Петерб. духов. акад. СПб.: типо-лит. Яздовского, 1886. 311 с.; *Он же*. Конспект лекций по гомилетике, читанных студентам III курса СПб духовной академии в 1887/8 гг. проф. Н.И. Барсовым. СПб.: Лит. Яздовского, 1888. 80 с.; *Он же*. Лекции по православной христианской гомилетике Н.И. Барсова. 1888/9 уч. г. СПб., 1889. 321 с.

²⁴ *Барсов Н.И.* Св. Григорий Богослов как проповедник. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1886. 46, [1] с.

²⁵ *Барсов Н.И.* Св. Григорий Нисский как проповедник. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1887. 37 с.

²⁶ *Барсов Н.И.* Св. Ефрем Сирин как проповедник. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1886. 40 с.

²⁷ *Барсов Н.И.* Взгляд на жизнь и деятельность московского митрополита Филарета: (По случаю столетия дня его рождения). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1883. 10 с.

²⁸ *Барсов Н.И.* Материалы для биографии Иннокентия Борисова, архиепископа Херсонского и Таврического: Вып. 1–2. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884–1888. 2 т.

²⁹ *Барсов Н.И.* Преосвященный Иоанн, епископ Смоленский, как проповедник: «Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского, сказанные смоленской пастве». Смоленск. 1871 г. СПб., 1872. 21 с.

³⁰ *Барсов Н.И.* Лекции по патристике. СПб.: Типо-лит. Яздовского, 1887. [2], 350 с.

христианству и симпатизировавший славянофилам, Николай Иванович, тем не менее, советовал священникам не пренебрегать гомилетическим опытом, накопленным в инославии, «потому что на Западе проповедь составляет более могучую силу, чем у нас»³¹.

Н.И. Барсов в своих взглядах на проповедничество, выраженных в печатных трудах и академических лекциях, по мнению некоторых исследователей, придерживался той точки зрения, что существо проповедничества надо видеть в благодати Божией, даруемой пастырю при его рукоположении. Поэтому каждое проповедническое выступление надо считать голосом этой действующей в нем благодати³². Такой взгляд, согласно которому проповедь является частью богослужения, одной из функций благодатной жизни Церкви, не нашёл поддержки в отечественной гомилетической литературе³³.

Как и многие его коллеги, Барсов в годы своей преподавательской деятельности выполнял много других поручений академического начальства и Св. Синода. Так, с 1874 г. Николай Иванович являлся членом учрежденной при Св. Синоде комиссии для разбора и описания дел архива Синода. В 1877 г. Барсов работал в комиссии по описанию рукописей библиотек Кириллова Белозерского монастыря и СПбДА, был занят проверкой и исправлением каталога Софийской библиотеки. В 1884 г. участвовал в комиссии по пересмотру и изменению семинарских программ.

Кроме того, Н.И. Барсов публиковал в журналах «Христианское чтение», «Православное обозрение», «Вера и разум», «Странник», «Русская старина», «Исторический вестник» и других периодических изданиях многочисленные статьи по пастырскому богословию, по истории Русской Церкви и старообрядчества, по педагогике и дидактике. Являлся автором многочисленных статей по богословию и истории Церкви в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. Немало материалов он опубликовал в епархиальных и светских периодических изданиях³⁴.

После введения очередного академического устава 1884 г. Н.И. Барсов продолжил преподавание гомилетики совместно с историй проповедничества. В 1887 г. преподавание истории проповедничества принял на себя ректор ака-

³¹ Бовкало А.А. Барсов Н.И. // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 358.

³² Ветелев А., свящ. Гомилетика. Курс академических лекций по теории и практике церковно-православного проповедничества. М.: Загорск, 1949. С. 3, 5.

³³ Там же. С. 5–6.

³⁴ Бовкало А.А. Барсов Н.И. С. 358.

демии епископ Антоний (Вадковский), который уже был известен в церковном научном мире своими трудами по истории церковного проповедничества³⁵.

С введением устава 1884 г. решением совета академии от 17 августа 1884 г. было определено, чтобы студенты всех четырех курсов составляли по одной проповеди в течение учебного года. Предполагалось, что на каждый год будет составляться особое расписание. На каждый праздничный и воскресный день, когда должны были произноситься студенческие проповеди, преподавателю заранее должны были быть представлены четыре проповеди, по одной от каждого курса. Стоит напомнить, что в это время в духовной академии в среднем на курсе училось 60–70 человек. Сроки подачи проповедей строго регламентировались.

Составление расписания и сроков подачи проповедей было поручено профессору гомилетики. Необходимо особо отметить, что оценка за проповедь принималась по значению равной с баллами за семестровые сочинения и включалась в общую сумму баллов по сочинениям. Другими словами, низкая оценка за проповедь могла существенно повлиять на общий средний балл, а ведь именно от среднего балла во многом зависело будущее распределение учащихся и их духовно-учебная карьера.

В 1885/1886 учебном году студентам III и IV курсов были назначены проповеди на воскресные и праздничные дни, начиная с 14 сентября и заканчивая воскресным днем перед 1 мая. Студентам же II и I курсов были определены катехизические поучения на определенные темы согласно программе, составленной Н.И. Барсовым. Студенты III и IV курсов представляли свои проповеди профессору гомилетики за 3 дня до их произнесения. Барсов, в свою очередь, после прочтения, передавал студенческие проповеди (за 1 день до произнесения) ректору академии, который и решал, кто из студентов будет произносить проповедь.

Катехизические поучения студентов I и II курсов представлялись студентами 1 марта наставнику гомилетики, который после их прочтения, представлял их опять же ректору к 1-му мая. Такая практика просуществовала до 25 августа 1888 г., когда определением совета академии за № 5 было постановлено, чтобы студенты IV курса составляли проповеди по особому расписанию на дни вос-

³⁵См.: *Карпук Д.А.* Священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской лавры митрополит Антоний (Вадковский) (1898–1912 гг.). К 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской лавры (1713–2013) и 100-летию со дня кончины митрополита Антония (Вадковского) (1846–1912) // *История Петербурга*. 2013. № 1 (68). С. 76–77.

кресные и праздничные для произнесения в церкви. Студентам же первых трех курсов было назначено написать классные экспромты в присутствии профессора. Для этого в один из дней назначались два лекционных часа с освобождением от других лекций. Каждый курс должен был писать отдельно. Выбор этого самого дня был предоставлен ректору академии по предварительному соглашению с профессором гомиластики³⁶.

Н.И. Барсов оставил службу при академии по болезни 15 августа 1889 г., получив в том же году чин действительного статского советника. Однако вплоть до своей кончины в 1903 г. не переставал заниматься научно-исследовательской и литературной деятельностью, свидетельством чего служат многочисленные труды на страницах периодической печати. Всестороннее исследование и должный анализ многогранной деятельности Николая Ивановича — дело будущего. Человек, который в годы своей активной деятельности состоял действительным членом Императорского русского географического, Киевского церковно-археологического, Императорского русского археологического обществ и почетным членом Санкт-Петербургского археологического института и Ростовского музея церковных древностей³⁷ явно заслуживает научного монографического исследования, а не кратких статей-некрологов более чем вековой давности.

Профессор Николай Константинович Никольский (1863–1936)

После ухода из академии Н.И. Барсова кафедра гомиластики и истории проповедничества, как показала дальнейшая история, потеряла одного из самых преданных и деятельных своих разработчиков. Все последующие преподаватели данной дисциплины являлись скорее «временщиками», первым из которых стал ученый уже в третьем поколении Н.К. Никольский.

Николай Константинович Никольский родился в 1863 г. в Петергофе в семье священника. Его дед по отцовской линии, Тимофей Ферапонтович Никольский (1788–1848), был выпускником первого курса Санкт-Петербургской духовной академии (1809–1814 гг.). После окончания академии он в течение 7 лет преподавал там же логику и психологию. Современники говорили о нем просто: «Муж ума глубокого, характера твердого и учености весьма обширной»³⁸.

³⁶ЖЭС СПбДА за 1898–1899 учебный год. СПб., 1905. С. 30–32.

³⁷Уберский И. Проф. Н.И. Барсов (Некролог) // Церковный вестник. 1903. № 14. Стлб. 442.

³⁸Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. 313.

Дед Н.К. Никольского по материнской линии, Дмитрий Стефанович Вершинский (1798–1858), после окончания Санкт-Петербургской академии в 1825 г., в течение еще практически 10-ти лет преподавал в академии сначала греческий язык, потом философию. За свое почти 10-летнее профессорство им было напечатано в академическом журнале «Христианское чтение» 25 переводов из творений св. отцов и 17 оригинальных статей об отцах и подвижниках Восточной Церкви. Вершинского считали «основателем русской философской терминологии, переводчиком “Логики” Бахмана и “Истории философии” Аста»³⁹. С 1835 по 1848 гг. Вершинский был настоятелем посольской церкви в Париже. Благодаря Дмитрию Стефановичу «русские богословы впервые познакомились с течениями внутри французского католицизма»⁴⁰.

Отец будущего профессора гомилетики, Константин Тимофеевич (1824–1910), также выпускник столичной академии, доктор богословия, хорошо известен своими многочисленными трудами по литургике⁴¹. В такой семье нельзя было не получить серьезного образования, чему самым серьезным образом способствовала также огромная семейная библиотека.

О библиотеке Никольских, которой могла позавидовать любая провинциальная духовная семинария, знакомые и посетители говорили с восторгом: «После протоиерея Сидонского, имевшего громадную до 30 тыс. томов библиотеку, о. Никольский владеет еще большею библиотекою, в которой находится множество редких книг, дорогих изданий и немало ценных рукописей»⁴².

Вот еще одно свидетельство, принадлежащее уже одному из учеников Н.К. Никольского, посетившего однажды квартиру ученого: «Мы вошли в обширную библиотеку. Масса книг, печатных и рукописных, старых и новых, русских и иностранных, заполняет довольно просторную комнату от полу до потолка. <...> Эта большая книжная палата произвела на меня внушительное впечатление. По объяснению Николая Константиновича, его библиотека — плод многолетнего любовного собирания книг тремя поколениями, начиная с деда. Сколько книг в библиотеке — неизвестно, не было тогда и каталогов. Его родственник, студент, пытался в одно время определить приблизительно состав библиотеки в количественном отношении, оказалось, что если бы все полки, на которых

³⁹ Там же. С. 73.

⁴⁰ Смолич И.К. История Русской Православной Церкви. 1700–1917. Часть 1. М., 1996. С. 387.

⁴¹ Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов... С. 311.

⁴² Там же. С. 311.

находятся книги, вытянуть в одну линию, то получилось бы расстояние в полверсты»⁴³.

До 14 лет Николай Константинович обучался дома, далее последовала Санкт-Петербургская духовная семинария, после окончания которой предполагалось поступление в университет. Однако к 1883 г. были введены новые правила поступления семинаристов в высшие учебные заведения, поэтому Н.К. Никольскому пришлось поступать в столичную духовную академию, где он обучался с 1883 по 1887 гг.

В столичной академии на выпускном курсе Никольский кандидатское сочинение написал под руководством профессора по кафедре истории Русской Православной Церкви протоиерея Павла Николаевского. Тема диссертации была следующей: «История Кирилло-Белозерского монастыря после кончины преподобного Кирилла (по рукописям академической библиотеки)». Учитывая то обстоятельство, что работа была написана на высоком научном уровне, а также тот факт, что успехи Никольского позволили ему окончить академию первым по списку (из 68-ми выпускников-однокурсников), молодой перспективный ученый постановлением совета академии от 13 июня 1887 г. был оставлен на один год — до августа 1888 г. — в качестве профессорского стипендиата. Предметом занятий Никольского в течение стипендиатского года стала история Русской Церкви в синодальный период.

В мае 1889 г. профессор гомилетики Барсов ушел в отставку. Ректор академии епископ Антоний (Вадковский), с 1885 г. также преподававший историю проповедничества, предложил именно Н.К. Никольскому занять академическую кафедру. В письме от 28 августа 1889 г. он писал Николаю Константиновичу: «В ближайшем заседании Совета я имею намерение предложить Вас в качестве кандидата на вакансию преподавателя гомилетики в академии. Надеюсь, что от академической кафедры отказываться не будете, и о Вашем согласии прошу Вас уведомить меня не позже 30 авг[уста]. Мне это нужно сообщить совету»⁴⁴.

Н.К. Никольский отказываться не стал. 11 и 15 сентября 1889 г. он прочитал в присутствии членов совета пробные лекции. Тема первой лекции была

⁴³Зарубин Н.Н. Характеристика ученых трудов академика Никольского и их значение для научного построения истории древнерусской литературы и истории русского языка (СПФ АРАН. Ф. 77. Оп. 7. Д. 160. Л.1-1об.). Цит. по: Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2010. С. 43–44.

⁴⁴СПФ АРАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 127. Л. 3. Цит. по: Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2010. С. 62.

избрана лектором самостоятельно и звучала следующим образом: «Обзор литературы по истории русского проповедничества». Тема второй лекции была определена советом академии: «О беседах Оригена и их значении в истории христианской проповеди»⁴⁵. 16 сентября Никольский в звании исполняющего должность доцента был утвержден в качестве преподавателя гомилетики и истории проповедничества.

Уже через два года, в августе 1891 г., у Никольского появилась возможность перейти на другую, более «авторитетную» кафедру гражданской истории России (после кончины профессора М.О. Кояловича). Предложение сменить кафедру поступило от научного руководителя Никольского профессора протоиерея Павла Николаевского, который сообщал Николаю Константиновичу в письме от 31 августа 1891 г.: «Глубокоуважаемый Николай Константинович! Сейчас я вернулся с заседаний совета академии; между прочим — на заседании предложено было войти в рассуждение о кандидатуре на место М.О. Кояловича и на следующем собрании совета указать этих кандидатов. У меня явилась (и у некоторых наставников также) мысль — не пожелаете ли Вы перейти со своей кафедры на кафедру по русской гражданской истории: предмет этот — по моему мнению — для Вас более по душе и не так обширен и разбросан, как гомилетика с историей проповедничества, и для Вас также знаком. Обдумайте и — может быть — Вы согласитесь преподавать русскую гражданскую историю. Завтра молебен в академии перед началом учения; мы увидимся и Вы выскажете свое мнение по предлагаемому вопросу. Официально — открыто в совете ни Ваше, ничье имя не было упомянуто. Я пишу Вам от себя к сведению»⁴⁶. Никольский вынужден был отказаться от такого весьма лестного предложения, сославшись на отсутствие необходимых знаний для занятия столь серьезной кафедры.

В 1893 г. Никольский защитил диссертацию и был утвержден в степени магистра богословия за сочинение «О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века». В 1899 г. состоялась защита и утверждение в степени доктора церковной истории за первый том фундаментального исследования на тему «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века». В 1893 г. Никольский был утвержден в звании доцента, в 1898 г. — экстраординарного, а в 1899 г. — ординарного профессора СПбДА.

⁴⁵ ЖЗС СПбДА за 1889–1890 уч. год. СПб., 1894. С. 71.

⁴⁶ Цит. по: *Крапошина Н.В.* Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2010. С.64.

С 1900 г. Никольский стал членом-корреспондентом Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности, а с 1916 г., уже после ухода из духовной академии, — ординарным академиком.

Первоначально лекции по гомилетике и истории проповедничества читались в течение только одного учебного года. Однако на заседании совета академии 13 сентября 1896 г. было определено распределить с 1896/1897 учебного года чтение лекций по данному предмету на два года для студентов III и IV курсов. Решение было принято после обращения доцента Н.К. Никольского, который в своем прошении отмечал, что программа по гомилетике, одобренная советом академии, была настолько широкой, что не могла быть реализована в течение одного года даже в том случае, если предьявлять к преподаванию только семинарские требования⁴⁷.

Таким образом, в конце XIX и начале XX вв. лекции по гомилетике и истории проповедничества Н.К. Никольский читал уже в течение двух лет. На первый год приходилась, как правило, история греческого проповедничества в период святоотеческий и история древнерусской проповеди до конца XIII в. В период второго года обучения излагалась история северно-русского проповедничества до XVIII века и история южнорусской проповеди до конца XVII столетия⁴⁸.

В течение нескольких учебных лет Н.К. Никольский не читал лекции из-за продолжительных научных командировок.

Так, 18 октября 1899 г. на заседании совета академии было рассмотрено письмо на имя столичного митрополита Антония (Вадковского) от президента Императорской академии наук великого князя Константина Константиновича. В письме сообщалось, что Н.К. Никольский составлял по поручению отделения русского языка и словесности Императорской академии наук «Повременный список русских авторов и их сочинений с XI по XIV в.». Великий князь ходатайствовал о предоставлении Никольскому командировки сроком на один год с 1 ноября для занятий в разных библиотеках и архивах России.

Резолюция митрополита была положительной и в ней, кроме всего, отмечалось: «Так как большая часть рукописных материалов, в которых предсто-

⁴⁷ЖЗС СПбДА за 1896–1897 уч. год. СПб., 1897. С. 20.

⁴⁸Отчет о состоянии СПбДА за 1899 г. // ХЧ. 1900. Ч. 1. С. 503; Отчет о состоянии СПбДА за 1901 г. // ХЧ. 1902. Ч. 1. С. 368; Отчет о состоянии СПбДА за 1902 г. // ХЧ. 1903. Ч. 1. С. 504; Отчет о состоянии СПбДА за 1903 г. СПб., 1904. С. 23; Отчет о состоянии СПбДА за 1904 г. СПб., 1905. С. 25.

ит надобность для означенного издания, находится в разных книгохранилищах вне Петербурга, преимущественно же в Москве, то необходимо предоставить профессору Никольскому командировку в Москву и другие города, сроком на один год, для занятий в разных библиотеках и архивах». Однако для того, чтобы учебный процесс не был сильно нарушен длительным отсутствием профессора, митрополит, в прошлом сам ректор академии, предложил: «1) проповеди и курсовые сочинения студентов, а также диссертации на высшие ученые степени, каковые Советом академии или мною будет поручено рассмотреть профессору Никольскому посылать ему по месту его пребывания во время командировки, и 2) предложить ему, по окончании срока командировки, расположить свои лекции по предмету гомилетики и истории проповедничества таким образом, чтобы опущенное в текущем году по возможности было в следующем году»⁴⁹. В итоге данная научная командировка состоялась, и её результаты оказались вполне удовлетворительными.

Однако отчитался Никольский о результатах своей первой продолжительной научной поездки перед членами совета академии только в апреле 1904 г., когда испрашивал разрешение на следующую уже командировку. По поводу результатов своей первой научной экспедиции Николай Константинович отмечал, что они превзошли все ожидания. Сведения о списках, относящихся к памятникам за один только XI век, после первичной обработки должны были занять около 40 печатных листов. Кроме того, во время поездки Никольскому удалось найти свыше 60 неизвестных до этого памятников русской письменности (XI–XII вв.)⁵⁰.

Испрашивая разрешения на новую поездку, Никольский свою аргументацию излагал следующим образом: «Поставленный в необходимость для потребностей академического преподавания изучать историю древнерусского проповедничества по первоисточникам, разбросанным в разных рукописных книгохранилищах, я еще в 90-х годах минувшего столетия пришел к мысли о необходимости приступить к собиранию и изданию материалов для полного собрания русских сочинений допетровского времени, принадлежащих в главном своем объеме к разряду памятников церковноучительной богослужебной письменности. Тогда же мною были начаты подготовительные работы для осуществления этого предприятия, которые продолжаются мною и до сих пор. Почти одновременно мысль о необходимости издания полного собрания русских авторов

⁴⁹ ЖЭС СПбДА за 1899–1900 уч. г. СПб., 1902. С. 78.

⁵⁰ ЖЭС СПбДА за 1903–1904 уч. г. СПб., 1904. С. 143.

возникла и среди Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, которое воспользовалось моим предложением собрать сведения о списках, необходимых для предполагавшегося издания»⁵¹.

Конечно, слова о том, что поиск источников велся ради развития предмета гомиластики и истории проповедничества не должен вводить в заблуждение. Вся предшествующая и последующая деятельность свидетельствуют, что древнерусская письменность была интересна Николаю Константиновичу сама по себе, вне связи с тем предметом, который он вынужден был преподавать больше десяти лет.

Командировка профессору Никольскому была разрешена указом Св. Синода от 19 мая 1904 г.⁵² на один год — с 1 сентября 1904 г. по 1 сентября 1905 г. Как и во время первой командировки, Николаю Константиновичу было предложено читать и проверять студенческие проповеди и ученые диссертации, если последние будут ему поручены советом академии с составлением отчета после командировки⁵³.

Таким образом, в течение всего 1904–1905 учебного года лекции по гомиластике в столичной академии не читались. Не было лекций по данному предмету и в первом семестре 1905–1906 учебного года в связи с революционными событиями, которые затронули в том числе и духовную школу. Кроме того, в 1905 г. из академии ушел исполняющий должность доцента по кафедре Русской церковной истории А.В. Карташев. Поэтому осенью того же года Никольскому пришлось участвовать в событиях, связанных с успокоением студенческого выступления и в выборах нового преподавателя на кафедру по истории Русской Православной Церкви. История столичной академии в годы Первой русской революции, впрочем как и история кафедры русской церковной истории в СПбДА заслуживает отдельного внимания и изучения. Что касается выборов на вакантную кафедру истории Русской Церкви, то итог масштабных дискуссий и жарких споров был несколько неожиданным. Совет академии единогласно постановил перевести на кафедру Русской церковной истории с кафедры гомиластики и истории проповедничества Николая Константиновича Никольского.

Указом Св. Синода от 30 января 1906 г. это перемещение профессора Н.К. Никольского на кафедру Русской церковной истории было утверждено. При этом совет академии Никольскому определил завершить чтение лекций в

⁵¹ Там же. С. 142.

⁵² Там же. С. 155.

⁵³ Там же. С. 142–144.

1906/1907 учебном году по гомилетике на шестой неделе Великого поста, а также провести экзамен после Пасхи⁵⁴.

В 1909 г. Никольский вынужден был покинуть духовную академию. С этого времени он состоял профессором в Психоневрологическом институте и приват-доцентом в Санкт-Петербургском университете. Был избран от православных членом Академии наук членом Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 1918–1924 гг. работал директором Историко-библиографического музея древней славяно-русской книжности. С 1920 по июль 1925 г. являлся директором Библиотеки академии наук. С марта 1928 г. — председатель возрождённой Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы. Скончался почтенный учёный в 1936 г.

Наследие Николая Константиновича Никольского в настоящее время интенсивно изучается, архивные материалы, связанные с его именем активно вводятся в научный оборот. Во многом это обусловлено тем, что он трудился как на церковном, так и на светском научно-исследовательском поприще, в частности, в Академии наук.

Профессор Иван Евсеевич Евсеев (1868–1921)

К началу 1906–1907 учебного года после ухода Н.К. Никольского на кафедру Русской церковной истории кафедра гомилетики по-прежнему оставалась вакантной. На заседании совета 2 октября 1906 г. ректор академии епископ Сергей (Тихомиров) поставил вопрос о её замещении. Примечательно, что на том же академическом заседании был поставлен вопрос о замещении еще двух вакантных кафедр:

- 1) по пастырскому богословию и педагогике,
- 2) по теории словесности и истории иностранных литератур.

На кафедру гомилетики и истории проповедничества были предложены две кандидатуры: помощника инспектора Санкт-Петербургской духовной семинарии, бывшего профессорского стипендиата Анатолия Семеновича Судакова⁵⁵ и инспектора Орловской духовной семинарии доктора богословия Ива-

⁵⁴ ЖЭС СПбДА за 1905–1906 уч. г. СПб., 1906. С. 207–209.

⁵⁵ А.Е. Судаков окончил СПбДА в 1902 г., защитив диссертацию по кафедре гомилетики. См.: *Никольский Н.К.* Отзыв о сочинении студента Анатолия Судакова на тему «Богослужбные чтения святоотеческих творений в древней Руси и их значение в истории русской духовной литературы» // ЖЭС СПбДА за 1901–1902 учебный год. СПб., 1902. С. 392–393.

на Евсеевича Евсеева⁵⁶. На кафедру пастырского богословия было предложено три кандидата, на кафедру словесности — два.

После доклада ректора о вакантных кафедрах и кандидатах профессор И.С. Пальмов выступил с особым заявлением. Отметив особые научные заслуги Евсеева, выпускника СПбДА 1893 г., хорошо известного членам академической корпорации по недавней докторской своей защите, Пальмов обратился ко всем присутствующим со следующим предложением: «Выдающаяся научная работоспособность автора не только дает мне право, но и налагает на меня, как члена совета, долг рекомендовать его особливому вниманию своих светских коллег. Не благоугодно ли совету теперь, когда имеются в академии три вакантных кафедры, какую-либо одну из них предложить И.Е. Евсееву, согласно его компетентному выбору и желанию? Не лишне при этом заметить, что предлагаемый мною на одну из вакантных академических кафедр кандидат, как вполне определившийся ученый, не случайно, конечно, может указать нам и свою склонность к той или другой академической кафедре. А лично я все-таки полагаю, что специальная область его научных занятий соприкасается с вакантной в настоящее время кафедрой гомилетики и истории проповедничества, где обзор древнеславянской церковной письменности занимает далеко не последнее место, а в этом отношении ученая компетенция И.Е. Евсеева не подлежит спору»⁵⁷. Пальмова поддержали профессор П.Н. Жукович, И.Г. Троицкий и протоиерей Александр Рождественский. Дело было перенесено для окончательного рассмотрения в самое ближайшее время после соответствующих письменных обращений к кандидатам.

Вопрос был снова рассмотрен на заседании совета, которое состоялось 23 октября того же 1906 г. К этому времени была получена от Евсеева телеграмма следующего содержания: «Я согласен баллотироваться с Судаковым»⁵⁸. Другими словами, как и предполагал профессор Пальмов, Евсеев из трех вакантных кафедр выбрал кафедру гомилетики. Что же касается другого кандидата Судакова, то он не был готов конкурировать с таким маститым оппонентом и обратился к ректору с письмом, в котором, в частности, отмечал: «Честь имею заявить, что я не нахожу себя достаточно подготовленным к занятию этой кафедры и в виду того не считаю удобным ставить свою кандидатуру на ряду с такими более достойными и уже известными в науке лицами, как И.Е. Евсеев.

⁵⁶ЖЭС СПбДА за 1906–1907 учебный год. СПб., 1907. С. 8.

⁵⁷Там же. С. 9.

⁵⁸Там же. С. 35.

В том случае я мог бы поставить свою кандидатуру, если бы совет академии, не имея другого более подготовленного кандидата, дал мне возможность, в течение настоящего года подготовиться к чтению лекций»⁵⁹.

Такое заявление Судакова выглядит отчасти несколько необычным, если обратить внимание на его вторую часть. Если бы Евсеев, например, выбрал другую кафедру, например, словесности, то кандидатура Судакова оставалась бы единственной и тогда его могли бы избрать. Однако Анатолий Семенович просит еще год на подготовку. Это тем более странно, что, во-первых, кандидатскую диссертацию на тему «Богослужebные чтения святоотеческих творений в древней Руси и их значение в истории русской духовной литературы» Судаков писал именно по кафедре гомилетики под руководством профессора Н.К. Никольского. Работа, объем которой составил 438 страниц, была написана на очень высоком уровне. Это особо было отмечено в отзыве научного руководителя: «В виду неразработанности вопроса, разбросанности материала, обширности темы и сложности изысканий как в истории богослужения на Руси, так и в истории русской письменности — нельзя, конечно, было и надеяться, что тема сочинения г. Судакова будет исчерпана им вполне в течение годичного срока. Но то, что сделано им, представляет собою весьма прочное начало давно необходимой в нашей науке работы, так как выполнено последовательно и целесообразно, несмотря на кропотливые изыскания, которые предстояло автору сделать по пути к общим наблюдениям»⁶⁰. Итоговое суждение Никольского о диссертации было сведено к тому, что Судаков был достоин не только научной степени, но и особого внимания совета. Действительно, за свою диссертацию в следующем учебном году Судаков был удостоен студенческой премии действительного статского советника Иванова в размере 150 рублей⁶¹. Во-вторых, Судаков окончил академический курс первым по списку и был оставлен на целый год при академии в качестве профессорского стипендиата именно по кафедре гомилетики и истории проповедничества. После всего этого, казалось, более подходящую кандидатуру вряд ли можно было найти.

Отказ Судакова баллотироваться на кафедру сделал Евсеева единственным кандидатом для её замещения. Вместе с тем, на заседании академического совета Пальмов все-таки еще раз представил кандидатуру Евсеева. Кандидатуру же Судакова представлял и по-прежнему отстаивал Н.К. Никольский. После

⁵⁹ Там же. С. 35.

⁶⁰ Никольский Н.К. Отзыв о сочинении студента Анатолия Судакова... С. 393.

⁶¹ Отчет о состоянии СПбДА за 1902 г. // ХЧ. 1903. Ч.1. С. 516.

прошедшего обсуждения через подачу записок закрытым голосованием состоялись выборы. На кафедру гомилетики Евсеев все-таки был избран, хотя и не без определенных сложностей. За его кандидатуру проголосовало 13 членов совета, против — 8⁶². Утверждение на кафедре в должности доцента состоялось 3 ноября 1906 г.

Евсеев к моменту занятия кафедры в академии, действительно, был уже хорошо известен в научном мире своими серьезными исследовательскими работами. Родился Иван Евсеевич 9 августа 1868 г. в селе Каменка Порховского уезда Псковской губернии в крестьянской семье. В Пскове окончил духовное училище и семинарию. Поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1893 г. 18-м по списку со степенью кандидата богословия за сочинение «Лукиановская рецензия LXX в славянском переводе». Какое-то время работал в академической библиотеке помощником библиотекаря. Через четыре года по окончании академии защитил магистерскую диссертацию на тему «Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. В двух частях. Часть первая. Славянский перевод книги пророка Исаии по рукописям XII–XIV вв. Часть вторая. Греческий оригинал славянского перевода книги пророка Исаии. (СПб., 1897)»⁶³. После этого в 1898 г. был назначен смотрителем Московского Заиконоспасского училища, в 1902 г. — инспектором Подольской, а в 1904 г. — Орловской духовных семинарий. В 1906 г. защитил докторскую диссертацию «Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе»⁶⁴. Собственно, наличие именно докторской степени стало, судя по всему, одним из главных аргументов в деле избрания Евсеева на академическую кафедру.

Теперь, конечно, сложно сказать, какая кандидатура была бы лучшей собственно для развития такой академической дисциплины как гомилетика, по-

⁶²ЖЗС СПбДА за 1906–1907 учебный год. СПб., 1907. С. 34–35.

⁶³См.: *Елеонский Ф.Г.* Отзыв о сочинении на степень магистра богословия Ивана Евсеева на тему «Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе» // ЖЗС СПбДА за 1895–1896 учебный год. СПб., 1900. С. 249–253; *Ламанский В.И.* Отзыв о сочинении на степень магистра богословия Ивана Евсеева на тему «Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе» // Там же. С. 253; Магистерский коллоквиум в нашей академии // ЦВ. 1897. № 13. Стлб. 408–412.

⁶⁴См.: *Абрамович Д.И.* Отзыв о сочинении инспектора Орловской духовной семинарии И.Е. Евсеева «Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты (М., 1905. ХС+183. Цена 3 р. 50 к.)», представленном на соискание степени доктора богословия // ЖЗС СПбДА за 1905–1906 учебный год. СПб., 1906. С. 245–252; *Рождественский А.П.* Отзыв о сочинении инспектора Орловской духовной семинарии И.Е. Евсеева «Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты», представленном на соискание степени доктора богословия // Там же. С. 253–262.

прежнему находившейся словно на задворках академического богословия. Кандидатура Судакова была привлекательна именно тем, что он кандидатскую диссертацию писал по гомилетике, а потом еще в течение целого стипендиатского года занимался также именно этой дисциплиной. Возможно, ему бы удалось внести какие-то изменения и улучшения в дело развития гомилетики. Однако, это только предположения, что же касается реальности, то кафедру гомилетики занял очередной, как показало будущее, «временщик».

Преподавательская деятельность Евсеева едва ли не сразу началась со студенческого конфликта. 2 апреля 1907 г. на заседании совета было рассмотрено дело об отказе студентов академии к назначенному сроку подать проповеди. До этого еще 2 ноября 1906 г. совет академии определил студентам первых трех курсов академии написать и представить проповеди к 12-му марта. К назначенному времени этого не случилось. Срок был перенесен на 19 марта, но и к этому числу проповеди представили только 19 человек, в то время как на одном только курсе обучалось в среднем 50–60 студентов. Совет вынужден был опять пойти навстречу студенческой корпорации и перенести дату сдачи на 30 марта. Правда, теперь было выдвинуто условие, что все, кто не сдаст проповедь к указанному числу, не будут допущены к экзаменам, которые должны были начаться 4 апреля. Однако и это определение совета, как ни странно, студенты проигнорировали. После очередного обсуждения данного вопроса на совете было принято решение, что «студентов, не написавших проповеди-эспромта в один из ближайших трех дней (3, 4 и 5 апреля), — считать уволенными из академии, о чем и довести до сведения Св. Синода». Решение академического совета было утверждено митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским) уже 3 апреля⁶⁵. Предполагаем, что данное решение возымело действие, поскольку сведений о массовых исключениях за 1907 г. в журналах заседаний совета академии не имеется.

Вопрос о том, что же стало истинным мотивом такого бойкота со стороны студентов, пока остается открытым. Возможно, это было неким остаточным явлением того протестного движения, которое затронуло в том числе и столичную академию в 1905–1906 гг. С другой стороны, этот бойкот мог быть вызван протестом против назначения на кафедру именно Евсеева, в то время, как предыдущий профессор гомилетики Никольский настаивал на кандидатуре своего ученика Судакова. Таким образом, это могла быть своеобразная форма поддержки студентами своего наставника Никольского, который, как известно, был по-

⁶⁵Там же. С. 232–235.

средником в переговорах между студентами и академическим начальством в течение очень напряженного и беспокойного 1905–1906 учебного года⁶⁶.

Через полгода после вышеописанных событий на заседании совета 18 октября 1907 г. была заслушана докладная записка профессора И.Е. Евсеева о студенческих проповедях. В ней описывалась далеко не радужная ситуация, которая сложилась в проповедническом деле в академии. Евсеев утверждал, что написание студентами проповедей, по существующему в академии порядку, свелось к отбыванию некой школьной повинности. Студенты подавали свои проповеди вне всякой связи с церковно-богослужебной жизнью и современными потребностями академической кафедры. Такой порядок лишал студентов возможности своевременно отзываться в живом церковном слове на те или иные возникающие потребности церковной жизни. Однако это была только часть проблемы, притом незначительная. Дело в том, что, по словам Евсеева, студенты фактически совсем не проповедают в академическом храме. Поэтому подача текста проповеди, без произнесения ее с церковного амвона в храме, вообще лишена всякого смысла и значения. Евсеев говорит о том, уровень написания проповедей упал настолько низко, что выпускники семинарий, при поступлении в академию проповеди пишут гораздо лучше и приличнее⁶⁷.

В связи с этим Евсеев предложил внести некоторые изменения в гомилетическую практику учащихся духовной академии.

Во-первых, Евсеев предлагал упразднить так называемые экспромты и обязать студентов всех четырех курсов писать проповеди для произнесения их в храмах.

Во-вторых, студенты IV и III курсов должны были произносить проповеди в академической церкви, студенты I и II курсов — в другом или других храмах, которые будут определены по соглашению ректора академии с епархиальным начальством.

⁶⁶Уже в 1909 г. после скандального увольнения на основании указа Св. Синода Н.К. Никольского из Санкт-Петербургской духовной академии корреспондент петербургской газеты «Речь» с сожалением отмечал: «Особенно поражает такое отношение Синода к Н.К. Никольскому, добродушному влиянию которого на студентов академия обязана тем, что в ней общестуденческие волнения 1906 г. прошли сравнительно легко и не вызвали продолжительного перерыва в занятиях» (Речь. 1909. 24 июня). Цит. по: *Крапошина Н.В.* Н.К. Никольский: биография ученого в архивных документах // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 182.

⁶⁷ЖЗС СПбДА за 1907–1908 учебный год. СПб., 1908. С. 75.

В-третьих, необходимо было установить месячный срок для подготовки проповедей. Предполагалось, что все учащиеся будут разбиты на группы. Первая группа получает темы за 1 месяц до срока произнесения, вторая через неделю и т.д.

В-четвертых, за неделю до произнесения студенты должны были подавать проповеди на проверку тому лицу, которое будет определено советом академии. За два дня до произнесения, прочитанные и одобренные проповеди, должны были представляться ректору академии. К произнесению допускались проповеди, получившие наилучшее одобрение, т.е. наивысший балл⁶⁸.

Евсеев также убеждал членов совета, что с проверкой всех проповедей одному преподавателю гомилетики не справиться. Отдельно Иван Евсеевич коснулся роли оценок за проповеди в дипломе выпускника академии. Он предложил поднять значение балла по проповеди, в сравнении с существующим положением, хотя бы до степени оценки за устный ответ по другим предметам академического курса. Более того, неплохо было бы образовать для нее, «как особой категории практическо-богословского изучения, особую графу в таблицы академических предметов»⁶⁹.

Предполагая, что со стороны некоторых членов совета могут последовать возражения, например, со стороны бывшего профессора гомилетики Н.К. Никольского и его сторонников, Евсеев в заключение своей записки поставил совету своеобразный ультиматум: «В заключение не могу не высказать своего глубокого убеждения в том, что, если постановка писания студентами проповеди не получит изменения в направлении непосредственного сближения проповеди с церковной кафедрой, то совет академии поступит целесообразнее, если примет меры к окончательному упразднению писания в академии проповеди, как ненужной и обременительной формальности»⁷⁰.

В итоге доводы и аргументация Евсеева были приняты во внимание, и совет постановил принять докладную записку полностью. Чтение и оценку проповедей студентов I и II курсов было определено поручить ректору епископу Сергию (Тихомирову), а студентов III и IV курсов — самому профессору И.Е. Евсееву⁷¹.

⁶⁸ Там же. С. 76.

⁶⁹ Там же. С. 76.

⁷⁰ Там же. С. 77.

⁷¹ Там же. С. 77.

Справедливости ради надо отметить, что ситуация с проповедью студентов в академическом храме была непростой не только в начале XX в. Так, епископ Олонецкий Никанор (Надеждин) в 1912 г. при погребении своего академического товарища, исполняющего должность доцента СПбДА А.П. Высокоостровского, вспоминал, что в их бытность студенты за богослужением в академическом храме очень редко произносили проповедь: «За все четыре года едва ли и десяток можно припомнить студентов-проповедников с церковного амвона. Да, откровенно говоря, большинство не очень и любило как проповедовать с церковного амвона пред товарищами, так и слушать проповедь вообще, особенно не краткую»⁷². Учился будущий владыка в столичной академии в 1881–1885 гг.

Из годовых отчетов о состоянии СПбДА видно, что Евсеев в течение первых своих трех лет преподавания гомилетики обращал внимание исключительно на историю проповедничества. Так, в 1906–1907 учебном году профессор преподавал после своего октябрьского назначения и ноябрьского утверждения: реально только один семестр, в течение которого рассмотрел историю русского проповедничества в XVII и XVIII вв. Однако уже со следующего года лектор приступил к хронологическому изложению истории проповедничества. В первом семестре 1907–1908 учебного года учащимся был представлен общий очерк истории проповедничества с древних времен. Рассмотрена была также история проповеди в восточной и западной Церкви, разбору был подвергнут византийский период на востоке и латинский схоластический на западе. Кроме того Евсеев предложил вниманию учащихся историю возникновения и развития немецкой и французской национальной проповеди и их состояние на начало XX в.⁷³ Во втором семестре того же учебного года предметом рассмотрения была история новой западноевропейской проповеди. Особенно подробно лектор рассмотрел «проповедь примирительного направления у французских реформаторов (Берсье)»⁷⁴. В 1908–1909 учебном году Иван Евсеевич вновь обратился к отечественному гомилетическому наследию в XVII и XVIII вв. Объектом изучения стала южнорусская схоластическая проповедь, а также московская проповедь допетровского времени и синодального периода вплоть до середины XIX столетия⁷⁵.

⁷² *Никанор, еп. Олонецкий*. Памяти †А.П. Высокоостровского. Речь на могиле // ЦВ. 1912. № 37. Стлб. 1168

⁷³ Отчет о состоянии СПбДА за 1907 г. СПб., 1908. С. 20.

⁷⁴ Отчет о состоянии СПбДА за 1908 г. СПб., 1909. С. 32.

⁷⁵ Отчет о состоянии СПбДА за 1909 г. СПб., 1910. С. 24.

Такое чрезмерное внимание в лекциях Евсеева именно истории, а не теории гомилетики было далеко не случайным. В библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии имеется студенческий литографированный курс лекций И.Е. Евсеева за 1908–1909 учебный год, который позволяет дать ответ на этот вопрос.

Приступая к третьему курсу своих чтений, Евсеев так и говорит, что не находит возможности посвятить их гомилетике как теории проповедничества. Далее профессор указывает на причину такой своей бескомпромиссной позиции: «Теории (проповедничества) гомилетики еще нет, как правомочной научной дисциплины. Наша школьная гомилетика — абстрактная схема, построенная на отвлеченных понятиях светского ораторства, не обнимает органически сущности и задач проповеди, не считается с источником и историческим проявлением проповеднического слова, — на научное оправдание она претендовать не может»⁷⁶. Лектор критически отзываясь о новейшем и лучшем на тот момент времени учебнике по гомилетике профессора Киевской духовной академии В.Ф. Певницкого «Церковное красноречие и его основные законы»⁷⁷. Согласно Евсееву, «почтенный киевский гомилет» дал полное обоснование, какое только возможно было дать школьной гомилетике. Однако уже в первом трактате-разделе, которым открывается академический курс, говорит о проповеди, как об одном из видов ораторства. Именно этот тезис вызывает больше всего нареканий у петербургского гомилета: «Ораторство стоит в корне всех суждений о церковном красноречии. Но простая справка с источником проповедного слова показывает, что сущность проповеди указана здесь не в том, в чем следует. В заповеди Иисуса Христа о проповедывании Евангелия и в Его личном примере нет и тени ораторства. Апостол Павел сущность своей проповеди составляет не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы (1 Кор 2:4). Ни проповедь Спасителя, ни ап. Павла о Христе распятом, ни речь архидиакона Стефана не подходит никаким образом под какую-нибудь категорию нашей школьной гомилетики. И эта гомилетика их старательно выключает из своего ведения»⁷⁸.

⁷⁶ *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии ординарным профессором доктором богословия Иваном Евсеевичем Евсеевым в 1908–1909 гг. СПб., 1909. С. 1.

⁷⁷ *Певницкий В.Ф.* Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Типография И.И. Горбунова. 1906. IV, 296 с.

⁷⁸ *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам... в 1908–1909 гг. С. 1–2.

Следующий тезис столичного ученого сводится к тому, что для действительно научного изложения теории гомилетики необходимо тщательно изучить историю гомилетики за весь период её существования. Только основываясь на многообразном историко-гомилетическом багаже можно формулировать теоретические основы церковного проповедничества. Вполне очевидно, что у слушателя петербургского профессора может возникнуть вопрос о разработанности истории гомилетики. Однако нелицеприятный ответ на такое возможное вопрошание Иван Евсеевич дает в своих лекциях сразу же. За последние 60 лет, т.е. начиная с середины XIX в., в отечественной богословской литературе появились только два академических курса гомилетики — киевских профессоров Я.К. Амфитеатрова⁷⁹ и В.Ф. Певницкого⁸⁰. Не было ни одного порядочного, по мнению Евсея, курса истории проповедничества. «Историю первобытной проповеди» Н.И. Барсова и «Исторический очерк русского проповедничества» архимандрита Иакова (Домского)⁸¹ Евсеев считает «только подготовительными и притом далеко не совершенными работами для истории проповедничества»⁸².

После такого краткого, но емкого введения становится очевидным, что для И.Е. Евсея задачей настоящего момента в гомилетике должно было быть изложение истории проповеди, причем такое, «которое затрагивало бы внутренние психологические основы проповеднического творчества и обуславливающие их внешние факторы общественного и частного порядка. Общие теоретические выводы могут быть даны только после разработки основ нашего национального проповедничества»⁸³.

В другом сохранившемся курсе лекций Евсея по гомилетике за 1906–1907 учебный год профессор констатирует отрицательное отношение к гомилетике как к науке в богословско-академической среде: «Схоластический пережиток — гомилетика — не имеет, говорят, положительного реального содержания, кроме удовлетворения практической потребности — приучить проповедника к составлению проповедей по определенным формам, поэтому не имеет права на звание науки. Проповедь, говорят, дело простое; выполнение его должно быть предоставлено личному вдохновению и расположению проповедника, и всякие теории или указания лучших способов проповедничества совер-

⁷⁹ *Амфитеатров Я.К.* Чтения о церковной словесности, или Гомилетика. Киев, 1846. 2 ч.

⁸⁰ *Певницкий В.Ф.* Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Типография И.И. Горбунова. 1906. IV, 296 с.

⁸¹ *Иаков (Домских), архим.* Исторический очерк русского проповедничества, СПб., 1878.

⁸² *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам... в 1908–1909 гг. С. 3.

⁸³ Там же. С. 3.

шенно излишни»⁸⁴. Сам Евсеев подтверждает, что такие нападки справедливы, но в применении к постановке, а не существу предмета.

Иван Евсеевич полагает, что вообще кафедра гомилетики должна быть переименована в кафедру церковной словесности: «Как в воспитании литературных светских деятелей имеет решающее значение не теория словесных произведений, а помимо общей обстановки, изучение ими литературы с ее идейной стороны, так и для церковных проповедников самое важное — проникновение и сроднение их с глубиной и развитием церковных идей, а не теорию построения проповеди»⁸⁵. Евсеев подробно рассуждает о предмете такой дисциплины как церковная словесность. Отвечает на возможные возражения, суть которых можно свети к тому, что церковная словесность уже является предметом патристики. Соглашаясь с этим, Евсеев, тем менее, выделяет отличия. Во-первых, патролог изучает все наследие святых отцов, а не только его проповеди. Во-вторых, по мнению Евсеева, святоотеческая эпоха ограничивается VIII–IX вв. в то время как видные проповедники известны своей деятельностью были и после этой самой отеческой эпохи. В качестве примеров приводит святителей Димитрия Ростовского и Тихона Задонского. Общий вывод Евсеева сводится к тому, что необходимо образовать кафедру именно церковной словесности, «в которую входили бы и святые отцы с их капитальными для истории христианства творениями, и последующее церковно-литературное творчество с его многообразными судьбами»⁸⁶.

Таково в общих чертах понимание предмета и задач кафедры, которую занял Евсеев. В отношении своих предшественников Евсеев говорил, что профессор Н.И. Барсов, придерживаясь формального взгляда, смысл истории проповедничества полагал главным образом в истории генетического развития типов проповеди. У Н.К. Никольского была сильна тенденция заменить историю проповедничества историей древней русской письменности. Соглашаясь с направлением в целом, Евсеев, тем не менее, считал, что такой подход не исчерпывал всех задач и целей кафедры. В общем, осторожные и деликатные суждения по поводу своих предшественников по кафедре, критические суждения по поводу настоящего состояния самой дисциплины, все вместе это свидетельствовало о том, что Евсеев тяготился тем предметом, который ему достался. Нужен был

⁸⁴ *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам LXV курса Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1907. С. 1.

⁸⁵ Там же. С. 3.

⁸⁶ Там же. С. 9.

повод, чтобы «сменить» кафедру, и такой повод, точнее, даже несколько поводов, нашлось.

В 1909 г. из академии был уволен (официально «согласно прошению») профессор кафедры русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы Д.И. Абрамович вместе с профессорами Н.К. Никольским и В.Н. Бенешевичем⁸⁷. После этого на заседании совета академии 11 сентября 1909 г. было принято определение чтение лекций вместо Абрамовича временно поручить И.Е. Евсееву⁸⁸.

В 1910 г. после принятия нового академического устава и появившейся возможности занять вакантные кафедры профессор И.Е. Евсеев заявил о своем желании перейти с кафедры гомиластики и истории проповедничества на кафедру русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы. Указом Св. Синода от 14 августа 1910 г. данное прошение и соответствующее перемещение было утверждено⁸⁹. После дополнений к уставу 1910 г., принятых в 1911 г., занятая Евсеевым кафедра была разделена на две отдельные: «Церковно-славянский и русский языки с палеографией» и «История русской литературы»⁹⁰. Иван Евсеевич изъявил желание остаться при первой кафедре⁹¹.

Под руководством Евсеева в течение того небольшого срока, когда он занимал кафедру гомиластики, несколько студентов написали и защитили кандидатские диссертации по истории церковного красноречия. Среди них Н. Грисюк («Св. Иоанн Златоуст как проповедник»)⁹², М. Вышегородский («Эпоха 60-х годов в русской церковной проповеди»)⁹³, Д. Покровский («Развитие русской

⁸⁷См.: ЖЗС СПбДА за 1908–1909 учебный год. СПб., 1909. С. 367–379; ЖЗС СПбДА за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 5.

⁸⁸ЖЗС СПбДА за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 45.

⁸⁹ЖЗС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 14.

⁹⁰ЖЗС СПбДА за 1911–1912 учебный год. СПб., 1912. С. 5.

⁹¹Там же. С. 38–39.

⁹²Евсеев И.Е. Отзыв о сочинении студента Николая Грисюка на тему «Св. Иоанн Златоуст как проповедник» // ЖЗС СПбДА за 1907–1908 учебный год. СПб., 1908. С. 304–307.

⁹³Евсеев И.Е. Отзыв о сочинении студента Михаила Вышегородского на тему «Эпоха 60-х годов в русской церковной проповеди» // ЖЗС СПбДА за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 441–444.

публицистической проповеди в XIX в.»⁹⁴ и М. Сватков («Русская проповедь XVIII столетия по рукописям петербургских рукописных собраний»)⁹⁵.

С 1910 г., как справедливо отмечает один из биографов Евсея, в жизни Ивана Евсеевича начался самый плодотворный период его научной деятельности, связанный, в первую очередь, с многолетним проектом по критическому изданию Славянской Библии⁹⁶. В 1911 г. Евсеев произнес актовую речь «Рукописное предание Славянской Библии»⁹⁷, в которой сформулировал основные проблемы, стоящие перед славянской библеистикой, показал значение критического издания Библии для церковной и светской науки, для решения библейско-канонических вопросов. Евсеев считал, что работу по критическому изданию славянской Библии должна была возглавить столичная академия. И действительно, именно под ее эгидой Библейская комиссия функционировала с января 1915 до 1918 г.⁹⁸

В 1918–1920 гг. Евсеев жил с семьей в родном ему селе Каменка, занимался сельским хозяйством. По окончании сезона полевых работ Иван Евсеевич неоднократно приезжал на короткое время в Петроград для научных занятий и постоянно выражал готовность принять участие в работе Библейской комиссии, если ему будут обеспечены хотя бы минимальные средства к существованию. В письме Н.Н. Глубоковскому в 1921 г. он описывал бедственное положение своего семейства: «С моим семейством (12 чел.) справиться в настоящее время очень трудно: ходим без обуви, двое из-за этого не могут учиться; трое учащихся вынуждаются по неделям прерывать свое учение... <...> Мои работы по Библейской комиссии идут очень медленно. <...> Больше, чем от недостатка источников по работе, страдаю от отсутствия соответствующей духовной среды. Как невыразимо тяжело от сознания, что нашей дорогой Академии нет, и что

⁹⁴ *Евсеев И.Е.* Отзыв о сочинении студента Дмитрия Покровского на тему «Развитие русской публицистической проповеди в XIX в.» // Там же. С. 596–598.

⁹⁵ *Евсеев И.Е.* Отзыв о сочинении студента Михаила Сваткова на тему «Русская проповедь XVIII столетия по рукописям петербургских рукописных собраний» // ЖЗС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 507–512.

⁹⁶ См.: *Логачев К.* Профессор И.Е. Евсеев (1868–1921). К 50-летию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии 1971. № 12. С. 64–67.

⁹⁷ *Евсеев И.Е.* Рукописное предание славянской Библии // ХЧ. 1911. № 4. С. 435–450; № 5–6. С. 644–660.

⁹⁸ *Кравецкий А. Г.* Евсеев Иван Евсеевич // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 280.

носители ее заветов блуждают в вавилонском рассеянии...»⁹⁹. Скончался Иван Евсеевич Евсеев летом 1921 г.

Иеромонах, впоследствии митрополит, Вениамин (Федченков) (1880–1961)

Обсуждение вопроса о замещении кафедры гомилетики после перехода профессора Евсеева состоялось на заседании совета академии 11 июня 1910 г. Необходимо отметить, что после принятия нового академического устава 1910 г. эта кафедра стала включать в себя ещё целых две дисциплины: пастырское богословие и аскетику. На вакантное место ректор академии епископ Феофан (Быстров) предложил кандидатуру бывшего профессорского стипендиата и, можно сказать, своего ученика иеромонаха Вениамина (Федченкова). Совет одобрил это избрание посредством закрытой баллотировки¹⁰⁰. Утверждение в качестве кандидата на кафедру последовало 23 июля.

Иеромонах Вениамин, в миру Иван Афанасьевич Федченков, родился 2 сентября 1880 г. в с. Вяжля (Ильинка) Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Несмотря на то, что родился в семье служащих, после окончания земской начальной школы и уездного училища, под влиянием матери, поступил в Тамбовское духовное училище, а позже — в Тамбовскую духовную семинарию. В 1903 г. Иван поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил, защитив диссертацию по кафедре библейской истории «Православное учение о Царстве Божиим (по творениям св. Макария Египетского)», в 1907 г.¹⁰¹ Научным руководителем у него был тогда еще инспектор академии архимандрит Феофан (Быстров).

По окончании академии решением совета Федченков был оставлен на год сверхштатным профессорским стипендиатом по кафедре именно библейской истории. Любопытно, что до этого времени в течение нескольких десятилетий в качестве профессорских стипендиатов традиционно оставляли только двух студентов, занимавших первые места в итоговом разрядном списке. Только начиная с 1906–1907 учебного года, на основании ходатайств сразу четырех архиереев, в ведении которых находились духовные академии, Св. Синод разрешил своим

⁹⁹Цит. по: Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. СПб.: Издательство «Борей», 1994. С.297.

¹⁰⁰ЖЗС СПбДА за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 411.

¹⁰¹Феофан (Быстров), архим. Отзыв о сочинении студента Ивана Федченкова на тему «Православное учение о Царстве Божиим (по творениям св. Макария Египетского)» // ЖЗС СПбДА за 1906–1907 учебный год. СПб., 1907. С. 323–324.

указом от 23 августа 1907 г. советам духовных академий оставить сверхштатных профессорских стипендиатов по два человека при Санкт-Петербургской и Московской академиях и по одному при Киевской и Казанской. Причем суммы на их содержание, а это 700 рублей в год на каждого, были выделены из духовно-учебного капитала специальных средств Св. Синода. Помимо Ивана Федченкова в Санкт-Петербургской духовной академии вторым сверхштатным профессорским стипендиатом по кафедре истории философии был оставлен Василий Розов¹⁰².

26 ноября 1907 г. в академической церкви архимандритом Феофаном Федченков был пострижен в монашество с именем в честь сщмч. Вениамина Персидского. В декабре того же года Вениамин (Федченков) был рукоположен во иеродиакона, а через неделю — и в иеромонаха. С 18 ноября 1909 г. по 11 сентября 1910 г. отец Вениамин нес послушание секретаря Финляндского и Выборгского архиепископа Сергия (Страгородского), служил на Ярославском синодальном подворье в Санкт-Петербурге.

Назначение отца Вениамина в качестве кандидата на вакантную кафедру состоялось в самом конце учебного года, поэтому для будущего преподавателя было время и для подготовки к пробным лекциям на утверждение в должности, и к лекциям по самому предмету, точнее предметам. Ведь молодому преподавателю предстояло, по сути, читать лекции по трем разным научно-богословским дисциплинам: пастырскому богословию, аскетике и гомилетике. В это время, как и несколькими годами раньше, отец Вениамин посещает Оптину, Зосимову пустынь, подолгу живет в монастырях. Примечателен его разговор с настоятелем Зосимовой пустыни схиигуменом Германом (Гомзиным), состоявшийся летом 1910 г.: «Среди вопросов он задал и такой: «Что вы будете преподавать в Академии?». Я начал с более невинного предмета: «Гомилетику» (учение о проповедничестве).

— А еще? — точно следователь на допросе, спрашивал он.

Я уже затруднялся ответить сразу.

— Пастырское богословие, — говорю. А самому стыдно стало, что я взял на себя такой предмет, как учить студентов быть хорошими пастырями.

— А еще? — точно провидел он и третий предмет.

Я уже совсем замялся.

— Аскетику, — тихо проговорил я, опутивши глаза...

¹⁰² ЖЗС СПбДА за 1907–1908 учебный год. СПб., 1908. С. 6–7.

Аскетике... Науку о духовной жизни... Легко сказать! Я, духовный младенец, приехавший сюда за разрешением собственной запутанности, учу других, как правильно жить... Стыдно было...»¹⁰³.

4 и 11 сентября нового 1910–1911 учебного года иеромонах Вениамин прочитал пробные лекции. Первую тему будущий лектор избрал себе сам: «Св. Василий Великий, как пастырь — устроитель Церкви». Вторую, уже по назначению совета, пришлось готовить и читать на тему «Отношение проповедника к вопросам общественной и политической жизни». Налицо злостное и актуальность второй темы, сформулированной академическим советом. К сожалению, не удалось обнаружить никаких данных о содержании этого, вне всякого сомнения, весьма интересного чтения. После состоявшегося обсуждения на заседании совета академии 11 сентября 1910 г. закрытой баллотировкой большинством (13 против 1) иеромонах Вениамин был избран на кафедру в качестве исполняющего должность доцента.¹⁰⁴ Утверждение указом Св. Синода последовало 30 сентября 1910 г.¹⁰⁵

Несмотря на возможность подготовиться за летние месяцы к чтению академических лекций, тем не менее, разработать сразу практически три авторских курса было очень и очень непросто, поэтому отец Вениамин в течение всего 1910–1911 учебного года лекции читал по нравственному богословию и аскетике. В своих лекциях молодой преподаватель сначала, естественно, рассказал о задачах пастырского богословия, методах этой науки, дал ей определение и т.д. В годовом отчете о состоянии Санкт-Петербургской духовной академии за 1910 г. отмечено, что в первых лекциях отец Вениамин дал характеристику религиозно-нравственного состояния народа и интеллигенции, а также представил свое видение состояния современного пастырства¹⁰⁶. Впрочем, в сохранившемся в библиотеке СПбДА литографированном курсе лекций отца Вениамина этих тем не имеется. Конспект начинается сразу с лекции о задачах пастырского богословия¹⁰⁷.

Предметом дальнейших лекторских занятий стало раскрытие частных сторон православно-пастырской психологии, таких, как индивидуализм в слу-

¹⁰³ Вениамин (Федченков), митр. Божья люди. М.: Отчий дом, 2004. С. 53–54.

¹⁰⁴ ЖЗС СПбДА за 1909–1910 учебный год. СПб., 1910. С. 49–51.

¹⁰⁵ Там же. С. 69–70.

¹⁰⁶ Отчет о состоянии СПбДА за 1910 г. СПб., 1911. С. 32.

¹⁰⁷ Вениамин (Федченков), иером. Лекции по пастырскому богословию с аскетикой, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии в 1910–1911 учебном году. СПб., 1911. С. 1–2.

жении, необходимость опытного усвоения духовной жизни, значение образования, как светского, так и духовного, исключительная важность изучения святоотеческих творений. В кратком обзоре по аскетике акцент был сделан на аскетизм пастыря — его молитвенность, любовь, смирение, крестный путь пастырства и т.д.¹⁰⁸

Чтение теоретических лекций исключительно по пастырскому богословию и аскетике вовсе не означало, что молодой преподаватель совершенно проигнорировал гомилетику. Тем не менее, этой дисциплине были посвящены только практические занятия.

Практические занятия по гомилетике осуществлялись еженедельно по вечерам с 7 до 9 часов вечера. Был разработан план занятий. На предлагаемые преподавателем темы несколько человек одновременно писали рефераты. Студенты заранее представляли тексты преподавателю. Лучший реферат, а иногда и сразу два зачитывались вслух. Авторы других рефератов, не прошедших «конкурс», являлись обязательными ассистентами при прочтении и обсуждении реферата-«победителя». Прочим слушателям предоставлялось право принимать участие в обсуждении темы. Сам же преподаватель выступал в роли модератора — направлял обсуждение и прения, а в конце каждой такой встречи формулировал итоговые выводы. Первая тема такого гомилетического семинара звучала следующим образом: «Что такое живое проповедническое слово». Причем на эту тему два реферата написал сам преподаватель. Для обсуждения, впрочем, были назначены и обязательные ассистенты из числа студентов. На последующих занятиях обсуждались такие темы как «Процесс религиозно-проповеднического творчества» и «Личность проповедника». На каждую из этих тем, довольно широких по объему и интересных по содержанию, вместо одного занятия уходило по 2-3 вечерних встречи.

Последующие рефераты посвящались таким теоретическим вопросам, как внешняя сторона проповеди, импровизация, метод оценки проповедей, особенно опубликованных. Последние занятия были посвящены свт. Иоанну Златоусту. Обращение к творчеству этого выдающегося отца Церкви, надо полагать, было далеко не случайным, и не только потому, что это — великий проповедник и экзегет. Дело в том, что именно профессора и студенты Санкт-Петербургской духовной академии занимались переводом творений свт. Иоанна. Как раз в период обучения Ивана Федченкова в столичной академии, в 1906 г., благополучно было завершено второе издание полного собрания сочинений свт. Иоанна Зла-

¹⁰⁸Отчет о состоянии СПбДА за 1911 г. СПб., 1912. С. 39–40.

тоустого в 12 томах, которое было начато еще в 1895 г. Осенью 1907 г. весь христианский мир торжественно отмечал 1500-летие со дня кончины свт. Иоанна Златоуста. Академия также приняла самое активное участие в праздничных мероприятиях. Накануне празднования через Петербургского митрополита все 12 томов сочинений святителя были преподнесены в дар императору Николаю II, который принял дар для своей библиотеки и через митрополита Антония «всемилостивейшее повелеть соизволил “Академию благодарить”»¹⁰⁹. Кроме того, в самой академии 12 и 13 ноября 1907 г., в день памяти великого святителя, были совершены богослужения, накануне — всенощное бдение, а самый день торжества — Божественная литургия. Во время литургии после запричастного стиха Иван Федченков прочитал беседу святителя Иоанна Златоуста на текст «Ищите прежде Царствия Божия». Другими словами, будущему преподавателю гомилетики довелось принять самое непосредственное участие в празднествах, посвященных Константинопольскому святителю Иоанну Златоусту¹¹⁰.

Помимо наследия свт. Иоанна Златоуста отец Вениамин планировал на практических занятиях по гомилетике рассмотреть творчество епископа Феофана Затворника, архиепископа Харьковского Амвросия (Ключарёва), однако, судя по всему, этого ему сделать не удалось из-за нехватки времени.

Надо отдать должное преподавателю, поскольку занятия посещались студентами охотно и были всегда очень оживленными, поэтому и результаты стали, по свидетельству самого лектора, более прочными и сознательными, нежели чем при чтении теоретических лекций¹¹¹.

Для подготовки же к итоговому экзамену была выдана книга профессора В.Ф. Певницкого «Церковное красноречие», которое несколькими годами ранее раскритиковал профессор Евсеев. Любопытно, что лектором «студентам вменено было в обязанность отнестись к этому руководству сознательно-критически, при свете принципов, разработанных на практических занятиях»¹¹².

Естественно, что практическими занятиями по церковному красноречию деятельность иеромонаха Вениамина как преподавателя гомилетики, не ограничивалась. Лектор, по собственному признанию, читал еженедельно представляемые студентами проповеди (от 10 до 20). Лучшие из них представлял на утвер-

¹⁰⁹ЖЗС СПбДА за 1907–1908 учебный год. СПб., 1908. С.74, 93.

¹¹⁰Празднование Санкт-Петербургской духовной академией 1500-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста // ЦВ. 1907. № 46. Стлб. 1482–1483.

¹¹¹Отчет о состоянии СПбДА за 1911 г. СПб., 1912. С. 40.

¹¹²Там же. С. 40.

ждение ректору академии. После такого двойного цензурно-проверочного контроля¹¹³ авторы лучших гомилетических опусов назначались для произнесения в ближайших приходских храмах. Кроме того, преподаватель гомилетики, согласно действующему академическому уставу, должен был сам регулярно приносить проповеди в академическом храме, что отец Вениамин ревностно и исполнял¹¹⁴.

Попутно можно заметить, что молодой преподаватель, еще не успев занять кафедру, пользовался большим уважением среди студентов. И уважением именно как научного руководителя. Дело в том, что в течение первого года под руководством отца Вениамина кандидатские выпускные квалификационные работы писали сразу 6 студентов. Это достаточно много, если учесть тот факт, что официальное вступление на должность состоялось уже в середине сентября. Студенты же четвертого выпускного курса свои темы должны были утверждать также в самом начале учебного года. Правда, все шесть работ относились непосредственно к пастырскому богословию и аскетике, работ же по гомилетике не было¹¹⁵.

Кто знает, может быть практические занятия иеромонаха Вениамина по гомилетике со временем стали бы общеобязательными, по крайней мере, в столичной академии. Однако преподавать отцу Вениамину в высшей богословской школе пришлось недолго. Он вынужден был разделить судьбу многих «учёных монахов» своего времени. Указом Св. Синода от 15 ноября 1911 г. иеромонах Вениамин был назначен инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии¹¹⁶. Сложно сказать, успел ли отец Вениамин реально приступить к исполне-

¹¹³Как известно, в XIX – начале XX в. все проповеди священнослужителей подвергались цензуре со стороны епархиального начальства.

¹¹⁴*Вениамин (Федченков), иером.* О крестном пути пастырства: Слово, произнесенное в храме Санкт-Петербургской духовной академии за Литургией в день годовичного акта 17 февраля 1911 г. // ХЧ. 1911. № 4. С. 540–551.

¹¹⁵Под научным руководством иеромонаха Вениамина (Федченкова) кандидатские диссертации писали следующие студенты: Мартин Вийк («Высокопреосвященный Платон, митрополит Киевский, в его пастырской деятельности»), Гришков Сосипатр («Св. Василий Великий (его аскетические воззрения)»), Красовский Николай («Пастырская деятельность Московского митрополита Платона II (Левшина)»), Любский Севериан («Св. Димитрий Ростовский, его воззрения на пастырское служение и пастырская его деятельность»), Светозаров Михаил («Приходская деятельность пастыря в связи с современным вопросом о реформе прихода»), Симонов Симон («Св. Ефрем Сирий (его аскетические воззрения)»). См.: ЖЗС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 376–378, 390–392, 423–426, 436–439, 513–515, 531–533.

¹¹⁶ЖЗС СПбДА за 1911–1912 учебный год. СПб., 1912. С. 108–109.

нию своих обязанностей, т.к. уже 21 ноября того же года, т.е. меньше чем через неделю, он был назначен ректором Таврической духовной семинарии, с возведением в сан архимандрита 26 декабря. Еще через два года отец Вениамин стал ректором той же семинарии. Дальнейшая судьба отца Вениамина, рукоположенного в сан епископа в 1919 г., была весьма сложной и насыщенной и неоднократно становилась объектом научно-исследовательских работ¹¹⁷.

Коновалов Николай Александрович (1884–1942)

В декабре 1911 г. на заседании академического совета был поставлен вопрос о замещении вновь вакантной кафедры пастырского богословия с аскетикой и гомилетики. К концу календарного года нашелся только один кандидат на кафедру в лице священника Александра Рутковского¹¹⁸. В этой связи совет перенес выборы на кафедру на следующий учебный год, а временное в 1911–1912 учебном году чтение лекций было поручено инспектору профессору С.М. Зарину¹¹⁹. Решение было утверждено митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским) 23 декабря 1911 г.¹²⁰

Вопрос о замещении кафедры был вновь рассмотрен на заседании совета академии в начале 1912–1913 учебного года. На этот раз на кафедру насчитывалось уже пять кандидатов:

– профессорский стипендиат СПбДА 1911–1912 учебного года Н.А. Коновалов;

¹¹⁷Светозарский А.К. Вениамин (Федченков), митрополит // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2007. С. 652–654.

¹¹⁸Священник Александр Рутковский окончил СПбДА в 1911 г. (10-м согласно разрядному списку из 58-ти выпускников), защитив кандидатскую диссертацию по кафедре литургики на тему «Следованная Псалтирь». См.: *Карабинов И.А.* Отзыв о сочинении студента Рутковского Александра на тему «Следованная псалтирь» // ЖЭС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С.500–502; *Покровский Н.В.* Отзыв о сочинении студента Рутковского Александра на тему «Следованная псалтирь» // ЖЭС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 502.

¹¹⁹*Зарин Сергей Михайлович, профессор* (3 октября 1875–20 сентября 1935) — окончил Тамбовскую семинарию (1895) и СПбДА (1899), к.б. С октября 1900 г. — учитель русского и церковно-славянского языков в 1-м штатном, а с 17 марта 1902 г. — во всех штатных классах Александро-Невского духовного училища. 4 апреля 1907 г. — магистр богословия («Аскетизм по православно-христианскому нравоучению: этико-богословское исследование»). СПб, 1907). С 17 октября 1909 г. — доцент, с 11 июня 1910 г. — экстраординарный профессор по кафедре пастырского богословия СПбДА. С 30 сентября 1910 г. перешел на первую кафедру Нового Завета СПбДА. С 22 ноября 1910 г. — инспектор, с 1 октября 1917 г. — проректор, с 10 июля 1918 г. — и.о. ректора Петроградской ДА. С 22 марта 1921 г. — профессор кафедры нравственного богословия с агиологией в Петроградском богословском институте. Уклонился в обновленчество.

¹²⁰ЖЭС СПбДА за 1911–1912 учебный год. СПб., 1912. С. 120.

– настоятель Сергиевской церкви при Громовском приюте в Санкт-Петербурге священник Александр Рутковский;

– бывший законоучитель среднего сельскохозяйственного, среднего землемерно-агрономического и сельско-хозяйственно-ремесленного училищ в Горках Могилевской губернии, на момент выборов — священник в Санкт-Петербурге Иаков Ктитарев¹²¹;

– настоятель Князь-Владимирского собора в Санкт-Петербурге священник Леонид Богоявленский¹²²;

– преподаватель Астраханской духовной семинарии магистр богословия Василий Сокольский.

Как видно, из пяти кандидатов четыре человека являлись кандидатами богословия и один — магистром. Согласно действующему академическому уставу 1910–1911 гг. (§ 71), ректор, прежде чем представлять список кандидатур на усмотрение совета академии, должен был собрать необходимые сведения о кандидатах. Далее список необходимо было представить на усмотрение епархиального архиерея, который, в свою очередь, мог вычеркнуть любую кандидатуру, которую сочтет нежелательной для академической профессуры. Ректор епископ Георгий (Ярошевский) в своем отзыве на имя митрополита весьма положительно отозвался о кандидатурах Н.А. Коновалова, священников Александра Рутковского и Иакова Ктитарева. Такое же мнение ректор высказал и на заседании совета. Там же он озвучил свою позицию и по поводу двух других кандидатов: «Не вполне подходящими кандидатами являются священник Леонид Богоявленский, как человек уже пожилой (более 40 лет), и священник Василий Сокольский, как человек неуравновешенный. Последний мне известен по Полтаве, где он состоял инспектором семинарии и откуда был административ-

¹²¹ Священник Иаков Ктитарев окончил СПбДА в 1904 г. (28-м согласно разрядному списку из 50-ти выпускников) и защитил кандидатскую диссертацию по кафедре русского и церковнославянского языка. См.: *Абрамович Д.И.* Отзыв о сочинении студента Якова Ктитарева на тему «Религиозно-философские течения в русской художественной литературе второй половине XIX-го века» // ЖЭС СПбДА за 1903–1904 учебный год. СПб., 1904. С. 194.

¹²² Священник Леонид Богоявленский окончил СПбДА в 1911 г., защитив кандидатскую диссертацию по кафедре истории и обличения западных исповеданий. См.: *Соколов И.П.* Отзыв о сочинении студента Леонида Богоявленского на тему «Попытки англиканских богословов приблизить свое вероучение к учению Православной Церкви» // ЖЭС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 359–363; *Лепорский П.И., прот.* Отзыв о сочинении студента Леонида Богоявленского на тему «Попытки англиканских богословов приблизить свое вероучение к учению Православной Церкви» // ЖЭС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 363–365.

но переведен на должность преподавателя Астраханской семинарии»¹²³. Особо лестным отзыв епископа Георгия был о священнике Иакове Ктитарева. Последний уже был известен своими печатными работами, более того, представил в академию свою рукопись «Вопросы религии и морали в русской художественной литературе XIX века» на соискание ученой степени магистра богословия. Кроме того, в деле о замещении вакантной кафедры имелся положительный отзыв архиепископа Курского Стефана (Архангельского) о священнике Ктитарева. Отец Иаков, согласно этому отзыву, был приглашен в Курск на законоучительные курсы, где «с чрезвычайным успехом и редкою занимательностью преподавал краткие курсы апологетики, гомиластики и догматического богословия; организовал кружок проповедников и сам произносил образцовые проповеди при архиерейском богослужении; даром слова владеет редким»¹²⁴.

Решением академического совета на основании доклада ректора и резолюции митрополита Антония (Вадковского) для чтения пробных лекций были избраны Коновалов, священники Рутковский и Ктитарев¹²⁵. 24 октября 1912 г. каждый из названных кандидатов прочитал лекцию на тему, избранную самостоятельно. Тема лекции Коновалова была следующей: «Значение “пастырской аскетике” в системе научного построения православного пастырского богословия»; Рутковского — «Значение молитвы для пастыря Церкви»; Ктитарева — «О пастырской попечительности». Как видно, первый и третий кандидаты для своих пробных лекций взяли темы по пастырскому богословию, второй — по аскетике. Возможно, именно поэтому общая лекция, которую по назначению совета все названные кандидаты прочитали 30 октября, была посвящена гомиластике: «Насколько допустимо привлечение научного элемента в церковную проповедь».

После окончания испытательных пробных лекций профессор С.М. Зарин представил на рассмотрение совета академии подробные отзывы о чтениях соискателей кафедры. Самый лестный отзыв достался Коновалову: «В своих лекциях (особенно же в первой) г. Коновалов проявил с весьма выгодной для себя стороны следующие особенности: обширное и основательное изучение литературы вопроса, довольно серьезное и вдумчивое знакомство с историей и современными опытами построения пасторологической дисциплины в инославной и православной разработке, умение уловить и извлечь из материала наиболее цен-

¹²³ЖЭС СПбДА за 1912–1913 учебный год. СПб., 1913. С. 77.

¹²⁴Там же. С. 78.

¹²⁵Там же. С. 78–79.

ное и прямо идущее к делу, без ненужных подробностей и деталей; продуманное, логически стройное, ясное и раздельное, убеждающее изложение; достаточная степень самостоятельности и критического чутья и — вместе — осторожности и научной скромности. <...> Способность г. Коновалова ориентироваться в сложном предмете тонкого и деликатного свойства, умение уловить в нем наиболее существенное, в связи с прекрасною настроенностью, даром живого изложения и недюжинным лекторским талантом — внушают добрую надежду, что научная разработка пастырского богословия в строго православном духе окажется, в случае утверждения этого кандидата Св. Синодом, в ведении вполне правоспособного ученого»¹²⁶.

В отношении остальных кандидатов было высказано много критических замечаний. Так, священник Александр Рутковский, в своей первой лекции, согласно мнению Зарина, с одной стороны продемонстрировал значительную начитанность в святоотеческой и богословской литературе, но не смог живо и увлекательно изложить материал. По мнению рецензента, Рутковский не показал в достаточной степени сосредоточенности и углубленности. Кроме того, «к удивлению, совершенно отсутствовал индивидуальный момент, личное проникновение, личный, хотя бы и небольшой пока еще, пастырский опыт, который мог бы согреть и оживить лекцию о молитве пастыря»¹²⁷. Вызвало нареkanie так же то обстоятельство, что лектор грешил чрезмерно большой цитацией. Общий вывод сводился к тому, что обе лекции Рутковского уступали лекциям Коновалова.

Примерно в таком же ключе высказывался Зарин и о лекциях священника Иакова Ктитарева. Первая лекция была признана неудовлетворительной, вторая получилась лучше, но так же страдала серьезными недостатками. Вторая тема даже понята лектором была неправильно, «откуда рассуждения о внешней стороне проповеди и общих научных законах построения словесных произведений, замечание о дикции, гигиене дыхания, голоса и т. д.»¹²⁸

Профессор В.С. Серебренников выступил с особым мнением, которое представляет особый интерес по нескольким причинам. Дело в том, что Серебренников был вторым рецензентом кандидатской диссертации Коновалова, которой в свое время был не очень доволен: «Сочинение обнаружило способность автора быстро ориентироваться в научных вопросах и легко облекать свои мысли в литературную форму. Но меня неприятно поразило, что автор старатель-

¹²⁶ Там же. С. 119.

¹²⁷ Там же. С. 120.

¹²⁸ Там же. С. 121.

но излагал воззрения разных второстепенных мыслителей, которых можно было обойти молчанием»¹²⁹.

Впоследствии Коновалов, трудившись в качестве профессорского стипендиата под руководством именно Серебrenикова, представил ему помимо стипендиатского отчета еще «небольшой, написанный на основании собранных им для магистерской диссертации материалов, трактат на тему преподавание латинского языка в иезуитских школах»¹³⁰. Этот трактат успокоил научного руководителя, т.к. показал, что Коновалов свободно читает книги на латинском языке и вполне может успешно разрабатывать нужные вопросы по первоисточникам. Пробные же лекции Николая Александровича еще больше убедили профессора в способностях его ученика быстро осваивать литературу предмета, извлекать из нее необходимую информацию, приводить разрозненные сведения в стройную систему и излагать их в отчетливой и простой форме.

После прозвучавших сообщений члены совета академии приступили к открытому голосованию, когда за каждого кандидата голосовали отдельно. За священника Александра Рутковского было подано три голоса (ректора епископа Георгия, проф. С.М. Зарина и проф. И.А. Карабинова), за священника Иакова Ктитарева — два голоса (проф. И.Г. Троицкого и проф. В.С. Серебrenикова), за Н.А. Коновалова положительно высказались все члены совета¹³¹. Утверждение указом Св. Синода состоялось 22 ноября 1912 г.¹³²

Будущий единогласно избранный преподаватель кафедры гомиластики Санкт-Петербургской духовной академии родился 26 сентября 1884 г. в деревне Самылиха Вологодской губернии. Образование Николай Александрович получил поздно и не совсем обычным путем. Один отзывчивый человек, заметив необыкновенные способности мальчика, отдал его в духовную школу. После смерти своего попечителя Н.А. Коновалов остался без средств к существованию, жил случайными заработками (переписка, доставка пакетов в канцелярии, пение в церковном хоре), но продолжал учебу в семинарии¹³³.

В 1907–1911 гг. обучался в Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил, защитив кандидатскую диссертацию «Экспериментальная пе-

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 122.

¹³¹ Там же. С. 117.

¹³² Там же. С. 124.

¹³³ К 125-летию со дня рождения Н.А. Коновалова // Агенство по делам архивов Пермского края. URL: <http://agah.permkrai.ru/news/?id=173> (дата обращения: 12. 01. 2014).

дагогика пред судом христианства»¹³⁴. Его научным руководителем был известный профессор академии протоирей Сергей Соллертинский¹³⁵. Коновалов, заняв в разрядном списке первое место из общего числа 58 студентов, был оставлен при академии профессорским стипендиатом по кафедре педагогики и дидактики с методологией наук. Научным руководителем его был профессор В.С. Серебrenиков¹³⁶.

В библиотеке Санкт-Петербургской православной духовной академии в настоящее время имеется экземпляр литографированных лекций Н.А. Коновалова за 1912–1913 учебный год по гомилетике. Из их содержания, а также из годового отчета о состоянии академии видно, что Коновалов читал лекции студентам III и IV курсов. Уже в первой лекции, которая имеет довольно пространное название: «Предварительные замечания о некоторых особых побуждениях к изучению науки о проповедничестве и о важности последней в круге богословского образования», лектор вынужден был не просто определить цели, задачи, предмет и объект академической дисциплины, но и провести целую апологию своего предмета: «Вы знаете, с каким пренебрежением стали говорить и писать с некоторого времени о гомилетике. Решительно возражают против всякой возможности наименования ее наукой, а если и называют наукой, то наукой окончательно пустой и бесполезной. <...> Гомилетика стала настолько мало внушать к себе доверия и вызывать сочувствия в среде лиц, получивших специальное богословское образование, что уже одно название ее нередко вызывает ироническую улыбку. <...> Уважение к ней с некоторого времени упало настолько, что одно время думали даже исключить ее из состава наук, входящих в курс высшего духовно-учебного заведения, как отрасль знания, лишенную самостоятельного значения и интереса»¹³⁷.

Сам Коновалов, обозначив такое бедственное состояние своей дисциплины, естественно, обещает слушателям исправить ситуацию и поставить преподавание науки о церковном красноречии на должный научный уровень.

¹³⁴ Соллертинский С., *прот.* Отзыв о сочинении студента Коновалова Николая на тему «Экспериментальная педагогика пред судом христианства» // ЖЗС СПбДА за 1910–1911 учебный год. СПб., 1911. С. 412–417; Серебrenиков В.С. Отзыв о сочинении студента Коновалова Николая на тему «Экспериментальная педагогика пред судом христианства» // Там же. С. 417–418.

¹³⁵ Соллертинский Сергей Александрович, *протоирей* (29 мая 1846 г.–5 февраля 1920 г.) — ординарный профессор СПбДА, доктор богословия.

¹³⁶ ЖЗС СПбДА за 1912–1913 учебный год... С. 118.

¹³⁷ Коновалов Н.А. Из лекций по гомилетике, читанных студентам III и IV курсов Санкт-Петербургской духовной академии в 1912–1913 учебном году. СПб., 1913. С. 3, 4, 5.

В своих чтениях по гомилетике в 1913 г. Коновалов сначала раскрыл цели и задачи христианского проповедничества, дал оценку отрицательным суждениям о пользе отдельной науки о проповедничестве. Далее приступил к изложению данных о проповедничестве Христа Спасителя, св. апостолов и образцах святоотеческой проповеди IV в. На изложение материала по гомилетике ушла первая половина года. Вторая была посвящена пастырскому богословию и аскетике¹³⁸. Во второй половине 1914 г. в рамках гомилетики Коновалов выяснял «ближайшую причину несоответствия традиционного содержания гомилетики практическим требованиям, предъявляемым жизнью к проповеди, каковою должно признать отсутствие устойчивого решения вопроса о природе и ее продуктивной силе»¹³⁹. В первой половине 1915 г. Николай Александрович раскрыл основные положения теории гомилетики в применении к условиям современной проповеднической практики¹⁴⁰. Во второй половине 1916 г. Коновалов на теоретических лекциях раскрыл содержание следующих тем: «Высота и важность проповеднического служения», «Предмет и содержание проповеди», «Личность проповедника». Кроме того, Николай Александрович вел со студентами практические занятия, на которых учащиеся знакомились с первой христианской гомилетикой блаженного Августина «*De doctrina christiana*»¹⁴¹.

В годы преподавательской деятельности у Н.А. Коновалова сложились довольно хорошие отношения с профессором Н.Н. Глубоковским, который, после закрытия Петроградской духовной академии в 1918 г., тщательно следил за открытием новых университетов и «стремился помочь своим безработным коллегам и бывшим ученикам, рекомендуя их для занятия освобождавшихся или вновь создаваемых кафедр»¹⁴². Именно по рекомендации Глубоковского Коновалов еще осенью 1920 г. был избран на кафедру истории религии Нижегородского университета. В ответном письме на имя известного корифея русской богословской науки и своего земляка Николай Александрович, выражая сердечную благодарность за ходатайство и протекцию, писал: «Мы часто вспоми-

¹³⁸Отчет о состоянии Императорской СПбДА за 1913 г. СПб., 1914. С. 24–25.

¹³⁹Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1914 г. СПб., 1915. С. 31.

¹⁴⁰Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1915 г. СПб., 1916. С. 37.

¹⁴¹Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1916 г. СПб., 1917. С. 19.

¹⁴²Богданова Т.А. Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. С. 679.

наем Академию, — всю академическую обстановку; при этих воспоминаниях я обычно с трудом удерживаюсь от слез. Мне почему-то кажется, что её уже не будет»¹⁴³. Коновалов в это время жил в Вологде.

Коновалов, еще обучаясь в академии, одновременно являлся вольнослушателем психоневрологического института. С 1912 по 1917 гг. преподавал психологию и педагогику на Высших женских курсах и в Петербургских женских институтах ведомства учреждений императрицы Марии. В 1917–1918 гг. Коновалов преподавал в трудовых и вечерних школах Петрограда. В 1918 г. он был приглашен академиком А.Ф. Кони в «институт живого слова» для выступления с публичными лекциями в общественных и культурных учреждениях г. Петрограда. С 1919 по 1922 гг. Коновалов уже профессор педагогики и психологии Вологодского педагогического института, с 1921 г. — ректор института. В 1922 г. Н.А. Коновалов, будучи избранным на должность профессора Нижегородского и почти одновременно Пермского университетов, отдал предпочтение последнему. В 1923–1930 гг. состоял заведующим отделом социального воспитания, председателем педагогической предметной комиссии Пермского университета. В 1930–1931 гг. там же являлся деканом педагогического факультета. В 1931 г., в связи с выделением из Пермского государственного университета самостоятельного педагогического института, занял в нем должность профессора кафедры психологии. С 1935 по 1942 гг. являлся заведующим этой кафедрой.

Перу Николая Александровича принадлежит ряд научных работ по проблемам психологии, педагогики, истории педагогики, дошкольного воспитания детей. В течение ряда лет он был постоянным консультантом при детских домах Пермского горно. Кроме того, Коновалов с 1930 г. руководил аспирантурой по психологии. Профессор и его аспиранты занимались изучением индивидуальных особенностей личности ребенка. Николай Александрович являлся членом редакционной коллегии «Ученых записок Пермского государственного университета», входил в лекторское бюро института по повышению квалификации педагогов, подготовил ряд научных работ, докторскую диссертацию на тему «Характер и воля», но не успел защитить ее в связи со скорострительной кончиной 7 июля 1942 г.¹⁴⁴

¹⁴³Цит. по: *Богданова Т.А.* Н.Н. Глубоковский... С. 680.

¹⁴⁴См.: К 125-летию со дня рождения Н.А. Коновалова. Там же; Коновалов Николай Александрович — профессор психологии Пермского педагогического института // ГКБУ «Государственный архив Пермского края». URL: http://www.archive.perm.ru/guide/0011/fr-__938_.htm (дата обращения: 12. 01. 2014).

В настоящее время некоторые материалы о жизни и деятельности Н.А. Коновалова хранятся в Государственном архиве Пермского края. В фонде № р-938 «Коновалов Николай Александрович — профессор психологии Пермского педагогического института» имеются автобиографии, фотографии, удостоверения, справки, выписки, характеристики, памятные адреса, черновые рукописи на темы «Явление изменчивости под влиянием внешних воздействий (воспитание)», «Наследственность и конституции», «Половое развитие ребенка», «Общие основные закономерности и факторы развития ребенка» и др. Всего в описи насчитывается 31 единица хранения¹⁴⁵.

* * *

Даже при самом общем и поверхностном обзоре истории кафедры гомилетики первое, что обращает на себя внимание — это пренебрежительное отношение к данной дисциплине не только и не столько со стороны студентов и профессоров, но и со стороны церковного руководства. Последнее, если обратить внимание на издававшиеся во второй половине XIX — начале XX вв. академические уставы, всячески оттесняло гомилетику из основной группы богословских дисциплин, то соединяя, то разъединяя её с другими предметами. И это при том, что священническая проповедь всегда была и остается одной из главных составляющих пастырского приходского служения.

В Санкт-Петербургской духовной академии одним из основных разработчиков гомилетики как научной богословской дисциплины являлся профессор Н.И. Барсов. Он заложил в столичной высшей богословской школе, образно выражаясь, фундамент для развития данной дисциплины — своими учебными пособиями, многочисленными статьями, посвященными как отдельным церковным проповедникам святоотеческого периода и новейшего времени, так и конкретным теоретическим проблемам, связанных с церковным красноречием.

Кафедре нужен был достойный продолжатель, который смог бы развить достигнутые результаты и успехи. Однако этого, к сожалению, не произошло. Все последующие профессора данной дисциплины были скорее «временщиками», при том, что каждый из них был профессионалом высокого уровня, если говорить о них, как об учёных. Н.К. Никольский достиг колоссальных успехов в области древней русской церковной истории, И.Е. Евсеев всю свою жизнь пла-

¹⁴⁵См.: Фонд № р-938 «Коновалов Николай Александрович — профессор психологии Пермского педагогического института». Опись № 1 «Личные документы, главы из монографий, вырезки из журналов и газет, фотопортреты» // ГКБУ «Государственный архив Пермского края». URL: <http://www.archive.perm.ru/showopis.php?id=525508> (дата обращения: 12. 01. 2014).

нировал посвятить изучению и изданию славянского текста Библии, иеромонаха Вениамина (Федченкова) на этапе преподавания в духовной школе явно больше привлекала аскетика и пастырское богословие, профессиональные интересы Н.А. Коновалова концентрировались в области педагогики.

Однако, несмотря на то, что гомилетика как наука для вышеназванных профессоров находилась всегда на втором плане, каждый из них внёс свой сильный вклад в дело её развития.

Так, профессор Н.К. Никольский значительно обогатил источниковую базу, вводя в научный оборот все новые и новые произведения древнерусского церковного красноречия. Кроме того, особый интерес представляет и его аналитическая статья, посвященная особенностям древнерусской проповеди в Московской Руси «Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси и их значение для современной гомилетики»¹⁴⁶.

Профессор И.Е. Евсеев, предпочитая на своих занятиях историю гомилетики её теоретической части, обратил большое внимание на проповедническую деятельность студентов академии. Иван Евсеевич делал очень много для того, чтобы схоластическая, т.е. учебная проповедь вышла из стен аудиторий на церковный амвон не только академического храма, но и других городских церквей.

Иеромонах Вениамин, занимая кафедру чуть больше года, существенных шагов в деле развития академической дисциплины сделать не успел. Впрочем, учитывая свой недавний студенческий опыт и будучи человеком небезразличным к церковной проповеди, понимая её колоссальное значение в повседневной жизни прихода, отец Вениамин привлекал и увлекал учащихся своими практическими занятиями, которые сейчас бы назвали семинарами.

Блестящий знаток латинского и других уже новых языков Н.А. Коновалов также имел перспективы качественно улучшить теоретическую составляющую гомилетики как научно-богословской дисциплины. Однако в данном случае остается лишь пенять на революцию, последующее закрытие академии и прекращение развития всех вообще каких бы то ни было церковно-богословских наук.

¹⁴⁶ *Никольский Н.К.* Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси и их значение для современной гомилетики // ХЧ. 1901. № 2. См.: *Карпук Д.А.* Вклад Санкт-Петербургской духовной академии в изучение истории духовного просвещения в России в XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С.159–176.

В данной статье совсем не была рассмотрена деятельность ректора академии епископа Антония (Вадковского), который некоторое время преподавал гомиластику в Казанской духовной академии и сделал очень много для ее развития и Санкт-Петербурге.

Кроме того, полноценный обзор истории развития кафедры церковного красноречия, т.е. гомиластики в Императорской Санкт-Петербургской духовной академии будет односторонним, если подробно не изучить и не рассмотреть ещё две важные темы: историю возникновения и деятельности в столице кружка студентов-проповедников, действовавшего с конца 1880-х гг., и обстоятельства учреждения при академии кафедры Церковного живого слова и чтения. Каждая из этих тем вполне заслуживает отдельного исследования.

Источники и литература

1. *Амфиатров Я.К.* Чтения о церковной словесности, или Гомиластика. Киев, 1846. В 2-х чч.
2. *Барсов Н.И.* Взгляд на жизнь и деятельность московского митрополита Филарета: (По случаю столетия дня его рождения). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1883. 10 с.
3. *Барсов Н.И.* Лекции по патристике. СПб.: Типо-лит. Яздовского, 1887. [2], 350 с.
4. *Барсов Н.И.* Материалы для биографии Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского и Таврического: Вып. 1–2. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884–1888. 2 т.
5. *Барсов Н.И.* Преосвященный Иоанн, епископ Смоленский, как проповедник: “Беседы, поучения и речи Иоанна, епископа Смоленского, сказанные смоленской пастве”. Смоленск. 1871 г. СПб., 1872. 21 с.
6. *Барсов Н.И.* Раскольничья литература новейшего времени // Христианское чтение. 1894. № 5–6. С. 487–515.
7. *Барсов Н.И.* Св. Григорий Богослов, как проповедник. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1886. 46, [1] с.
8. *Барсов Н.И.* Спорные вопросы из первоначальной истории беспоповщины // Христианское чтение. 1876. № 11–12. С. 693–711.
9. *Берташ А., свящ., Карпук Д.А.* Катанский Александр Львович // Православная энциклопедия. Т. XXXI. Каракалла — Катехизация.

- М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 677–684.
10. *Бовкало А.А.* Барсов Н.И. // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 357–358.
 11. *Богданова Т.А.* Н.Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010.
 12. *Богородский Я.А.* Митрополит Антоний (Вадковский) в казанский период его жизни и деятельности // Православный собеседник. 1913. № 2.
 13. *Вениамин (Федченков), иером.* Лекции по пастырскому богословию с аскетикой, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии в 1910–1911 учебном году. СПб., 1911. Отчет о состоянии СПбДА за 1911 г. СПб., 1912. 292 с.
 14. *Вениамин (Федченков), иером.* О крестном пути пастырства: слово, произнесенное в храме Санкт-Петербургской духовной академии за Литургией в день годовичного акта 17 февраля 1911 г. // ХЧ. 1911. № 4. С. 540–551.
 15. *Вениамин (Федченков), митр.* Божьи люди. М.: Отчий дом, 2004.
 16. *Ветелев А., свящ.* Гомилетика. Курс академических лекций по теории и практике церковно-православного проповедничества. М.: Загорск, 1949. 336 с.
 17. *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии ординарным профессором доктором богословия Иваном Евсеевичем Евсеевым в 1908–1909 гг. СПб., 1909. 402 с.
 18. *Евсеев И.Е.* Рукописное предание славянской Библии // ХЧ. 1911. № 4. С. 435–450; № 5–6.
 19. *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам LXV курса Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1907.
 20. *Евсеев И.Е.* Лекции по гомилетике, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии ординарным профессором доктором богословия Иваном Евсеевичем Евсеевым в 1908–1909 гг. СПб., 1909.
 21. Журналы Совета С.-Петербургской духовной академии за 1889/90 учебный год. СПб.: Типография А. Катанского и К°, 1894. 367 с.

22. Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1895/96 учебный год. СПб., Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1900. 352 с.
23. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1896/97 учебный год. СПб.: Типо-литография А.П. Лопухина, 1897. 411 с.
24. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1898–1899 учебный год. (В извлечении). СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1905. 263 с.
25. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1899–1900 учебный год (в извлечении). СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1902. 404 с., X с.
26. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1900–1901 учебный год. СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1901. 383 с.
27. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1901–1902 учебный год (в извлечении). СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1902. 432 с.
28. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1903–04 год (в извлечении). СПб.: Типография М. Меркушева. 1904. 233 с., VII с.
29. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1905–1906 учебный год (в извлечении). СПб.: Типография М. Меркушева, 1906. 334 с.
30. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1906–1907 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1907. 330 с.
31. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1907–1908 учебный год. СПб.: Типография Меркушева, 1908. 347 с.
32. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1908–1909 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1909. 440 с.
33. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1909–1910 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. 720 с.
34. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1910–1911 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1911. 603 с.

35. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1911–1912 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1912. 408 с.
36. Журналы заседаний Совета Императорской С.-Петербургской духовной академии за 1912–1913 учебный год. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913.
37. *Иаков (Домских), архим.* Исторический очерк русского проповедничества, СПб., 1878.
38. К 125-летию со дня рождения Н.А. Коновалова // Агенство по делам архивов Пермского края. URL: <http://agarh.permkrai.ru/news/?id=173> (дата обращения: 12.01.2014).
39. *Карпук Д.А.* Вклад Санкт-Петербургской духовной академии в изучение истории духовного просвещения в России в XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 159–176.
40. *Карпук Д.А.* Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии (1821–1917): к 190-летию журнала «Христианское чтение» // Христианское чтение. 2011. № 6 (41). С. 41–89.
41. *Карпук Д.А.* Священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской лавры митрополит Антоний (Вадковский) (1898–1912 гг.). К 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской лавры (1713–2013) и 100-летию со дня кончины митрополита Антония (Вадковского) (1846–1912) // История Петербурга. 2013. № 1 (68). С. 74–84.
42. *Коновалов Н.А.* Из лекций по гомилетике, читанных студентам III и IV курсов Санкт-Петербургской духовной академии в 1912–1913 учебном году. СПб., 1913.
43. Коновалов Николай Александрович — профессор психологии Пермского педагогического института // URL: http://www.archive.perm.ru/guide/0011/fr__938_.htm (дата обращения: 12. 01. 2014)
44. *Кравецкий А.Г.* Евсеев Иван Евсеевич // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 279–281.
45. *Крапошина Н.В.* Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2010.

46. *Крапошина Н.В.* Н.К. Никольский: биография ученого в архивных документах // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. Под. ред. И.П. Медведева. СПб., 2004.
47. *Логачев К.* Профессор И.Е. Евсеев (1868–1921). К 50-летию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии 1971. № 12. С. 64–67.
48. Магистерский коллоквиум в нашей академии // ЦВ. 1897. № 13. Стлб. 408–412.
49. *Никанор, еп. Олонецкий.* Памяти †А.П. Высокоостровского. Речь на могиле // ЦВ. 1912. № 37. Стлб. 1168–1169.
50. *Никольский Н.К.* Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси и их значение для современной гомилетики // ХЧ. 1901. № 2.
51. Отчет о состоянии СПбДА за 1899 г. // ХЧ. 1900. Ч.1. С. 485–520.
52. Отчет о состоянии СПбДА за 1901 г. // ХЧ. 1902. Ч.1. С. 351–386.
53. Отчет о состоянии СПбДА за 1902 г. // ХЧ. 1903. Ч.1. С. 489–525.
54. Отчет о состоянии СПбДА за 1903 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1904. 42 с.
55. Отчет о состоянии СПбДА за 1904 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1905. 43 с.
56. Отчет о состоянии СПбДА за 1908 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1909. 51 с.
57. Отчет о состоянии СПбДА за 1909 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1910. 44 с.
58. Отчет о состоянии СПбДА за 1910 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1911. 52 с.
59. Отчет о состоянии СПбДА за 1911 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1912. 58 с.
60. Отчет о состоянии СПбДА за 1912 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1913. 58 с.
61. Отчет о состоянии Императорской С.-Петербургской духовной академии за 1913 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1914. 50с.
62. Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1914 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1915. 63 с.
63. Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1915 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1916. 62 с.
64. Отчет о состоянии Императорской Петроградской духовной академии за 1916 г. СПб.: Тип. М.Меркушева, 1917. 37 с.

65. *Певницкий В.Ф.* Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Типография И.И. Горбунова. 1906. IV, 296 с.
66. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873.
67. Празднование Санкт-Петербургской духовной академией 1500-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста // ЦВ. 1907. № 46. Стлб. 1482–1483.
68. *Римский С.В.* Барсов Т.В. // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 358–360.
69. *Родосский А.С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907.
70. *Светозарский А.К.* Вениамин (Федченков), митрополит // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2007. С. 652–654.
71. *Смолич И.К.* История Русской Православной Церкви. 1700–1917. Часть 1. М., 1996.
72. Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. СПб.: Издательство «Борей», 1994.
73. *Уберский И.* Проф. Н.И. Барсов (Некролог) // Церковный вестник. 1903. № 14. Стлб. 442–443.
74. Устав и штат православных духовных академий, высочайше утвержденный 20 апреля 1884 года. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. 30 с.
75. Устав православных духовных академий. СПб.: Синодальная типография, 1912. 52 с.
76. Фонд № р-938 «Коновалов Николай Александрович — профессор психологии Пермского педагогического института». Опись № 1 «Личные документы, главы из монографий, вырезки из журналов и газет, фото-портреты» // ГКБУ «Государственный архив Пермского края». URL: <http://www.archive.perm.ru/showopis.php?id=525508> (дата обращения: 12.01.2014).
77. *Чистович И.А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.
78. *Чистович И.А.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888 гг.). СПб., 1889.

М.В. Шкаровский

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАГРАНИЦЕЙ И ЕЕ ОБЩИНЫ В ЮГОСЛАВИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена деятельности руководящих органов Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) и истории русских церковных общин в Югославии в годы Второй мировой войны. В апреле 1941 г. Югославия была оккупирована войсками нацистской Германии и ее союзников, и общины РПЦЗ в этой стране стали претерпевать различные стеснения в своей деятельности. В среде русской эмиграции произошел раскол: часть паствы РПЦЗ вступила в различные антикоммунистические формирования, прежде всего — в Русский корпус, другая часть демонстрировала негативное отношение к фашистам. Священноначалие РПЦЗ старалось занимать в целом нейтральную позицию, пытаясь принимать активное участие в религиозном возрождении на оккупированной территории СССР, однако немецкие власти не пустили русских эмигрантских священнослужителей на Родину. Осенью 1944 г., ввиду приближения советских войск, Архиерейский Синод эвакуировался в Германию, где оставался до конца войны.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь Заграницей, церковная эмиграция, Югославия, Вторая мировая война, Германия.

К началу Второй мировой войны численность русской эмиграции в Югославии сократилась до 26–30 тыс. человек (в том числе около 10 тыс. проживали в Белграде), однако эта страна продолжала оставаться центром деятельности Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), руководящим органам которой вскоре пришлось испытать на себе особенности и изменения религиозной политики III рейха.

На территории Германии в 1930-е гг. русские эмигранты составляли большую часть всех православных, и греки, болгары, сербы, румыны зачастую входили в русские приходы. Поэтому образованное в 1935 г. Рейхсминистерство церковных дел (РКМ) свою политику определенного покровительства РПЦЗ не случайно связывало с достижением влияния на Православные Церкви Балкан. Так, 9 июля 1938 г. рейхсминистр Г. Керл писал в Счетную палату по вопросу пособия при строительстве православного собора в Берлине: «Кроме прочего поддержка Русской Православной Церкви будет благоприятно влиять на

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской православной духовной академии, ведущий научный сотрудник Государственного архива Санкт-Петербурга (shkarovs@mail.ru).

отношения Германского рейха с государствами Юго-Востока (Болгарией, Румынией, Югославией), в которых Церковь играет большую роль в политической жизни. Может быть в результате поддержки Русской Православной Церкви в Германии эти государства войдут в общий антибольшевистский фронт во главе с Третьим рейхом»¹.

Однако более влиятельные внешнеполитические нацистские ведомства считали, что русское Православие находится под влиянием враждебных Германии стран Запада, а РПЦЗ также является активным проводником чуждой русской националистической и монархической идеологии и к тому же тесно связана с врагом рейха Сербским Патриархом Гавриилом. В записи к аресту Патриарха от 11 июня 1941 г., сделанной Внешнеполитической службой национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), говорилось: «В Сремских Карловцах находится Синод бежавших из России епископов. Этот Синод является выразителем реакционных течений Русской Православной Церкви... В 1938 г. в Сремских Карловцах состоялся конгресс представителей всех Греко-Православных Церквей из всех стран. На этом конгрессе был объявлен манифест, провозгласивший великого князя Владимира русским царем»². В этой записи даже присутствует заметное преувеличение — в Русском Всезаграничном Церковном Соборе 1938 г. участвовали лишь представители русской церковной эмиграции, да и то не всей.

Еще более жесткую позицию по отношению к РПЦЗ занимали руководство НСДАП, Главное управление имперской безопасности (РСХА) и Рейхсминистерство занятых восточных территорий (РМО). После начала войны с СССР их линия полностью возобладала и проявилась открыто и ярко. Почти во всех директивах второй половины 1941 г. о церковной политике на Востоке говорилось о категорическом недопущении священников из других стран на занятую территорию СССР. Впервые эта фраза присутствовала в «Указаниях военным организациям об отношениях в религиозном вопросе» от 3 августа 1941 г., разработанных РМО: «Въезд из эмиграции в занятые области или послания церковных организаций из других стран запрещены»³. Потом соответствующее указание было повторено в изданных на основе июльских директив А. Гитлера прика-

¹Bundesarchiv Berlin (BA), R2/5023, Bl. 23–24.

²Ibid. NS43/35, Bl. 62.

³Ibid. R6/177, Bl. 9.

зе Верховного командования вермахта от 6 августа 1941 г., приказе шефа РСХА Р. Гейдриха от 16 августа и др.⁴

Некоторые причины негативного отношения Восточного министерства к РПЦЗ были изложены в докладной записке главного отдела политики о нежелательной активности русских монархистов от 17 июня 1942 г.: «Работа легитимистов также распространяется на Русскую Православную Церковь, которая особенно восприимчива к этому... В поле зрения мировой общественности Русская Синодальная Церковь вошла во время нынешней войны благодаря личности поддерживающего ее Сербского Патриарха Гавриила, который находился в тесной связи с русскими легитимистами в Югославии и был арестован как сербский преследователь [Германии] после вступления немецких войск в Югославию»⁵.

Вероятно, в случае победы III рейха во Второй мировой войне РПЦЗ ждала бы трагическая судьба. Так, в сообщении полиции безопасности и СД от 2 февраля 1942 г. говорилось, что после конца большевизма «карловацкий вопрос» должен быть как-нибудь разрешен, так как нельзя допустить возобновления старорусских теократических устремлений, подобных существовавшим в царское время⁶.

Значительная часть русских священнослужителей-эмигрантов считала, что обновление и возрождение России должно происходить под духовным предводительством Православной Церкви. Это подразумевало и ее особую роль в борьбе против коммунистического режима, в 1930-е гг. особенно активно искоренявшего религию в СССР. В своем Рождественском послании 1939 г. Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) указывал, что «ничто не нужно в такой степени для нас ныне перед лицом грядущих решительных событий, как тесное единение всех наших национальных сил, сосредоточенных на одной священной мысли — низвержении большевизма и возрождении России. К этому не перестает нас звать наша Матерь Церковь, исконная собирательница и печальница Русской земли, ...к этому зовет нас и Сам Христос Спаситель»⁷.

Начало Второй мировой войны пробудило надежды части эмиграции на возможность падения советской власти, и эти надежды связывались, прежде всего, с пробуждением духовных сил собственного народа. В обращении митрополита Анастасия и представителей русских национальных организаций в Юго-

⁴Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 500. Оп. 5. Д. 3. Л. 62–65.

⁵Institut für Zeitgeschichte München (IfZ), MA246, Bl. 676–677.

⁶ВА. R58/220, Bl. 279.

⁷Церковная жизнь. 1939. № 1–2. С. 1–2.

славии к великому князю Владимиру Кирилловичу от 3 сентября 1939 г. говорилось: «Начавшаяся жестокая война может выдвинуть вопрос о судьбе русского народа, о судьбе нашей пострадавшей Родины... Ход развертывающихся событий будет нас держать в наивысшем напряжении, и русская эмиграция за рубежом не имеет права не пользоваться могущим представиться случаем, чтобы подвинуть дорогое нам русское национальное дело. Мы можем и должны рассчитывать на самих себя, и на те народные силы «там», которые сохранили в душах своих чувство любви ко всему родному и русскому»⁸. При этом всякая возможность компромиссов с советской властью во имя решения исторических задач России категорически отвергалась. Власть коммунистов представлялась абсолютным злом, хуже которого быть уже не может.

В другом своем обращении от 15 сентября 1939 г. владыка Анастасий писал: «Да спасет только Господь нас от насилия этой власти, и тогда Россия обретет в себе силу, чтобы восстановить свое державное могущество и занять снова достойное ее место среди других народов мира. Преодолеть соблазн возрастающего большевизма и его мнимого служения историческим задачам России значит совершить новый подвиг, к которому Бог призывает русский народ в эти грозные дни. Война есть огонь поядующий и очищающий в одно и то же время, и быть может самому большевизму, ставшему угрозой для всей Европы, суждено сгореть в этом пламени, который он так старательно разжигает ныне повсюду»⁹. С такими чаяниями, надеждой и самосознанием подошла русская правая церковная эмиграция к началу войны Германии с СССР.

Вспыхнувшие в сентябре 1939 г. в Европе боевые действия не сразу отразились на деятельности Архиерейского Синода РПЦЗ. Югославия еще больше года оставалась нейтральным государством, однако, постепенно появились трудности в связи с епархиями на территории воюющих стран. Митрополит Анастасий опасался более серьезных осложнений в ближайшем будущем и написал письмо протопресвитеру Сергию Орлову в Женеву, спрашивая его о возможности переноса церковного центра в Швейцарию, чтобы оказаться вне сражающихся сил. Это письмо было перехвачено гестапо, воспринявшим владыку с большим подозрением¹⁰. Некоторые церковные люди также предполагали, что

⁸ *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 38.

⁹ См.: *Церковная жизнь.* 1939. № 9–10.

¹⁰ *Григорий (Грaббе), еп.* Завет святого патриарха. М., 1996. С. 55, 323.

Первоиерарх РПЦЗ удалится в Палестину ввиду возможных репрессий со стороны немцев. Однако этого переезд тоже не состоялся.

Германская оккупация ряда европейских стран не только затруднила связи местных общин РПЦЗ с Архиерейским Синодом в Югославии, но и сделала невозможным прежнюю финансовую помощь им со стороны Сербской Патриархии. Так, например, митрополит Западно-Европейский Серафим (Лукьянов) писал 30 сентября 1940 г. из Парижа владыке Анастасию (Грибановскому): «Изда перерывов почтовых связей, вызванных войной, не получил пособия от Сербской Православной Церкви... что естественно крайне ухудшило мое материальное положение... Ввиду отсутствия средств я не имею возможности уплатить за свою скромную квартиру, состоящую всего из одной комнаты и кухни»¹¹.

На антигерманский переворот в Югославии 27 марта 1941 г. руководство РПЦЗ и русской эмиграции в стране отреагировали положительно. Митрополит Анастасий и глава Делегации по защите интересов русских беженцев В.Н. Штрандтман сразу же послали пришедшему к власти югославскому королю Петру II поздравительную телеграмму, в которой писали: «Вознеся молитвы в Русской церкви о здравии и благоденствии Вашего Величества по случаю принятия полноты Королевской Власти, русская эмиграция приносит свои поздравления и горячие пожелания счастливого и долгого Царствования под Сенью Всевышнего Господа на благо народа, на его процветание и славу, достойное его героического прошлого. Одушевленные чувствами глубокой благодарности за оказанное нам братское гостеприимство в години нашего величайшего национального горя, мы просим Ваше Величество принять выражение безграничной преданности Русской эмиграции и ее стойкой верности и в будущем заветам наших предков». В этом обращении не было политической оценки переворота, но позднее немецкие оккупационные власти учли его в неблагоприятном для митрополита и В.Н. Штрандтмана смысле¹².

6–7 апреля 1941 г. Белград оказался подвергнут неожиданной ожесточенной бомбардировке, от которой погибли свыше 17 тыс. жителей. В огне пожаров пострадали здания Сербской Патриархии, Народной библиотеки и Института имени Н.П. Кондакова (погибли его секретарь Д.А. Расовский вместе с супругой). Сильно пострадало и помещение Синодальной канцелярии на Молеровой ул., в связи с чем ей пришлось переехать в одно из зданий бывшей Российской миссии на ул. Короля Милана, д. 12, куда перевезли и чудом уцелевший архив

¹¹Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6343. Оп. 1. Д. 283. Л. 19.

¹²*Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 257–258.

Архиерейского Синода. Всего при немецкой бомбардировке города было убито или ранено около 50 русских эмигрантов. В эти дни русские священники, в промежутках между налетами, самоотверженно ходили со Св. Дарами по городу, утешая прихожан, напутствуя раненых и умирающих, совершая молебные пения по убежищам и отпевая умерших¹³.

Вблизи русской церкви Пресвятой Троицы упало пять бомб, с одной ее стороны сгорел соседний сербский храм св. Марка, с другой — было разрушено здание Министерства почт и телеграфов, у самой церковной стены двое суток пылал гигантский костер из зажженного бомбой склада бревен, но в ней непрерывно шла служба. Уже утром 6 апреля в храме совершили богослужение игумен Аверкий (Таушев), протоиереи Иоанн Сокаль, Георгий Флоровский и Сергей Ноаров, а после окончания литургии митрополит Анастасий совершил крестный ход с чудотворной Курской-Коренной иконой Божией Матери «Знамение». На следующий день в праздник Благовещения, когда происходила особенно сильная бомбардировка, в Троицкой церкви служили отцы И. Сокаль, Сергей Ноаров и Георгий Флоровский, добровольными певчими управлял протоиерей Владислав Неклюдов, а на полиелей вышел владыка Анастасий. Игумен Аверкий в этот день совершил богослужение на Мокром Лугу (предместье Белграда), где скопилось много русских беженцев, протоиерей Виталий Тарасьев — в Иверской часовне на Новом кладбище, а прот. Георгий Флоровский — и в церкви Русского дома для учащихся русских гимназий, где он состоял законоучителем¹⁴.

Митрополит Анастасий также вскоре перешел в Русский дом и там присутствовал на литургии, которую служил в подвале здания один из священников для множества укрывавшихся там русских людей. Эта литургия, совершенная в обстановке, напоминавшей катакомбы древних христиан, на всю жизнь запечатлелась в памяти у тех, кто на ней причащались. А причащались, по благословению митрополита, все — до 300 человек после общей исповеди ввиду явно грозившей смертельной опасности. Затем владыка переехал в пригород Белграда Земун, где оставался некоторое время в непрестанной молитве и самом строгом посте, в Великий Четверг он вернулся в Белград и снова начал служить в Троицкой церкви. Вечерние службы, по обстоятельствам военного времени, заканчивались до 19 часов, а Пасхальная заутреня в Светлое Воскресенье нача-

¹³ Церковная жизнь. 1941. № 3–12. С. 34; Церковное обозрение. 1941. № 4–6. С. 1; Русская Православная Церковь Заграницей 1918–1968. Т. 1. Иерусалим, 1968. С. 284.

¹⁴ Чепиго Е. Чудеса Курской иконы Знамения // Православная Русь. 1947. № 5. С. 13–14.

лась в 6 часов утра. Очевидец этих событий В. Маевский позднее вспоминал: «Следует отметить, что все русские священнослужители, во главе со своим архипастырем и о. настоятелем храма, проявили в эти дни незаурядное мужество и полную готовность служить ближнему самоотверженно и бескорыстно, ни на момент не забывая своего пастырского долга. Так же были совершены богослужения и в остальные дни шестой недели великого поста»¹⁵.

В журнале «Церковное обозрение» так описывалось поведение русских белградцев во вторую неделю апреля: «Горячо молились в эти дни русские люди, испытавшие новый перелом в своей жизни. Иных не было с нами — они ушли по призыву своего нового отечества в армию, и судьба их тревожила родню. Другие лежали раненые по домам и больницам, а некоторые остались под развалинами домов. Спасенные от смерти в эти дни спешили в храм Божий и к чудотворному образу Божией Матери принести слезы горячей благодарности за спасение»¹⁶.

Сразу же после нападения агрессоров на Югославию русские эмигранты в лице митрополита Анастасия и главы Делегации по защите интересов русских беженцев В.Н. Штрандтмана выразили властям страны уверения в «безграничной преданности Русской эмиграции и ее стойкой верности и в будущем заветам... предков». Редакция газеты «Русский голос» призвала соотечественников «если потребуется, выполнить свой долг перед гостеприимно... принявшей [нас] родственной страной»¹⁷.

Многие русские эмигранты действительно вступили в ряды югославской армии, однако война продлилась недолго. Остатки разбитой армии были взяты в плен и заключены в лагеря на территории Германии. Здесь оказалось и несколько церковнослужителей РПЦЗ. Так, например, чтец белградской Свято-Троицкой церкви, будущий протоиерей Игорь Иванович Троянов провел в немецком плену 14 месяцев и лишь затем по болезни был отпущен в Белград¹⁸. Известный русский архитектор, построивший в Югославии несколько храмов, профессор Белградского университета Петр Дмитриевич Анагности, попав в немецкий плен, был заключен в концлагерь, откуда его освободили только союзные войска в 1945 г.

¹⁵ *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 262.

¹⁶ Пасха в оккупации // *Церковное обозрение*. 1941. № 4–6. С. 1.

¹⁷ *Тимофеев А.Ю.* Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // *Славяноведение*. 2006. № 4. С. 45.

¹⁸ *Корнилов А.А.* Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002. С. 58–59.

12 апреля 1941 г., в Лазареву субботу, в разгромленную столицу Югославии вошли части вермахта. Почти сразу же последовали репрессии против руководства Сербской Православной Церкви. Патриарх Гавриил, сопровождавший короля Петра вместе с отступавшими войсками до границы страны, был арестован и заключен под охрану в один из монастырей вблизи Белграда. Русскую эмиграцию также затронули всевозможные стеснения и ограничения со стороны оккупационных властей. Генеральный секретарь Делегации по защите интересов русских беженцев Е.Е. Ковалевский был убит во время бомбардировки, а бывший посол России в Сербии В.Н. Штрандтман арестован гестапо. Его освободили через несколько дней благодаря заступничеству Архиерейского Синода, но от руководства делами эмиграции полностью отстранили — Штрандтман не пользовался доверием немцев, так как был очень близок к англо-французским посольским кругам. Арестовали нацисты и известного ученого, академика П.Б. Струве, преподававшего в филиале Белградского университета в Суботице, после многомесячного заключения в тюрьме он в 1942 г. был освобожден и уехал с семьей в Париж. В церковной литературе упоминаются случаи спасения прихожан белградского храма благодаря чудотворной Курской иконе Знамения от обысков гестапо¹⁹.

В первую очередь от репрессий нацистов пострадали русские эмигранты еврейского происхождения (большинство из них погибло в Баничском лагере вместе с сербскими евреями) и немногочисленные масоны. Кроме того, немцы подвергали арестам тех эмигрантов, которые с симпатией относились к СССР как к своей родине. Гестапо арестовывало с целью проверки даже лиц, просто хотя бы раз в жизни посещавших советское посольство. Порой неосторожный разговор с самыми близкими друзьями мог стать причиной заключения в лагерь. Ряд людей пострадал за невыполнение приказа немецкого командования в Сербии от 27 мая 1941 г. о запрете приема под страхом тюрьмы или даже смертной казни всех радиостанций кроме немецких (некоторые эмигранты осмеливались организовывать групповые прослушивания)²⁰.

В этих условиях руководство РПЦЗ заняло выжидательную позицию. Некоторые очевидцы событий позднее даже писали об ошибочности такой тактики, усугублявшей страдания русских эмигрантов: «...митрополит Анастасий

¹⁹ *Григорий (Габбе), еп.* Завет святого патриарха. С. 324–325, 330–331; Архипастырские послания, слова и речи Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Джорданвилль, 1956. С. 18–19; *Чениго Е.* Чудеса... С. 14.

²⁰ *Тимофеев А.Ю.* Положение русской эмиграции... С. 54–55.

в это ответственное время воздерживался от всякого выступления и пропустил все возможности»²¹.

Впрочем, митрополит Анастасий все же попытался установить контакты с оккупационной администрацией. 30 апреля он доложил на заседании Архиерейского Синода, что в сопровождении Г.П. Граббе посетил командующего германскими войсками в Сербии генерала Фёрстера, и тот заявил, что Синод может беспрепятственно продолжать свою деятельность и об этом посещении он доведет до сведения рейхсминистра церковных дел²².

На следующем заседании Синода 21 июня 1941 г. Первоиерах РПЦЗ доложил, что он в сопровождении Г.П. Граббе и Б.Р. Гершельмана (в качестве переводчика) был принят новым командующим германскими войсками в Сербии генералом Шрёдером в присутствии помощника командующего по гражданской части генерала Турнера. Шрёдер поблагодарил за приветствие и благопожелания и заверил в благожелательном отношении немецких властей к Русской Церкви, однако на вопрос о возможности установления связи Архиерейского Синода с заграничными епархиями ответил отказом, заявив, что вследствие военного времени переписка с заграницей невозможна. Командующий также обещал, что будут приняты все меры для отыскания и возвращения вывезенных из Белграда так называемых «гатчинских святынь» (Филерской иконы Божией Матери, части Животворящего Креста Господня и десницы св. Иоанна Предтечи), но в годы войны они так и не были найдены и переданы РПЦЗ. В заключение встречи Шрёдер сказал, что по текущим вопросам к нему следует обращаться через майора Кисселя²³.

Вскоре после начала оккупации были закрыты практически все русские периодические издания и приостановлена деятельность почти всех эмигрантских общественных организаций как заведомо ненадежных. Впрочем, русские эмигранты сразу же начали новый процесс самоорганизации. Уже 10 апреля 1941 г. состоялось организационное заседание Комитета первой помощи пострадавшим от бомбардировки, а 13 апреля в здании Русского дома имени императора Николая II была открыта бесплатная кухня на средства американского Красного Креста.

²¹ *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 271.

²² Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей в Нью-Йорке (СА). Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946.

²³ Там же.

В данных условиях немцы решили взять этот процесс под свой контроль. 22 мая 1941 г. приказом командующего германскими вооруженными силами в Сербии было создано «Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии» во главе с генерал-майором Михаилом Федоровичем Скородумовым. Состоявшее из шести отделов бюро разместилось в Русском доме и вскоре провело перепись проживавших в Белграде взрослых эмигрантов из России: их оказалось 7020, не считая принявших югославское гражданство²⁴.

По своим взглядам М.Ф. Скородумов был убежденным русским националистом и монархистом. Вскоре после своего назначения он восстановил двуглавого орла на фронтоне здания бывшего российского посольства после выезда из него советских дипломатов, но, впрочем, уже 3 августа по требованию немцев оказался вынужден убрать герб императорской России со своего официального печатного органа газеты «Русский бюллетень». После войны Скородумов вспоминал: «Я был окружен немецкими агентами, которые следили за каждым моим шагом, меня снова вызвали в гестапо и предупредили, что если я позволю себе еще одно высказывание против немцев, то буду смещен с поста начальника Бюро и сильно пострадаю. Затем немецкое командование потребовало снять с печати Бюро русский герб (двуглавого орла) и заменить его свастикой, но я категорически отказался это сделать»²⁵.

Руководство культурно-просветительским отделом (в ведение которого входили и духовные дела) М.Ф. Скородумов поручил ротмистру И.В. Рычкову, который 2 июля в составе особой комиссии произвел осмотр книжного склада бюро. В результате этого осмотра были изъяты и 21 июля публично сожжены во дворе Русского дома 89 произведений литературы (в том числе книги Амфитеатрова «Русский поп 17-го столетия», З. Гиппиус «Св. Тихон Задонский», Д. Мережковского «Иисус Неизвестный»)²⁶.

Кроме того, М.Ф. Скородумов имел давний личный конфликт с митрополитом Анастасием и теперь решил свести с ним счеты. Уже в самом начале своей деятельности он лишил денежного пособия, выплачиваемого ранее Делегацией по защите интересов русских беженцев, не только Первоиерарха РПЦЗ, но и проживавших в Югославии членов Архиерейского Синода — архиепископов Гермогена и Феофана. А 16 июня начальник бюро издал обращение к русским людям, содержащее совершенно неуместные поучения в адрес православных

²⁴ Тимофеев А.Ю. Положение... С. 48–51.

²⁵ Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009. С. 164–165.

²⁶ Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 273, 282–283.

священнослужителей: «Дабы поднять моральный уровень эмиграции, духовенство должно произносить проповеди и беседы из учения Христа, переведя их на примеры из современной жизни эмиграции, открыто порицая все отрицательное и все пороки эмиграции... Церковь должна подойти ближе к жизни, ближе к эмиграции, а не обслуживать только одну небольшую группу эмигрантов. На церковные требы (крестины, свадьбы, похороны и т.д.) должна быть введена такса; нельзя бедного, но порядочного человека отпевать пять минут за минимальную сумму, а богатого мошенника за крупную сумму, ибо это противно учению Христа. Перед Богом все равны»²⁷.

Епископ Григорий (Граббе) так описывал в своих воспоминаниях деятельность М.Ф. Скородумова, пытавшегося мобилизовать на борьбу и Русскую Православную Церковь Заграницей: «Он был боевым офицером, по-видимому, очень храбрым, который мечтал поднять русскую эмиграцию для участия в борьбе с коммунизмом. В этом отношении он был готов идти вместе с немцами, но одновременно с этим он был и патриотом, который не хотел сдавать немцам никаких позиций. Но надо сказать, что в церковном отношении он понимал очень мало. У нас сразу же возникли с ним столкновения, потому что он написал приказ, который был адресован духовенству. И в этом приказе было сказано, как служить молебны, как служить литургию и вообще давались самые неожиданные указания духовенству, которые, конечно, мы никак не могли принять». По поводу этих требований тогда еще мирянин, правитель дел Архиерейского Синода Г.П. Граббе имел «неприятный разговор» в гестапо, где заявил, что Церковь никаким распоряжениям, издаваемым людьми, не имеющими к ней отношения, подчиняться не будет²⁸.

12 сентября 1941 г., неожиданно для германского командования, генерал М.Ф. Скородумов отдал приказ о формировании отдельного Русского корпуса, который заканчивался словами: «С Божьей помощью, при общем единодушии и, выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию»²⁹. Позднее Скородумов вспоминал: «В это время от частных лиц я получил устное предупреждение о том, что, как только будет отдан приказ о формировании корпуса, я буду немедленно арестован немецким посольством... После отдания этого приказа работа по формированию корпуса шла еще два дня, но 14 сентября меня пригласили в гестапо и действительно арестовали, так как

²⁷ Там же. С. 274, 277.

²⁸ Григорий (Граббе), еп. Завет святого патриарха. С. 325.

²⁹ Танин С.Ю. Русский Белград. С. 164.

немецкое посольство сообщило по радио: «В Белграде русский генерал Скородумов сформировал национальное правительство, формирует армию, и даже назначил командующего флотом». В Берлине начался переполох, и по радио последовал приказ: «Немедленно арестовать генерала, правительство и армию разогнать, начальника штаба полковника Кевиша и офицеров гестапо сместить». Розенберг будто требовал даже повесить меня (все эти сведения мне сообщили в гестапо после моего ареста)»³⁰.

Таким образом, уже 14 сентября М.Ф. Скородумов был временно арестован, назначенных им руководителей отделов бюро немцы сместили с постов и вместо них поставили более лояльных людей. Начальником бюро стал российский генерал-майор Владимир Викторович фон Крейтер (1888–1950), имевший немецких родственников и хорошо говоривший по-немецки. По воспоминаниям эмигрантов он «был очень порядочный... и мужественный человек, так как совершал те поступки, которые могли заинтересовать Гестапо и серьезно его скомпрометировать в глазах властей»³¹. При этом В.В. Крейтер был монархистом и имел идеалистические представления о планах германского руководства в отношении России. В частности, осенью 1941 г. он написал и передал представителям вермахта докладную записку о том, что проживавшие в Сербии русские эмигранты могли бы сыграть активную роль в создании администрации на занятой немецкими войсками территории СССР (естественно, что в нацистские планы это не входило)³².

Хотя ответа на записку Крейтера не последовало, Русское бюро 10 февраля 1942 г. объявило о добровольной регистрации лиц, желающих возвратиться в Россию на административно-технические должности. Эта регистрация была позволена, но в дальнейшем немцы использовали на своей службе лишь единичных лиц из выразивших желание ехать на Родину. По инициативе Крейтера был также организован «Главный контроль» при бюро, который проверял деятельность и финансы русских гражданских организаций в Сербии³³.

Одним из наиболее влиятельных сотрудников Русского бюро с августа 1941 вплоть до сентября 1944 гг. являлся Николай Дмитриевич фон Тальберг, будущий профессор Свято-Троицкой духовной семинарии РПЦЗ в Джордан-

³⁰Там же.

³¹Трушинович Я.А. Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. // Новый часовой. 1994. № 2. С. 143.

³²ГАРФ. Ф. 6792. Д. 68. Л. 36–39.

³³Там же. Ф. 7439. Оп. 1. Д. 8.

вилле (США). Он помогал обеспечивать в условиях оккупации деятельность многих русских учреждений: кадетского корпуса, институтов, гимназий, школ, библиотек, госпиталей, приютов, мастерских и различных курсов. Однако при этом никому не было известно, что Н.Д. Тальберг с довоенных времен тайно сотрудничал с германскими ведомствами. Так, в письме немецкого МИДа своему посольству в Белграде от 17 сентября 1937 г. говорилось: «...Тальберг, который до недавнего времени проживал в Париже и известен там посольству, вступил в контакт с Министерством иностранных дел и тайной государственной полицией. Так как собранная о нем информация благоприятна, и он представляется особенно хорошим знатоком отношений в Православной Церкви, он мог бы быть ценным советчиком по всем вопросам, которые касаются русской эмиграции, Православной Церкви и борьбы против большевизма как для Министерства иностранных дел, так и для Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды. МИД собирается поручить господину фон Тальбергу составление обстоятельной записки о положении Православной Церкви в эмиграции, а также о положении русских и нерусских политических организаций эмигрантов из СССР. За это ему обещан гонорар в 250 рейхсмарок. Из этого гонорара господин фон Тальберг мог бы получить аванс вскоре после своего переселения в Германию. Просим сообщить об этом господину фон Тальбергу, который... на 2-3 месяца поселился в Белграде, чтобы он по возможности еще до своего переезда в Германию начал составление записки»³⁴.

Следует упомянуть, что первоначально Крейтер, также как и Скородумов, не проявил должного уважения к духовенству. Весной 1942 г. Русское бюро издало положение о трудовой повинности, обязательной для лиц обоего пола, не достигших 60 лет, не освободив от него священнослужителей. Несколько русских священников выразили протест, ссылаясь на соответствующие привилегии духовенства в Российской империи, и генерал, желая поддержать силу приказа в полном объеме, пригласил в качестве эксперта профессора-канониста С.В. Троицкого, который высказался против претензий духовенства. Другой церковный юридический консультант дал противоположное заключение, и, в конце концов, Крейтер предоставил разрешение вопроса митрополиту Анастасию, который признал духовенство свободным от натуральной повинности в соответствии с российской практикой XIX века³⁵. Впрочем, постепенно отношения В.В. Крей-

³⁴Politischen Archiv des Auswärtigen Amts Bonn (AA), Politik V 473, Politik Russland 26, № 1, Bd. 1.

³⁵Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 278–279.

тера с руководством РПЦЗ нормализовались, и летом 1943 г. ему было преподано благословение Архиерейского Синода с выдачей грамоты «за всегдашнее внимание к церковным нуждам, заботу о поднятии уровня религиозного воспитания в школах и исполненное уважения отношение к пастырскому служению нашего духовенства»³⁶.

Резкое ухудшение материального положения, начавшиеся репрессии со стороны оккупантов, а также последовавшее в начале 1942 г. обязательное распоряжение подконтрольного немцам сербского правительства об увольнении с работы всех русских вне зависимости от их гражданства, сделали жизнь эмигрантов в оккупированной Сербии крайне тяжелой. Кроме того, многие русские белые эмигранты стали объектами нападений и физического истребления для партизан-коммунистов. К 1 сентября 1941 г. Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии зарегистрировало 50, а к лету 1943 г. около 300 убийств, в том числе 27 священнослужителей: священника Даниила Новосильцева, зарезанного вместе с женой, дочкой и работником казаком в с. Миличинцы; священника Вячеслава Зейна, погибшего в Жагубице; священника Пантелеимона Кокаева, убитого в с. Мала Црнуча; протоиерея Вячеслава Яковлевского (Яковлева), убитого в окрестностях г. Пожаревца; священника Сергея Белавина из с. Кула, застреленного после жестоких пыток; о. Баева; Власотинацкого архиерейского наместника Нишской епархии священника Николая Шпаковского; иеромонаха монастыря свв. Кирика и Иулитты Нишской епархии о. Гурия; служившего в г. Пакраце священника Андрея Семилуцкого; настоятеля Кленьского прихода протоиерея Григория Волкова; священника Браничевской епархии Василия Толмачева; убитого вместе с женой священника с. Глоговица Иоанна Кантемира; протоиерея Бориса Мулева из г. Скрада; протоиерея Михаила Гувовского; священника с. Хомолье Иосифа Брагина, убитого вместе с двумя его престарелыми прихожанами, и др.³⁷

В связи с убийствами коммунистами сразу нескольких русских священников в Браничевской епархии митрополит Анастасий в начале сентября 1942 г. отправил епископу Браничевскому Вениамину письмо, в котором просил при-

³⁶ Церковное обозрение. 1943. № 8. С. 5.

³⁷ Там же. 1942. № 11–12. С. 12, 1943. № 1. С. 8, № 8. С. 6, № 9. С. 3; Тимофеев А.Ю. Положение... С. 54; Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 312; Науменко В.Г. Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947). Сборник документов и материалов. Т. 2. Нью-Йорк, 1970. С. 293; Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк, 1963. С. 12; Польский М., протопресв. Новые мученики российские. Т. 1. Джорданвилль, 1949. С. 217.

нять возможные меры для ограждения русских священников от угрожавшей им опасности. В ответе от 23 сентября владыка Вениамин с горечью подтверждал, что в его епархии убито три сербских и пять русских священников и сообщал: «Мы сделали циркулярное распоряжение о внесении в диптихи всех церквей имен этих жертв, умерщвленных безумием безбожников, чтобы на всех проскомидиях за них вынимали частицы. В то же время мы имеем честь уведомить Ваше Высокопреосвященство, что мы предприняли все шаги у соответствующих властей для охранения жизни священнослужителей как русских, так и сербов. Некоторых мы переместили в более верные места, где жизнь их будет в большей безопасности»³⁸.

Из-за враждебных акций коммунистических партизан в 1941 г. фактически прекратила существование русская монашеская община в монастыре Туман. Так, известный в дальнейшем афонский старец иеромонах Серафим вместе с отцом Антонием (Медведевым) и сербским иеромонахом Стефаном (Милковичем) во время нападения партизан бежали из обители через окно, и, по воспоминаниям о. Серафима, вдогонку им летели пули. Позднее архиепископ Антоний (Медведев) вспоминал: «Наш настоятель собрал нас и сказал, что мы, в случае чего, должны защищаться с оружием в руках. А я, о. Феофан и о. Серафим... были иеромонахами. Настоятель сказал, что кто не согласен с этим решением, может покинуть монастырь по его благословению. Мы с о. Серафимом Карульским сказали, что мы не согласны и, таким образом, с благословения настоятеля уехали из монастыря в Белград и оказались у Первоиерарха РПЦЗ»³⁹.

У самого митрополита Анастасия в первый же день нападения Германии на СССР — 22 июня 1941 г. был произведен обыск в покоях. В гестапо владыка имел репутацию англофила, в частности, там учитывали его тесные связи с английской администрацией Палестины в период управления архиереем Русской Православной Миссией в Иерусалиме и встречи в апреле и мае 1940 г. с приезжавшей в Белград с политической миссией делегацией Англиканской Церкви: епископом Глостерским Бакстоном и каноником Дагласом. В этой связи агенты гестапо искали, прежде всего, компрометирующую митрополита переписку⁴⁰. Из архивных немецких документов видно, что шеф гестапо Г. Мюллер еще в начале мая 1941 г. послал в Белград крупного чиновника РСХА Нейгауза для

³⁸Убийства священников // Церковная жизнь. 1942. № 10. С. 155.

³⁹Всеволод (Филиппов), инок. Святорусское откровение миру. Избранные статьи. Джорданвилль-М., 2005. С. 22–23.

⁴⁰Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 258.

захвата архивов Сербской Православной Церкви и РПЦЗ, но в отношении последней задуманную операцию пришлось отложить на полтора месяца.

Одновременно с обыском у митрополита Анастасия были произведены тщательные обыски в канцелярии Архиерейского Синода и на квартире правителя дел синодальной канцелярии Г.П. Граббе, который оказался на несколько дней подвергнут домашнему аресту. В письме архиепископу Антонию (Бартошевичу) от 6 января 1987 г. сын Г.П. Граббе Константин, несколько преувеличивая размеры этих репрессий, сообщал: «Митрополит Анастасий был у Хитлера под арестом, а вся наша семья сидела тоже под домашним арестом целую неделю, и всех наших гостей регистрировали и записывали»⁴¹.

Сам епископ Григорий (Граббе) в письме Первоиерарху РПЦЗ митрополиту Виталию (Устинову) от 30 мая 1994 г. так описывал данную ситуацию и свои чувства в это время: «Сколько я себя помню, я никогда никого не ненавидел. Я не питал «ненависти» и ко всем врагам России, какую западные народы часто питали к своим врагам, например, немцы к русским. Я только ошибался насчет прочности немецких побед — был еще сравнительно молод. Однако мы в Синоде вообще соблюдали сугубую осторожность и не давали немцам никаких обещаний, которые они могли бы нам впоследствии припомнить. Лично у меня никакой симпатии к немцам быть не могло. Благодаря им, попал в руки большевиков мой отец, и больше года я не знал о судьбе своих двух дочерей и сестры. По чудесном возвращении их в Югославию, оккупировавшие ее немцы сделали обыск у митрополита Анастасия (фиктивно, чтобы пугнуть), но находящийся у меня и в Синодальной канцелярии. Тогда я и вся моя семья больше недели сидели под домашним арестом. При обыске у меня было отобрано много невосполнимых документов исторического значения, которые так и не были мне возвращены. Все посетители нашей семьи в эти дни к нам не допускались и брались на учет агентами немецкой полиции»⁴².

Изъятые при обыске делопроизводство Синода и множество других документов были отправлены в Германию для изучения. В 1945 г. они достались советским войскам и сейчас находятся в Москве, в Государственном архиве Российской Федерации, составляя большой отдельный фонд, включающий 387 дел. Сведений о политической деятельности митрополита гестапо найти не удалось, и оно оставило владыку в покое. Прекращение его дела отчасти произошло под воздействием командующего германскими войсками в Сербии генера-

⁴¹Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers. Box 1. Folder 7.

⁴²СА. Д. 53/38.

ла Шрёдера⁴³. Военная администрация в Югославии, как и на оккупированных территориях СССР, старалась проводить по отношению к Русской Церкви более мягкую политику, чем другие ведомства.

В русской эмигрантской литературе содержится упоминание о том, что оккупационные власти предложили митрополиту Анастасию выпустить специальное воззвание к русскому народу с призывом содействовать германской армии, будто бы идущей крестовым походом для освобождения России от большевизма. Предложение это якобы было подкреплено угрозой интернирования в случае отказа. Но митрополит отверг его, указав, «что при неясности для него немецкой политики и полной не выясненности для русских патриотов тех целей, с которыми немцы идут в Россию, такого призыва он сделать не может»⁴⁴. По другим сведениям, с просьбой выпустить подобное воззвание к владыке обращались представители некоторых эмигрантских организаций⁴⁵. В любом случае митрополит, всегда проявлявший осторожность и старавшийся не допускать крайностей в выражении своих симпатий и антипатий, никакого послания в связи с началом войны на территории СССР летом 1941 г. не написал.

Такая же ситуация существовала и в отношении молений. В официальном заявлении канцелярии Архиерейского Синода 1947 г. говорилось: «Синод не считал возможным разрешить служение торжественных и частных молебствий о даровании победы немецкому оружию, чего хотели некоторые недалновидные русские патриоты в Югославии, отождествлявшие заранее немецкие победы с успехом русского национального дела. Отрицательное отношение нацистов к религии еще более должно было укрепить его в таком решении. Если в русской церкви в Белграде с начала войны совершались перед Курской чудотворной иконой молебны каждый воскресный день, то никаких других молений на них не возносилось, кроме обычных, положенных на таком молебне с присоединением возносившихся и до войны прошений о спасении Отечества: «возстави, спаси и помилуй страждующее Отечество наше»⁴⁶. Вскоре после окончания войны и сам митрополит Анастасий заявил, что Синод «никогда не предписывал молитв

⁴³ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1; *Зализецкий И.* Сотрудники вымышленные и явные // *Православная Русь.* 1993. № 10–11. С. 11; *Григорий (Габбе), еп.* Завет... С. 326–327.

⁴⁴*Андреев И.М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль, 1951. С. 134; Богомудрый Архипастырь. К 20-летию представления Блаженнейшего Митрополита Анастасия // *Der Bote.* 1985. № 6. С. 12–13.

⁴⁵От канцелярии Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // *Православная Русь.* 1947. № 12. С. 2.

⁴⁶Там же.

о «победах Гитлера» и даже запрещал их, требуя, чтобы русские люди молились в это время только о спасении России»⁴⁷.

Из воспоминаний очевидцев известно, что после нападения Германии на СССР владыка Анастасий действительно служил перед Курской Коренной иконой Божией Матери в Свято-Троицкой церкви Белграда молебен всем святым о спасении России. Но в своем слове после молебна митрополит выступил с решительным обличением архиепископа Кентерберийского (который «призывал своих чад к молитве о победе советского оружия»⁴⁸), заявив: «Молиться о победе советской власти — значит, просить Бога о торжестве и утверждении большевизма, уже 24 года воюющего против Бога, умертвившего десятки тысяч его верных служителей, осквернившего бесчисленное множество храмов и иных святынь в искони православной России, и причинившего другие неисчислимые страдания и бедствия русскому народу... После этого молиться о победе большевистской власти — не значит ли желать утверждения на земле Антихриста, соединенного с гибелью всей вековой христианской культуры. Казалось бы гораздо более естественным, чтобы весь христианский мир соединился ныне вместе и предпринял общий крестовый поход против красного дракона, поработившего русский народ и его Церковь»⁴⁹.

Согласно же сообщению в журнале «Церковное обозрение» митрополит Анастасий 24 августа произнес в Свято-Троицкой церкви проповедь, в которой «ярко осудил архиепископа Кентерберийского за служение им молебна о даровании большевикам победы»⁵⁰.

В печатном органе Архиерейского Синода — журнале «Церковная жизнь» также осуждался молебен архиепископа Кентерберийского, как и патриотическое послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Старгородского) от 22 июня 1941 г. Впрочем, оценка этого документа была двойственной: «Послание митрополита Сергия является, с одной стороны, свидетельством его полного порабощения со стороны коммунистов, а с другой — свидетельством полного неуспеха многолетней борьбы Ярославского-Губельмана с Церковью. Такой ученый и умный иерарх, каким является Митрополит Сергий, не мог свободно сравнивать сражение за безбожную власть с подвигом наших

⁴⁷Сборник избранных сочинений высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия. Джорданвилль, 1948. С. 226.

⁴⁸Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 297.

⁴⁹Там же. С. 297–298.

⁵⁰Церковное обозрение. 1941. № 10–12. С. 8.

предков... Послание написано по заказу коммунистической власти или... только подписано Митрополитом Сергием, будучи составлено в НКВД...»⁵¹.

Несомненно, что значительное количество правых эмигрантов сочло III Рейх меньшим злом, чем сталинский режим. Они приветствовали начало войны между Германией и СССР, надеясь, что данный режим вскоре рухнет и русский народ освободится от коммунистической диктатуры. Так, например, проживавший во Франции (в нормандском городке Сан-Бриаке) глава Российского Императорского Дома великий князь Владимир Кириллович 26 июня написал в данной связи чрезвычайно краткое обращение: «В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетает народы России в течение 24-х лет, Я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом: способствовать по мере сил и возможностей свержению богоборческой большевицкой власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма»⁵². Это обращение было объявлено в виде приказа начальника Объединения русских воинских союзов генерала фон Лампе 20 июля 1941 г.

В последовавшем через несколько месяцев письме княгине Вере Константиновне фон Лампе, ссылаясь на начальника Управления по делам русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребкова, сообщил, что Владимир Кириллович якобы «предоставил себя в распоряжение А. Гитлера», отметив: «Правда это или нет сказать не могу»⁵³. Генерал также писал, что существовал план привлечь для объединения русских организаций в Париже князя Гавриила Константиновича, но это оказалось невозможным из-за взглядов немцев на монархический вопрос⁵⁴.

Сам глава Российского Императорского Дома лишь в первые месяцы войны проявлял некоторую активность. 27 сентября 1941 г. он направил Первоиерарху РПЦЗ митрополиту Анастасию послание, посвященное происходившему «освобождению» народов России «от страшного ига большевицкой сатанинской власти», подчеркнув важность восстановления церковной жизни: «...Обязанность каждого верующего и одна из первейших его целей — это придти на помощь народам России в удовлетворении их духовно-религиозных потребностей.

⁵¹Послание митрополита Сергия по поводу войны // Церковная жизнь. 1942. № 1. С. 11.

⁵²Архив Свято-Троицкой семинарии Русской Православной Церкви Заграницей в Джорданвилле. Ф. В.К. Абданк-Коссовского. Кор. 36.

⁵³Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск-Мурманск, 2005. С. 195.

⁵⁴Там же.

Все русские патриоты, пребывающие в изгнании, когда получают возможность обрести свое Отечество и вернуться в родные пределы, должны приложить свои труды и силы к осуществлению этой главнейшей цели: к восстановлению своих религий на родной земле. В основании не только правильной церковной организации, но и жизни в Православии каждого отдельного православного, должен быть Приход. Поэтому обязанность всех православных принять участие в восстановлении приходов и в развитии приходской жизни на Промыслом Божиим освобождаемой Родине. Долг всех верующих и особенно пастырей и архипастырей отдать все силы и помыслы делу воскресения Святой Православной Руси»⁵⁵. В дальнейшем Владимир Кириллович, осознав ошибочность своих представлений, фактически прекратил политическую деятельность (в 1944 г., за несколько дней до эвакуации своих войск из Нормандии, немцы принудили великого князя уехать в Германию; конец войны застал его в австрийской провинции Форарльберг на границе с Швейцарией)⁵⁶.

Свой довольно осторожный ответ на послание Владимира Кирилловича митрополит Анастасий написал только через четыре месяца — 29 января 1942 г.: «Предпринимая с самого начала войны все зависящие от меня шаги для восстановления церковной жизни в освобожденных пределах, я к большому своему сожалению до сих пор не имел возможности по независящим от меня причинам оказать этим областям помощь путем отсылки подготовленного для этого кадра духовенства или как бы то ни было способствовать каноническому и полезному как для Церкви, так и для дела борьбы с коммунизмом, устройению там церковной жизни. Не теряя, однако, надежды на то, что возможность такая откроется, я высоко ценю внимание Вашего Императорского Высочества к важнейшему вопросу о восстановлении повсюду приходов как основных ячеек будущего церковного и общественного строительства, видя в нем со стороны Вашего Императорского Высочества новое проявление той преданности Православной Церкви, которая всегда отличала Ваших Августейших Предков. Испытания нашего многострадального Отечества еще не окончились, но мы верим, что день окончательного освобождения его от долголетней тирании безбожной власти уже недалек, и что там снова ярко засияет спасительный свет Православия, как мы это уже видим отчасти в оккупированных областях России»⁵⁷.

⁵⁵ Архив Свято-Троицкой семинарии РПЦЗ. Ф. В.К. Абданк-Коссовского. Кор. 38.

⁵⁶ Там же. Кор. 36; СА. Д. 15/41.

⁵⁷ СА. Д. 15/41.

В 1941 г. вся русская диаспора в целом, также как и проживавшие в Югославии эмигранты, разделилась на две части — «оборонцев» и «пораженцев». Первые считали, что нацистская Германия стремится уничтожить Россию как государство, а вторые — лишь большевизм в стране (так на здании бывшего российского посольства в Белграде появился плакат: «Победа Германии — освобождение России»⁵⁸). На основании данных взглядов, одни утверждали, что следует помогать СССР в войне, другие же желали ему поражения. Однако даже воевавшие в дальнейшем на стороне немцев не хотели поражения России, они лишь видели в Германии меньшее зло, чем советская власть, и надеялись превратить вспыхнувшую войну в борьбу за возрождение своей Родины в новом качестве при поддержке российского населения. В Югославии, по утверждению В.А. Маевского, значительное большинство русских не разделяло пронемецких симпатий меньшинства и во главе с бывшим российским послом в Белграде В.Н. Штрандтманом «остро реагировало на попытки германофилов выступать от имени эмиграции»⁵⁹.

В этой связи надо различать позицию руководящих органов РПЦЗ от мнения ряда светских эмигрантских организаций и отдельных священнослужителей. В первые дни Великой Отечественной войны некоторые архиереи и священники РПЦЗ в своих статьях и воззваниях горячо приветствовали поход вермахта на территорию СССР. Наиболее известным из них является послание митрополита Западно-Европейского Серафима (Лукьянова) от 22 июня 1941 г., который призывал эмигрантов: «Верные сыны России. Пробил час освобождения нашей многострадальной Родины от власти богоборцев. Вождь Германского народа, канцлер Хитлер объявил крестовый поход против поработителей России. Началась страшная, решительная борьба с красными дьяволами. Открылась священная война со злейшими врагами Русского народа и всего человечества. За вождем Германского народа пошли в бой с мировыми злодеями многие народы Европы. Россия накануне освобождения и возвращения к новой лучшей жизни, к свету, к славе, к величию... Встанем все дружно, как один человек, на честный, ратный бой с красным дьяволом. Прекратим все наши распри и раздоры. Объединимся все в священной борьбе за правду Божию, за спасение Родины, за благо человечества... Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский, Великий Князь Димитрий Донской, Святейший Патриарх Гермоген и все наши

⁵⁸ *Маевский В.А.* Трагедия русских в Югославии // *Русская жизнь.* 1946. 16 апреля.

⁵⁹ Архив Свято-Троицкой семинарии РПЦЗ. Ф. В.А. Маевского. Кор. Афон; *Маевский В.А.* Трагедия русских в Югославии.

Угодники и молитвенники за Русскую Землю да благословят нашу священную войну со слугами сатаны. Да здравствует Великая Национальная Россия»⁶⁰.

Согласно послевоенному свидетельству Е. Кусковой, летом 1941 г. митрополит Серафим (Лукьянов) даже обратился к членам причта церковью его епархии с предложением «возносить молитвы за победу немцев», и один из самых авторитетных ее клириков — настоятель женевской церкви протопресвитер Сергей Орлов был так потрясен этим указом, что отказался читать его в храме⁶¹ (возможно, здесь речь идет об упомянутом послании митрополита от 22 июня 1941 г.).

Некоторые священнослужители, занимая гораздо более осторожную, скорее негативную позицию по отношению к германскому вторжению, были против любой помощи Советскому Союзу. Архиепископ Восточно-Американский Виталий (Максименко) заявил, что «долг каждого православного русского человека всеми силами бороться против антихристовой советской власти», и обратился с письмом к президенту Франклину Рузвельту, прося его «не оказывать помощи палачам русского народа»⁶². После нападения Германии на СССР на Соборе архиереев РПЦЗ в Северной Америке было принято предложение владыки Виталия внести в ектении при богослужении два новых прошения: 1. «о многострадальном русском народе, в тяжких обстоятельствах сущем и о спасении его, Господу помолимся», 2. «о еже избавити люди Своя от горькаго мучительства безбожных власти, от нашествия иноплеменников и междоусобных брани, нам же даровати единомыслие, братолюбие и благочестие, Господу помолимся»⁶³.

В обращении архиепископа Виталия и других деятелей Русско-американского национального комитета (Б.В. Сергиевского и Б.Н. Бразоля) в июле 1941 г. к президенту Ф. Рузвельту говорилось: «...Русские страстно ждут прихода благословенного часа своего освобождения. Русский народ стоит сейчас перед трагической дилеммой: либо использовать нападение Германии на Сталина для своего освобождения от советского ига, либо, подчинившись Сталину, навсегда отказаться от надежды стряхнуть с себя оковы коммуни-

⁶⁰ Там же; *Seide G. Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland.* München, 1989. S. 114; BA, R5101/22184, Bl. 30.

⁶¹ *Кускова Е.* Письмо в редакцию // *Новое русское слово.* 1951. 25 мая; СА. Д. 72a/46.

⁶² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

⁶³ *Русская Православная Церковь Заграницей.* Т. 1. Иерусалим, 1968. С. 91–94; *Якунин В.Н.* Положение и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001. С. 243.

стического рабства. Ныне в первый раз Россия имеет возможность вернуться в лоно великой семьи тех цивилизованных наций, которые исповедуют принципы социальной справедливости и политической свободы... Мы полагаем, что было бы фатальной ошибкой для Соединенных Штатов выступать на защиту советов..., принципиально и безоговорочно мы противимся всякой попытке захвата русской территории... Мы полагаем, однако, что задача охранения целостности России является долгом самих русских и, далее, что как только придет к власти компетентное русское национальное правительство, оно сумеет разрешить все территориальные проблемы без вмешательства какого-либо иностранного правительства»⁶⁴.

В ответ на это обращение экзарх Московского Патриархата в Северной Америке митрополит Вениамин (Федченков) в «Послании ко всем русским людям в Америке» рассказал о разворачивании патриотической деятельности Русской Церкви на Родине, призыве Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия к защите Отечества, сборе средств в фонд обороны и резко осудил заявления архиепископа Виталия и его сторонников: «Они холодной рукой бросают камень обвинения в русский народ»⁶⁵.

Однако имелись и священнослужители РПЦЗ, настроенные резко антинацистски и антигермански, например архимандрит (будущий архиепископ) Нафанаил (Львов). По далеко неполным подсчетам ученых Свято-Тихоновского университета «от нацистов, в том числе за спасение евреев, пострадал 21 представитель зарубежного русского духовенства»⁶⁶. В их число входили состоявшие в юрисдикции РПЦЗ протопресвитер Андрей Врасский (во Франции) и архимандрит Григорий (Перадзе) (в Польше), которые за участие в движении Сопротивления и помощь евреям были арестованы гестапо и погибли в концлагере. Следует упомянуть также, что один из прихожан РПЦЗ — Александр Шморель, имевший русско-немецкое происхождение, был казнен нацистами за участие в подпольной мюнхенской группе «Белая роза» и прославлен Зарубежной Русской Церковью в лике святых в 2012 г.

Были подобные примеры и на территории Югославии: служивший до войны в церкви г. Баня-Лука священник Григорий Александрович Крыжановский

⁶⁴ *Виталий (Максименко), архиеп.* Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955. С. 162–164.

⁶⁵ *Голдин В.И.* Роковой выбор. С. 174.

⁶⁶ *Емельянов Н., прот.* Представители русского зарубежья, за Христа пострадавшие // XVIII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008. С. 232.

летом 1941 г. был выслан прогерманскими хорватскими властями в Сербию, и в его некрологе, опубликованном в «Журнале Московской Патриархии», указывалось, что о. Григорий в «офицерском звании участвовал в борьбе с фашизмом»⁶⁷. Активно помогали партизанам настоятельница Кичевского монастыря Благовещения Пресвятой Богородицы игуменья Диодора (Дохторова) и настоятель Карпинского монастыря Пресвятой Богородицы вблизи г. Куманово русский игумен Иулий, который был за это убит оккупантами⁶⁸.

В оккупированной Югославии прогерманскую позицию заняли несколько русских светских религиозных деятелей. Бывший советник при Первоиерархе Польской Православной Церкви митрополите Дионисии (Валединском) адвокат К.Н. Николаев, высланный в 1933 г. из Польши за сопротивление закрытию православных храмов и поселившийся в Югославии, в марте 1943 г. представил уполномоченному немецкого МИДа в Белграде Бенцлеру свою книгу «История Православия» для передачи рейхсканцлеру Гитлеру и дальнейшего использования в антибольшевистской борьбе. 30 марта книгу переслали в Берлин с указанием, что причина ее передачи — желание Константина Николаева вернуться в Варшаву⁶⁹.

В ответ на запрос МИДа штаб шефа полиции безопасности и СД 10 мая и Рейхсминистерство народного просвещения и пропаганды 13 июля ответили, что Николаев — убежденный православный и русский националист, а о его дружественности Германии ничего не известно; в своей книге он резко выступает против Польши и польской церковной политики, а также антирелигиозной борьбы советского правительства, поэтому следует запросить группу религиозной пропаганды. Однако ответ этой группы от 20 октября 1943 г. был негативный: «Для пропагандистских целей книга не годится ни в коем случае». В вину Николаеву ставили искажение положения Церкви в Советской России (утверждение, что она после революции пережила определенный подъем), доказательства, что только православная вера — истинная, и даже отдельные высказывания против национал-социалистической идеологии⁷⁰.

Наиболее прогерманскую позицию из упомянутых деятелей занял редактор-издатель журнала «Церковное обозрение» Е.И. Махароблидзе. Уже в июне 1941 г. он с разрешения начальника группы периодической печати отдела

⁶⁷ Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1978. № 9. С. 18.

⁶⁸ Николай (Трайковский), игум. Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012. С. 46.

⁶⁹ АА. Inland I-D, 4795.

⁷⁰ Ibid.

пропаганды «S» при командующем немецкими войсками в Сербии возобновил выпуск своего издания и в июльском номере постарался свести старые счеты с Архиерейским Синодом, опубликовав статью, написанную «в крайне неуважительном тоне не только к ныне здравствующим иерархам, но и к в Бозе почившим Святейшему Патриарху Варнаве и Блаженнейшему Митрополиту Антонию»⁷¹.

Правда, 11 октября Е.И. Махароблидзе получил неожиданное письмо из отдела пропаганды: «Вы извещаетесь о том, что выпуск Вашего журнала «Церковное обозрение» отныне запрещен, и Вы обязаны после ликвидации журнала до 20 октября сего года представить письменный рапорт в подразделение цензуры отдела пропаганды «S». Обжалование этого решения невозможно»⁷². Однако вскоре Махароблидзе сумел добиться разрешения на продолжение издания «Церковное обозрение», и уже 16 октября группа периодической печати известила его, что выпуск журнала разрешено продолжить⁷³. Синод же смог возобновить издание своего периодического органа — журнала «Церковная жизнь» только в декабре 1941 г.

22 июня 1942 г. Е.И. Махароблидзе написал скандальную статью, в которой говорилось: «Прошел год, как поднят меч Правды на самого страшного врага всего человечества — коммунистический интернационал, разносящий по всему миру разъедающий душу человека чумной яд большевизма... Особая радость охватывает нас от сознания, что мы, наконец, дождались того момента, которого так долго ждали в муках и унижениях нашего эмигрантства. И нет слов, нет чувств, в которых можно было бы излить заслуженную благодарность освободителям и их Вождю Адольфу Хитлеру, восстановившему там свободу вероисповеданий, возвратившему верующим отнятые у них храмы Божии и возвращающему им облик человеческий... Почитаемый афонский старец о. Аристоклий, умирая в Москве в начале большевизма, пред своей кончиною сказал своим почитателям: «Спасение России придет, когда немцы возьмутся за оружие. Надо будет русскому народу пройти через многие унижения; но в конце он будет светильником веры для всего мира». Рушится велико-британская империя; в судорогах корчится ее союзник красный дракон; в бездействии мечется «князь королевской тайны» — иудейская надежда Рузвельт. Вот три оплота общего врага человечества и его двухтысячелетней христианской культуры. И

⁷¹Церковная жизнь. 1941. № 3–12. С. 34.

⁷²Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в Мюнхене. Д. Разная переписка. Военные годы.

⁷³Там же.

нынешний крестовый поход на заре второй годовщины должен уничтожить этот триумф зла. И провидение Божие судит быть сему»⁷⁴.

Через четыре месяца — в октябре 1942 г. Е. Махароблидзе в другой своей статье уже прямо обвинял Архиерейский Синод РПЦЗ в отказе поддержать немецкий поход в Россию: «Судья Вселенский избрал Своим орудием... Вождя германского народа — А. Хитлера, 22 июня 1941 г. поднявшего меч на сатанинскую власть и с того времени ставшего вождем человечества и спасителем его от красного коммунизма. И, казалось бы... исполнительному органу Собора, по нашему крайнему разумению, следовало бы в свое время благословить этот св. крестовый поход и обратиться тогда же к русскому народу с особым кратким, но вразумительным посланием, разъясняющим ему, что этот поход несет ему освобождение от оков беззаконников, и призывающим ополчиться на советскую власть и соединиться с германским оружием для окончательного уничтожения коммунизма и устройства нового и для всех народов Европы справедливого порядка. Но Синод здесь молчал, а там иерархи, по крайней мере, официальной церкви, призывали русских к молитве за победу сатаны. Может быть, колесо истории повернулось бы иначе и для русского народа и всего человечества, если бы голос церкви своевременно прозвучал там и здесь — для тамошних, иначе, по Божьему. Может быть, это образумило бы красные полчища, и предотвратило бы то обильное кровопролитие, которое орошает ныне весь мир, и сократился бы срок брани, и если не весь свет, то по крайней мере вся Европа под мудрым руководством и водительством Вождя Хитлера была бы уже в разгаре переустройства на принципах нового справедливого порядка»⁷⁵.

Сам же Архиерейский Синод весь период войны избегал проявлять свое одобрение политике III рейха, и в тоже время с лета 1941 г. всячески старался использовать сложившуюся ситуацию для желаемого участия в церковном и национальном возрождении России. С этой целью он пошел на контакт с германскими ведомствами и относительно редко открыто критиковал те или иные их действия. Согласно свидетельству Г.П. Граббе: «Главным врагом для русских иерархов был коммунизм, и пока германское правительство так или иначе вело

⁷⁴Махароблидзе Е.И. К годовщине крестового похода // Церковное обозрение. 1942. № 4–6. С. 6–7.

⁷⁵Церковное обозрение. 1942. № 9–10. С. 4.

борьбу с ним, хотя и очень неудачно, выступить против него, как бы то ни было, было и невозможно и нецелесообразно»⁷⁶.

Уже 26 июня, через четыре дня после начала войны и проведенного у него обыска, митрополит Анастасий, еще питая необоснованные иллюзии, при посредничестве генерала Шрёдера послал в РКМ письмо с просьбой исходатайствовать ему разрешения на проезд в Берлин. Владыка, прежде всего, хотел обсудить с германскими ведомствами вопрос об удовлетворении духовных нужд на занятых русских территориях и организации там церковной власти: «Крестовый поход, который фюрер объявил против безбожного коммунизма, дает нам надежду, что наше Отечество скоро снова будет свободным. Важнейшая и первейшая подготовительная работа для изживания коммунизма заключается в восстановлении прежде угнетаемой церковной жизни в освобожденных областях...»⁷⁷. Митрополит отмечал, что ему легче было работать над этим не издали — из Белграда, а из Берлина: «Поэтому было бы очень важно, чтобы я приехал в Берлин, чтобы там вступил в непосредственный контакт с влиятельными персонами и органами, от которых зависит восстановление жизни в освобожденной России»⁷⁸.

Министерство церковных дел, традиционно занимавшее по отношению к РПЦЗ благожелательную позицию и, кроме того, усмотревшее в письме повод для себя заняться церковными делами на Востоке, сразу же ответило согласием. 12 июля архиепископ Берлинский и Германский Серафим (Ляде) написал митрополиту: «Рейхсминистерство... сообщило внешнеполитическому ведомству и государственной полиции, что Ваша поездка в Германию не вызывает возражений»⁷⁹. Но другие, гораздо более влиятельные ведомства, прежде всего Министерство занятых восточных территорий, Главное управление имперской безопасности и МИД, занимали противоположную позицию. Категорическое неприятие у них вызывал сам факт возможных переговоров РКМ и митрополита. Поэтому к концу июля владыка Анастасий получил первый отказ по поводу разрешения на поездку в Берлин. В частности, шеф полиции безопасности и СД Вандерлебен 29 июля написал в РКМ о том, что он против въезда митрополита Анастасия и Г.П. Граббе в Германию⁸⁰.

⁷⁶Граббе Г., *протопресв.* Церковь и ее учение в жизни (Собрание сочинений). Т. 2. Монреаль, 1970. С. 172.

⁷⁷РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

⁷⁸Там же.

⁷⁹СА. Д. 15/41. Л. 2, 5.

⁸⁰РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.

Фактически, речь шла о целенаправленной политике изоляции Архиерейского Синода, устраивались препятствия даже его контактам с Берлинским архиепископом Серафимом. Была нарушена вся почтовая связь Синода с внешним миром. Причем эта политика изоляции стала проводиться еще накануне нападения Германии на СССР. 28 мая 1941 г. архиепископ Серафим написал в РКМ, что он приглашен на заседание Архиерейского Синода в Белград и попросил разрешения на проезд: «Учитывая, что православная епархия в Германии в настоящее время получила особое значение, и дальнейшая деятельность Синода также служит интересам Германского рейха, или как минимум, должна соответствовать этим интересам, я считаю целесообразным мое участие в этом заседании. Кроме того, я намереваюсь на этом заседании выступить за далеко идущую самостоятельность православной епархии в Германии, так как последняя перестала быть чисто русской эмигрантской епархией»⁸¹. 9 июня сотрудник министерства В. Гаугг письменно известил архиепископа, что он не возражает против поездки. Однако 19 июня шеф полиции безопасности и СД Вандерлебен написал в РКМ о том, что он против, и поездка владыки Серафима не состоялась⁸².

После первого отказа митрополиту Анастасию последовали новые многократные бесплодные попытки Первоиерарха РПЦЗ. 29 июля владыка встречался с генералом Шрёдером и уполномоченным МИД в Белграде Феликсом Бенцлером. Последний, еще не зная о мнении своего начальства, обещал помочь в получении требуемого разрешения. В тот же день Бенцлер действительно послал руководству телеграмму с рекомендацией пойти навстречу просьбе митрополита. Незадолго перед этим в МИД поступило письмо РКМ от 11 июля, а затем вскоре и негативный отзыв министра занятых восточных территорий А. Розенберга «из соображений принципиального характера»⁸³. В самом МИДе считали так же. В заметке начальника реферата культуры Гранова от 12 августа выдвигались возражения против предложения РКМ, и утверждалось, что «регулирование отношений Православных Церквей за границами рейха не является задачей и правом Церковного министерства, а целиком относится к компетенции Министерства иностранных дел»⁸⁴.

В сентябре митрополит Анастасий принял в белградском Русском доме немецкого церковного дипломата доктора наук Е. Герстенмайера, которому за-

⁸¹ Там же. Л. 74.

⁸² Там же. Л. 76–77.

⁸³ ВА. R901/69680, Вл. 85, 88.

⁸⁴ Ibid. R901/69300, Вл. 128.

явил о своем убеждении в том, что через короткое время германские власти призовут русских эмигрантов назад на Родину, «между тем подчиненный ему клир и русские миряне готовятся прибыть в Россию для большой миссионерской деятельности по возрождению Русского Православия». Герстенмайер также отметил, что зал заседаний, «кроме распятия был украшен большим портретом фюрера»⁸⁵. Впрочем, это не было помещением канцелярии Архиерейского Синода или личные покои владыки, и портрет Гитлера, скорее всего, повесила администрация Русского дома.

В начале и конце октября 1941 г. митрополит Анастасий еще дважды встречался с Ф. Бенцлером и передавал ему ходатайства о своем переезде в Берлин, объясняя важность организации церковной жизни в России. В частности, в меморандуме от 29 октября владыка писал: «Решительные успехи немецкого оружия в крестовом походе против большевизма имели результатом освобождение больших территорий России, и можно уже предвидеть скорое падение Москвы». Естественно, что для германского правительства будет важным как можно скорее уничтожить там большевистскую пропаганду «тайных агентов евреев, если они приспособятся к новым отношениям». Только Церковь по-настоящему может этому противостоять, поэтому, несомненно, важно наладить там церковную жизнь. Неизвестно, остались ли епископы в Москве или на Украине. В связи с этим «было бы необходимо, предоставить возможность русскому Архиерейскому Синоду за границей сразу послать находящихся в Европе русских православных архиереев в упомянутые области, и направлять их работу там по соглашению с немецкими ведомствами... вследствие чрезвычайной нехватки православных священников во всей оккупированной зоне, было бы одновременно срочно необходимо организовать отправку туда из Германии, Франции, Сербии, Хорватии и Болгарии русских священников, которые давно хотят предоставить все силы на службу своей родной Церкви...»⁸⁶.

Однако каждый раз на соответствующие запросы своего белградского уполномоченного германский МИД отвечал категорическим отказом. В ноябре 1941 г. он известил и Министерство церковных дел о нежелательности приезда митрополита Анастасия в Германию⁸⁷. Вскоре — 9 декабря владыке Анастасию передали официальный ответ о невозможности его поездки в Берлин⁸⁸.

⁸⁵ АА. Inland I-D, 4/1-12, R98797, Inland I-D, 13/12-13, R98823.

⁸⁶ РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

⁸⁷ АА. R105169, Politik XII 5. 1941-42.

⁸⁸ СА. Д. 15/41.

Архиерейский Синод долго не терял надежду на появление возможностей активной церковной деятельности в России. 25 августа Первоиерарх РПЦЗ с надеждой писал в США главе Северо-Американской епархии митрополиту Феофилу: «Наступили сроки... Печати (с тайн Промысла) снимаются... Мы должны быть готовы... Жатва предстоит большая, а делателей мало...»⁸⁹. 10 октября 1941 г. владыка Анастасий в очередной раз справлялся у архиепископа Серафима (Ляде) о возможности «разрешения общего вопроса о перенесении нашей церковной работы в родные пределы». И в тот же день свои соображения о необходимости миссионерской деятельности в России написал архиепископу Серафиму Г.П. Граббе: «Жатва большая, а делателей мало. Между тем в интересах самих освободителей, чтобы организация церковной жизни производилась возможно скорее, и чтобы вела ее организация безусловно дружественная и желающая прочного сотрудничества с ними. Впрочем, все, что происходит, слишком явно носит на себе печать Божия Промысла, чтобы слишком волноваться о промедлении, как оно нам не досадно, и как мы ни рвемся поскорее на работу. Господь все устраивает к лучшему...»⁹⁰.

В связи с надеждами на скорое начало активной церковной деятельности в России канцелярия Синода уже в июле 1941 г. стала рассылать русским священникам в Югославии опросные листы с целью выявления желающих ехать на Родину. К 26 июля в соответствующем списке зарегистрировались 12 человек, к 7 августа уже 20 — 10 протоиереев, 7 священников, 1 игумен, 1 иеромонах, 1 протодиакон и т.д. В ответ на запрос священника Вячеслава Зейна канцелярия отвечала 12 августа, что «пока производится только учет русского духовенства, которое пожелало бы при первой возможности поехать в Россию для миссионерской работы там и удовлетворения духовных нужд православного населения... Выражающим желание ехать в Россию надо иметь в виду, что, вероятно, ехать можно будет без семьи и первоначально на очень тяжелые условия жизни»⁹¹.

Большинство из желающих уехать в Россию русских священников служили на сербских приходах, но вскоре этот вопрос был улажен. 10 декабря 1941 г. Синод Сербской Церкви написал Архиерейскому Синоду РПЦЗ, что он предложил своим епархиальным архиереям беспрепятственно выдавать канониче-

⁸⁹ Вениамин (Федченков), митр. Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 109, 129.

⁹⁰ СА. Д. 15/41.

⁹¹ Там же. Д. 17/41. Л. 1–7.

ские отпуска русскому духовенству, если последнему представится возможность ехать на Родину⁹².

К лету 1942 г. в Синодальную канцелярию поступило около 80 прошений священнослужителей о желании переехать в Россию (в архивном деле сохранились 64 опросных листа). Среди желающих были даже 82-летний архимандрит Никон (Ордовский-Танаевский) и 70-летний протоиерей Виталий Павлович Лепоринский (из Оренбургской губернии), написавший: «Собраться могу в один день»⁹³. Следует отметить, что не только духовенство, но и большая часть российской эмиграции почти до самого конца Второй мировой войны, жила буквально на чемоданах, ожидая скорого возвращения домой.

О желании служить на Родине заявило большинство проживавших в Югославии русских священников. Но митрополит Анастасий понимал, что для возрождения церковной жизни их нужно гораздо больше, и поэтому, согласно заметке канцелярии Синода от 3 августа 1941 г. планировал обсудить в Берлине с РКМ вопрос об организации в Белграде шестимесячных пастырских курсов примерно на 100 человек. Все эти планы реализованы не были. Их неудачный исход хорошо характеризует письмо из Вены владыки Серафима митрополиту Анастасию от 12 августа 1942 г.: «По вопросу о посылке священников в Россию: К прискорбию, по всем данным, высшие правительственные власти относятся пока еще отрицательно к положительному решению этого вопроса. Я возбудил несколько таких ходатайств, но без успеха. По всей вероятности власти подозревают, что заграничное духовенство является носителем политической идеологии, неприемлемой для германских властей в настоящее время. Мне даже не удалось получить разрешение на переезд в Германию некоторых священников из заграницы (напр., о. Родзянко), а по дошедшим до меня сведениям, разрешение не было дано, потому что эти священники якобы работали вместе с политическими эмигрантскими организациями»⁹⁴. Предположение владыки о причине негативного отношения германских ведомств было совершенно правильным.

Высказал Архиерейский Синод и свои представления о создании церковного управления в занятых областях России. Здесь также нужно разграничивать позиции руководства РПЦЗ и отдельных архиереев. Первоначально свой «Проект организации высшей церковной власти Православной Церкви в России» разработал и 9 сентября 1941 г. отправил в РКМ митрополит Серафим (Лукьянов).

⁹²Там же.

⁹³Там же.

⁹⁴Там же. Л. 21, 37.

В этом проекте говорилось: «Для восстановления России чрезвычайно необходимо сразу после падения советской власти и образования национального русского правительства организовать в Москве единую высшую церковную власть Православной Церкви... следует позаботиться о том, чтобы национальное русское правительство признало главу Зарубежной Русской Церкви митрополита Анастасия временным Местоблюстителем Патриаршего престола и поручило ему образование временного Патриаршего Синода»⁹⁵. Митрополит подчеркивал, что он написал это письмо исходя из своих представлений и предлагал «устроить в ближайшее время в Берлине конференцию, в которой участвовали бы митрополит Анастасий, я сам и архиепископ Берлинский Серафим»⁹⁶. В письме хорошо видны характерные для некоторых эмигрантских кругов политические иллюзии, определявшие и их церковные действия. Конечно, нацистское руководство никоим образом не планировало содействовать организации «национального русского правительства» или «единой высшей церковной власти Православной Церкви», оно имело прямо противоположные цели.

Ознакомившись с указанным проектом, архиепископ Серафим (Ляде), видимо, не согласился с некоторыми высказанными в нем идеями и 16 сентября обратился к митрополиту Анастасию с просьбой прислать подобный документ. Владыка откликнулся быстро и уже 1 октября отправил краткое мнение Архиерейского Синода относительно регулирования церковных дел в России. В нем говорилось о двойной задаче: 1. Возобновление церковной жизни в освобожденных от коммунистической власти областях и 2. Воссоздание законной всероссийской церковной власти. Для решения первой задачи предлагалось предоставить Синоду возможность командировать епископов в Россию. Другая задача признавалась «едва ли разрешимой в полной объеме, прежде чем будет освобождена от коммунистической власти вся Россия и выяснена судьба главы Русского Патриархата митрополита Казанского Кирилла». А до этого времени считалось необходимым «в Москве в возможно ближайшее время по освобождении ее ... созвать Собор из всех наличных епископов Русской Церкви, не скомпрометированных сотрудничеством с митрополитом Сергием и особенно участием в его Синоде, во главе со старейшим из них и составить временное высшее церковное управление, которое впоследствии созвало бы и Всероссийский Собор для

⁹⁵ВА. R5101/22183, Bl. 16.

⁹⁶Ibid., Bl. 17–20.

восстановления Патриаршества и суждения о дальнейшем устройстве Русской Церкви»⁹⁷.

Как уже говорилось, митрополит Кирилл (Смирнов) считался РПЦЗ после смерти митрополита Петра (Полянского) законным, каноническим Первоиерархом Русской Церкви. В этом качестве он с 1937 г. поминался за богослужениями в зарубежных храмах, в то время как в СССР поминали митрополита Сергия (Страгородского). За границей тогда не знали, что владыка Кирилл после многолетней ссылки в Сибири и Казахстане был расстрелян 20 ноября 1937 г. Не теряя надежды получить разрешение на поездку в Берлин, митрополит Анастасий 29 октября передал меморандум Синода с предложениями о регулировании церковной жизни в России уполномоченному МИД в Белграде. Этот документ в основном повторял письмо от 1 октября⁹⁸.

После весеннего немецкого наступления 1942 г., считаясь с тем, что Москва может быть завоевана летом, Синод решил подготовиться к новой ситуации и последний раз обратился к германским ведомствам со своими предложениями по организации церковного управления в России. В его июньском письме говорилось: «... в духе канонов Православной Церкви существует только одно решение в деле организации церковного управления, а именно: созыв Собора русских архиереев старейшим среди них и назначение этим Собором временно главы Церкви и остального церковного управления»⁹⁹. Окончательная организация руководящих органов и выборы Патриарха, по мнению Синода, могли состояться только тогда, когда будут назначены архиереи на все пустующие кафедры и в стране утвердятся «нормальные отношения»¹⁰⁰.

Германский историк Г. Зайде вполне справедливо писал: «В этом документе ясно видно, что русские епископы в эмиграции проявляли большой интерес к восстановлению канонической церковной власти в России, но она могла бы быть восстановлена только общим Собором всех архиереев... Кроме того, было разъяснено, что Архиерейский Синод не стремится взять на себя руководство всей Русской Церковью... Со стороны германского правительства было предпринято все, чтобы воспрепятствовать воздействию зарубежных русских архиереев на реорганизацию церковной жизни оккупированных территорий, так как для германского правительства речь шла не о сильной, единой Русской Церкви,

⁹⁷СА. Д. 15/41. Л. 7, 10–12.

⁹⁸Там же. Л. 32.

⁹⁹Там же. Л. 27–28.

¹⁰⁰Там же. Л. 29–30.

а о ее раздроблении. Берлин справедливо опасался, что Православная Церковь может быть организацией национального сплочения»¹⁰¹. В то же время следует отметить, что и митрополит Анастасий и Архиерейский Синод в целом в первый период войны сильно ошибались в оценке германских планов и церковной политики III рейха. Фактически ничего иерархи РПЦЗ не знали и о яростной междоусобной борьбе нацистских ведомств, почти полной потере влияния Министерства церковных дел. Обращения в Берлин не имели ни малейшего смысла. Все письма Синода с планами создания церковного управления в России остались без ответа.

Несмотря на разнообразные запреты РПЦЗ пыталась, насколько было возможно, участвовать в церковном возрождении на территории СССР. Главным образом это проявлялось в помощи церковной литературой и утварью. Особенно активно подобная деятельность осуществлялась в 1942–1943 гг. Впрочем, уже 18 июля 1941 г. митрополит Анастасий написал Епископскому Совету по управлению русскими православными общинами в Югославии о том, что помимо подготовки кадров духовенства, встал вопрос о снабжении их священными сосудами, облачениями и богослужебными книгами; РПЦЗ должна и в этом помочь «нашим братьям в России», поэтому при Архиерейском Синоде начать учет церковной утвари, которую можно послать на Родину. Епископскому Совету предписывалось выяснить, какие церкви могут быть закрыты из-за отъезда большей части прихожан в Россию, какие сохранятся, но что из их церковной утвари настоятели могут пожертвовать¹⁰².

11 ноября 1941 г. Первоиерарх РПЦЗ обратился с просьбой об официальном разрешении оказания благотворительной помощи в России к шефу штаба управления командующего войсками в Сербии (помощнику по гражданской части) генералу Турнеру. При этом владыка ссылаясь на заметку в русской газете «Новое Слово», не зная, что подобный сбор в Берлине был, в конце концов, запрещен¹⁰³. В Белграде его также не разрешили.

И все-таки в июле 1942 г. был создан Комитет по сбору средств в фонд при Архиерейском Синоде для приобретения и изготовления священных сосудов, богослужебных книг, церковной утвари, облачений, икон и крестиков для нужд Церкви в России¹⁰⁴. 1 августа 1942 г. владыка Анастасий написал митро-

¹⁰¹ Seide G., a.a.O., S. 117, 119.

¹⁰² СА. Д. 17/41.

¹⁰³ Там же. Д. 15/41. Л. 14.

¹⁰⁴ Церковное обозрение. 1942. № 7–8. С. 4.

политу Серафиму (Ляде) в Берлин: «...при мне организован комитет, который собирает средства на снабжение верующих в России церковной утварью, богослужебными книгами и т.д. Некоторое количество книг нами уже приобретено, отпечатано 80 антиминсов, заказаны нательные крестики и 30 комплектов церковных сосудов. Если у Вас действительно налаживается связь с освобожденными областями, мы могли бы часть заготовленного материала послать Вам для пересылки по назначению». Владыка Серафим ответил, что существует возможность отправлять из Берлина на Украину и в Россию посылки по почте или с надежными людьми, таких посылок передано уже большое количество и в ответ получено множество благодарственных писем¹⁰⁵.

Это известие было воспринято с радостью и уже в сентябре 1942 г. митрополиту Серафиму отправили 30 антиминсов и 2500 нательных крестиков, приобретенных на добровольные пожертвования белградских прихожан. Подтверждая их получение, он 12 октября писал: «Но нужда в крестиках и т.д. очень большая. Почти каждый день я получаю письма от духовенства в России, которое просит помощи. Там нет ничего. Нет богослужебных книг, сосудов и пр. Своими средствами мы не в состоянии оказывать помощь, так как мы все уже раздали, что имелось в наших храмах. Поэтому я за все благодарен, что получаю от Вас»¹⁰⁶. К середине ноября 1942 г. владыка получил из Белграда еще 3000 крестиков и отправил на Украину и в Россию 520 антиминсов (400 освященных и 120 неосвященных — в Киев). Эта связь продолжалась и дальше. Например, 2 мая 1943 г. Синодальная канцелярия переслала митрополиту Серафиму 20 антиминсов, 1000 крестиков и бутылку Святого Мира¹⁰⁷.

Но Синод и своими силами пытался распространять богослужебную литературу и утварь. 2 сентября 1942 г. для отправки с капитаном парохода в Россию были переданы Евангелие, часослов, 3 катехизиса и другие книги. В сопроводительном письме митрополит Анастасий писал: «Зная о скудости, которая испытывается на Родине в богослужебных книгах и вообще в церковной литературе, мы посылаем при сем небольшое количество книг, изданных Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей или при его ближайшем участии. Просим, если представится возможность, уведомить нас о получении посланного»¹⁰⁸. 10 сентября 1942 г. Синодальная канцелярия переслала настоя-

¹⁰⁵СА. Д. 17/41. Л. 19–22, 24.

¹⁰⁶Там же. Л. 27–29.

¹⁰⁷Там же. Д. 15/41. Л. 1.

¹⁰⁸Там же. Д. 17/41. Л. 25–26.

телю церкви в Линце часослов и 500 крестиков для раздачи военнопленным и рабочим из России и т.д. К ноябрю в Белграде было отпечатано 2000 экземпляров миссионерского листка, причем половину тиража уже удалось переслать на Родину¹⁰⁹.

В это время активно продолжался сбор средств на покупку церковных предметов и утвари для отправки в Россию; Архиерейский Синод заказал изготовление 100 тыс. нательных крестиков, из которых в декабре 1942 г. 30 тыс. уже были сделаны и 6, 5 тыс. отправлены¹¹⁰. Так, например, благочинный Борисовского округа в Белоруссии о. Иоанн Строк 10 октября 1942 г. выслал митрополиту Анастасию письмо, в котором благодарил за получение 1450 крестиков и 50 молитв «Отче наш». 18 января 1943 г. о. Иоанну дополнительно отправили 1 тыс. крестиков, «Великий сборник» и несколько номеров журнала «Церковная жизнь»¹¹¹.

Подобная помощь продолжалась до лета 1944 г. Епископ Смоленский и Брянский Стефан 20 марта 1944 г. написал митрополиту Анастасию из г. Борисова о получении высланных ему печатных материалов. В ответном послании от 13 апреля Первоиерарх РПЦЗ отмечал: «Я глубоко признателен Вашему Преосвященству за Ваше письмо, ибо в нынешнее время особенно важно всем каноническим епископам Российской Церкви поддерживать между собою братское общение...». Вместе с этим посланием владыке Стефану отправили еще печатные материалы и крестики¹¹².

По свидетельству епископа Григория (Граббе) всего за время войны только металлических нательных крестиков было изготовлено и отправлено в Россию, Украину и Белоруссию около 200 тысяч¹¹³. При этом надо учитывать бедственное материальное положение самой русской эмиграции, лишившейся прежней помощи со стороны югославского правительства.

В сентябре 1941 г. митрополит Анастасий дал благословение на создание в Югославии Русского охранного корпуса, в ряды которого вступили многие представители его паствы. Владыка участвовал в военных парадах корпуса, служил для него молебны, принимал благодарность от командования «за все-

¹⁰⁹ Там же. Л. 30, 33.

¹¹⁰ Церковное обозрение. 1942. № 11–12. С. 6.

¹¹¹ СА. Д. 17/41.

¹¹² Там же. Д. 15/41.

¹¹³ Григорий (Граббе), еп. Завет... С. 328.

гдашнее внимание к духовным нуждам группы» и т.д.¹¹⁴ Своей линии поддержки русских антикоммунистических воинских частей глава РПЦЗ остался верен до конца войны, что проявилось в 1944-1945 гг. в его контактах с власовским движением.

Следует отметить, что далеко не все русские эмигранты в Югославии заняли антикоммунистическую позицию. Уже в середине 1941 г. в стране был создан тайный Союз советских патриотов во главе с Ф. Висторопским, В. Лебедевым и И. Одиселидзе, в который входило около 120 человек. Они решили присоединиться к возглавляемому коммунистами партизанскому движению и к осени 1944 г. большей частью погибли. Некоторые эмигранты являлись сотрудниками разведок государств, входивших в антигитлеровскую коалицию: советской (Н.Г. Дараган, В.А. Лауданский, Е.В. Буйницкий и др.), английской (А. Альбов, генерал Романовский, Б. Ходолей), французской (Л. Неманов, М. Лунич) и американской (А. фон Эден)¹¹⁵.

Инициатор создания Русского охранного корпуса генерал М.Ф. Скородумов позднее вспоминал: «В это тяжелое время мне помогла только небольшая группа русских патриотов... часть эмиграции — так называемые «левые» и «советские патриоты» — завопила о том, что воевать с большевиками нельзя, ибо интересы Советской власти якобы совпадают с интересами России. Эту советофильскую группу возглавляли два священника: протоиерей И. Сокаль и протоиерей В. Неклюдов. Они собирали митинги за церковь Святой Троицы и уговаривали прихожан не идти в Русский корпус и не бояться коммунистов, так как «большевиков больше нет, а есть только русские люди»... Другой советофил «младоросс» Илья Толстой, внук Льва Толстого, даже напал на меня на улице и грозил убить»¹¹⁶.

Десятки русских эмигрантов сражались в рядах Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), а некоторые даже дослужились до высоких постов. Так, например российский полковник Ф.Е. Махин руководил операциями различных частей партизан, затем стал начальником исторического отделения отдела пропаганды Верховного штаба НОАЮ и в феврале 1944 г. был удостоен звания генерал-лейтенанта. Генерал-полковником

¹¹⁴Церковная жизнь. 1942. № 10. С. 154–155, 1943. № 5. С. 73–74; Русский корпус. Нью-Йорк, 1963. С. 39–40, 115.

¹¹⁵Тимофеев А.Ю. Положение русской эмиграции... С. 47–55.

¹¹⁶Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009. С. 165.

стал русский инженер В. Смирнов, занявший должность начальника инженерной службы НОАЮ¹¹⁷.

Проживавший во время войны в Югославии В.А. Маевский так описал изменение настроений русской эмиграции в этой стране: «Вообще надо заметить, что лишь незначительная часть русских возгорелась «симпатиями» к немцам в надежде, что сможет поехать на восточный фронт «освободить» свою родину. Другая же часть, подавляющая, была уверена в том, что немцы идут не освобождать, а поработать и уничтожить русский народ, как «унтерменшей», и освобождать территорию для колонизации... На первых порах этим здравомыслящим пессимистам не верили и обрушивались на них. Но скоро и сторонники немцев, уверовавшие в их «добрую» волю, увидели обратную сторону немецкой медали. И разочарование усилилось, когда с восточного фронта стали прибывать участники немецкого наступления, завоевания и порабощения. Вот они и рассказали впервые, как поступает с русским населением немецкая оккупационная власть, которая открыла там свое истинное лицо... тогда пронемецкая часть русской эмиграции, пересмотрев свои недавние увлечения, сплотилась со своими более устойчивыми компатриотами. Сплотилась в пассивном отпоре оккупантам и желании победы России. Но это новое настроение немцы быстро учли, и на головы русских в Югославии посыпались новые бедствия и репрессии, аресты и казни»¹¹⁸.

Существуют свидетельства, что митрополит Анастасий в 1941–1944 гг. «оказал большую помощь и защиту Сербской Православной Церкви во время гонений на нее со стороны нацистов»¹¹⁹. Конкретных документов о размерах этой помощи пока найти не удалось. Но, во всяком случае, несомненно, что владыка сохранял теплые чувства к арестованному Патриарху и не боялся их проявлять перед оккупационными властями. По воспоминаниям епископа Григория в день «Славы» Гавриила («Слава» — родовой сербский праздник, день, когда крестился первый предок) митрополит указал Граббе сообщить германской администрации о своем желании поехать и поздравить Патриарха. После долгой и резкой дискуссии в отделении СД, ведавшем церковными делами, его начальник Мейер заявил: «Я все равно не могу разрешить митрополиту ехать к Патриарху. Но я ему передам, что он его поздравляет. А Вам советую больше ни

¹¹⁷ Голдин В.И. Роковой выбор. С. 342.

¹¹⁸ Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 285, 287.

¹¹⁹ Константинов В.Д. Записки военного священника. СПб., 1994. С. 71.

с кем так не разговаривать, как Вы разговаривали со мной»¹²⁰. Как выяснилось уже после освобождения Патриарха, немецкий офицер передал ему поздравление митрополита Анастасия и это был единственный подобный случай за время ареста.

По некоторым свидетельствам (в частности, митрополита Скопленского Иосифа) на рубеже 1942–1943 гг. владыка Анастасий через митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде) пытался вступить за Патриарха Гавриила перед немецкими властями, убеждая освободить его из-под ареста, но без успеха¹²¹.

В свою очередь и Патриарх Гавриил уважал Первоиерарха РПЦЗ. Когда в 1945 г. он приехал после войны в Лондон крестить сына сербского короля Петра, то на приеме после крещения заявил, что «митрополит Анастасий с великой мудростью и тактом держался при немцах, был всегда лояльным к сербам, несколько раз подвергался обыскам и совершенно не пользовался доверием немцев»¹²². Это же сказал Патриарх и в беседе с протоиереем Михаилом Польским 22 октября 1945 г. В тот же день о. Михаил в письме из Лондона архиепископу Виталию (Максименко) так сообщал об этом разговоре: «Патриарх с чувством глубокой внутренней симпатии и личной дружбы говорил о митрополите Анастасии, осведомлялся о нем и его положении, рад, что он уже в Женеве и засвидетельствовал, что он с великой мудростью и тактом держался при немцах, был всегда лоялен к сербам, подвергался три-четыре раза обыскам от немцев, вызывая их недоверие. Все это уже известно из уст патриарха и другим лицам здесь и получило распространение, служа реабилитацией нашему первоиерарху после всяких недоумений, а то и клевет... В общем он подчеркивал строгость, прямоту, чистоту и твердость митрополита Анастасия»¹²³. Сведения о подобных заявлениях имеются не только в русских эмигрантских источниках. В календаре Сербской Церкви на территории США и Канады высказывание Патриарха Гавриила приведено в следующем виде: «Митрополит Анастасий продемонстрировал великую мудрость и тактическое искусство во взаимоотношениях с Германией»¹²⁴.

¹²⁰ Григорий (Граббе), еп. Завет... С. 331.

¹²¹ *Buchenau K.* Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwstler in Serbien. 1850–1945. Wiesbaden, 2011. S. 468.

¹²² Андреев И.М. Краткий обзор... С. 134.

¹²³ СА. Личное дело митрополита Анастасия (Грибановского).

¹²⁴ *Calendar of the Serbian Orthodox Church in the USA and Canada.* 1991. P. 105.

Весь период оккупации Первоиерарх РПЦЗ старался поддерживать добрые отношения с Сербской Патриархией. Так, например, когда 21 ноября 1942 г. в день св. Архангела Михаила соборный храм в Белграде и Патриархия праздновали свою «Славу», владыка Анастасий от имени Зарубежной Русской Церкви приветствовал славельщиков. И в этом же месяце в день убийства бывшего югославского короля Александра митрополит в сослужении местного духовенства совершил торжественную панихиду в русской Троицкой церкви Белграда¹²⁵.

7 января 1943 г. все три проживавших в Белграде архиерея РПЦЗ митрополит Анастасий, архиепископы Феофан и Тихон — посетили председателя Сербского Синода митрополита Иосифа и поздравили его с Рождеством Христовым. Согласно официальной информации Сербской Церкви, в ходе визита «состоялся «сердечный и искренний братский разговор», и владыке Иосифу это было «необычайно приятно»¹²⁶. 22 марта 1943 г. митрополит Анастасий в сослужении епископа Моравичского Арсения и 22 священнослужителей совершил отпевание своего друга по учебе в Московской духовной академии настоятеля белградской Свято-Савской церкви ставрофорного протоиерея Михаила Поповича¹²⁷.

Когда архимандрит Филипп (Гарднер) 3 мая 1942 г. написал из Берлина в Синодальную канцелярию, что для епархии РПЦЗ в Германии очень нужно Святое Миро, митрополит Анастасий 2 июля обратился в Сербский Синод с соответствующей просьбой, отметив, что последний раз Сербская Церковь давало Святое Миро РПЦЗ в 1937 г. Вскоре это ходатайство было выполнено, и 1 августа 1942 г. Синодальная канцелярия выслала бутылку Святого Мира в Берлин¹²⁸.

В военное время существенно укрепились связи русского духовенства с сербской националистической организацией Збор. Так, например, ранее преподававший в Призренской и Карловацкой семинариях священник Феофор Балабанов начал участвовать в работе отдела воспитания добровольцев Збора, объехав с антикоммунистическими выступлениями значительную часть Баната и создал там сеть соответствующих библиотек. Он принадлежал к юрисдикции Сербской Церкви, и Священный Синод вскоре захотел привлечь его к руководящей работе в Патриархии, однако против этого выступили Збор и Министерство образова-

¹²⁵ Церковное обозрение. 1942. № 11–12. С. 5–6.

¹²⁶ Гласник. 1943. № 2. С. 11.

¹²⁷ Церковное обозрение. 1943. № 7. С. 6.

¹²⁸ СА. Д. 24/42.

ния. В результате переговоров о. Ф. Балабанов был оставлен на прежней работе, но уже больше не оплачивался из бюджета Сербской Церкви. С 1943 г. он также преподавал Закон Божий в банатских школах, отличаясь при этом от сербских священников своей необычной активностью¹²⁹.

Когда министр образования в письме от 14 июля 1942 г. попросил Сербский Синод провести необходимое служебное расследование в отношении русских священников Тимокской епархии, Синод на заседании от 26 сентября постановил лишь запросить министерство о конкретных провинностях этих священников. 21 ноября митрополит Анастасий сообщил Сербскому Синоду, что он получил от русских священников в Косовской Митровице разъяснения об их действиях, и эта информация на заседании Синода от 15 января 1943 г. была лишь принята к сведению¹³⁰. В одном из своих писем от 29 декабря 1943 г. Г.П. Граббе отмечал, что во всех русских храмах Сербии за богослужением поминают не только архиереев РПЦЗ, но и сербских епархиальных епископов¹³¹.

Хотя порой между Русской Православной Церковью Заграницей и Сербской Патриархией возникали конфликты, они, как правило, быстро разрешались. В частности, обеспокоенность Сербской Церкви вызвало создание Средне-Европейского митрополичьего округа РПЦЗ. Решение об открытии этого округа (вопреки выработанному Архиерейским Собором 1935 г. Временному положению об РПЦЗ) и возведении его управляющего архиепископа Серафима (Ляде) в сан митрополита было принято Архиерейским Синодом 26 мая 1942 г. (в состав Синода владыку Серафима включили только 19 октября 1942 г.)¹³².

Получив это известие, председатель Синода Сербской Церкви митрополит Иосиф 3 июля 1942 г. в письме Первоиерарху РПЦЗ выразил просьбу иметь ввиду права Сербского Патриархата на Чешскую и Моравскую епархию, отметив, что сербская юрисдикция в Чехии, Словакии и Вене не должна быть повреждена в новообразованном митрополичьем округе. В ответе владыки Анастасия от 11 июля говорилось, что Архиерейский Синод РПЦЗ не рассматривает епархию чешского епископа Горазда в качестве составной части Средне-Европейского округа, и сербская юрисдикция над ней сохраняется, хотя епи-

¹²⁹ Архив Сербии (АС). Г3–820.

¹³⁰ АА. Inland I-D, 4795.

¹³¹ Ibid. 4742.

¹³² СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

скоп и подчиняется временно митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде)¹³³.

9 июля митрополит Анастасий в письме к владыке Серафиму предупредил его, что Сербская Церковь «несколько обеспокоена, чтобы внешние условия не отразились на ее прерогативах и, в частности, чтобы мы не присоединили окончательно к своей Церкви некоторые ее пределы, в настоящее время от нее отрезанные, в т.ч. и приходы в Словакии». В завершение письма Первоиерарх просил договориться с Синодом Сербской Церкви и «руководствоваться ее пожеланиями»¹³⁴. Между тем, накануне на заседании 8 июля Сербский Синод резко негативно оценил окормление своего прихода св. Саввы в Вене русским по национальности священником Арсением Сериным, и принял постановление назначить в этот приход протоиерея Васу Шипку, послав запрос в Архиерейский Синод РПЦЗ¹³⁵.

На соответствующие запросы митрополита Анастасия от 11 и 15 июля владыка Серафим 12 августа 1942 г. ответил обширным посланием, в котором писал: «Прежде всего, открытие и организацию Средне-Европейского Митропол[ичьего] Округа я понял, конечно, только в том смысле, что в состав этого Округа входят только приходы, находящиеся в юрисдикции Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, но не сербские приходы. Я прекрасно понимаю, что захват мною сербских приходов только еще более осложнил бы положение нашего Архиерейского Синода. Поэтому я никогда не покушался на сербские приходы, не подчинил их моей юрисдикции. Но, признаюсь откровенно, я взял под свое покровительство: сербский приход в Вене, бывшую епархию епископа Горазда и приходы в Словакии. Но инициатива не исходила от меня, а от сербских приходов»¹³⁶.

Владыка разъяснил, что накануне начала войны между Германией и Югославией настоятель церкви св. Саввы в Вене протоиерей М. Араницкий, уезжая из города, лично посетил его и просил командировать одного из священников венской Покровской церкви РПЦЗ для обслуживания сербского храма. Кроме того, правление прихода св. Саввы (приходской совет) просило митрополита взять храм под свое покровительство, «так как недвижимое имущество этого

¹³³ Там же. Д. 24/42.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. Д. 41/43.

прихода... находилось в опасности»¹³⁷. После получения по ходатайству владыки Серафима согласия Министерства церковных дел и городских властей Вены русский священник стал совершать богослужения в храме св. Саввы. Затем, после того, как в начале мая 1942 г. в русской церкви остался один священник (Ванчаков), и он не смог обслуживать два храма, владыка Серафим предложил правлению прихода св. Саввы пригласить проживавшего в Берлине и состоявшего в сербской юрисдикции иеромонаха Арсения (в миру Александра Серина), который в сентябре 1941 г. был вынужден оставить свой приход в с. Дреп Шабачской епархии из-за приговора к смерти местными коммунистами. Отец Арсений был приглашен правлением прихода и 5 мая назначен митрополитом в церковь св. Саввы¹³⁸.

Получив письмо Первоиерарха РПЦЗ от 15 июля с предложением передать приход о. В. Шипке, митрополит Серафим 3 августа 1942 г. освободил о. Арсения от исполнения пастырских обязанностей в храме св. Саввы и указал прекратить богослужения. Завершая описание этой истории, владыка указал: «Таким образом, это дело для меня более не существует. Я спас сербский приход в самое трудное для него время и этим, думаю, только оказал услугу Сербской Православной Церкви»¹³⁹.

В целом владыка верно изложил суть этого дела, хотя в ходатайстве Министерству церковных дел от 16 сентября 1941 г. он просил разрешения не только на окормление русским венским священником общины св. Саввы, но и на ее включение в состав Германской епархии РПЦЗ согласно просьбе приходского совета от 10 мая 1941 г. При этом архиепископ отмечал, что преобладающее большинство членов этой общины — немцы, бывшие австрийские граждане. В ответ на запрос РКМ рейхсштаттгалтер (имперский наместник) в Вене 20 февраля 1942 г. сообщил министерству, что он еще 25 сентября 1941 г. издал соответствующий указ, и РКМ 10 марта переслало этот указ владыке Серафиму¹⁴⁰.

В письме Первоиерарху РПЦЗ от 12 августа 1942 г. митрополит Серафим также сообщил, что на Чешскую и Моравскую епархию он никогда не покушался: «Инициатива в этом деле исходила от епископа Горазда, который, принимая во внимание тяжелое положение своей епархии, просил меня взять его и его епархию под мое покровительство впредь до восстановления нормальных сно-

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. Д. 24/42.

¹⁴⁰ Kyrios. Band 6 1942/43. Graz, 1969. S. 132–133.

шений с Священным Синодом Сербской Православной Церкви. Входя в чрезвычайно трудное и сложное положение епископа Горазда, я дал свое согласие. Все мое покровительство заключалось в том, что я предоставил в распоряжение епископа Горазда Святое Миро и Святые Антиминсы, в которых он нуждался, да и укрепил пошатнувшееся его положение в протекторате». Подобная ситуация была и в Словакии: «Мне кажется, что Сербский Синод должен был бы благодарить меня, а не протестовать против этой моей помощи, совершенно бескорыстной. Неужели интересы Сербской Православной Церкви пострадают вследствие того, что я временно принимаю на себя заботы о приходах, находящихся в настоящее время вне сферы влияния Сербского Архиерейского Синода и Преосвященного епископа Владимира? Ведь моя помощь только временная мера в пользу Сербской Православной Церкви»¹⁴¹.

Митрополит пояснил, что целью его деятельности было оказание братской помощи Сербской Церкви, которая в условиях войны лишена «возможности защищать интересы своих заграничных приходов», и просил владыку Анастасия «почтительнейше разъяснить» Сербскому Синоду «совершенную необоснованность его опасений, так как я далек от мысли захватить его достоинство, понимая прекрасно антиканоничность подобных поступков. Бескорыстная братская помощь не может и не должна быть истолкована в смысле захвата чужой церковной области, особенно в такое время, когда каноническая церковная власть не в состоянии управлять своими приходами и оказывать им существенную поддержку. Я полагал, да и ныне полагаю, что мой долг — делать все от меня зависящее ради спасения Православия. Неужели это преступление?...»¹⁴².

24 августа Первоиерарх РПЦЗ изложил содержание этого письма в докладе Сербскому Синоду, и в дальнейшем конфликт был улажен. На заседании Синода под председательством митрополита Иосифа от 26 сентября 1942 г. была принята к сведению информация о том, что Средне-Европейский округ РПЦЗ не включает общины, подчиненные Сербской Церкви¹⁴³.

Правда, иеромонах Арсений (Серин) далеко не сразу прекратил служение в венской церкви св. Саввы, и владыке Серафиму (Ляде) пришлось 13 ноября 1942 г. повторно написать ему об этом. В октябре 1943 г. митрополит Скопленский Иосиф в беседе с Первоиерархом РПЦЗ вновь затронул вопрос о служении

¹⁴¹СА. Д. 24/42.

¹⁴²Там же.

¹⁴³АА. Inland I-D, 4795.

о. Арсения в церкви св. Саввы, и 6 декабря того же года митрополит Анастасий написал владыке Иосифу, что в Вену еще несколько месяцев назад прибыл и принят в церкви протоиерей Васа Шипка, а о. Арсений ее покинул¹⁴⁴.

Окончание следует

Источники и литература

1. *Андреев И.М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль, 1951.
2. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей 1946 г. / Под ред. Г.М. Солдатова. Миннеаполис, 2003.
3. Архипастырские послания, слова и речи высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия, первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Джорданвилль, 1956.
4. Богомудрый Архипастырь. К 20-летию представления Блаженнейшего Митрополита Анастасия // *Der Bote*. 1985. № 6. С. 12–13.
5. *Булатова Р.В.* Основатель югославской палеографической науки В.А. Мошин // *Русская эмиграция в Югославии*. С. 185—189.
6. *Вениамин (Федченков), митр.* Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви // *Церковно-исторический вестник*. 1999. № 4–5. С. 109—129.
7. *Виталий (Максименко), архиеп.* Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955.
8. *Всеволод (Филипьев), инок.* Святорусское откровение миру. Избранные статьи. Джорданвилль–М., 2005.
9. *Гавриил (Динев), архим.* Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // *Бялата емиграция в България*. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 320–329.
10. Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995.
11. Гласник. Београд. 1943. № 2, 9.

¹⁴⁴СА. Д. 24/42.

12. *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск-Мурманск, 2005.
13. *Граббе Г., протопресв.* Церковь и ее учение в жизни (Собрание сочинений). Т. 2. Монреаль, 1970.
14. *Григорий (Граббе), еп.* Завет святого патриарха. М., 1996.
15. *Емельянов Н., прот.* Представители русского зарубежья, за Христа пострадавшие // XVIII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008. С. 232.
16. Журнал Московской Патриархии. Москва. 1978. № 9.
17. Икона Божией Матери Курская-Коренная Знамение. Джорданвилль, 1995.
18. *Константинов В.Д.* Записки военного священника. СПб., 1994.
19. *Корнилов А.А.* Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002.
20. *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). М., 1999.
21. *Кускова Е.* Письмо в редакцию // Новое русское слово. 1951. 25 мая.
22. *Маевский В.А.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966.
23. *Маевский В.А.* Трагедия русских в Югославии // Русская жизнь. 1946. 16 апреля.
24. *Науменко В.Г.* Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947). Сборник документов и материалов. Т. 2. Нью-Йорк, 1970.
25. *Николай (Трайковский), игумен.* Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012.
26. *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1995.
27. Парижский наблюдатель, Париж. 1943. 16 января.
28. Православная Русь. Джорданвилл. 1947. № 5, 12, 1964. № 21, 1993. № 10–11.

29. *Протопопов М., прот.* Преосвященнейший Савва (Раевский), архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский. 1892–1976. Мельбурн, 1999.
30. *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Т. 1. Джорданвилль, 1949.
31. Русская Православная Церковь Заграницей. Т. 1. Иерусалим, 1968.
32. Русская Православная Церковь Заграницей 1918–1968. Т. 1. Иерусалим, 1968.
33. Русский корпус. Нью-Йорк, 1963.
34. Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк, 1963.
35. Сборник избранных сочинений высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия. Джорданвилль, 1948.
36. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973.
37. *Танин С.Ю.* Русский Белград. М., 2009.
38. *Тимофеев А.Ю.* Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // Славяноведение. 2006. № 4. С. 45–52.
39. *Троицкий С.В.* О неправде карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и Заграницей». Париж, 1960.
40. *Трушинович Я.А.* Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. // Новый часовой. 1994. № 2. С. 140–148.
41. Церковная жизнь. Белград. 1939. № 1–2, 9–10, 1941. № 3–12, 1942. № 1, 4, 5, 7–8, 10, 11, 12, 1943. № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 1944. № 1, 5–6.
42. Церковное обозрение. Белград. 1941. № 4–6, 10–12, 1942. № 4–6, 7–8, 9–10, 11–12, 1943. № 1, 7, 8, 9.
43. *Черкасов-Георгиевский В.* Русский храм на чужбине. М., 2003.
44. *Якунин В.Н.* Положение и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001.
45. *Vuchenaui K.* Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwestler in Serbien. 1850–1945. Wiesbaden, 2011.

46. Calendar of the Serbian Orthodox Church in the USA and Canada. 1991.
47. *Georgije Pavlović*. Pod zvezdom šestokrakom. Judcuzam i slobodno-zidarstvo v prošlosti i sadašnjosti. Beograd, 1943.
48. *Mayeur J.-M.* [Hrsg.]. Die Geschichte des Christentums. Band 12. Erster und Zweiter Weltkrieg Demokratien und totalitäre Systeme (1914–1958). Freiburg–Basel–Wien, 1992.
49. *Seide G.* Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1989.
50. Kyrios. Band 6 1942/43. Graz, 1969.

Священник Константин Костромин

АРХИЕРЕЙСКИЙ БЫТ ПОД ПЕРОМ ИСТОРИКА

Рецензия на: *Гайденко П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: Университетская книга, 2013.

Работы иером. Петра (П.И. Гайденко) уже становились предметом рецензии на страницах журнала «Христианское чтение» («Возрождение монументального стиля в русской церковной истории»). Рец. на: Гайденко П.И. Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси. Становление высшего церковного управления. Казань, 2006 // Христианское чтение. №3. Специальный выпуск: История Русской Православной Церкви. СПб., 2012. С. 176–183). В 2013 году вышла новая, на этот раз коллективная монография трех казанских авторов. Статьи распределены в неравных пропорциях по принципу 2х2 и еще раз 2х2. Что это означает?

Книга имеет два раздела: «Быт, нравы и служение церковной иерархии Древней Руси: исторические наблюдения» и «Церковные тексты Древнерусской церкви: этюды о языке и письме». Первый из них, более общеисторического характера, представляет собой зарисовки о церковном управлении и его особенностях и деталях, церковном суде (коль скоро мы привыкли к расхожему юридическому постулату о независимости законодательной, исполнительной и судебной властей; хотя вопрос открытый — можно ли усматривать хоть какое бы то ни было разделение властей в церкви вообще и в Древней Руси в частности, а также являлась ли судебная власть хоть сколько-нибудь независимой от чего либо), а также о древнерусских исторических источниках — Вопрошании Кириковом и киевских граффити.

Второй раздел куда более профессионально сужен: если первый могут читать все интересующиеся историей, то второй предназначен сугубо и исключительно филологам. В этой двойственности есть некоторая непоследовательность или, скорее, искусственность; едва ли оправданно объединять под одной обложкой столь разнородные главы. В то же время в обоих разделах речь идет о Киевской Руси, а также исторический обзор сконцентрирован вокруг именно

Священник Константин Костромин — кандидат исторических наук, кандидат богословия, преподаватель, секретарь Ученого совета и заведующий аспирантурой Санкт-Петербургской православной духовной академии (k.a.kostromin@mail.ru).

церковной тематики. Этим и объясняется желание составителей видеть коллективную монографию, принадлежащую трем авторам. Очевидно они единомышленники.

Второе 2x2 касается первого раздела в отдельности. Здесь доминируют главы, написанные отцом Петром (П.И. Гайденко; Казань), над главами, автором которых была историк из Набережных Челнов Т.Ю. Фомина. Тематика этих глав замечательна тем, что в них история древнерусской церковной иерархии представлена через призму этики и быта. Одновременный исторический взгляд в категориях повседневности и ментальности говорит о том, что, во-первых, этим авторам импонирует подход школы анналов, а во-вторых, что они ориентируются на современную историческую научную проблематику более, нежели на «объективистский» подход дореволюционной или марксистской науки.

Хотя последнее замечание не вполне отражает особенности данных авторов. Если внимательно почитать эти главы, станет понятно, что нашим историкам удался синтез того, что считалось несоединимым. «Семинарский», системный подход к решению исторической проблемы они сочетают с новаторским направлением поиска (быт и нравы). Нельзя не обратить внимание на то, насколько тесно переплетены в их ссылочном аппарате дореволюционные научные труды с работами современных историков. Это очень необычно, поскольку большинство сегодняшних академических историков, исходя из примата теории прогресса (научного, прежде всего) над мыслью как абсолютной ценностью, всегда выстраивают историографическую ретроспективу поиска от «начала к нашим дням». По-своему такой подход себя оправдывает, но, нельзя не отметить, делает выводы несколько более «плоскими», нежели тогда, когда историк ценит, прежде всего, мысль как таковую и именно из мыслей сплетает ткань своей работы.

И нельзя не отметить еще одну особенность рецензируемой монографии. Авторы глав очень неформально подошли к изучению исторического материала еще и потому, что проявили глубокую личную заинтересованность. Глубокий, беспокойный личный интерес — это залог «поиска до предела», пока проблема не будет высвечена полностью. И в то же время, кажется, в работах отца Петра (П.И. Гайденко) и Т.Ю. Фоминой нет ангажированности, предвзятости. Чтобы максимально дистанцироваться от этой опасности, они выбрали проблемный, а не персоналистический подход. Единственная личность, вынесенная в заглавие — новгородский Кирик — выступает не в качестве самостоятельного лица, интерес к которому был для наших авторов самодовлеющим, а представляет

тот исторический источник, через который лучше видны быт и нравы церковного общества в целом. И в то же время в работе нет и полного деперсонализма, в котором избранная проблематика теряет лицо и растворяется в абстракции теоретического мышления.

Внимание исследователей привлекли такие интересные и важные темы как церковные соборы в эпоху Киевской Руси, характер архиерейской власти, архиерейские поездки как один из способов управления епархией, обзор сообщений о смерти киевских митрополитов и их особенности, типологические черты церковного судопроизводства, смысл, функции, значение и нравы церковных пиров, которые оказываются связаны с аналогичной княжеской практикой конца X – начала XI веков. Несколько глав посвящены быту, нравам, культовым особенностям и покаянной практике Великого Новгорода.

Книга представляет большой интерес для исследователей Киевской Руси, истории церкви и права.

Д.А. Карпук

КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ ВОЕННОГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

9 сентября 2013 г. в Санкт-Петербургской православной духовной академии (СПбПДА) состоялась научно-историческая конференция: «История военного и морского духовенства в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.». Организатором выступила кафедра церковно-исторических дисциплин СПбПДА.

В работе конференции приняли участие ученые, преподаватели, научные сотрудники и учащиеся духовной академии, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, Гуманитарного института Череповецкого государственного университета, Государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного музея истории религии, Белозерского областного краеведческого музея и Санкт-Петербургской православной духовной академии. Всего было представлено 12 докладов.

Открыл работу конференции проректор по научно-богословской работе СПбПДА протоиерей Димитрий Юревич. В своем приветственном слове он отметил, что пастырское служение духовенства в армии является насущной необходимостью для современной действительности. Вполне естественно, что для более действенного и успешного служения священников среди военнослужащих в настоящее время необходимо всестороннее изучение и осмысление колоссального опыта служения военного духовенства Русской Православной Церкви в Российской империи в XIX – начале XX вв.

Доцент кафедры истории и философии Гуманитарного института Череповецкого государственного университета Алексей Евгеньевич Новиков провел презентацию научно-краеведческого сборника «Памяти протопресвитера Александра Желобовского». Данное издание включает в себя материалы докладов, представленных на региональных научно-краеведческих чтениях «За Ве-

Дмитрий Андреевич Карпук — кандидат богословия, преподаватель и секретарь кафедры церковной истории, заведующий архивом Санкт-Петербургской православной духовной академии (dimand3@yandex.ru).

ру и Отечество!», организованных и проведенных факультетом общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Череповецкого государственного университета совместно с Архиерейским подворьем Воскресенского собора г. Череповца 6 апреля 2013 г.

Большая часть докладов, представленных на конференции, была посвящена жизни и деятельности первого протопресвитера военного и морского духовенства Александра Желобовского. Историк-краевед Михаил Геннадьевич Мальцев в своем сообщении «Протопресвитер Александр Желобовский и Вологодский край» рассказал об обстоятельствах рождения и воспитания будущего протопресвитера в семье дьячка Желобовской церкви Белозерского уезда Новгородской губернии (ныне это — деревня Петропочинок Череповецкого района Вологодской области). Докладчик особо отметил насущную необходимость, в связи с возросшим интересом к личности протопресвитера Александра Желобовского и вообще к истории военного и морского духовенства Российской империи, написания полноценной научной биографии одного из выдающихся церковных деятелей конца XIX – начала XX вв., каковым и являлся незаслуженно забытый отец Александр.

Иерей Леонид Марков, отчасти продолжая сообщение своего предшественника, в докладе «Деятельность протопресвитера Александра Желобовского по реформированию военного и морского духовенства и применимость его опыта в современных условиях» рассказал о тех кардинальных преобразованиях, которые провел отец Александр в ведомстве военного и морского духовенства в конце XIX в. Благодаря его реформам служение духовенства в армии и на флоте в начале XX столетия стало престижным и почетным. Доказательством этого служит тот факт, что в число военных священнослужителей стали брать только тех, кто имел как минимум среднее богословское образование. Не случайно преемником отца Александра на посту протопресвитера стал доктор богословия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (с 1890 по 1910 гг.) Евгений Аквилонев. Следующий протопресвитер военного и морского духовенства, Георгий Шавельский, являясь выпускником Санкт-Петербургской духовной академии, также имел учёную степень магистра богословия.

Священник Леонид отметил, что протопресвитер Александр Желобовский занимался разработкой новых методов руководства военным духовенством, а также внимательно проанализировал и обобщил опыт своих предшественников. По его инициативе были написаны фундаментальные сочинения по истории военного духовенства, с 1890 г. стал выходить журнал «Вестник воен-

ного духовенства», многие материалы которого не утратили своего значения до сих пор.

Настоятель прихода святых царственных страстотерпцев г. Бремена иерей Александр Берташ и студентка исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета А. Н. Ивицкая в своих докладах рассказали о храмостроительной деятельности, которую вел отец Александр Желобовский. Насколько обширным было его служение в прошлом, настолько малоизученной остается эта тема в настоящее время. В этом нет ничего удивительного: по словам выступающих, за двадцатилетний период служения первого протопресвитера военного и морского духовенства количество храмов увеличилось практически вдвое — примерно с 400 до 800 (впрочем, данная статистика, по словам докладчиков, ещё нуждается в дальнейшем уточнении). Священник Леонид Марков в своем сообщении также подчеркивал, что известный Морской собор в Кронштадте был построен во многом благодаря активной и кипучей деятельности отца Александра Желобовского.

Иерей Александр Берташ раскрыл многогранную храмостроительную деятельность отца Александра в своем обстоятельном сообщении «Строительство военных храмов при протопресвитере Александре Желобовском и их стилистика». Автор доклада подробно рассмотрел статические данные о новых храмах в военном духовном ведомстве. Больше всего военных церквей появилось при Желобовском на территории Польши и Украины, в полтора-два раза меньше — в Сибири и на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Казахстане, Санкт-Петербурге, на Кавказе, еще меньше — в Белоруссии и Центральной России, в Прибалтийских губерниях и в Финляндии.

А.Н. Ивицкая в своем докладе «Воинские храмы Санкт-Петербурга в период протопресвитерства Александра Алексеевича Желобовского» отметила, что в Санкт-Петербурге в конце XIX века насчитывалось 247 православных церквей, 30 из которых являлись полковыми. Наиболее существенный рост количества воинских храмов, как уже отмечалось, приходится именно на период протопресвитерства отца Александра — с 1890 по 1910 гг.

Доцент кафедры истории и философии Гуманитарного института Череповецкого государственного университета Алексей Евгеньевич Новиков представил доклад на тему «Святой праведный Иоанн Кронштадтский и протопресвитер Александр Желобовский: служение Богу и Отечеству». Выступающий не только рассказал о тех случаях, когда «всероссийский батюшка» и «всероссийский протопресвитер» вместе встречались и молились, но и весьма успешно

провел параллели, свидетельствующие о потрясающе схожей храмостроительной и благотворительной деятельности этих двух выдающихся современников-священнослужителей на рубеже столетий.

О том, как сейчас чтут память отца Александра Желобовского на его родине в Вологодской области, где он и был похоронен, подробно рассказала заведующая просветительским отделом Белозерского областного краеведческого музея Татьяна Александровна Гаврилова. Так, 2 ноября 2012 г. на бывшем здании Белозерского духовного училища (в настоящее время — индустриально-педагогический колледж) была установлена мемориальная доска. 6 апреля 2013 г. в Череповце состоялись первые региональные научно-краеведческие чтения памяти протопресвитера Александра Желобовского. 11 июля 2013 г. в Белозерске состоялось открытие улицы, названной в честь отца Александра. Деятельность по увековечиванию его памяти дошла, по словам докладчика, и до северной столицы. В 2013 г. было получено благословение митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира на установку в Санкт-Петербурге, у храма Державной иконы Божией Матери, памятника этому выдающемуся человеку.

Доцент кафедры истории и теории искусств Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна Алексей Владимирович Аранович провел презентацию проектов памятников заслуженного скульптора России Владимира Эмильевича Горевского «Протопресвитеру Желобовскому и главным военным священникам Российской империи» и «Рядовому военному священнику Первой Мировой войны». Выступающий рассказал об обстоятельствах возникновения идеи создания данных памятников, продемонстрировал фотографии макетов, а также пригласил всех желающих посетить мастерскую заслуженного скульптора В.Э. Горевского.

Несмотря на то, что значительная часть докладов была посвящена жизни и деятельности первого протопресвитера военного и морского духовенства, на конференции были представлены сообщения и на другие темы, связанные с военным и морским духовенством в целом. Так, преподаватель СПбПДА Дмитрий Андреевич Карпук рассказал о кратком по времени периоде служения на посту протопресвитера военного и морского духовенства доктора богословия, профессора СПбДА Евгения Аквилонова. Особое внимание в выступлении было уделено той дискуссии, которая развернулась вокруг ведомства военного и морского духовенства в 1910-1911 гг. Главный вопрос, который волновал тогдашние церковные и отчасти военные круги сводился к следующему: «Кто же должен

стоять во главе этой “всероссийской военной епархии”: епископ или белый священник?» Как известно, в Российской империи этот вопрос трижды решался в пользу последних. Правда, все протопресвитеры к моменту своего назначения были уже вдовцами. Некоторыми современниками предполагалось, что со временем они примут монашество и будут возведены в епископский сан.

Студент бакалавриата СПбПДА Николай Скоморох рассказал в своем докладе о служении духовенства Русской Православной Церкви в годы Первой мировой войны. Главным источником для сообщения послужили «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота» Георгия Шавельского.

Особый интерес у слушателей вызвали доклады доцента А.В. Арановича («К вопросу об облачении военного духовенства в начале XX века») и научного сотрудника Государственного музея истории религии В.А. Безродина («Походная церковь в Русской императорской армии»). Некоторые положения данных сообщений (в первую очередь о походных военных храмах и богослужбной утвари), в свете постепенного возрождения военного и морского духовенства в Российской Федерации, стали особо актуальными и востребованными в настоящее время.

Иерей Игорь Илюшин в своем докладе затронул важную и актуальную для России тему «Значение духовенства Российской Империи в утверждении трезвости военнослужащих». Данное сообщение, с оглядкой на прошлое, было посвящено в том числе и современному положению дел в данной области. Современности был посвящен и доклад подполковника запаса, руководителя военной дружины им. св. Димитрия Донского Александра Фёдоровича Клецкова, который рассказал в своем выступлении об обстоятельствах недавнего открытия домового храма в честь св. блгв. князя Димитрия Донского в Череповецком высшем военном инженерном училище радиоэлектроники.

После экскурсии участники конференции помолились на Никольском кладбище, где иерей Леонид Марков отслужил литию по усопшим протопресвитерам Александру Желобовскому, Евгению Аквилону, Георгию Шавельскому и их усопшим родственникам, а также по всем почившим военным и морским священникам. Именно на Никольском кладбище Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры трудами отца Леонида в июле 2013 г. была восстановлена могила супруги протопресвитера Александра Желобовского Наталии Ивановны и их старшего сына Владимира.

Материалы конференции планируется издать в специальном сборнике.

ANNOTATIONS

Priest Konstantin Kostromin. Historical Subjectivism in the Context of Theology

Historical science, which in many respects does not meet the demands of the natural sciences, foremost does not meet the criterion of objectivity. Most often objectivity is introduced into historical science artificially, while an assessment of judgment, which is almost inevitable in the study of history, although it destroys the “objectivity” of knowledge of the past, is based on a belief in the fundamentally ethical character of the universe. Christian faith, which is based also on the notion of the inevitability of an assessment of judgment (e.g., eschatological assessment in the case of the Dread Judgment) justifies the right of the Christian historian to impose an assessment and, consequently, to “subjectivity”.

Priest Konstantine Kostromin is a Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Lecturer, Secretary of the Academic Council and Dean of Post-Graduate Studies Department at St. Petersburg Orthodox Theological Academy.

R. Bratož. Bishop Victorinus and the Christian Community in Petavia (second half of the 3rd Century)

This publication is a translation of an article by Professor Rajko Bratož — a contemporary Slovenian researcher of the history of the ancient Church, and in particular, of the history of the Pannonian Church, which was founded in the first century AD by the labors of the Holy Apostle of the Seventy Andronicus, Bishop of Pannonia. In the article, on the basis of the surviving works of St. Victorinus of Petavia and his contemporaries, the author comprehensively examines the life of Christians in Petavia in the second half of the 3rd century, i.e. during the very period when the city of Petavia in Pannonia (the largest of the Roman provinces on the Danube), was part of the Roman Empire

Translated from the German by Svetlana Kobrina, Lecturer at the Department of Philology of Perervinsky Orthodox Theological Seminary and edited by Nicholas Khandoga, Candidate of Theology, candidate for the degree of Doctor of Theology at the Department of Theology of the Sts. Cyril and Methodius Theological Institute of Post-graduate Studies.

Rajko Bratož is a Doctor of History, Professor of the Department of Ancient Church History at the Faculty of the Arts of Ljubljana University, Slovenia.

M.M. Kazakov. Peculiarities of the Christianization of North Africa

The article analyzes the main features of the Christianization of North Africa in ancient times on the basis of written sources and archaeological data. The author focuses on issues related to the formation of the early Christian communities and the emergence of the North African Church in the 2nd Century, as well as the history of Christianity in the region during the persecutions (end of the 2nd Century to 313) to identify the reasons for the rapid, as compared with other regions of the Roman Empire, spread of Christianity in North Africa.

Michael Kazakov is a Doctor of History, Professor and Head of the Department of Public and Legal Disciplines at the Smolensk State University, Professor of Smolensk Orthodox Theological Seminary.

N.A. Yerundov. Secularization of Monastic Landholdings in the United Principality of Wallachia and Moldavia under Prince Alexander Cuza (1859–1866)

The present article discusses the question of the secularization of monastic properties in the United Principality of Wallachia and Moldavia in the context of the foreign policy of the Russian Empire in the Balkans. Special attention is drawn to the role of Russian diplomatic representatives and the degree to which they participated in the events considered.

Nikolay Aleksandrovich Yerundov is a Master of Theology, Lecturer at Kazan Orthodox Theological Seminary.

Hieromonk Agafangel (Suslov). Penal Exiles on Valaam in the Middle of the 19th Century

In this paper, based on the materials available as part of the archival holdings of Valaam Monastery, the Russian State Historical Archives, and the Central State Historical Archives of St. Petersburg, the question of the use of the Valaam Monastery as a place of penal correction exile in the middle of the 19th century is examined. The attempts of the abbots of Benjamin (1833 – 1839) and Damascene (1839 – 1881) to free the monastery from such use are also studied. Persistent actions of Abbot Damascene (Kononov), supported by Archimandrite Ignatius (Bryanchaninov), were finally successful. The hierarchy, having examined the challenges posed by the presence of penitents on Valaam, took appropriate steps that were beneficent for the monastery.

Hieromonk Agafangel (Suslov) is a Candidate for the Degree of Candidate of Theology at St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University at the Department of the History of the Russian Orthodox Church..

T.A. Butyakova, M.N. Verbovsky. Boris Aleksandrovich Turayev — His Service to Science and the Church

Boris Turayev was a Professor at Petrograd University, a Lecturer at the Theological Institute, and from 1918, a member of the Russian Academy of Sciences. He was the founder of Egyptology in Russia, the creator of the Russian school of the history of the ancient East, and a recognized expert on Christian worship. He was also a member of the Imperial Orthodox Palestine Society and a member of the 1917–1918 Local Council of the Russian Orthodox Church. He is the author of more than 150 works on ancient Egypt, Ethiopia, Mesopotamia, and the history of religion.

Tatiana Butyakova is a Lecturer at St. Petersburg Orthodox Theological Academy, member of the Union of Journalists of St. Petersburg and Leningrad District.

Michael Verbovsky is a graduate of St. Petersburg Orthodox Theological Seminary..

R.K. Lesayev. Representatives of St. Petersburg Theological Academy and Their Foreign Assignments (1869–1917)

This article studies the foreign assignments of lecturers and scholars of St. Petersburg Theological Academy between 1869 and 1917. Foreign assignments were an important component of the Russian education and research system in the 19th – early 20th centuries as a whole and of the system of higher theological education in particular. The article studies the following characteristics of the foreign assignments of lecturers and candidates: their organization, motivation, documentation, purpose and goals, financial support, geographic and topical direction, and system of control and reporting. We reveal the role of the Holy Governing Synod, the Synod's Education Department, the Academic Council of the Academy, and the lecturers or scholars themselves in organizing these trips. Finally, we draw attention to the results of these foreign assignments and their significance for theological scholarship and higher theological education.

Ruslan Karimovich Lesayev is a Lecturer of the Department of the History of the Russian Orthodox Church at Saint Tikhon's Humanitarian University.

D.A. Karpuk. History of the Chair of Homiletics of the Imperial St. Petersburg Theological Academy

The article presents a brief history of the department of Homiletics at St. St. Petersburg Theological Academy in the second half of XIX – early XX centuries. A development of this discipline was associated with a range of difficulties which are stated in the present study. For a half of a century — from 1869 to 1918 — Homiletics in the capital higher theological school was alternately taught by N.I. Barsov, N.K. Nikol'sky, I.E. Evseev, hieromonk Venianim (Fedchenkov) and N.A. Kononov. Each of these professors made a contribution to the development of their chair.

Dmitry Andreevich Karpuk is a Candidate of Theology, Lecturer, Secretary of the Church History Department and Archives Manager at Saint Petersburg Orthodox Theological Academy.

M.V. Shkarovsky. The Russian Orthodox Church Abroad and Its Communities in Yugoslavia during the Second World War

The article is devoted to the affairs of the administrative entities of the Russian Orthodox Church Abroad (ROCA, ROCOR) and the history of Russian ecclesiastic communities in Yugoslavia during the Second World War. In April 1941, Yugoslavia was occupied by Nazi Germany and its allies and the communities of ROCA were seriously limited in their affairs. The Russian emigre community was split: one part of the faithful of ROCA entered various anti-Communist groups — among them the Russian Corps — while others expressed their dislike of the Nazis. The ROCA hierarchy as a whole attempted to stay neutral while trying to participate actively in the religious revival taking place on occupied territory of the USSR. However, German authorities did not allow Russian emigre clergy to return to their homeland. In the fall of 1944, in light of the approach of the Soviet Army, the Synod of Bishops was evacuated to Germany where it remained until the end of the war.

Mikhail V. Shkarovsky is a Doctor of History, Full Professor at St. Petersburg Orthodox Theological Academy, Senior Researcher at the St. Petersburg State Archive.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал публикует научно-исследовательские статьи, материалы научных сессий, конференций, информационные материалы, рецензии и обзоры литературы. Статья должна представлять собой самостоятельное исследование на узкую тему и отвечать критериям актуальности и новизны. Не допускается представление в качестве статьи авторефератов дипломных и кандидатских диссертаций или отдельных глав диссертаций.

Порядок подачи статьи в журнал

Для оформления заявки на публикацию статьи необходимо зарегистрироваться в личном кабинете на официальном сайте журнала по адресу: <http://www.spbpda.info>. После регистрации у автора будет возможность осуществлять через личный кабинет все действия, связанные с процессом публикации: подавать статью в редакцию путем заполнения соответствующих форм он-лайн и загрузки электронного файла; получать информацию о результатах рецензирования статьи и замечаниях рецензента; следить за состоянием статьи, проходящей этапы рецензирования, корректуры, редактуры и верстки. Также через личный кабинет осуществляется постоянная связь с редакцией.

Перед подачей статьи необходимо ознакомиться с требованиями к рукописям, представляемым в журнал, которые можно загрузить с адреса: <http://spbpda.ru/extra/demands.pdf>.

Статья должна иметь следующую структуру:

- *имя автора* — [сан] имя [отчество] (полностью) фамилия;
- *сведения об авторе* — все ученые степени, основные занимаемые в данный момент должности;
- *название статьи*;
- *аннотация* — 3–4 предложения объемом примерно 500 знаков, где изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования;
- *ключевые слова* — 10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных;
- *текст статьи*;
- *библиография* — оформленный в соответствии с библиографическими требованиями список использованной автором литературы;
- *[список иллюстраций]* — приводимый, в случае необходимости, список присылаемых отдельно от текста статьи иллюстраций.

Статьи, не имеющие указанной структуры, автоматически отправляются обратно авторам на доработку.

Санкт-Петербургская
православная духовная академия

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

№ 2–3, 2014

Научно-богословский журнал

ISSN 1814-5574

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ ФС77-39711 от 7 мая 2010 года

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
договор № 476-08/2013 от 07.08.2013 г.

Издание одобрено к распространению в церковных магазинах
Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви.

Свидетельство № 46 от 20 января 2011 года

Издается с 1821 года

Выходит один раз в два месяца

Адрес редакции и издательства:

191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17. Издательство СПбПДА

Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339

Эл. почта: editor@pro-spbda.ru

Секретарь: диакон Петр Филонов

Редакторы-корректоры: О.В. Пржигодзкая, Д.В. Васильева, С.С. Козьяков,
свящ. Алексей Красавин, А. Ковалевич, М. Тарасов, А. Афанасьев

Верстка: диакон Петр Филонов

Верстка осуществлена в издательской системе Х₂Л_АТ_ЕХ

Дизайн обложки: Максим Домасев

В оформлении номера использована картина К.Д. Флавицкого (1830–1866)
«Христианские мученики в Колизее» (1862).

Подписано в печать: 2 июня 2014 г. Дата выхода в свет: 11 июня 2014 г.

Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Nimbus Roman №9 и Linux Libertine.

Объем журнала: 14.1 а.л.

Свободная цена.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Контраст»

192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38.

Заказ № 549. Тираж 250 экз.